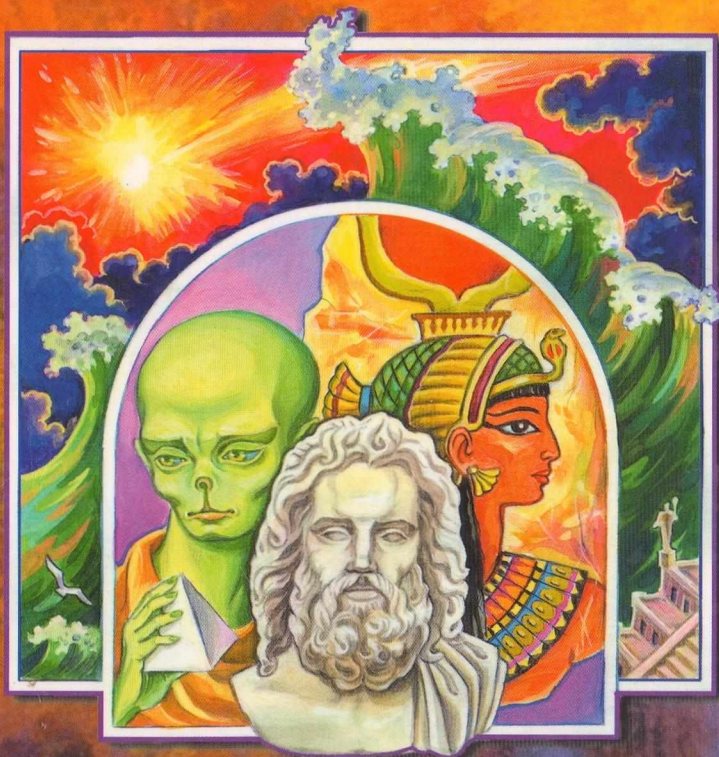

АТЛАНТИДА И ГИПЕРБОРЕЯ

Мифы и факты

АТЛАНТИДА И ГИПЕРБОРЕЯ

Мифы и факты

Москва
2003

ИЗДАТЕЛЬСКО
ТОРГОВЫЙ ДОМ
ГРАНД Файр
пресс

УДК 94.3
ББК 71.0
А92

*Научный редактор
доктор философских наук
В. Н. Демин*

А92 Атлантида и Гиперборея: Мифы и факты /
Ж. С. Байи, В. Н. Демин. — Пер. с фр. А. Гарькаво-
го. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 512 с.: ил.

ISBN 5-8183-0631-3

Эта книга обосновывает и развивает полярную концепцию происхождения мировой цивилизации. В ней представлены два подхода к проблеме. Первый принадлежит выдающемуся астроному и общественному деятелю XVIII века Жану Сильвену Байи, доказывавшему, что легендарный материк Атлантида до своей гибели находился на Севере. Второй — связан с научными изысканиями XX века: его представляет известный исследователь Гипербореи, легендарного северного материка, Валерий Никитич Демин. Оба подхода подводят к единому заключению: Атлантида — это и есть Гиперборея.

Для широкого круга читателей.

УДК 94.3
ББК 71.0

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Демин В. Н., 2003.

© Перевод на русский язык, раздел
«Письма об Атлантиде Платона и
о древней истории Азии», ФАИР-
ПРЕСС, 2003.

ISBN 5-8183-0631-3

© Оформление. ФАИР-ПРЕСС, 2003.

**АТЛАНТИДА
И ГИПЕРБОРЕЯ**

О, Север мой!.. Как красота светла!
Какие мощь и нежность, явь и сказка!
Прозрачен воздух, чистый, как кристалл,
И волны плещутся с неизъяснимой лаской.

Есть в Севере святое волшебство,
Есть в его строгости великое священство.
И, кажется, судьбой нам суждено,
В нем растворясь, почувствовать блаженство.

Светлана Павлова

Предисловие

Все началось с Севера...

От тьмы поставлены сатрапами,
Тиары запрокинув ввысь,
Два полюса, как сфинксы лапами,
В граниты льдистые впились.

Глядят, как россыпью алмазною
Сверкают снежные хребты,
Как стынут тушей безобразною
Средь льдов затертые киты.

И средь сияний электрических
Вращают тусклые зрачки,
Ждут, чтоб до зарослей тропических
Опять низринуть ледники. <...>

Михаил Зенкевич

Книга, которую читатель держит в руках, по-своему уникальна. Хотя бы потому, что впервые на русском языке появляется известный с XVIII в. трактат об Атлантиде, написанный Жаном Сильвеном Байи* (1736–1793) в форме писем к своему другу и оппоненту — Вольтеру, величайшему мыслителю

* Французское написание фамилии *Байи* — *Vailly*, поэтому в русской литературе — научной, справочной, исторической и прочей — оно долгое время фигурировало как *Бальи*. Однако примерно с середины XX в. написание фамилии стабилизировалось и в настоящее время приняло употребляемую здесь форму.

эпохи Просвещения, одно имя которого уже при жизни стало символом несгибаемости человеческого духа и торжества разума над невежеством и мракобесием.

Концепция Байи — одного из крупнейших ученых своего времени — связана с весьма нетривиальной трактовкой истории Атлантиды, которая вызвала крайне недоброжелательное отношение и неприятие со стороны его современников, а позднее и потомков, вплоть до наших дней. Можно наугад открыть любую из современных книг, посвященных Атлантиде (отечественных или переводных), — имени Байи, человека, стоявшего у колыбели атлантологии, там, к сожалению, не обнаружится.

А все потому, что Байи отстаивал (и добавим — убедительно аргументировал) не соответствующую общепринятым взглядам как ученых мужей, так и читающей публики идею: *Атлантиду следует искать* не в Атлантике или Средиземноморье, а *за Полярным кругом, в Северном Ледовитом океане*. Более того, исчезнувший в морской пучине остров (материк), который Платон нарек Атлантидой, либо тождествен, либо тесно сопряжен с другим социокультурным феноменом древнейшей истории, поименованным античными авторами *Гипербореей*.

Само это понятие искусственное: его придумали эллины, дабы как-то обозначить народы, живущие на Крайнем Севере, вот и нашли для всех них одно общее наименование — *гипербореи* (от греч. *hyper* — «над, сверх, по ту сторону» и *Boreas* — «северный ветер», то есть «живущие за северным ветром — Бореем»). Из этого акта наименования северных народов вытекает, кстати, что эллины, сами родом из Гиперборей, к моменту переселения на Балканы начисто забыли и о своем происхождении, и о своей собственной предыстории. Да так, что уже Солон — один из семи мудрецов и основателей

Афинской полисной державы — вынужден был спрашивать египетских жрецов о древнейшей истории Греции (с чего, собственно, и начинается рассказ Платона об Атлантиде). На арктическое расположение Атлантиды—Гипербореи, где царил Золотой век, указывали и другие античные авторы. Здесь же некогда обитали титаны и горгоны, родились многие будущие Олимпийские боги (отчего получали прозвище Гиперборейских), происходили величайшие битвы эллинской предыстории — Титаномахия и Гигантомахия. Здесь, на берегу Ледовитого океана (или Кронидского моря, как оно именовалось в незапамятные времена), располагался таинственный сад Гесперид, их опекун и родной дядя Атлант держал на своих плечах небо, а Зевс приковал к скале непокорного Прометея, и здесь же его освободил Геракл, за что, как сообщает Пиндар, и получил прозвище Гиперборейского (а затем сюда же придет и Персей, чтобы сразиться с горгоной Медузой, и потому получит точно такое же прозвище).

В своем трактате Байи этот вопрос анализирует особенно подробно, с опорой на первоисточники — сочинения античных авторов: Диодора Сицилийского, Аполлодора, Плутарха и других, которых ученый-эрудит читал в подлиннике.

В последующие два века судьба книги Байи оказалась драматичной. Поначалу для европейских просветителей тема Северной прародины была достаточно актуальна и широко обсуждалась в среде ученых и широкой публики. В России, к примеру, по данной проблеме высказывался известный писатель *Василий Васильевич Капнист* (1758—1823). В 1815 г. он опубликовал в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова» изящное эссе под названием «Краткое изыскание о гипербореянах» (см. Приложение 1), где пришел к смелому выводу, что русский народ являлся наследником древней Гипербо-

реи, которая неотделима от Атлантиды (при этом Капнист ссылался и на Байи).

В последующие годы концепция Северной (Полярной) прародины человечества и Атлантиды как культурного очага Арктиды не получила развития. Положение изменилось лишь к концу XIX в., когда ректор Бостонского университета *Уильям Уоррен* опубликовал беспрецедентную по представленному фактическому материалу и сделанным на его основе выводам монографию «Найденный рай на Северном полюсе» (книга выдержала несколько изданий, последнее — 1893 г.), и особенно с начала XX в., когда увидел свет фундаментальный труд индийского ученого *Балгангадхара Тилака* (1856—1920) «Арктическая родина в Ведах» (1-е издание — 1903 г.). С этого времени «северную составляющую» в мировой истории игнорировать было невозможно. Впрочем, атлантологи не слишком торопились пересматривать свои позиции с точки зрения вновь открывшихся фактов.

Одновременно длительные метафизические исследования и дискуссии мыслителей-традиционалистов завершились созданием и обнародованием основополагающего эссе *Рене Генона* (1886—1951) «Атлантида и Гиперборея» (см. Приложение 2), где впервые появилась формулировка «Гиперборейская Атлантида». Не менее конструктивным оказалось сопряжение Гипербореи с описанной в «Географии» Страбона таинственной северной землей Тулэ (другая вокализация — Тула, Фула*), которую пытался

* В греческом языке топоним-символ таинственного и недостижимого Севера пишется через «тэту» и воспроизводится в разных языках по-разному — и как Тулэ (Тула), и как Фуле (Фула). В русском языке принята одновременно и та и другая вокализация. Например, название знаменитой баллады Гете, написанной им еще в 25-летнем возрасте и включенной впоследствии в первую часть «Фауста», переводится сейчас исклю-

достичь античный мореплаватель Пифей. Генон склонен был поддержать мнение других исследователей о том, что следует различать Северную (Полярную) Атлантиду и Южную, находившуюся в Атлантическом океане. Первую он предлагал называть Гипербореической Тулой, а последнюю — Атлантической и соотносить с изначальным местонахождением центра традиции древних тольтеков, основавших в Центральной Америке государство Тулан со столицей, называвшейся изначалью Толлан (Тольян), а ныне Тула.

Настоящее издание трактата Байи с самого начала замышлялось не как мемориальная публикация памятника научной мысли давно прошедшего XVIII в. Основная задача выпуска в свет этого произведения на русском языке виделась в том, чтобы выявить в наработках французского ученого зерна истины о Северной прародине человечества, не потерявшие своей актуальности и в наши дни. В вопросах понимания исходных точек отсчета мировой истории Байи не только опередил свое время, но и во многом предвосхитил более глубокие и фундаментальные выводы Б. Тилака.

чительно как «Фульский король». В немецком же оригинале четко значится «т»: «*Es war ein König in Thule...*» (дословный перевод: «[Жил]-был [один] король в Туле»). В «Фаусте» эту балладу напевает беззаботная Маргарита, еще не ведающая о своей трагической судьбе. Между тем практически во всех переводах «Фауста» (а их на русском языке насчитывается до десяти, включая классические переводы В. Брюсова, Н. Холодковского и Б. Пастернака) Thule передается и как Фуле. Лишь А. Фет (он также перевел обе части «Фауста») поставил в точном соответствии с оригиналом Гете — Туле (через «фиту»), но его перевод не переиздавался с конца XIX в. Одно из названий прародины человечества — Ultima Thule («самый далекий Туле»; иногда переводят — «крайний Туле»): с таким эпитетом утвердилось имя древней северной земли в мировой истории, географии и поэзии. Устойчивое латинское словосочетание, превратившееся в крылатое выражение, введено в оборот Вергилием в «Георгиках» (I, 30).

Одновременно пуоликация трактата ьаии в начале XXI в. позволяет проследить сквозь призму полярной концепции происхождения человечества и развитие самой атлантологии со времени Байи, который в любом случае и независимо от симпатий или антипатий должен считаться одним из пионеров и ярких представителей этой области знания, хотя и не получившей статуса признанной науки. Решение этих задач потребовало, по существу, написания самостоятельного исследования «Атлантида—Гиперборея». При этом наибольший интерес оно могло представлять только в сопряжении с трактатом самого Байи. Поэтому совершенно естественно родилось и оптимальное решение: объединить под общим названием настоящего издания «Атлантида и Гиперборея» два самостоятельных произведения, написанных авторами в разные эпохи, но имеющих сходную точку зрения на вопрос о месте Гиперборейской Атлантиды в истории человечества.

*. * *

Так кто же такой Жан Сильвен Байи, автор «Писем об Атлантиде...»? Сегодня его имя в большей степени известно знатокам истории Великой французской революции (видным деятелем которой он в конце концов оказался), чем специалистам-естествоиспытателям. А между тем в популярном в XIX в. трехтомном труде выдающегося французского ученого и политического деятеля Доменика Франсуа Араго «Биографии знаменитых астрономов, физиков и геометров» — от Гиппарха до Джеймса Уатта, изобретателя паровой машины (издавался на русском языке дважды) — Байи (Бальи) посвящена едва ли не самая обширная статья (см. также Internet). Быть может, достижения XVIII в. в области теоретической и наблюдательной астрономии в сравнении с предыду-

щей и последующими эпохами были более скромными, тем не менее именно Байи принадлежит здесь одно из первых и никем не оспариваемых мест.

Байи родился 15 сентября 1736 г. в Париже в семье хранителя Королевской картинной галереи, а потому детство его прошло в Лувре. Здесь же в самостоятельно устроенной обсерватории Байи стал проводить первые астрономические наблюдения. В дальнейшем он прославился изучением спутников Юпитера и вычислениями орбиты кометы Галлея. Его авторитет в научных кругах Франции был настолько безупречным, что в двадцать семь лет его избрали академиком, в дальнейшем он стал членом еще двух академий (случай сам по себе в истории мировой науки достаточно уникальный, так как такой чести в истории науки удаивались лишь единицы).

Популярность Байи возросла после написания пятитомной «Истории астрономии», но скандальной оказалась публикация первого тома — «Древняя история астрономии от ее начала до основания Александрийской школы». Изучив все доступные сведения, Байи пришел к твердому убеждению, что все наработки древних опираются на еще более давние достижения неизвестного («потерянного») народа, обладавшего высокоразвитым знанием.

Сразу же после выхода в 1775 г. Байи отправил первый том «Истории астрономии» в подарок Вольтеру, вот уже много лет проживавшему больным изгнанником в поместье Фернее, на границе между Францией и Швейцарией. Великий вольнодумец и остролов не замедлил с ответом: «Я много Вам благодарен, потому что, получив в один день Вашу книгу и толстое медицинское рассуждение, я не раскрывал последнего: я прочитал почти всю Вашу «Историю», и здоровье мое поправилось». Тем не менее Вольтер не удержался от нескольких принципиальных замечаний, главное из которых состояло в том, что, по

его мнению, древнее знание принадлежит самим этим древним народам, а не какому-то неизвестному «потерянному» народу (спор велся в основном вокруг не так давно открытых древнеиндийских Вед и астрономических знаний китайцев и индийцев).

Байи не замедлил с ответом и уже в следующем 1777 г. выпустил в свет сочинение под названием «Письма к Вольтеру о происхождении наук, особенно у народов Азии». В них Байи продолжал доказывать, что все современные и древние народы (включая индийцев, китайцев, египтян и халдеев) наследовали астрономические знания от народа, исторически предшествовавшего всем названным. Среди убедительных, с его точки зрения, аргументов был вывод, к которому ученый пришел, изучая **астрономические расчеты древности**: некоторые (и даже — многие) из них, принадлежа южным народам, **соответствовали северным (нередко — полярным) широтам**. Поразительно, но факт: два века спустя к точно такому же выводу пришел и Б. Тилак на основе скрупулезного анализа священных санскритских текстов. Ничего еще не зная о древних ариях — народах, принадлежащих к индоевропейской и прежде всего индоиранской языковой общности (открыта лишь в следующем, XIX в.), Байи, тем не менее, пришел к дерзновенному и абсолютно неприемлемому для его современников выводу: **человеческая история началась не с Юга, а с Севера**.

Северный вектор, по Байи, прослеживается в истории, культуре, языкознании, мифологии, фольклоре, религии. Начало же северной традиции следует искать в Атлантиде. Последняя у большинства ассоциируется с Атлантикой. Однако беспристрастный текстологический анализ сочинений Платона или других античных авторов показывает, что ни в их трудах, ни в дошедших до нас мифах на Атлантический океан нет и намек. Самое большее, что

можно извлечь из этих источников, это упоминание о «морском побережье», но оно может находиться где угодно. Что касается Атланта, то, согласно античным преданиям, и он, и охраняемый им сад Гесперид как раз и находился в крайней точке света. Следовательно, и Атлантида не может быть не чем иным, кроме как полярной территорией.

Свои соображения и выводы Байи изложил в следующей серии из тринадцати писем Вольтеру. Первое из них датировано 16 января 1778 г. (когда автор бесмертного «Кандида» находился в месте своего добровольного изгнания — в Фернее), последнее — 12 мая того же года — чуть более чем за две недели до кончины великого философа (который, почувствовав скорую кончину, еще в феврале вернулся в Париж, где и умер 30 мая, отвергнутый католической церковью). Спустя год Байи издал продолжение своей переписки с Вольтером под названием «Письма об Атлантиде...»: она включала единственное письмо Фернейского мудреца, ответы на поставленные им вопросы и тринадцать писем самого Байи, в коих последовательно развивались и всесторонне обосновывались ранее выдвинутые идеи. Поскольку новое издание органически примыкало к предыдущему, нумерация писем в нем начиналась так: сначала шло четвертое письмо Вольтера с комментариями Байи, затем — письма одного Байи, по нумерации начинавшиеся с одиннадцатого (пусть современного читателя это не смущает!).

Новая публикация Байи вызвала неоднозначную реакцию: мнение ученых было в основном негативным, мнение читающей публики — неоднозначным. Однако вскоре на Францию обрушились такие потрясения, которые отодвинули на задний план какие бы то ни было научные дискуссии. В стране давно уже вызревала революционная ситуация, которая к 1789 г. стала необратимой. Байи и раньше не проходил мимо

острых социальных тем. Так, за три года до революции он подготовил и сделал на заседании академии перед лицом всех присутствующих «бессмертных» (так во все времена именовали французских академиков) доклад о чудовищно неблагоприятном положении в королевских больницах. (Достаточно сказать, что до революции в больницах в одних и тех же помещениях больные с хроническими и инфекционными заболеваниями содержались вместе с сумасшедшими; операции без наркоза проводились на глазах выздоравливающих, на шестерых больных приходилась одна кровать, а смертность превышала любые допустимые нормы: в королевских больницах людей умирало в несколько раз больше, чем излечивалось.)

Волна революционных событий с новой силой захлестнула Байи, более того — он оказался в эпицентре многих из них. Как депутат от третьего сословия ученый был избран в Генеральные штаты, преобразованные вскоре под давлением революционных событий в Национальное собрание. Наступил звездный час Байи-политика. Авторитет и репутация академика были настолько непререкаемы, что именно ему суждено было стать первым председателем революционного парламента Франции, а через день после падения Бастилии — мэром Парижа.

Спустя год Байи был переизбран на эту должность. Его честность на посту мэра соперничала разве что только с Робеспьером, прозванным в народе Неподкупным. Байи не только не получал никакого денежного вознаграждения за свою практически круглосуточную работу, но еще и раздавал все свои сбережения ученого-академика служащим мэрии и голодающим парижанам. Однако пульс революции и изменения в расстановке политических сил Байи улавливал плохо. Умеренный политик и добросердечный человек, он вскоре стал главным объектом критики страстного трибуна революции, Друга народа — Мара-

та. Но настоящая катастрофа разразилась позже. 17 июля 1791 г. Байи как мэр Парижа отдал приказ командующему Национальной гвардией генералу Лафайету открыть огонь по доведенным до отчаяния горожанам, выразившим на Марсовом поле протест против голода и антинародной политики буржуазного правительства. Солдаты стреляли, пока не кончились патроны; горы трупов и реки крови сделали Марсово поле одним из трагических символов последующей мировой революционной истории.

Вся тяжесть ответственности за парижскую бойню легла на плечи Байи. Он оставил должность мэра, попытался вообще отойти от дел и вновь вернуться к научной деятельности, для чего уехал в Бретань. Его друг, великий математик и астроном Лаплас, подыскал изгнаннику более безопасное убежище, но было поздно: якобинцы арестовали ненавистного им Байи и препроводили его в столицу. Суд трибунала был скорым: 10 ноября (брюмера — по революционному календарю) 1793 г. бывший мэр Парижа был приговорен к гильотине и в тот же день казнен. Перед тем как взойти на эшафот, он подвергся издевательствам и надругательствам толпы. Но смерть свою встретил с достоинством, которое во все времена отличало мудрецов и истинных ученых. Когда палач, ослабившись, съязвил: «Ну, что, Байи, дрожишь?», — тот спокойно ответил: «Дрожу, но только от холода...» После неотразимого удара смертоносного лезвия голова академика трех академий (то есть трижды «бессмертного», если расширить традиционное французское понятие) скатилась в большую плетеную корзину и тотчас же, как полагалось в то жуткое время, была продемонстрирована ликующим зевакам...

* * *

Остальное и главное читатель найдет в самой книге Байи, которая не потеряла своей актуальности

ти спустя 225 лет после написания. Как ученый-астроном Байи был первым среди тех, кто попытался отыскать и раскрыть реальные природные корни древних сказаний, связанных с солнечным культом. Так, он совершенно правильно и задолго до других исследователей указал на полярное происхождение *мифа об умирающем и воскресающем боге*. Такие древние божества, как египетский Осирис или сирийский Адонис (перекочевавший впоследствии в греко-римскую мифологию), в далеком прошлом олицетворяли Солнце, которое за Полярным кругом на продолжительное время (зависящее от конкретной географической широты) скрывается за горизонтом, уступая место полярной ночи.

Более того, Байи проницательно рассчитал, что сорокадневный цикл, предшествовавший воскрешению Осириса, соответствует полярному «умиранию и воскрешению» Солнца на широте (северной) 68° . Именно здесь и следует искать прародину египтян с их солнечным культом Осириса. Если взглянуть на современную карту России, то легко определить: 68-я параллель проходит практически по центру Кольского полуострова, через Ямал и Обскую губу, а также обширные территории Западной и Восточной Сибири. Спустя полтора века к аналогичным выводам пришел и Б. Тилак, на основе первоисточников проанализировавший древнеарийский культ Солнца и богини Утренней Зари — Ушас. В «Арктической родине в Ведах» Б. Тилак, великий сын индийского народа, скрупулезно высчитал продолжительность полярных дней и ночей, утренних зорь и сумерек, месяцев и сезонов (как они описываются в священных книгах древних ариев). Современные ученые наложили расчеты Тилака на карту России и также показали, что, скажем, полярные реалии Ригведы и некоторых других древних текстов вполне могут относиться к регионам Мурмана или Ямала.

Тождественность Атлантиды и Гипербореи была для Байи само собой разумеющейся (как, впрочем, и для тех античных авторов, которые касались этого вопроса). Из трудов последних французский просветитель сумел извлечь много неожиданного. Например, он приводит свидетельство античного астронома Гигина о том, что после окончания тяжелой войны с титанами Аполлон спрятал всесокрушающее оружие Олимпийских богов (по меньшей мере свое собственное и Зевсово) в Гиперборее. Или: со ссылкой на Ферекида — одного из семи мудрецов — утверждается, что гиперборейцы происходили из рода титанов, а сама Гиперборея — это и есть легендарная Страна титанов. Следовательно (вывод напрашивается сам собой), события древнейшей эллинской предыстории, включая Титаномахию и Гигантомахию, происходили, по-видимому, в Гиперборее. Что касается ее сопряженности с Атлантидой, то Байи следующим образом подвел итог своим размышлениям и изысканиям: «Атланты, вышедшие с острова в Ледовитом море, определенно есть гиперборейцы — жители некоего острова, о котором столько поврали нам греки <...>».

Невозможно оставить без внимания гипотезу Байи о неуловимых Геракловых столбах, которые вот уже более двух тысяч лет после смерти Платона пытаются отыскать повсюду на карте мира: они совсем не обязательно должны представлять собой какой-то грандиозный ландшафтный памятник, вроде знаменитой скалы на Гибралтаре, но вполне могут оказаться обычными каменными менгирами, которые воздвигали по всей Евразии (начиная с Обской губы) в честь Геракла или самим Гераклом (Байи считал его солнечным божеством). При этом арена метаисторических событий и предыстория древнейших цивилизаций смело и решительно переносятся в Приполярье и Заполярье, где отправ-

ными географическими понятиями становятся реальные Шпицберген и Новая Земля, другие арктические острова (осколки погибшего материка), сибирские реки и евразийские горы. Одновременно Байи, по возможности, пытается установить причины глобального катаклизма, повлекшего за собой резкое изменение климата и, как следствие, массовые миграции древних народов. Байи живо осознавал значение сделанных им открытий, считая их сравнимыми с открытием Ньютонова закона всемирного тяготения, о чем без ложной скромности поведал в последнем письме к Вольтеру.

* * *

Не владея французским языком, я ранее был знаком с концепцией академика-астронома лишь по кратким пересказам (тем не менее всячески ее пропагандируя). Когда рукопись инициированного мной перевода «Писем об Атлантиде...» Байи впервые попала в мои руки, я не мог не подивиться, насколько свежими и точными оказались многие идеи трактата XVIII в. Являясь автором нескольких книг и множества статей, посвященных Гиперборее, я с удовлетворением констатировал, что многие из положений, ранее сформулированных мной вполне самостоятельно, более чем за два века до того детально были проработаны французским ученым, размышлявшим над проблемой Северной прародины человечества.

Чем же актуален Байи сегодня? Прежде всего тем, что он впервые на материалах и достижениях науки своего времени (и, естественно, в терминологии XVIII в.) четко и недвусмысленно сформулировал *полярную концепцию происхождения мировой культуры и цивилизации*. Отсюда же вытекали доказательства *полярного местонахождения Атлантиды (в сопряжении с Гипербореей), этногенетической*

общности древних народов, их культур и моногенеза всех языков мира. Байи в общем верно высказался о *причинах гибели* обеих великих океанических суши, *обусловленных глобальным космопланетарным катаклизмом*, повлекшим за собой Всемирный потоп и катастрофическое похолодание в полярных и приполярных широтах. Следствием этих судьбоносных для истории Земли событий явились *массовые миграции древних народов с Севера на Юг.* К несомненным заслугам французского ученого относится также непреклонное стремление везде и всюду отыскать *материальные корни мифов* и разнообразных мифологических персонажей, а также соответствующих им исторических реалий. (Напомним, что многие из этих идей в зачаточном виде содержались уже в обращенных к Вольтеру «Письмах о происхождении наук...», которые предшествовали «Письмам об Атлантиде...».)

При подготовке к публикации перевода книги Байи было решено (прежде всего в интересах читателя) отказаться от громоздкого подстрочника французского оригинала. Байи обильно и добросовестно ссылается на такие литературные и научные труды своих современников, которые, во-первых, совершенно не доступны современному российскому читателю, а во-вторых, полностью устарели и потеряли свою актуальность. Скажем, во многих из этих работ содержится пересказ или приблизительный перевод древних восточных текстов, включая Веды, Авесту и даже «Шахнаме» великого Фирдоуси. Античных же авторов Байи цитирует по оригиналу, поэтому в большинстве случаев они сохранены и даются в подстрочных примечаниях наряду с переводами латинских крылатых слов или уточняющими комментариями самого Байи. Что касается объединенных сквозной нумерацией и помещенных в конце трактата Байи обстоятельных примечаний, то они выполнены переводчиком, проявившим высшую степень эрудиции и компетенции, и

научным редактором, являющимся также и автором следующего за трактатом Байи исследования «Атлантида—Гиперборея».

В текст перевода трактата Байи в целях лучшего его понимания вставлены отдельные уточняющие слова, не принадлежащие Байи (они заключены в квадратные скобки). Кроме того, некоторые длинные предложения с утомительными наукообразными периодами разбиты (исключительно в интересах читателя) на более простые. Пунктуация также по мере необходимости приведена в соответствие с современными нормами и правилами, и там, где в XVIII в. явно злоупотребляли «точкой с запятой», нередко приходилось жертвовать традициями эпохи, оставляя либо одну точку, либо одну запятую.

Затронутая в настоящем издании и данная в освещении ученого XVIII в. и современного исследователя проблема становится с каждым днем все актуальнее. Из кабинетов ученых и с экспедиционных биваков она уже перекочевала в глобальные разработки аналитиков более широкого профиля. Так, в рекомендациях 2001 г., опубликованных Научно-исследовательским информационно-аналитическим Центром «Стратегия будущего», говорится: **«На историческом приоритете** необходимо обеспечить крушение исторических мифов и воссоздание целостной истории человечества на всю осознаваемую глубину, включая предыдущие человеческие цивилизации: Гиперборея, Атлантида. В результате этого Россия получит исторический фундамент разворачивания стратегии лидерства». Сказано исключительно верно. И будем надеяться, что время это не за горами...

В. Н. Демин

доктор философских наук,
член Союза писателей России

Жан Сильвен Байи

ПИСЬМА ОБ АТЛАНТИДЕ

ПЛАТОНА

И О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АЗИИ,

означенные продолжить письма
о началах наук, которые г-н Байи
направлял г-ну Вольтеру

LETTRES
SUR
L'ATLANTIDE DE PLATON
ET SUR L'ANCIENNE
HISTOIRE DE L'ASIE.

Pour servir de suite aux Lettres sur l'origine des Sciences,
adressées à M. DE VOLTAIRE par M. BAILLY.

NOUVELLE ÉDITION.

A PARIS,
Chez DEBURE, père et fils, Libraires de la Bibliothèque
impériale, rue Serpente, N° 6.

AN XIII. — 1805.

Предуведомление

Сии Письма были написаны до того, как рок отнял у нас великого человека¹; он не был даже о них извещен. Предназначенные ради развития, оценки мнения, которое представляется очевидным, и, возможно, под обличьем парадокса, который таит в себе само зерно истины, они не ставили себе целью переубедить г-на Вольтера (85 лет* не тот возраст, когда переменяют свои взгляды на противоположные). Он всегда был убежден, что брамины², которые научили нас стольким вещам, были прародителями философии и наук; сам же сочинитель полагает, что они служили лишь хранителями знаний. Кончина г-на Вольтера не могла внести каких-либо изменений в сам способ обмена мнениями, принятый в первых Письмах; сочинитель почитает за честь беседовать с г-ном Вольтером. В лести можно заподозрить, лишь когда восхваляют здравствующих. Посему столь радостно воздать должное праху сего великого мужа, не рискуя быть уличенным в корыстных побуждениях.

* Байи округлил возраст Вольтера, который на самом деле не дожил до 85 лет почти полгода. — *Прим. науч. ред.*

Жан Сильвен Байи

ПИСЬМА ОБ АТЛАНТИДЕ И О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АЗИИ

Четвертое письмо г-на Вольтера г-ну Байи

Ферней, февраля 27-го сего, 1777, года

*Tradidit mundum disputationi eorum**

Я не спору с вами, я всего лишь ищущий наставлений. Я старый слепец, который просит вас указать дорогу. Ведь более никто, кроме вас, не сумеет поправить мои представления о брахманах³.

Меня удивляет, что никто из нас, французов, не полюбобытствовал овладеть в Бенаресе⁴ древним священным языком, как поступили г-н Холвелл (Holwell) и г-н Доу (Dow)⁵.

1. Книга *Шаста*⁶, написанная около пяти тысяч лет назад, представляется нам недостаточно величественной, дабы уверовать, что ее создателей отмечал гений и знание.

[Комментарий Байи]

Книга *Шаста* действительно полна мифов (дословно «басен»), но ведь она начинается с той вели-

* Препоручил мир их усмотрению (лат.). — Здесь и далее прим. пер.

кой истины, что Бог непостижим, что человеку не следует вовсе пытаться объять его сущность. Человек, который сотворил Бога по своему подобию, был уже задолго до своего появления там. Сия истина, поскольку она не была явлена в откровении, могла предстать единственно как труд философии и плод глубокой метафизики. (Первые Письма г-ну Вольтеру, с. 75.) В троих божествах индийцев обнаруживается три действия божественной силы, коя породила мир, коя охраняет и коя должна будет разрушить оный. Если сии великие прозрения сопровождают в дальнейшем мифы, то как раз оные и были присовокуплены самими индийцами. И именно это доказывает, что индийцы не отмечены ни гением, ни знанием, и тем самым отвечает на второе возражение.

2. Верно ли, что нынешние брамины не отмечены ни знанием, ни гением?

[Комментарий Байи]

Сверьтесь со с. 88 Первых Писем к г-ну Вольтеру.

3. Если они пришли в упадок под владычеством преемников Тамерлана, не является ли сие природным явлением, которое мы наблюдаем в случае Рима и Греции?

[Комментарий Байи]

Я вовсе не утверждаю, что индийцы пришли в упадок под владычеством Тамерлана, я лишь говорю про эпоху весьма отдаленную. Я утверждаю, что время наложило свой отпечаток на сию эпоху потрясений. Я знаю, что Рим и Грецию постиг невиданный упадок, остались одни величественные сооружения; следы духа и гения того же народа обнаруживаем в том же самом краю; но поскольку люди кочуют по земному шару, поскольку их понуждают переселяться, поскольку новый край лишает их ге-

ния, у них более ничего не остается. Сооружения обретаются на месте прародины оных либо даже разрушаются веками; небо и земля изменяют их дух, вот так народы и идут к упадку.

4. Разве отправлялись бы Зороастр⁷ и Пифагор в столь длительные путешествия к ним ради совета, если бы те не слыли самыми просвещенными людьми?

[Комментарий Байи]

Если Зороастр и советовался с браминами, это, без сомнения, был новый (*moderne*) Зороастр: почитание со стороны как законодателя Зороастра, так и философа Пифагора служит свидетельством того, что брамины слыли просвещенными. Но светоч знания относителен: он может оскудеть, однако в сравнении с человеком, лишенным оно́го, все еще оставаться светоносным.

5. Три бога-заместителя, или под-бога, — Брама [Брахма], Вишну и Рудра: творец, хранитель и разрушитель — не происходят ли от трех Парок?

Clotho colum retinet, Lachesis net, Atropos occat^{*8}.

Не послужила ли война Моисасора и восставших ангелов с Предвечным образцом борьбы [сторукого] Бриарея и других Гигантов⁹ с Юпитером?

[Комментарий Байи]

Вполне возможно, что три бога индийцев ведут происхождение от мифологических Парок. Война Моисасора могла стать образцом для войны Бриарея и других Титанов с Юпитером. Я полагаю, подобно г-ну Вольтеру, что философия и мифы пришли к нам с Востока и Индии. Мы расходимся в том, что он полагает все это возникшим там же;

* Клото держит нить, Лакесис прядет, Атропос боронит (лат.).

я же считаю философию чуждой этой стране и отношению к ней одни мифы.

6. Не следует ли оттого полагать, что сии кудесники изобрели и астрономию, в том чудесном своим климатом краю ввиду значительно большей нужды в астрономии для ведения своих трудов и праздников, нежели нужды в мифах, что они испытывали, дабы управлять людьми?

[Комментарий Байи]

Нужда в вещах побуждает их изобретать: но потребное не всегда оказывается возможным. Больше нужды ощущалось в астрономии для ведения работ, нежели в мифах для управления людьми; но мифы, неизменно зиждущиеся на действительном источнике, суть плод воображения; научные же истины суть плоды трудов, времени и гения. Воображение забавляется до наступления царства разума; взрослый человек, занятый науками, более не предастся забавам своего младенческого возраста. Именно оттого, что индийцы создали сии мифы, они не изобретали и не усовершенствовали астрономии.

7. Коли был иной народ, который обучил Индию, не осталось ли в Бенаресе каких-либо следов сего древнего события? Не упоминали ли об оном господа Холвелл и Доу?

[Комментарий Байи]

В тех краях, где отсутствует книгопечатание, многие события теряются в веках, изглаживаясь из памяти. Записывают то, что считают значимым, все прочее забывается. Иноземный народ мог просветить Индию, не оставив засим никаких свидетельств своего участия; а туземцы в своей гордыне тщатся всяким образом стереть оные. Сколь тешатся люди получаемыми благодеяниями, не упоминая при этом

своих благодетелей! Впрочем, господу Холвелл и Доу жили в Индии, знали ее; однако могли многого не замечать. Иноземец, проведя годы в Париже, так и не проведаёт обо всем, что хранят наши архивы. Помимо сих доводов, которых было бы достаточно для объяснения молчания индийцев касательно древнего их просвещения, я полагаю, что нет надобности отправляться в Индию за поисками таких следов. (Обратитесь к первому из нижеследующих Писем.)

8. Я представляю возможным наставление индийцев со стороны некоего древнего народа. Но не позволительно ли усомниться, раз отсутствуют всякие известия о сем древнем народе?

Вот и почти все сомнения, кои я питаю относительно философии брахманов и кои вынес на ваше усмотрение. Уверяю вас, что вообще не читал о системе г-на де Мерана¹⁰ о внутреннем жару Земли, сравнимом с тем, что создает солнце летом. Я был решительно убежден, что огонь есть везде.

Ignis ubique latet, naturam amplectitur omnem.*

Артишок и спаржа, кои мы отведавляли нынешним годом в январе месяце посреди снега и льда и кои вырастают безо всякого вмешательства хотя бы единого луча солнца и безо всякого рукотворного огня, достаточно убеждают меня, что земля обладает весьма чувствительным собственным жаром. То, что вы повествуете о сем в своем девятом Письме, просветило меня гораздо больше, нежели мой огород.

Обе ваши книги, сударь, суть сокровищницы глубочайших познаний и искуснейших догадок, украшенных воистину блистательным слогом, который приличествует предмету.

* Огонь везде таится, всю природу объемя (лат.).

Я первым делом благодарю вас за ваш последний том. Поверьте, это честь иметь вас своим наставником, ибо мне направлены ваши письма, на коих весь свет может учиться.

Примите признательность и глубочайшее уважение от вашего смиренного и почтенного слуги,

Старый больной из Фернея, В.

*Puer centum annorum**.

[Комментарий Байи]

Вполне позволительно усомниться, коль нет никаких *известий* о сем пропавшем древнем народе. В науках сомнение всегда похвально, ибо оно и есть пробный камень истины. Тем не менее сомнение должно иметь положенные ему пределы; не всякую истину можно представить наподобие истин математических. Род людской многого лишился бы, коль сводился бы опыт к отдельному случаю. Сравненные свидетельства, взвешенные вероятности, сопоставленные друг с другом и уясненные засим сказы — все это воедино подобно лучу может высветить нами искомое. А коль с помощью философии нам открываются истины касательно природы вещей и людей, имеются основания верить и не сомневаться. Нет вовсе нужды ведать имя народа, дабы признать существование и труды его. Азия пока еще полна *сведениями* о сем народе, и оные *сведения* суть сходства среди известных народов; изошренные установления, довольно древние и наблюдаемые на самых первых порах восточных народов, суть *свидетельства* о народе, сотворившем сии установления. Величественные сооружения — плоды трудов племени не поднимающегося, а образовавшегося. Дворец не под силу возвести младенцам.

* Сын века (*лат.*).

Одиннадцатое письмо г-на Байи г-ну Вольтеру

*Изложение предмета сих новых
писем, и первый пример
пропавшего народа*

Писано в Париже, января 16-го сего, 1778, года

Позвольте мне, сударь, возобновить с вами переписку, которая для меня является честью. Мне хотелось бы поделиться с вами своими мыслями. Как бы вы ни были настроены в пользу брахманов, я все же ставлю вас судьей между мудрецами, которыми вполне справедливо восхищаются, и людьми более учеными, но неизвестными, которых вы не желаете признавать. Свидетельствую, что нелегко проявлять любопытство к тем народам, о коих ничего не ведомо. Мы всегда во власти чувств. Вы беседовали с мудрецами, что наставляли Пифагора, вы взирали на них очами сего философа, вы читали их книги; восхищаясь их мудростью, вы прониклись уважением и любовью к тем, кто ее исповедует; вам должно быть неприятно, чтобы их сменили учителя, потерянные во мраке древности, забытые из-за людской неблагодарности, чьи имена и чуть ли не самую память об оных изгладило вре-

мя. Ведь, читая историю, сходятся, обретают друзья. Человеку столь потребно жить с ему подобными, иметь привязанности среди оных, что никакая неустроенность бытия не устраняет сего интереса: затворничество и тишина кабинета вовсе не мешают вспыхнуть страстям от одного только чтения книг; он окружает себя персонажами, о чьих именах и деяниях там повествуется; он живет, пленяется ими. Полюбив Велизария¹¹, начинает ненавидеть его недругов. Великие почести и милости императора прибавляют ему еще больше поклонников: уединившись с книгой в руке, я восхищаюсь славой его деяний, совершенных восемнадцать веков назад; я забываю, что он желал упразднить республику, господствовать в своем отечестве, и мне тяжело от казни, на кою оное его обрекло.

Однако неудивительно, сударь, что вы возлюбили древних браминов. Ваша к ним привязанность вызвана мудростью и знанием оных. Но ваши брамины столь юны в сравнении с их древними наставниками. Сия древность делает более почитаемыми старых друзей, коих я себе выбрал. Дружба наряду с тем, что она предстает влечением сердца, есть чувство уважения, и уважение возрастает ввиду старости. Мне мнятся сии первые философы с величественной статью, их голова убелена сединами — насаждающими чистые нравы, ведущими скромную жизнь в Золотой век, когда просвещение касалось единственно предметов полезных, нужд нравственных и здоровья людского и когда испорченность совершенно не тронула обычаи, извращая благодеяния духа.

Изучая историю астрономии, я обнаружил, что времена до Гиппарха и Птолемея¹² подарили нам великие, но обособленные истины, кои возвышались над общим невежеством, словно деревья, что остались стоять на месте поваленных лесов. Так без-

жалостно прошлось своей косой по ним время: в своей жатве оно губило без выбора и миловало с безразличием. Я должен был собрать то, что ускользнуло от его разрушения; мне открылось, что сии останки принадлежат к глыбе разрушенных и уцелевших в виде обломков знаний. Эта глыба, собранная воедино, позволяет быть более высокого мнения касательно первоначального состояния знаний. Я привел доказательства сему в «Истории древней астрономии», и мне удалось умножить их в «Истории новой астрономии», которую я незамедлительно обнародую. Я увидел, что сии знания вовсе не являются плодом трудов существующих народов, известных в Азии, и что, несмотря на древность индийцев, следует отнести сии чудные открытия к народу предшествующему и более искусному.

Но вы мне говорите: *«Ежели Индию просветил чужеземный народ, не осталось ли в Бенаресе хоть каких-то следов сего старого события? Ведь г-н Холвелл никак об оном не обмолвился»*. Засим вы добавляете: *«Если возможно просвещение индийцев неким древним народом, не позволительно ли в этом усомниться, раз нет об оном никаких известий?»* Итак, необходимо дополнить доказательства, предложенные свету и вам, сударь: следует предоставить известия о сем древнем, пропавшем народе. Я мог бы, отвечая вам, сослаться на авторитет одного великого философа: и это ваш авторитет. *«Возможно, — говорите вы, — что задолго до китайской и индийской держав существовали просвещенные народы, коих затем потоки дикарей низвергли в пучину первого состояния невежества и грубости, которое называют чисто природным состоянием»** Но это более не вопрос возможностей; за сей общей философской

* «Опыт об общей истории» (Essai sur l'Historie generale), автор г-н Вольтер. Предисловие, с. 9.

мыслью у вас последовала мысль более глубокая. Я не буду говорить вам более ни о тех сходствах, что требуют сродства людей, ни об иносказаниях, столь хорошо разъясненных г-ном Жебеленом¹³, придающих всем трудам древности единый дух и единый облик. Мы не учитываем вовсе схожесть обычаев, установлений. Сии великие открытия, которые, похоже, совокупно выступают у того же самого народа либо, по крайней мере, у народов родственных, открытия, кои оставляют долгую память по себе и кои заявляют о веке-прародителе, после которого все последующие века суть его подражания. Сия память была отмечена г-ном Бюффеном¹⁴.

Поэмы Гомера издавна поставляют сюжеты для наших трагедий; подобное пристрастие показывает, какова власть над душами великого гения и по прошествии трех тысячелетий и сколь властвует еще его воображение над воображением поэтов*.

Вплоть до блистательного века Людовика XIV, последним великим порождением коего вы являетесь, мы подражали даже в науках прекрасным векам Греции и Рима. Более постоянная Азия, ныне лишенная гения и духа изобретательства, сохраняет свой древний облик, и она все еще подражает забытому прекрасному веку, память о котором я хочу освежить.

Я предлагаю привести здесь для вас лишь исторические свидетельства. Мы обозрим с вами Азию и заодно весь обширный древний мир. Надеюсь, что природа самих доказательств не затруднит вашего понимания. Я могу показать вам все лишь сквозь завесу времени, ибо не в моих силах откинуть сам полог: летописей сего народа более не существует, древние названия утеряны. Таков злой рок, что тяготеет над всеми знатными и древними родами. Сви-

* См. ответ г-на Бюффона на благодарственную речь маршала де Дюраса при приеме во французскую Академию¹⁵.

детельства историков стерлись, цепь традиции теряется в опустошениях, что произвела война, и в веках невежества, кои суть опустошения времени. Но остается некое смутное представление, некие события, отпечатавшиеся в памяти, и ее незабываемость свидетельствует о значимости и истине былого. Долгая память, память людей кое-что значит: я высоко ставлю сии древние предания, бережно хранимые чредой поколений. К историческим преданиям мы и обратимся за советом. Мы легко распознаем добавления обманчивого воображения, мы отбросим то, что будет расходиться с очевидностью и природой: остальное будет истиной, и мы признаем оную, покуда пятнадцать веков, кои служили ее залогом, не воспротивятся и не выступят против нас.

Вполне может случиться, что о принесшем просвещение чужеземном народе не осталось никаких следов, прежде всего, у народа, который безмолвствует, ничего не записывая. Наставники умирают, ученики же оказываются неблагодарными: примерами забвения совершенных благодеяний пестрит история всякой страны и всего рода людского. То, что происходит в века невежества, в точности похоже на то, что делается тайком: все здесь совершается без свидетелей. И когда занимается свет, просветившиеся не имеют никакого представления о том, что же предшествовало открывшейся ясности. Но я поступил бы несправедливо в данном случае, говоря, будто в Индии не осталось никаких следов сего великого события. Сии следы слишком отчетливы, чтобы их не заметить. До нас дошел чудный памятник от чужеземных учителей, в виде привитой философии и наставлений, воспринятых в Индии без какого-либо последующего развития оных. Это — санскрит, тот ученый язык, что был оставлен теми, кто говорил на нем с народом, который

его более не разумеет. Ученые мужи проводят свою жизнь за изучением его в словарях, но не владеют им, ибо, с одной стороны, сохранившихся трудов крайне мало и пишется там о материях отвлеченных, а с другой, сами ученые еще крайне невежественны. Какое более убедительное доказательство можно еще предъявить такому философу, как вы, сударь? Мертвый язык предполагает погибший народ. Сие есть незыблемая истина. Засим, не беря в расчет памятников астрономии, не говоря уж об общем духе древних установлений, кои громогласно свидетельствуют о давнишнем народе, санскрит есть памятник его существования и сохранившийся след пребывания оного в Индии.

Вы спрашиваете меня, почему сей потерянный народ не сохранился в памяти людской, почему его имя забылось? Я мог бы отослать вас к тому беспощадному старцу, пожирающему собственных детей, к [Крон(ос)у] — Времени, все действия коего разрушительны¹⁶.

Я мог бы попросить вас полюбопытствовать у оного, дабы он раскрыл вам свои бездны, в коих, подобно морской пучине, заключены столькие сокровища.

Но история прошлого не поглощена целиком своими безднами; у нас довольно много свидетельств, дабы без нужды не испытывать подобных сомнений. После демонстрации вам памятников существования сего народа вы просите предоставить вам новые: необходимо вызвать и выслушать свидетелей; вот мы их и спросим. Первым будет Платон. Он¹⁷ советовался с египетскими мудрецами; именно они наставляли греков его устами. «Прекраснейший и наилучший род людей, — говорят они, — жил некогда в вашей стране. Ты сам и весь твой город происходите от малого семени, оставленного этим родом, но вы ничего о нем не ведаете <...> Ведь, по

свидетельству наших записей, государство ваше положило предел дерзости несметных воинских сил, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря»*.

Вот он, древний род людей, почти целиком уничтоженный, ибо Платон не скрывает от греков, что они являются лишь малым семенем оного. Однако, сударь, нам следует остерегаться [многозначности] выражений сочинителей-философов. В их повествованиях, изображениях каждый штрих, каждый цветовой оттенок несет некую мысль. Когда Платон говорит о прекраснейшем роде людей, когда-либо жившем, он подразумевает под словом «прекраснейший» род просвещенный и ученый; представляя его как «наилучший», он имеет в виду, что оный отличали благородные нравы и законы. Без учета образности сих выражений красота означала бы соразмерную чертами и цветущую натуру, а совершенство — сильную и могучую натуру. Но мы внимаем поэту-философу, и красота у оного есть наставление, а совершенство — добродетель. Платон посему говорил о народе давнишнем, ученом, цивилизованном, но погибшем и забытом, говорил афинянам, народу остроумному, ветреному, приятному, схожему во всем с нами, французами, коим я, подобно ему, осмелился поведать о том же самом народе.

Но сказанное не все. Платон приводит нам не один народ. Тому, о коем мы говорили ранее и который оборонялся, он противопоставляет народ, державший путь от Атлантического моря, отправившись дерзновенно на завоевание Европы и Азии. Сия история из неведомых времен; те же самые черты отыщутся в современной истории среди неизменно

* Платон. Тимей.

схожих деяний людей сильных и слабых, при несправедливом нападении, законной и благословенной защите родной земли и посреди любого нашествия, являющегося выражением силы. Вторжение атлантов оказалось огромным событием: такое нашествие на Европу и Азию не могло обойтись без потрясения всего земного шара. Захватчики, законные в латы, крушат все на пути, и вздымающаяся вслед за ними пыль покрывает все, что оные оставляют за собой; все заканчивается и возобновляется вместе с ними. Не пожелаем никогда подобных переворотов; пожалеем наших отцов за все то, что они вынесли. В вещественной и нравственной природе благо нисходит с неба на нас медленно, понемногу, я бы сказал, капля за каплей; но все, что внезапно, мгновенно, все, что приводит к перевороту, есть источник зла. Потоки вод, огня и людей в состоянии лишь опустошить землю. Зло сего переворота как раз и повергло во мрак времена более древние. Завоевание, что все возмутило вокруг, положило преграду в виде бескрайней пустоши между народами, о которых повествует нам Платон, и народами, известными из истории. Вести отсчет стали с новых установлений; все остальное исчезло.

Но то, что предшествовало сей эпохе, весьма занимательно. Мы открываем пропавшие народы вроде того, с коим я вас познакомил. Если науки доказали нам необходимость бытия погибшего народа, история предоставит нам примеры. Народ атлантов, как и сопротивлявшийся ему народ, потерялись во времени; неведомо, к коим векам их следует причислять; они исчезли в пространстве, ибо исчезла сама Атлантида. Говорят, что оную поглотила морская пучина, что для нас равносильно похищению колыбели самих народов.

Но наряду с сообщением об их существовании Платон показывает нам великое нашествие, что

привело к утрате искусств, наук и плодов просвещения. Сие событие заслуживает нашего пристального внимания; возможно, оно заключает в себе те разъяснения, о коих вы просите. Раз мы хотим вернуться вспять, к временам дикости, и отыскать точку случившегося разрушения, о чем свидетельствуют многие останки, которые находят в древнем мире, нам не следует пренебрегать сим выдающимся родом, который оставил лишь малое семя, и воинственным народом, вторгшимся во все пределы. Я прошу вашего дозволения представить вашему взору рассказ Платона, дабы сравнить деяния, им сообщаемые касательно истории и преданий народов. Истина познается сопоставлением свидетельств. Я вовсе не думаю, что вы не сведущи в истории и философии; но не следует ли мне напомнить вам все те вещи, из коих я намереваюсь составить для вас некую картину? Она не была бы полной и не отличалась бы связностью, упусти я отдельные части. Я предстану тяжущейся стороной перед вами; я сошлюсь на уважаемые и известные авторитеты и в поисках света вынесу на ваш суд лишь сами выводы.

С почтением и прочее

Двенадцатое письмо г-ну Вольтеру

Упоминание об Атлантиде: она не есть миф

Писано в Париже, февраля 28-го сего, 1778, года

Как вам известно, сударь, история острова Атлантида поведена в двух диалогах, один из коих именуется «Тимей», а другой — «Критий». Платон, их сочинитель, начинает с сообщения предания о былых деяниях. Будучи еще ребенком, Платон слушал своего деда Крития, девяностолетнего старца, которого в юности равным образом наставлял Солон, друг его отца Дропида. Солон, законодатель Афин и один из семи мудрецов Греции. Посему невозможно указать источник более досточтимый, предание, лучше сохранившееся и более заслуживающее доверия. К тому же некто иной, как философ передал нам наставления египетских жрецов.

Один из жрецов, образованных мудростью древних, наставленных по памяти либо по ученым скрижалям, хранителями коих они были, поведал Солону, как некогда афиняне положили предел дерзости несметных воинских сил, державших путь от Атлантического моря, и отличились великими де-

лами, со временем канувшими в Лету. Вы, сударь, не менее меня жаждете уверовать в сии древние деяния афинян. Во времена Гомера и разграбления Трои они были еще вполне дикарями; предшествовавшие героические века были лишь веками грубости и разбоя, выше всякого правдоподобия. Ибо во времена более отдаленные афиняне, будучи еще менее цивилизованными, менее сплоченными и опричь всего менее могущественными, оказались способны на подобные свершения. Сие великое и славное противление нашествию, впрочем, оставило бы долгую память. Надо полагать, что Платон сообразовывался здесь с неким почитаемым преданием, кое возводит афинян к прославленному народу, как Вергилий возводил римлян к Энею и Трое и как домогались отыскать для нас азиатские истоки в том же прославленном граде, невзирая на его падение, за его длительную стойкость в отражении греческих сил. Платон хотел привлечь к себе внимание сего жадного до славы народа. Прежде всего, у него была нужда польстить оному, приукрашивая горькую истину.

«Ах, Солон, Солон! — молвил египетский мудрец. — Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца! <...> Все вы юны умом, ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени <...> Между тем древность наших городских установлений определяется по священным записям в восемь тысяч лет. Итак, девять тысяч лет назад жили эти твои сограждане, о чьих законах и чьем величайшем подвиге мне предстоит вкратце тебе рассказать».

Не будем останавливаться на тех восьми и девяти тысячах лет, кои, несомненно, не являются годами по солнечному календарю. Но вот что важно отметить для понимания сего места, так это послед-

ствия переселения народов. Они вызываются причинами двух свойств: из-за нашествий и завоеваний или из-за перемены местопребывания. То ли необходимость вынудила покинуть поселения, то ли целый народ тронулся с обжитых мест в поисках лучшей доли. Нашествие, завоевание являли собой пожирающий огонь для народа, что решил утвердиться на уничтоженных землях: люди, неизменно вооруженные мечом, не приносили ни книг, ни преданий. Они мало беспокоились о знании прошлого; их больше занимала своя будущность, нежели то, кем они были. Лишь смягчившись на почве более богатой и плодоносной, они приходили к мысли сохранить память о деяниях и летах. Всякий родитель поведывал о собственной жизни чадам своим, и из сих последовательных рассказов воссоздавалась жизнь всего народа либо история его века. Но стоит народу целиком сняться с мест, и в сей мирный поход он берет с собой все — свои установления, свои познания, память о великих деяниях прошлого и воспоминания о своих предках. История его первого состояния неизменно предшествует истории идущего вслед. С течением лет предания искажаются ввиду почтенного возраста оных; время все спутывает, и обе истории сливаются в одну. Вот как события, правдивые сами по себе, становятся ложными относительно тех мест, где, как предполагается, они имели место. Сие наблюдение может значительно развеять покрывающий историю мрак. Свыкнемся с мыслью, что героические времена Греции, в кои она прославилась, не принадлежат ей, а принадлежат к первой истории народа, что пришел туда жить. Возможно, мы отыщем те края, где появились столь прославленные имена. В истории, которая нас нынче занимает, для сего случая имеется показательный пример. Египетский жрец заявляет, что он говорит согласно запи-

сям, хранимым в Саисе, в Нижнем Египте: сии события восьми-девяти тысячелетий преподносятся как события той же страны; а между тем оный начинает свой рассказ с истории острова Атлантида, который определенно находился не в Египте. Сие соединение событий чужеземных и событий, относящихся к Египту, служит засим речательством тому, что я собираюсь установить. И одновременно сие служит прямым указанием на то, что египтяне вели свое происхождение от сего острова, о котором Платон сохранил нам память и который он прославил.

Платон, или скорее египетский жрец, продолжает свое повествование: «По свидетельству наших записей, государство ваше положило предел дерзости несметных воинских сил, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря. Через море это в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми (Геркулесовыми) столбами. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые».

Вся сия география, сударь, может дать много пищи для ума, но здесь недосуг этим заниматься: не будем прерывать Платона.

«На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова, на часть материка, а сверх того по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении. И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива. Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы: всех

превосходя твердостью духа и опытностью в военном деле, оно сначала встало во главе эллинов, но из-за измены союзников оказалось предоставленным самому себе, в одиночестве встретилось с крайними опасностями и все же одолело завоевателей и получило победные трофеи. Тех, кто еще не был поработан, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, сколько ни обитало нас по эту сторону Геракловых столбов, оно великодушно сделало свободными. Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки все ваши воины были поглощены разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину. После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров».

К тому же самому предмету, но более обстоятельно, возвращается Платон в своем диалоге под названием «Критий». Он даже отступает значительно дальше, вплоть до той точки, когда, по его разумению, боги по жребию разделили всю землю для ее возделывания и облагораживания. Остров Атлантида получил в удел Нептун. Там на невысокой горе жил один из мужей, по имени Евенор, и с ним жена Левкиппа. Оные в самом начале были произведены там на свет землю, как всегда полагали древние о тех, происхождение коих было им неизвестно. Их единственная дочь звалась Клейто; Посейдон, воспылав страстью, соединяется с ней. Его потомство было многочисленным; он произвел на свет пять раз по чете близнецов мужского пола. Посему он поделил свои владения на десять частей в удел каждому. Старший назывался Атлас¹⁸, и потом сие имя перешло на весь остров. Он получил в удел середину острова и невысокую гору, где жили

его прашуры, и мы можем заключить, сударь, безо всякого надуманного предположения, что гора получила имя подобно острову и стала называться Атласом.

От Атланта произошел особо многочисленный и почитаемый род, в коем старейший всегда был царем и передавал царский сан старшему из своих сыновей, из поколения в поколение сохраняя власть в роду. И они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще. Остров в изобилии поставлял все потребное для жизни. Он был богат металлами, твердыми и плавкими*. Прежде всего, он давал самородный орихалк, металл, который уже во времена Платона был известен лишь по названию; но по ценности своей уступал тогда только золоту. Лес в изобилии доставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных. Даже слонов на острове водилось великое множество. Я ограничиваю в представлении вам, сударь, те дары острова, кои Платон величает прекрасными, изумительными и величавыми, как и подробности великолепия его царей. Мы уже отмечали, что дела минувшие и ставшие древностями память облагораживает, а предание придает им величественность. Итак, я не стану много распространяться о царском дворце, покрытом золотом храме Нептуна, где своды были выложены слоновой костью, а пол мощен серебром и орихалком. Там высились золотые изваяния: сам бог на колеснице, правящий шестью крылатыми конями и головой достающий до потолка, вокруг него — сто Нереид на дельфинах. Снаружи вокруг храма стояли изображения всех тех, кто произошел от Атланта и его братьев. Еги-

* Все металлы плавкие. Надо полагать, что плавкими металлами Платон хотел обозначить живое серебро [сиречь ртуть].

петские жрецы, заботившиеся о сохранении древних обычаев, также показывали Геродоту изваяния 341 царя, кои правили у них. Более я не стану рассказывать вам о мостах, протоках, купальнях, гимназиях, ипподроме, которые возвели роскошь и предприимчивость сих народов ради удобства и потребностей жизни. Достаточно указать на сии сооружения и сии общественные здания, дабы представить перед вами народ могущественный и цивилизованный. Мы же перейдем к описанию самого острова. Его вид являл собой продолговатый четырехугольник; в длину три тысячи стадиев¹⁹, а в направлении от моря к середине — две тысячи.

Вся эта часть острова была обращена к южному ветру, а с севера закрыта горами. Платон добавляет, что сии горы по множеству, величине и красоте превосходили все нынешние: там было большое количество многолюдных селений, были реки, озера и луга. Такова была упомянутая равнина от природы, а над устройством ее потрудились много [царей] на протяжении многих поколений. Коль мы пожелаем бросить взор на управление и на нравы, то Платон поведаст нам, что каждый из десяти царей в своей области и в своем государстве имел власть над людьми и над большей частью законов. Сие сообщество царств, весьма схожее с управлением Амфикионон²⁰ в Греции, было устроено сообразно с Нептуновыми предписаниями, как велел закон, записанный первыми царями на орихалковой стеле, которая стояла в средоточии острова — внутри храма Нептуна. В этом храме они собирались то на пятый, то на шестой год, попеременно отмеривая то четное, то нечетное число, чтобы совещаться об общих заботах, разбирать, не допустил ли кто-нибудь из них какого-либо нарушения, и творить суд. Перед тем как приступить к суду,

они всякий раз приносили друг другу торжественную присягу. Оставшись одни и вознесши богу молитву, они закалывали быка, разводили в чаше вино и бросали в него каждый по сгустку бычьей крови. После этого, зачерпнув из чаши влагу золотыми фиалами и сотворив над огнем возлияние, они приносили клятву, что будут чинить суд по записанным на стеле законам и карать того, кто уже в чем-либо преступил закон. Поклявшись такой клятвой за себя самого и за весь род своих потомков, каждый из них пил, и они удалялись, защитив человеческую слабость соблюдением клятвы. Сии люди издавна слыли благочестивыми и мудрыми, они повиновались закону, их умы посещали лишь правдивые и возвышенные мысли, и они постоянно были готовы к превратностям судьбы. Презирая все, помимо добродетели, они полагали мирские вещи пустыми, богатство бременем; услады не смущали их ум. Они были весьма благоразумны, достаточно счастливы, дабы ведать, что трезвость, общее согласие в соединении с добродетелью составляют истинную радость и тогда пополняются богатства, тогда как при домогательстве оных, приписывании им значимости, те, похоже, оскудевают, обесцениваются, и обычно поклонники сих тленных вещей сами обращаются в прах подобно им. Такова картина сего народа, кою щедро изобразил нам Платон, и коя, несомненно, расцвечена и облагорожена палитрой его красноречия.

Но ближе к развязке истории вслед за оратором появляется моралист. Сии кроткие и чистые нравы, сии счастливые привычки атлантов не удержались долго. Несмотря на преграду, что возвела мудрость древних, человеку суждено сбиться с пути, пасть, ибо возобладал человеческий нрав. Атланты посчитали, что станут еще счастливее, присвоив непра-

ведные богатства. Они посчитали, что станут величественнее, обретя еще большую мощь; жажда роскоши и власти подтолкнула оных к ограблению народов, покорению соседних областей, и они разошлись по земле в своем желании найти отдохновение и благополучие, кои человек отыскивает с большой вероятностью среди полей, что обрабатывает покойно, и рядом с очагом своих отцов. И вот Юпитер, блюститель нравов и охранитель законов, видящий все, помыслил о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару. Поэтому он созвал всех богов в славнейшую из их обителей, утвержденную в средоточии мира, из коей можно лицезреть все причастное рождению.

На этом обрывается сочинение Платона. Но видно, что философ, желая повернуть повествование в пользу людей, собирался поведать о погружении острова Атлантиды, гибели его жителей и представить произошедшее в виде кары. Божественное возмездие настигло обиталище, откуда на несчастье всего мира хлынуло столько грабителей и ненасытных в своей жажде наживы завоевателей. Они явились подобно язвам земным, и бедствия небесные поглотили остров, который изверг сии беды.

Можно сказать, сударь, что Платон в своей божественной прозе был поэтом. Поэмы часто оказываются романом, [ибо] поэзия питается вымыслом. Вы обвините меня, что сей народ, его нравы, его деяния и его завоевания суть плоды блистательного, склонного к нравоучению воображения Платона. Возражение принято — настал черед ответить. Большинство поэм, преподносимых как исторические, действительно черпают свои темы из истории: если «Энеида» Вергилия являет собой лестную выдумку ради прославления происхождения римлян, если некоторые скептики осмелились сомневаться

в действительности осады Трои и правдивости содержания «Илиады», я тогда призываю в свидетели поэму французов, «Генриаду»²¹, где история уцелела посреди прикрас вымысла. Удалите прикрасы, и вы обнаружите голую правду: украшение оной есть творение поэтов. Гомер, вы сами, сударь, оба столь хорошо узнавшие людей, одеваете оную правду не ради благопристойности, но дабы явить ее взорам привлекательную и неотразимую; сие есть Красота, коей вы отдали пояс Венеры²².

Несомненно, Платон хотел заслужить благосклонность читателей своим рассказом об атлантах, но он пошел дальше, ибо хотел еще их и наставлять. Больше моралист, нежели поэт, он обрисовал нам любезно их чистые нравы, падение оных и последовавшую кару. Но вполне очевидно, что нравоучение здесь всего лишь побочная принадлежность. Перед нами историк, изображающий великое бедствие и извлекающий из оногo великий урок. Он говорит о добродетели атлантов, однако покончивших с ней, дабы тем самым показать глубину их падения и оправдать небесную кару. Если бы главным предметом было нравоучение, он тогда более подробно описал бы чистые нравы, каким предлагает следовать, он бы не терял время на столь странное изображение величины, положения острова, его плодородия, его сокровищ, великолепия дворцов и храмов. Все должно было предстать соразмерным на небольшом полотне: сии описания довольно длинны для столь короткого повествования. Платон достаточно хорошо разбирался в художественной композиции, чтобы помещать свой сюжет в уголок картины, давая простор одним вспомогательным деталям.

Платон не только не придумал само существо происходящего, но и сами детали не являются его [вымышленным] творением. Он оставил на них пе-

чать правды; и он наложил бы на них свой отпечаток, ежели бы сие было ложью. Платон повествует, что десять царей собирались в храме Нептуна либо на пятый, либо на шестой год, попеременно отмеривая то четное, то нечетное число. Если бы Платон придумал сей народ или, по меньшей мере, образ их мыслей и их нравы, дабы предъявлять оный в качестве образца, [то он обязательно подогнал бы изложение под собственный идеал. Ибо] Платон строил мир на основе пяти правильных геометрических фигур, в своих метафизических рассуждениях клал число «три» в основу божественного совершенства и рода людского, не преминул бы наделить придуманный им народ своими собственными мыслями и не высмеивал бы неизменно преклоняющуюся пред нечетными числами древность, придавая атлантам сие безразличие к мистическим числам. Писатели подобно живописцам имеют въевшиеся умственные привычки, коими отмечен их стиль и кои выдают их творения. Вам знаком Бассано: коль на картине нет собаки, значит, она не принадлежит кисти Бассано²³.

Повествование Платона, как вы видите, сударь, имеет все признаки правдивости. Это не вымысел ради развлечения и наставления своих читателей. Вот доказательство того, что Платон передал, а не выдумал: Гомер, бывший за шесть веков до него, Гомер, сведущий в географии и иноземных нравах, в «Одиссее» говорит об атлантах, об их острове²⁴.

Само же предание старше певца Улисса; оно послужило основой для вымыслов в его поэме, ибо легко бывает приукрасить мало известные события, да к тому же само предание было удаленным и во времени и в пространстве. Имя Атлант или народа атлантов встречалось у всех писателей древности: Диодора Сицилийского, Страбона, Плиния, Солона, Еврипида и прочих.

Поэт и философ не придумал сии имена; а поскольку имена предполагают вещи, сие указывает на древнее существование самого народа. И не скажешь, что сии писатели суть подражатели философа, ибо те сообщают нам подробности, коих не отыщется в его диалогах. Стало быть, там содержится историческое зерно или отголосок предания. Стало быть, имелись подлинные источники, к коим сии сочинители обращались подобно Платону. Диодор Сицилийский и древний Санхониатон²⁵ сохранили нам родословные и деяния героев атлантов; я приведу вам некоторые выдержки из их рассказов. Мне необходимо опереться на их свидетельства вкупе с показаниями Платона. Ведь речь идет, как вы помните, сударь, о древнем роде людском, о нашествии его на землю, о великом потрясении, кое все порушило и все переменяло. Я должен умножить доказательства, дабы ярче высветить истину; я должен воссоединить детали, кои выкажут обстоятельства сего знаменательного события. Платон описал нам остров Атлантиду; Диодор Сицилийский повествует нам о людях, которые там обитали, людях, что ушли оттуда. История более отдаленных времен утеряна не целиком; она сохранилась, но в разрозненном виде, у разных писателей. Если мы отважимся отыскать и объединить сии куски, история прошлого, возможно, возродится в наших руках.

С почтением и прочее

Тринадцатое письмо г-ну Вольтеру

Подтверждение существования народа Атлантиды; гревность и величие сего народа

Писано в Париже, марта 2-го сего, 1778, года

«Атланты, — повествует Диодор Сицилийский, — населяют край приморский, весьма плодородный. Они разнятся от всех своих соседей истовым поклонением своим богам и своим гостеприимством. Они утверждают, что именно у них родились боги; и самый известный из всех греческих поэтов, похоже, свидетельствует об этом, ибо устами Юноны говорит:

Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,

Видеть бессмертных отца Океана и мать Тетфису²⁶»*.

Вот каким образом, сударь, выводит историк атлантов на сцену. Вы не отыщете ни единого указания места их обитания, лишь упоминание о том,

* Гомер. Илиада. Кн. XIV. Стихи 301–302. [Перевод Н. Гнедича.]

что оное находилось на берегу моря. Не понадобится ли нам в их поисках обойти все материки? Что до остального, его рассказ согласуется с поведанным Платоном. У обоих говорится о крае приморском, весьма плодородном, а его обитатели служат примером благочестия. Я обращаю внимание на подробности, коих нет у Платона. Первым царем Атлантиды был Уран. Он вывел людей из дикости и собрал в городах. Его владения охватывали почти всю землю, но, прежде всего, западную и северную часть. Он обучал искусствам, естественно, самым простым, но, согласно Диодору, наиболее глубокими и вместе с тем плодотворными были его познания в астрономии. Он славился своими предсказаниями: он предвидел будущее, с коим связаны чаяния людей, но которое закрыто для оных. Все веруют в его сверхъестественную природу, ему воздают божественные почести. Он читает по звездам; его именем величают [Небо —] возвышенную часть Вселенной, где длань божья их посеяла, и его же нарекли вечным владыкой всего сущего²⁷. Вот так был обожествлен первый человек; вот откуда пошло идолопоклонство. Людские добродетели, благо, которое люди хотели творить, возможно, посему имели пагубные последствия, ибо бескорыстность благодеяний, признательность за оные породили на сей раз злоупотребление благочестием. Я уже отмечал, что сие первоначальное поклонение оставило свои следы. Китайцев, почитающих Тянь, иначе Небо, сямцев, поклоняющихся *Вечному небу* под именем *Sommona-Kodom* [Тхен Факхын^{28?}], похоже, наставляли атланты, так что те чтят Урана, помещенного на Небо под соответствующим именем.

Уран, занимаясь небесными заботами, вовсе не упускал из виду происходящее внизу. Он оказался весьма плодовит; имел сорок пять чад от многих жен: одна только Титея принесла ему восемнадцать,

прозванных по ее имени титанами²⁹. Она оставила свое имя земле, кою вознаградила своими добродетелями. Меж чад Урановых были Гиперион, Атлант и Сатурн. Его старшими дочерьми были Базилея [Великая Мать] и Рея, именуемая также Пандорой³⁰. Гиперион, став преемником отца, женился на своей сестре Базилее; их добродетельность, благополучие людей под их водительством, все, что раздражает злонравных, возмутило титанов, братьев Гипериона. И те решили умертвить одного вместе с сыном Гелиосом. Они перерезали горло отцу, а сына утопили в реке Эридан. Когда же весть о сем достигла дворца, Селена, сестра Гелиоса, выбросилась, приняв смерть. Базилея, их мать, спустилась к реке в надежде хотя бы отыскать тело сына; усталость сморила ее. Гелиос явился оной во сне; он сообщил ей, что хранимый на небесах священный огонь обретет его имя и станет называться Гелиосом, сиречь Солнцем; что ночное светило, именовавшееся прежде Месяц, будут величать как его сестру Селеной, сиречь Луной. Страдающая мать радостно лицезрела появление своего сына вслед за утренней зарей и скорбела со своей дочерью ночью. Мне нет необходимости замечать, что сей рассказ, либо история или миф, подкрепляет историю или миф в Египте об Осирисе, который погиб от козней Тифона, и об Исиде, ищущей останки своего сына Гора и своего мужа по берегу Нила. Это несомненное доказательство родства обоих народов и преемственности египтян; ибо атланты отгорожены мраком, египтяне же хорошо известны. То, что представлено подробно, недавнего происхождения, а мрак есть печать старых времен, неизменно покрытых некой завесой.

После смерти Гипериона дети Урана поделили царство. Самыми именитыми были Атлант и Сатурн. По жребию в удел Атланту достались приморские

края, и сей царь дал собственное имя своим подданным и самой высокой горе своих владений. У него был доблестный и несчастный сын Геспер³¹, который, согласно мифу, был вознесен ветрами на эту гору, после чего его более не видели. И люди, тронутые его смертью, поместили онго на самую яркую звезду: сын Атланта и есть оная Венера, сиречь Вечерняя звезда. Его дочери Майя, Электра, Тайгета, (А)стеропа, Мeroпа, Алкиона и Келено известны под именем Атлантид: они сочетались с богами. Майя, старшая сестра, родила от Юпитера сына по имени Меркурий, ставшего изобретателем многих искусств и ремесел. Другие Атлантиды также родили славных сынов. Одни положили начало многим народам, другие возвели города. Вот отчего не только некоторые дикие племена, но даже греческие народы возводят своих древних героев к Атлантидам. Сии царевны или, как их обычно величают, нимфы*, были после смерти помещены на небо, где образуют созвездие семи Плеяд. Атланта же не сыскать на небесном своде, напротив, как раз оный и держится на его плечах. Его именем назвали земную ось, вокруг которой и вращается мир. Предводитель народа должен был занять середину, место неколебимое, которое, похоже, и приводит в движение мироздание. С тех пор как люди разглядели возле полюса неподвижную звезду посреди обступивших ее в своем круговом движении всех прочих звезд, они изображают оную в виде пастуха, что присматривает за своим стадом, в образе отца, царя, что следит за своими чадами или подданными. Ведь то было место Атланта, чье семейство населяет небо. Бывала ли еще, сударь, мысль более удачная и бо-

* Нимфами, по Диодору, называли всех женщин в стране Атланта.

лее естественная, мысль более утешительная среди утрат, что заставляют природу сокрушаться! Мы брошены посреди прошлых поколений, коих мы даже не видели, и поколений грядущих, коим мы готовим приход, но никогда их не узрим. Наши предки, сии померкшие светочи, называемые в рассказах всегда хладными, едва ли заденут наши чувства и даже нашу память. Их имена начертаны на небе, их вынесли на прилюдное обозрение, на поклонение потомкам. Они живы там, ибо находятся в движении. Память о жизни оных запечатлена в их именах. Собравшись вместе, они вкупе служат уроком и примером: обширное семейство многих веков оживает пред нами и говорит.

Сатурн, сын Урана и брат Атланта, рассказывают, был царем Сицилии, Африки и Италии. Но припомним, сударь, что сии события древнее [истории] обитателей Сицилии и Италии. Люди, перемещаясь по земле с места на место, уносили с собой свои представления, сказки своего детства, историю своих предков; и весь этот скарб вместе с ними обживался в тех местах, что они выбирали для своего [нового] постоя. Чему я более всего склонен верить, как раз ввиду царящего тут мрака, так это тому, что Сатурн избрал своими владениями Восток. Он повелел возвести на горах крепости, дабы упрочить свою власть; отселе повелось, что со времен Диодора все возвышенные места стали называть сатурновыми. Сатурн, коего мы принимаем за Крона-Время, был, сказывают, алчен и злобен. Возможно, что мы сделали одного таким по причине тех аллегорий, которыми обставлено его житие. Время старо, стало быть, алчно. Время все сокрушает, оно поглощает порождаемое им, оное пожирает нашу юность, нашу жизнь. Сего достаточно, дабы оно предстало злобным. Меня понуждает сомневаться во всем вышеозначенном как раз женитьба Кро-

на на собственной сестре Рее, то, что он был весьма рад рождению при его царствовании Астреи, сиречь Справедливости. Женщины редко получают власть; еще труднее было получить ее во времена грубые, когда не было приятного общества, облагороженного под воздействием женщин. Как могла родиться Справедливость при правлении злобного царя? Как могли там ужиться сии века невежества с благополучием, *сими счастливыми временами Сатурна и Реи*, сим Золотым веком, который не возвратится и о коем мы скорбим. Если мы когда-либо отыщем родину атлантов, перед нами откроется воистину земля, где наши предки были счастливы! Или же, по меньшей мере, если, как сие нами установлено, память об утраченном блаженстве являет собой единственно память о юности. Если, как можно сему верить, человек всегда походит на себя при равной сумме счастья, положенного в различные поры его жизни, то мы узнаем, каким представлялся окружающий мир юности человеческого рода.

История, продолжая клеветать на Сатурна, дает ему сына, который оказался достойнее отца. Это был великий Юпитер; народ его любил и прозвал отцом, *Ю-питер[ом]*. Отец уступил ему царство, или, возможно, ненавидевшие Сатурна люди вынудили его оставить престол. Но у подножия сего престола слышатся стенания; и Сатурн при поддержке титанов возжелал прогнать оттуда своего сына. [Однако] Юпитер побеждает в устроенном сражении и становится владыкой мира. Итак, он занят одним: как сделать счастливыми своих подданных, наказать злых и нечестивых. Считается, что сии старания, как и добродетели, а главное, громкие успехи приведут его на небо. И действительно, слава его не миновала: его поместили на планету Юпитер, носящую еще и его имя; ему дали прозвание *зевс*, что означает *живой*³².

Никогда слава не была столь широкой и продолжительной. Будучи царем при жизни, после смерти он становится богом всей земли. С него, поставленного у истоков рода людского, начинаются все воспоминания: вот он странствует со своими народами, вот повсюду устанавливается поклонение ему и возводятся жертвенники; вот его именем полнится уже земля и века. Но почести, дела людские не вечны: из всех владений ныне у него осталась одна планета.

В другом месте Диодор связывает сию историю атлантов с древней историей Египта, отдавая царствование в том прекрасном, издревле населенном крае первому поколению богов. Вначале это Гелиос, сиречь Солнце, Сатурн, Рея, Юпитер, Юнона, Меркурий; наконец, Осирис и Исида, чада Сатурна либо Юпитера, коим приписывают египтяне всю историю Гипериона и его жены Базилеи. Посему основа греческого богословия берет свое начало от атлантов. Именно там, как говорили сами греки, появились на свет боги. Одновременно там кроется и источник египетской мифологии. Повсюду, где мы встречаем имена сих первых богов, мы распознаем кровь Атланта и приметы его семейства. Сей культ обожествленных людей, помещенных среди звезд, затем самих звезд и, наконец, истуканов, кои олицетворяют либо людей, либо звезды для народов, что желали получить и осязаемые образы богов, имеет свои древние истоки, стало быть, у народа неведомого и пропавшего. Сей народ во множестве разделен на иные народы; сие древо, посаженное в пору юности мира, объяло его ветвями своими. Диодор повествует нам, что сыновья Атланта были предводителями многих народов, что греки, равно с теми, коих сами называли варварами, почитали за честь быть их отпрысками.

Говоря о греках, нам следует прилагать сказанное к египтянам, которые признавали сие сами че-
58.

рез родство своих богов. Сей народ атлантов, стало быть, им предшествовал; он есть отец всех прочих, родоначальник жизни, бытия, как и установлений, мифов и историй. Видите, как все начинается с него: тут и искусства с ремеслами, и письмо, изобретенные Меркурием. Тут и возведенные города, начатки астрономии, утвержденное при Уране поклонение [богам]; правосудие, сиречь провозглашенные при его чадах Сатурне и Рее законы. Наконец, утвержденное Юпитером идолопоклонство, рожденное от благодеяний и признательности, заразившее клочок земли, дабы затем заполнить весь мир в своем изначальном виде, сохранив имена и сказания. Все рожденные потом боги — выходцы из сего первого племени; они принадлежат ему либо через известную родословную, либо через семейственные черты: таковы некоторые отметины древности. Дух человеческий, подобно миру вещественному, [первоначально] представлял собой хаос. Здесь видно, как сей хаос улаживается по велению гласа Верховного Существа: свет отделяется от мрака; виден человек, копошащийся в иле, что покрывает его источник. Свет является с искусствами, принесенными Меркурием, с астрономией, преподанной Ураном; но существующее и пока почти полное невежество извращает сии благодеяния, присовокупляя сюда искусство предсказаний с его пагубными ошибками.

В прекрасные дни Золотого века рождается на свет справедливость, устанавливаются законы, но люди жестокие противятся им. Они желают смести сии новые препоны: Юпитеру приходится бороться с Титанами, надменными исчадиями земли Гигантами, теми из людей, чье происхождение столь древнее, что лишь земля была в состоянии произвести оных на свет. Гиганты, в буквальном смысле слова, могли быть порождены одной могучей природой или, образно говоря, являлись исключительно людь-

ми сильными, крепкими и неумными; которые помещают среди нравов чистых и простых, кои, возможно, держатся на неведении. Тут явно проглядывает детство мира и первые шаги людей, где в отсутствие закона и человеческого уважения все пребывали такими, какими нас сотворила природа: злобные, не зная стыда и страха, то расходились ради грабежа, то объединялись ради укрепления своей мощи; добрые, будучи нрава покойного и простого, сперва притесняемые первыми, затем объединялись, но ради защиты себя. Такая картина мне по нраву. Мне любо видеть, что добрые преобладали; общество, законы суть дело их рук. Злоба, хоть и более деятельная, хоть и сопровождаемая силой и коварством, не могла взять верх над числом людей добрых, над всей громадой человеческого рода.

Почему бы и нам не признать, сударь, древность сего люда атлантского, коль скоро сами египтяне признали их, начиная свою историю с истории оных; коль скоро греки, завистливые, спесивые, склонные отрешиваться от всего иноземного, в одно из тех мгновений, когда попорченная правда подобно пружине восстанавливает свои права и свою силу, устами Диодора Сицилийского признали, что почитаемые ими боги, кои древнее их, являются богами или героями атлантов. Диодор Сицилийский не придумал все эти вещи, столь противные тщеславию греков; сотни писателей не преминули бы уличить его во лжи. Стало быть, существовало предание, из коего они и черпались. Однако кто мог измыслить сие предание во времена, когда Египет пользовался славой, когда Греция процветала, уступая лишь Египту, который се и породил? Народ атлантов, в существовании коего более нет сомнений, исчез. Мертвые крепко забыты, от них ничего не ждут и редко их защищают. Еще менее вероятно,

дабы нашелся сочинитель, захотевший прославить оных историческими небылицами. Остается лишь одна горькая истина во всей своей неприглядности: стало быть, следует признать, что поднимающиеся в их защиту голоса суть голоса справедливости. Если некие историки вам твердят, будто сия теогония принадлежит египтянам, грекам, будто сей культ рожден в таком-то городе, сии мнимые боги жили в таком-то краю, и один меж них заступится за атлантов и скажет, что сия теогония относится к оным, сей культ, сии боги, сии герои суть их достояние, воистину его устами заговорит истина. Прочие суть льстецы: люди либо обманутые, либо сами обманщики.

Новым поручителем сей глубокой древности является Санхониатон, наш третий свидетель. Вам, сударь, известно, что после Моисея он древнейший наш историк; он определенно жил до осады Трои. И ежели он появился во времена Семирамиды, то, [следовательно], сей муж жил за двадцать или двадцать два века до эры христианской. Он был финикиец, человек ученый и многое вкусивший, любознательный до прошлых деяний. Он отыскивал книги Тота, прародителя истории и первого, кто оставил памятные записи. Сии записи хранились в храмах, о них едва сообщали, но они содержали предания пращуров. Именно с опорой на их авторитет Санхониатон писал историю Финикии; он начинает ее с рождения мира и описывает первые роды людей. Среди сих людей, кои суть пращуры всех прочих народов, он приводит Таавта, сиречь Меркурия, Гелиоса, Урана, Крона, сиречь Сатурна, его сына Атланта, Персефону, сиречь Прозерпину, Афину, сиречь Минерву, Юпитера, Геркулеса и прочих. Не буду говорить вам, сударь, что рассказы Диодора и Санхониатона совершенно одинаковы; разнятся они некоторыми обстоятель-

ствами, но сего и следовало ожидать в отношении истории, сообщаемой различными народами. Разве вам приходилось когда-либо слышать одну и ту же новость в свете, переданную на один манер?

Образы, ощущения доставляются в душу нашу через присущие нам каналы, коими являются наши органы чувств, и там они у различных особ неизбежно и разно изменяются. Никто из людей не видит и не слышит одинаково. Неодинаково развитое воображение также привносит нечто свое. Сколько причин [различного истолкования] наличествующих вещей! Сколь должно измениться прошлое, которое доходит до нас чрез посредство стольких разных умов и органов чувств! Но и согласованность свидетельств, исходящих из сей сумятицы, обладает громадной силой, и правда истории дает знать о себе через схожие имена и через единую суть обстоятельств. Мы отыскивали у Санхониатона почти все имена богов и предводителей атлантов: Урана, дающего свое имя Небу, берущего в жены свою сестру, ставшую впоследствии Землей; одного из сынов Урана, умерщвленного другим сыном; Меркурия, который изобрел буквы и письменность. Верно, что автор вовсе не называет атлантов, но, возможно, он не должен был, не мог сего сделать. Он писал по финикийским записям; финикийцы же все перенесли в свой край. Согласно им первые люди жили в окрестностях Тира и Библа; местом действия всего происходящего была Финикия, подобно тому, как египтяне поместили оное в долине Нила вблизи Мемфиса, что был основан много лет спустя; как греки, еще более молодое племя, под рождение и деяния героям отвели свой малый клочок земли. Санхониатон засим свидетельствует о подлинности истории атлантов; вместе с тем его рассказ еще содержит черты их древности.

История Финикии начинается с космогонии, с рождения мира. Санхониатон описывает [космогоническое] зачатие вечной материи. Вначале, говорит он, существовали *одно дыхание и мрачный воздушный дух, полный хаос, лишенный света*. Дух, возлюбленный хаоса, породил желание, затем ил, из коего вышли все существа. Сие вовсе не означает, что не было [вещественных] тварей, населяющих небо. Оные были рождены из материи, подобной яйцу³³. Сии твари, несомненно, были не чем иным, как звездами, наделенными разумением. Из-за того, что материя внезапно стала светоносной, появились солнце и все прочие звезды. Воздух обронил пламя, и земля с морем занялись пожаром; отсюда возникли ветры, облака и дожди. Смещение и борьба всего этого породили молнию и гром. Существа мужского и женского племени, пробудившиеся, словно после глубокой спячки, пораженные страшным шумом, пришли в движение среди вод и направились к суше. От ночи и ветра были зачаты первый смертный муж и первая жена, прародители рода людского. Хотя вся сия философия есть чистый материализм, можно полагать, что, коли ночь и ветер не являются именами собственными, финикийцы желали через ночь выразить тьму [как активную силу] творения, а через ветер бессмертное дыхание, кое оживляет материю. Таково содержание сих священных книг Тира и Библа.

Что за странная причуда повествовать о том, как зарождался мир, где мы обитаем, мир, который пребывал еще до нашего бытия. Человек не присутствовал, когда Бог замышлял и воплощал свое творение. Он не лицезрел мрака, который есть лишь обозначение его знаний. Он не лицезрел борьбы стихий, смешиваемых и сменяющих друг друга. Он не внимал дыханию воздуха, бурям природы, повинующимся высшему гласу. Ему не ведом миг —

ни когда двинулись звезды, ни когда явился свет, дабы украсить мир. Его познания начались лишь с началом жизни. Откуда человеку это знать, коль он родился таким, каков он есть. Откуда ему знать, когда, как и где началось его бытие, коль единственный свидетель сих чудес — сам их создатель — не открыл ему оных! Нелепо рассказывать о том, чего не ведаешь, и объяснять то, чего нельзя понять. Но сие сумасбродство крайне свойственно древности, ибо оно коренится в истории и служит ее основой. Дерзости и заносчивости есть положенный предел. Иногда предаются тщеславию, попирают истину, но уважают правдоподобие. Римляне посему не начинают историю с города, коему предначертано господствовать над миром. Греки, какими бы они ни были лгунами и задирами, не осмелились перенести себя к самому началу и обосноваться в колыбели мира. Сия причуда могла появиться лишь у народов действительно древних, кои были близкими сородичами первым людям.

Для людей, забывших Бога, начало мира оказывается ведомым им началом человеческого рода. Отсюда появление тьмы, непроницаемой бездны. Финикийцы тщились представить себе и изобразить сию бездну. Но непосредственно за ее границами, за началом времени и бытия они поместили своих предков, коих считали первыми людьми. И оными предками являются атланты. Посему сей народ, столь гордый и столь ревнивый к своей древности, заявляет вам, что есть семя атлантов, что сии люди древнее их, что они сопричастны началу вещей или, по крайней мере, сему предполагаемому истоку, который время еще не до конца сокрыло своим пологом.

Мне неловко изобличать финикийцев, египтян и греков, кои через наставления, через присвоенную славу прослыли самыми древними и наиболее творческими среди вселенских народов. Но ведь,

сударь, род человеческий имеет за собой уже многие века; он достаточно повзрослел, дабы быть рас- судительным и вернуться к представлениям своего детства. По мере развития наши суждения, подобно нам самим, достигают зрелости: нам следует их об- народовать. У меня был воспитатель (я полностью доверял его знаниям и таланту), но по мере расши- рения моих представлений мне становилось ясно, что он сам позаимствовал все, чему обучал меня. Греки, финикийцы, египтяне были нашими пре- подавателями, это так, но поверим, что и они обу- чались подобно нам. Итак, пред нами три великих народа, кои происходят от рода Атланта. Есть осно- вание говорить, что потомки оного были предво- дителями многих народов. Я истинно сокрушаюсь, что еще не отыскали остров или, по крайней мере, само место прославленного острова, откуда вышло столько пращуров. Там обретались первые зачатки языка, письменности, искусств и наук. Там сии на- уки если не совершенствовались, то начинались. Там рождена мифология, сие повсеместное идолопо- клонство.

Я предвижу, что вы меня остановите. Вы мне, сударь, скажете, что сии истории об Атланте, Гер- кулесе и Сатурне не имеют под собой никакой дей- ствительной почвы. В них всегда усматривали одни религиозные мифы. Г-н Жебелен, более сведущий и просвещенный, находил в них одни аллегии. Геркулес — есть солнце, Сатурн — пашня; все суть лишь древние наставления, поверенные памяти людской в виде иносказания. Признаюсь, я скло- нен был считать, что сие иносказание покоится на некой исторической основе. Но, признавая все ис- кусное в таких изысканиях, я допускаю, что не все результаты верны. Выводы же, кои я только что сде- лал, остаются незыблемыми. Существование наро- да, который предшествовал финикийцам, египтя-

нам и грекам и который произвел их, тем не менее, подтверждается. Странная метаморфоза происходит как раз с наставлениями, кои обращаются в истории; люди, историки древности, обманываются оной. Нельзя отрицать, что они рассматривали сии аллегорические лица подобно настоящим лицам; они приводят места, где правил Сатурн, где бывал Геркулес. Народ, выдумщик аллегорий, не является сочинителем сих недоразумений. Мы ведь никогда не примем наш календарь за подлинное существо, мы никогда не выдадим пашню за старца, который увековечивает свой род ради пожирания оног³⁴.

Как раз со сменой на земле языков, народов невежество и породило сии ошибки, принимая наставления, кои они не были в состоянии уразуметь; вполне ясно, что случается, когда грубые народы буквально истолковывают образный язык народов просвещенных. Посему я вижу народ, который составил сии наставления, который изложил оные в подходящем для использования виде, и те народы, кои приняли их лишь для собственного заблуждения. С одной стороны, я вижу знание природных вещей, воображение живое и вдохновенное, кое придает повествованию и предписаниям занимательность; с другой, я наблюдаю несведущих людей, коим неведом ни язык, ни явления природы, ни прикрасы воображения; достаточно несмышленные на первых порах, дабы видеть в сих предписаниях одни истории, гораздые дерзостно солгать, дабы их себе присвоить и выдавать за свои. Как бы там ни было, мы везде отыскиваем следы невежества, которое следует после просвещения. Некоторые установления наук сохраняются, но неверно понимаются. Физические системы дают начало религиям, атмосферные явления приводят к созданию мифов, аллегии обращаются в истории. Нам хорошо из-

вестны авторы сих недоразумений: это не только финикийцы, египтяне и греки, это и народ, где коренятся их общие предки. Вся сия троица грешит одной [и той же] ошибкой, поскольку она порождена их истоком. Но народ, который искажил столькие вещи, народ, который доставил сии истины в измененном виде, древнее народов вышеозначенных.

Даже если слово Атлант и все производные от него окажутся иносказательными, [все равно потерянный] народ я именую атлантами, [происходящими] из острова Платона. Полезно будет изучить его, проследить шаги оногo и разыскать его истоки. Возможно, он приведет нас к авторам сих аллегорий. Но даже при оценке тех обстоятельств, которые ныне представлены нашим очам, сей народ любопытен своим продолжительным влиянием. Сколькие поколения восприняли его дух, поклонялись его богам! Оставленные после него в таком множестве установления, воспоминания заставляют думать, что владычество оногo не было скоротечным, что ему достало времени упрочиться. Мы узнаем народ многочисленный, богатый, могущественный, воинственный, какой описал нам Платон. Племена обособленные и бедные людом, семьи, рассеянные до образования костяка народа, не имели бы достаточно силы, чтобы оставить по себе и своим установлениям столь обширную и крепкую память.

Но недостаточно иметь костяк народа, необходима крепость сего костяка, необходима долгая жизнь за его плечами. Столько народов, как и отдельных людей, умирает, ничего не сотворив между нас, ничего не оставив на долгую память. Единственно целесообразность побуждает нас помнить оных; забвение есть удел бездействия и праздности. Я начинаю верить, что сей народ не мог быть полнос-

тью забыт на земле. Я надеюсь, что не исключена возможность отыскать место, где был его остров, ушедший под воду. Основатели должны были оставить отпечатки своих деяний, и се есть следы донесенных до нас установлений оных. Речь более не идет о малом числе свидетельств вроде тех, что получены от Платона, Диодора и Санхониатона; сии установления суть наши свидетели. Мы отправимся, сударь, если соблаговолите, на поиски острова Атлантида [и] будем блуждать по земному шару подобно Кибеле, ищущей Прозерпину³⁵; нужно лишь осведомиться у современников, какого пути нам держаться. Я не первый, кто отважился на сии поиски; кое-кто до меня уже заблудился. Ежели я не преуспею в своем начинании, те, по крайней мере, уберегут меня от многих неверных шагов. Но я преуспею, ибо вы мысленно присутствуете со мной и меня осеняет ваш гений.

С почетом и прочее

Четырнадцатое письмо г-ну Вольтеру

Первые розыски пропавшего народа

Писано в Париже, марта 18-го сего, 1778, года

В прежних поисках народа атлантов, сударь, естественно, [многие], изучая Платона, следовали оному, но все, кто им руководствовался, не были философами. Не помышляя о чести внимать Платону и говоря с вами, я попытаюсь быть достойным обоих.

Платон говорил, что сей народ [атлантов] обитал на некоем острове близ материка, лежавшем перед тем проливом, который называется Геркулесовыми столбами. Лучше он и не мог изъясниться, если бы желал ввести в заблуждение потомков. Либо, скорее всего, обстоятельства новых установлений сделали его описание двусмысленным и обманчивым. [Многие] домогались узнать, где были на земле столбы Геркулеса, искали крайний предел его благословенного и славного пути³⁶ и остановились близ Гаде-са³⁷, что в Гибралтарском проливе. Там находятся знаменитые в древности две горы, Кальпе и Абила, бывшие некогда единой скалой: Геркулес раздвиги-

нул ее руками, дабы открыть водам Средиземного моря проход к океану. Помимо сих природных столбов в храме Геркулеса в Гадесе можно было видеть два столба, посвященных сему полубогу.

Гибралтарский пролив представлял проход, о коем ведет речь Платон; сии зримые свидетельства и направляли поиски нынешних искателей: остров Атлантиду искали за самим проливом в океане. Сему бескрайнему морю, который сокрыл или некогда омывал остров Атлантиду, дали имя Атлантического. Сам остров не был так мал, чтобы трудно было его отыскать, если он еще существовал. Платон сообщает нам, что он имел в длину три тысячи стадиев, а в направлении от моря к середине — две тысячи, то есть был протяженностью примерно сто пятьдесят лье на сто и почти равен размерам Франции. Вместе с тем он говорит, что сей остров был поглощен морем; оставалось лишь надеяться отыскать его останки. Полагали, что оными являются малые Канарские острова, кои расположены супротив Африки, близ Гибралтарского пролива, и где можно видеть лишь возвышенные места, тогда как долины ныне покрыты морем. Сия мысль была блестящей; но ведь, сударь, все острова представляют собой части суши, возвышающиеся над пучиной моря, они есть горы морских бездн. То же самое можно было бы сказать обо всех малых островных грядах, рассеянных по земному шару. [Между тем] сию мысль приложили исключительно к расположенным в проливе столпам, кои, казалось, издалека указывали местонахождение острова Атлантида. Однако лучше было бы отыскать весь остров: Колумб предоставил для сего повод, открыв Америку, огромный материк, размещенный напротив европейского и африканского материков, по правде говоря, немного удаленный. Плодородный и богатый металлами край отвечал описаниям Платона: там увидели сокровища и великолепие его острова, так что

Новый Свет стал его Атлантидой. Не знаю, размещали ли там равно и Офир Соломона³⁸, поскольку сей мудрый царь посылал туда искать золото, на неиссякаемые источники коего натолкнулись в Америке. Данные соображения, сударь, порождены веком любознательности, а не веком философии. Проверим же наши предположения с помощью ее знаний.

Нам нужно отправиться в Америку, но не для того, чтобы увидеть ее, какова она есть, ибо европейцы исказили ее облик. Их хозяйственная деятельность уже изменила и украсила сию новую землю, подобно тому, как их жестокость обезлюдилась она. Вам, сударь, поэту с философским взглядом, богатое и живое воображение равно хорошо показывает вещи, либо каковы они есть, либо каковыми они были. Необходимо вернуть Новому Свету его древний облик, необходимо представить оный во времена Колумба. Его была почва плодоносная, но невозделанная, земля новая и девственная. Невозделанная почва может привлекать лишь новых обитателей; девственная земля узнала человека лишь недавно. Природа ошетишила сию землю лесами, лианами, которые, заполняя собой промежутки между деревьями, делали чашу почти непроходимой. Долины заполняли высокие травы с небольшими рощами, и все это было заселено одними громадными земноводными и насекомыми, тучнеющими на нивах земли, которая только и знала, что кормила их. Но она становится изобильной, когда человек соединяется с ней, дабы оплодотворить онаю с помощью производства. Все иные виды удаляются или погибают — человек-потребитель делится [с ними] крайне неохотно. Под его началом природа производит лишь полезное. С лика земли удаляются сорные травы; вместо сих проявлений излишества культура утверждает проявление порядка и бережливости: порядок рождается из потребности жить, бережли-

вость заявляет о большей населенности. Но подобной большой населенности не было ни в одной части Америки. Там известны лишь два цивилизованных и довольно многочисленных народа — мексиканцы и перуанцы, обитающие по берегам Атлантического и Тихого океанов. Но сии народы были слишком юны, слишком незрелы, дабы выказывать охоту покинуть свою отчизну. Они не были достаточно многочисленны, дабы привлекать недра колоний. Притом огромный материк давал им возможность расселяться. Так что не из Мексики и Перу вышли атланты, тем более не из прочих частей материка, населенных редкими племенами, [всего лишь] объединенными родами, именуемыми народом, чей промысел ограничивается охотой, рыболовством и удовлетворением первоочередных нужд.

Америка отличается столь чудным климатом! Плодородный край вовсе не покидают ради запустения оною, особенно когда нужно подниматься на корабли и подвергать себя опасностям. Но вот имели ли суда американцы во времена Колумба и Кортеса³⁹?

Я ничего не читал о том, что морское дело процветало в Мексике и Перу. На побережьях мы находим одни пироги, предназначенные для рыбной ловли и которые едва ли смогут осилить переход от одного острова к другому — на подобных средствах не предпринимают путешествие из Америки в Европу. Подобные пироги — лишь начальный этап морского дела; но от первых шагов до зрелости еще крайне далеко.

Извольте, сударь, услышать: утлые челны для рыболовства и прогулок близ берега по ровному и спокойному морю еще не означают возможности дальнего мореходства. Я вижу, как на суше все далее и далее удаляются от своего пристанища: страх убывает по мере того, как крепнет надежда, ибо опасности не оказываются более великими в путе-

шествии более продолжительном. Человек уверен в твердости суши, что держит его на себе, чего не скажешь о море. Как разнится море покойное от моря волнуемого. В чреве своем заключает оно пучины; известно, как внезапно оно разверзывает их. Сие представление стихий мы наблюдаем с берега: видно, как вздымается гладь морская подобно высям земным и как те быстро рушатся. Видано ли, чтобы человек без неотложных причин мог доверить свою жизнь утлому и легкому челну, дабы отдать себя во власть могучих катящихся валов. Ему, свидетелю опасностей и непостоянства сей стихии, даже не нужно было выдерживать натиск бури: он постоянно видел земную твердь, а весло доставляло его туда при первых же признаках непогоды. А к тому же, сударь, зачем удаляться от берега, где пребывали его блага, надежды? Ради каких благ, ради каких обещаний он поставил бы на кон свое имущество и свою жизнь? Мы ведь ничего не даем и не делаем даром. Кто поведал человеку, что по пересечению сей стихии ему воздастся за лишения?

Человека, каким бы он ни был робким, порой охватывает безрассудство. Он опрометчив, многим жертвует ради призрачных надежд, но еще необходимо, дабы он на что-то надеялся. Гренландия представляет собой край суровый и ужасный, его жители плавают подобно рыбам. Их лодку опрокидывает волна, [но] те оную переворачивают и вновь садятся туда, чтобы продолжить лов рыбы. Однако не видно, чтобы они отважились удалиться от земли и пускаться в плавание, которое ничего им не сулит. Как раз рождение и привычка связали с землей все их чаяния, все их представления о благополучии. А тут хотят, чтобы человек — обитатель чудесного края, громадного материка, который предоставляет широкий простор для удовлетворения его любознательности и охоты к перемене мест, — пустил-

ся по волнам неведомых и страшных морей. В нашей натуре я нахожу лишь один вероятный источник такой отваги. Мы обожаем свободу; все, что ограничивает и удерживает нас, представляется невыносимым. Я признаю, что вызов морю могли бросить, когда оно являло собой преграду, но таковой оно могло предстать, лишь обступив сушу со всех сторон и когда своим немолчным ревом словно говорит жителю островов, что разбивается о его берега, дабы держать его в рабстве. Именно островитянам пришлось осваивать собственно мореплавание. Сие предприятие затевает человек, как в узилище заключенный на острове, чья любознательность там быстро удовлетворяется и чьи желания чересчур стеснены.

Вам, сударь, известно, как отчаяние заставляет действовать, чтобы покинуть темницу. Присовокупите к тяготам скуки и стесненности рост населения, когда число людей превышает средства к существованию, и перед вами предстанет уже неумолимая нужда, которая начинает распорядиться и которая, уравновешивая одну смерть другой, вынуждает приять опасность наряду с надеждой. Ведь как раз островитяне научили жителей материка, что можно не страшиться моря и пересекать оное в поисках новых мест обитания. Стало быть, сим островитянам понадобилась промышленность, ремесла для постройки кораблей, и возникла потребность в руководствах по их вождению. Жители материка воспользовались сим уроком и сим примером, лишь тогда приобщились к ремеслам, когда промышленность пришлась им по нраву и когда роскошь создала искусственные нужды столь же потребные, как нужды настоящие, но необходимые для того, чтобы побудить к столь рискованным предприятиям. Итак, мы видим, как алчность совершила то, к чему толкало отчаяние.

Если некогда флот и доставлял завоевателей в Европу и Азию, то завоеватели те не были выход-

цами из Америки: она была слишком бедна населением в своих бескрайних краях, сами же американцы не имели промышленности и никогда не приставали к нашим берегам на судах. Они были крайне удивлены видом наших судов, когда мы удостоили их своим посещением, без которого они вполне могли бы обойтись. Это мы явили им *устройство, неслыханное для сих новых смертных, — крылатые крепости, кои летали по воде.*

Стало быть, следует отказаться от поисков Атлантиды в Америке еще по той причине, что Платон описывает сей остров как достаточно близко расположенный к материку. Сие обстоятельство, исключаящее Новый Свет, ведет нас на Канарскую гряду: эти острова мало удалены от Гибралтарского пролива и Геркулесовых столбов, сиречь скал, кои обступают проход. В крайнем случае, пирог, плотов и навыков дикарского племени могло хватить для перехода к Африке. Я вовсе не пытаюсь ослабить мнения, мной оспариваемые, и посему не обойду молчанием обстоятельство, которое, похоже, побуждает расположить остров Атлантиду на Канарской гряде. Древний Египет изобилует памятью об атлантах и именах их предводителей. Если сии люди — выходцы с Канарской гряды, на самих островах следует отыскать некоторые обычаи, сходные с египетскими. И действительно, подобное можно наблюдать в Тенерифе. Там и теперь живет народ, именуемый гуанчами; имеются подземелья, кои служат им гробницами⁴⁰.

Сии подземелья запечатаны, вход туда содержится в тайне, в которую посвящены старейшины, передающие оную друг другу. Мертвых там сохраняют в виде мумий в течение времени, кое не известно.

Гуанчи, подобно египтянам, обладали секретом бальзамирования с той лишь разницей, что последние заворачивали свои мумии в полосы материи с письменами, которые определенно повествовали о

жизни покойных, а гуанчи зашивали их голыми в шкуры и не оставляли повествования об их жизни, поскольку, вероятно, не умели писать. Г-н шевалье де Борда недавно доставил две такие мумии, одну мужскую, другую женскую, все в хорошей сохранности и привезены из Тенерифе; выставлены же они в галерее короля⁴¹.

Нельзя отрицать, что подобное сходство с Египтом довольно примечательно, но, коль скоро оно единственное, мы не видим, чтобы из сего можно было что-то заключить. Такой обычай состоит в ряду тех, которые могут отличаться всеобщностью, ибо источник оных гнездится в сердце человеческом. Сыновняя любовь, уважение к предкам свойственны натуре простой и чистой, которая помещается меж натурой грубой и натурой испорченной. Стало быть, сей обычай мог бы оказаться везде, где обществом развито чувство человеколюбия, где преподанное наставление позволило изобрести химические действия по бальзамированию.

Китайцы, вовсе не знакомые с подобным искусством, сохраняют единственно образы своих предков; египтяне, подобно гуанчам, сохраняли сами их тела. Если здесь имело место подражание, тогда выходило бы, что сему обычаю, выходящу с Канарских островов, нужно было чуть ли не обернуться вокруг света, чтобы попасть в Китай. Я безмерно чту спокойствие древних, прежде всего, южных людей; я знаю, что жара делает их вялыми. Мне совсем не по душе отправлять их в столь длинные путешествия. И если вы того же желаете, сударь, предоставим спокойных нравом, уединенных гуанчей, египтян, китайцев самим себе, заботящимися понемногу друг о друге. А вы, столь верно обрисовавший людей всех климатических широт, вы мне подтвердите, что на всем земном шаре люди могут уважать своих предков, любить произведших

их на свет и без подражания придавать сему схожие черты. Наши мумии, стало быть, не служат доказательством того, что атланты — выходцы с Канарских островов. Сдается, что, коль скоро море поглотило Атлантиду, оставив ее горы на поверхности, воды, что отделяют их, не должны быть глубокими. Недавно погрузившиеся земли являют собой новые моря, у коих небольшая глубина. Мне не доводилось видеть журналов промеров сих прибрежий; но мне совершенно не помнится, чтобы там встречали больше рифов и мелей, чем обычно.

Итак, следует принять, что Атлантиду размещают там лишь по причине близости Геркулесовых столбов, но там не найдено никаких сооружений, никаких преданий, которые были бы близки повествованиям Платона, Диодора Сицилийского и прочих греческих сочинителей, говоривших об атлантах. Напротив, сии сочинители, умножая предания, помещают оных неизменно в различных и довольно удаленных от Канарской гряды краях. Однако согласимся, что сии острова могли быть колыбелью сего воинственного народа, и отправимся на поиски пути, коим тот следовал после своего знаменитого вторжения. Вполне естественно было бы думать, что корабли доставили его в Африку; горная гряда еще хранит имя Атласа, предводителя и отца сего народа, но сей путь по пересечению Африки вовсе не прост. Простите меня великодушно, ежели я поведу вас через все еще горячие пески, которые были еще более знойными, если земля на самом деле охлаждается. Атланты должны были быть обескуражены сильнее нашего: они собрали войско для покорения значительной части света, и мне не понятно, как те могли выжить в пустыне протяженностью в тысячи лье, где не сыскать ни воды, ни пропитания.

Ежели мне возразят, что я веду речь о крае неведомом, отвечу, что он неведом по причине непри-

годности к жизни: древние имели о сем представление; они с трудом измыслили нескольких обитателей, кои жили там, дабы проклинать солнце. Выберемся из сих песков, где мы оказываемся меж двух огней, меж солнца, бьющего наотмашь, и земли, коя немедля вторит: народ атлантов вовсе не проходил там; он держался бы брега морского, что несет свежесть ввиду близости воды. Стало быть, оный пересекал владения Марокко, Феса, Алжира, Туниса и Триполи, кои ныне являют собой пристанища грабителей. Следует признать, что атланты, оставившие столько установлений, основавшие столько городов на своем пути, ничего не сделали на сем протяженном отрезке своего движения. Они не оставили там ни своих богов, ни имен своих предводителей: финикийцы, основавшие Карфаген, римляне, покорившие оный, нам бы о сем кое-что донесли. Сие безразличие атлантов совершенно не естественно; так не ведут себя люди, когда отправляются на поиски новых земель: те вступают во владение оными по мере возможности и основывают поселения, когда край сулит им выгоды. Дикая сторона не заслуживала такой безучастности: она изобиловала чудными злаками и плодами; она располагала металлами и золотом; она кормила разнообразные виды животных, главное, коней, чья сила угасала лишь со смертью и были основным подспорьем для народов, коими владела страсть объездить свет. Сей край и сейчас притягивает своими гаванями. Изобилие и богатства страны, удобство торговли чрез море — все должно было заставить атлантов остановиться либо, по крайней мере, побудить их основать там поселения; ведь немудро пренебрегать тем, что представляется желанным.

Пройдя все побережье, совершив столь длинный крюк, так и не услышав ни единого слова об атлантах, мы, наконец, попадаем в устье Нила и в Мемфис; сей град, как и град Саис в Дельте⁴², изобило-

вал зримыми свидетельствами и памятью о них. Но египтяне не всегда населяли сию нижнюю часть Египта; они сами признаются нам, что некогда она была покрыта морем; они сообщают нам, что являются выходцами из верхней части Египта, что поначалу обитали в городе Фивы⁴³, известном своими ста гаванями. И когда мы послушаем эфиопов, они скажут нам, что приходится предками народу египетскому. Ежели атланты, что не вызывает сомнения, предшествовали сему последнему народу, тогда нам следует признать прибытие оных в Эфиопию или, по крайней мере, в Верхний Египет. Итак, сударь, перенесемся в Фивы к Нилу, обратившись лицом, куда тот несет воды, вниз к морю; рассмотрим слева бескрайний и трудный путь, который должны были проделать атланты, чтобы добраться с Канарских островов до Фив; трудности, кои должны были заставить их повернуть обратно. Верхний Египет был [на юге] защищен морем, [на западе] непроходимыми пустынями. Египет остался бы неизвестным атлантам: море и пустыни остановили бы их, и они возвратились бы вскоре к прекрасному побережью, коим пренебрегли.

Если мы обратим взгляды в противную сторону, направо, то обнаружим Азию, где нет жарких пустынь вроде африканских, чьи просторы оглашают многочисленные народы, живые свидетели ее глубокой древности, и которая, главное, полна памятников и установлений атлантов. Сии народы либо их потомки, прибыли в Египет; я не вижу причины усомниться в подобном, [ибо] тут был предел их странствий и завоеваний. Но прочая часть Африки хранит глубокое молчание в отношении оных; и коль Азия полнится звуком имени атлантов, то для наших поисков пути их, похоже, ничего более и не требуется: они пришли через Азию. Единственное соображение могло бы нас задержать в Африке —

это гора Атлас, носящая их имя, и Ливия, коей, по словам Платона, те овладели. Но я пропускаю, в какое время было дано сиим горам имя Атласа; возможно, се есть развитие той мысли, которая располагает Атлантиду на Канарских островах: и раз тем следовало пересечь Африку, чтобы прибыть в Египет, раз Атлант правил приморскими и западными областями, географы определили оному царство в сих пустынях и дали имя его горной гряде, которая разделяет царство. Сии горы еще удостоены чести носить имя Луны, хотя Диана не правила там более Атласа. Что касается Ливии, мы сможем отыскать одну такую или несколько Ливий в Азии*; ничто на земле так не распространено, как сии схожие имена, приносимые в различные места народами при их переселениях. Франциск I распорядился возвести Мадрид в Булонском лесу⁴⁴; англичане перенесли название Англии и городов английских в Северную Америку; мы там заново нарекли Орлеан, Шартр, Тулузу. Это вовсе не мешает существовать нашим городам в Европе, и двойники их в Америке, возможно, когда-нибудь внесут изрядную путаницу в историю. Ливия Африканская, судя по сим примерам, пожалуй, была названа по имени более старой области в Азии. Правдоподобия и предположения философические, стало быть, должны нас укрепить в поисках атлантов в Азии. Последуем зову свидетельств: именно они направляют наши стопы. И раз они приглашают нас в Азию, я полагаю, что вас надо туда сопроводить.

С почтением и прочее

* Максим Тирский⁴⁵ говорит, что ливийцы жили в стране Гесперид. [См.:] *Dialekxeis* [лат. *Dissertationes*]. XXXVIII, с. 225. В двадцать пятом Письме будет видно, что сад Гесперид находился не в Африке.

Пятнадцатое письмо г-ну Вольтеру

Продолжение розысков Атлантиды

Писано в Париже, марта 21-го сего, 1778, года

Итак, сударь, мы возвращаемся в Азию — колыбель мира, средоточие древности. И именно там мы намеревались с [самого] начала искать атлантов, если бы не надобность призвать некоторых современников, кои заблудились у восточной оконечности Африки и пересекли море с Колумбом, чтобы продвинуть свои розыски вплоть до Америки. Необходимо преодолеть старые мысли, прежде чем выдвигать новые. Если Атлантическим нарекли море, где находятся Канарские острова, откуда хотели видеть выходцами атлантов, то сие наименование — современное.

Азия тоже предлагает нам Атлантическое море, облаченное сим именем после времен, которые восходят к Геродоту и отстоят от нас на 2200 лет. Сей историк говорит, что море Атлантическое, лежащее за Геркулесовыми столбами, есть не что иное, как Красное море. Страбон⁴⁶ и Диодор Сици-

лийский поместили Аравию у рубежей сего моря, коему чада атлантовы дали имя оногo*

Г-н Бэр**, корреспондент нашей Академии наук, один из тех, кто занимается разгадыванием тайны, что оставил нам Платон. Я ссылаюсь на него с признательностью. Он отыскал Геркулесовы столбы неподалеку от Красного моря; сим местом оказался храм Геркулеса в Тире. Изваяние этого божества всегда сопровождало два столба, из коих один посвящался огню, а другой тучам и ветрам. Их называли как *столбами*, так и *межевиками-терминусами*⁴⁸.

Сии столбы служили обозначением храма Геркулесова; их еще называли межевиками: они означали границы и место отдыха на пути сего знаменитого [героя и] путешественника; храмы Геркулеса — это места его стоянок. Теперь не проверить, был ли Геркулес действительным предводителем, обожествленным после смерти, или же служил олицетворением природы, но мне видится народ, который идет из страны в страну со своим богом, утверждает оногo везде, где останавливается, возводя капище для молебнов, размещая знаки своего культа и записывая на оных сроки окончания своих странствий.

Разве не обнаруживается здесь, сударь, дух освящения сих столбов? Они служили выражением признательности, естественной радости ввиду окончания странствия. Люди все разом отправлялись странствовать исключительно в поисках лучшего края, плодородной почвы, ласкаемой лучами солнца; стало быть, совершенно ясно, почему один из столбов посвящался небесному огню, иначе солнцу. Но отчего другой посвящали тучам и ветрам?

* Геродот. Кн. I; Страбон. Кн. XVI; Диодор Сицилийский. Кн. I, раз. 20.

** Бэр (Baer). *Essai sur l'Atlantique* [«Опыт об Атлантиде»]⁴⁷.

Было бы ошибкой ради объяснения сего ссылаться на земледелие. Замечания о гибельных тучах или пагубных ветрах относятся к непрерывному пребыванию на одном месте. Пришедший народ не земледельческий; и название сих столбов указывает на то, что их устанавливали в *конце* странствия сразу по прибытии. Я здесь усматриваю свидетельство того, что атланты были мореходами, что вначале они приходили морем и что, выказывая знаки признательности, посвящали один столб солнцу, на которое ориентировались, а другой ветру, который им нужно было поймать, держа свой путь по морю. Сие объяснение мне представляется достаточно веским — сколь естественным, столь и философичным. Оно согласуется с догадкой, кою я высказал вам касательно происхождения мореплавания. Атланты — один из древнейших народов, мифология, культ египтян и греков суть его установления. Возможно, он причастен еще ко многому иному. Посему вполне вероятно, что он окажется первым прародителем мореходства, и искусство, кое мы столь усовершенствовали, пошло от некоего острова, как я и говорил.

Вдоль моря, где находятся торговые города Тир и Сидон, тянутся Финикия и Иудея. Г-н Бэр полагает, что сия последняя область и есть Атлантида Платона. Он находит связи между именами двенадцати сынов Иакова и братьями Атласа. Сии сходства, полагаемые истинными, не представляют ничего странного. Библия содержит предание наиболее древнее и лучше всего сохранившееся; она — самый незамутненный родник истории. Но, несмотря на сии связи, блестяще выказанные г-ном Бэром, мы не можем задержаться в Палестине: не там цель наших розысков. Мы заняты островом Атлантида, а край между Евфратом и морем вовсе не остров: рассказ Платона не оставляет на сей счет никаких криво-толков.

Но в том, что атланты пришли в сей край, что оставили там свои установления, сомневаться просто невозможно. Скифы из-за возникшей у них перенаселенности спустились со своих гор, говорит Страбон, и напали на Понтийское царство, на Каппадокию; а *Акмон*, один из их предводителей, построил на границах Фермодона город, названный его именем *Акмоний*. Затем он вступил во Фригию и там возвел второй *Акмоний**.

А ведь, сударь, сей Акмон приходился отцом Урану⁵¹, который взял в жены Тетию, свою сестру, как мы знаем по рассказу Диодора.

Итак, сей Акмон был одним из предводителей атлантов, он привел их во Фригию, и города Акмонии суть дело их рук. Вы сами видите, сударь, было ли у меня основание говорить вам, что атланты есть родоначальники финикийцев и египтян. Вместе с тем я замечаю, что сии события относятся к глубокой древности, ибо по вполне достоверным расчетам нам следует отодвинуть существование города Тира и города Фивы в Египте к 2700 г. до н. э.**.

Акмон, предводитель атлантов, пришедший со скифами и спустившийся, подобно им, с Кавказа, подсказывает нам, что искать народ атлантов [следует] у сих гор. Но мы еще не покончили со свидетельствами Финикии. Там почитали Адониса. Рожденный от кровосмесительной связи Мирры и ее отца Киниры, Адонис был прекрасен, как плод любви. Увидела его Венера и влюбилась без памяти; она оставляет кущи Амонтонта ради лесов Ливана и следует за своим юным возлюбленным на охоту. Диана, по просьбе ревнивого Марса, насылает на

* [См.]: Стефан⁴⁹, касательно слова *Акмоний*: «Мифология» Баннье⁵⁰. Т. II.

** [См.]: «Histoire de l'Astronomie ancienne» [«История древней астрономии» Байи]. С. 153 и 161.

царевича вепря, который его убивает. А Венере остается лишь цветок, распустившийся из пролитой крови Адониса, — се была анемона. Адонис, отправленный в Аид и обреченный воспламенить сердца богинь, пробудил те же чувства в Прозерпине. И когда Венера стала упрашивать своего отца Юпитера вернуть ее возлюбленного, владыка богов, вероятно, был немало озадачен, услышав, что одна хочет вновь видеть того, кого другая желает оставить. Притязания обеих были одинаковыми притязаниями любви. Сошлись на разделе: Адонис каждый год возвращается в мир услаждать Венеру, а шесть других месяцев остается в объятиях своей ночной повелительницы. В его честь установили праздник, каждый год носили по нему траур и оплакивали, а затем радовались, когда к нему возвращалась жизнь.

Подобные празднества устраивали в Египте в те сорок дней, когда исчез, а после был найден Осирис. Невозможно отрицать сходства сих обычаев у обоих народов. Солнцу и Луне поклонялись в Финикии под именами Адониса и Астарты, тогда как в Египте это были Осирис и Исида. Не стоит удивляться различию сих историй: во времена, когда не умели писать, имена претерпевали изменения. Когда сами мифы кочуют, когда они передаются на протяжении веков, они изменяются в умах людей и в череде поколений, подобно перенесенным в иное место животным и растениям. Климат воздействует на тварный мир посредством температуры, а на мысли через характер, который он вырабатывает в людях. Впрочем, вам, сударь, известно, насколько может измениться одно и то же событие, передаваемое на протяжении веков двумя народами, по причине тяги к чудесам, изъянов памяти или чрезмерного воображения. Еще хорошо, что после долгих лет все же не стираются и сохраняют сходство основные черты. Вот сии изначальные черты и удер-

жались в двух мифах об Осирисе и Адонисе. И так, поверим древним, Макробию⁵² [Macrob. Sat. I. 21] и Плутарху⁵³, что оба культа были исконно одинаковыми. Нам не проверить, были ли оные божества людьми, впоследствии обожественными: при такой глубокой старине подобные вопросы трудно разрешимы. И если Осирис был некогда человеком, помещенным после смерти на солнце, наделенным чертами и культом оного, вас не [должен] смутить поход, который приписывают ему египтяне от песков Индии* до льдов Медведицы.

Вас не проведет тщеславие народов: как бы ни была мала их старина, желают, дабы все начиналось с них, и желают быть средоточием и истоком всего. Если вы согласны, сударь, со всем вышеизложенным, то повернем поход Осириса, позволим ему совершиться в обратном порядке. И увидим тогда, что, отправившись ото льдов Медведицы, он достигает песков, занятых Индией, иначе говоря, Эфиопией, доходя до тех мест, куда палящий зной жаркого пояса позволял продвинуться. Но одновременно Осирис, произошедший от Сатурна, одного из богов атлантов, приносит сему народу исток мифа. Вот еще одно предположение, допускающее исход сего народа из некоего северного края, так или иначе близкого к Медведице. Раз онный родился не в Египте, раз не пришел туда через Африку, неизбежно следует, что он шел через Финикию и что там учредил культ Адониса и Солнца перед тем, как принести его в Египет. Это не голое допущение и не философическая догадка, се есть событие, удостоверенное Лукианом⁵⁴.

Согласно сему философу, культ Диониса принес в Финикию некий скиф по имени Девкалион. Девкалион был сыном Прометея; сие на худой ко-

* Индия здесь означает Эфиопию.

нец могло бы указывать на потомка сего владыки, жившего на Кавказе, где, согласно мифу, орел склевывал его печень. Каков бы ни был смысл сего мифа, Прометей родом из Азии; сказывают, что его мать звалась *Азия*⁵⁵; он связан с атлантами через сына Атласа⁵⁶, а с Кавказом через скалу, к которой, согласно мифу, он был прикован. Наконец, сему народу атлантову, неизменно привязываемому к Кавказу, откуда оный выводят, приписывают еще установление культа Адониса и Осириса.

Мы не сомневаемся, что предметом поклонения сего культа было Солнце; мысль эта принадлежит Макробию и Плутарху, более нашего сведущим в сем вопросе, ибо находились ближе к древности. Им вторят множество новых. Г-н аббат Баннье не из их числа; он полагает лишь, что траур по Дионису, радость его возвращению к жизни суть выражение утраты солнца и его обретения. «Солнце, — говорит он, — удаляясь зимой, не сходит ли в Аид? Покидает ли оно людей, прежде всего, в Сирии и Финикии, где зимы столь коротки и часто более терпимые, чем лето? Ежели сей праздник установили лопари или сибиряки, можно было бы считать, что полное отсутствие солнца побудило их к сему; однако можно ли было убедить в том жителей Сирии, кои всегда радовались ясному небу и где неодинаковость дней не столь выражена. Впрочем, если сия система была верна, справлять праздник Адониса следовало бы в различные времена года и один за другим чередой в шесть месяцев; вместо этого оный справляют один раз в году и в месяц, отстоящий от обоих равноденствий, которые лучше обозначали бы миг, когда солнце начинает удаляться от нашего полюса либо приближаться к нему»*.

* Баннье. Мифология. Т. I.

Г-н аббат Баннье подтверждает мое мнение. Он не верит в сие ловкое объяснение Макробия, когда полагают сей праздник творением финикийцев. Он поверил бы, если бы оный происходил из Сибири: тамошние невзгоды были природного свойства. Причина празднеств Адониса, дух культа и обрядов [многим] представлялся загадкой, [но] мысль, что я вам высказал, сударь, истоки, найденные на севере, служат ключом к сей загадке. Прошу вас взглянуть на развитие вещей, как выстраиваются мысли и как из их взаимосвязи рождается доказательство. Плутарх и Макробий знали по своему источнику причины сих обычаев. Что до нас, мы едва ли поверили бы, что сии причины кроются в Сирии, где они представляются нелепыми: понадобилось пятнадцать веков, чтобы обнаружить северные истоки, которые делают сии причины правдоподобными и которые сводят их к климатическим условиям. Вовсе не обязательно, чтобы траур и радость были разделены полугодовым отрезком, как думает аббат Баннье. Единственно на полюсе смерть [то есть отсутствие] солнца длится полгода; опускаясь ниже, солнце продлевает свою жизнь, оно прекращает жить или появляться на протяжении более или менее длительного времени. На широте 68° его теряют из виду, подобно Осирису, на сорок дней. Вот чем определяется продолжительность траура. Точки равноденствия не являются теми местами, где солнце начинает приближаться к полюсам или удаляться от них, солнце меняет свой ход в местах своего стояния; поднявшись в высшую точку либо опустившись к низшей, оно готовится опускаться либо подниматься. Праздник, установленный в период, отстоящий от двух точек равноденствия, справляют во время солнцестояния, что служит еще одним обстоятельством, указывающим причину, кою г-н аббат Баннье пытается отклонить. Итак, сударь, мы можем приложить к

сему празднику Адониса, Осириса (суть солнца, утраченного и обретенного) все то, что говорили о смерти и возрождении Феникса*.

Дневное светило не умирает ни в Сирии, ни в Египте; там не знают зимы и едва ли заметят меньшее поднятие солнца над горизонтом. Тот, кого не задевают сии перемены, не может ни огорчаться, ни радоваться. Если и было на что жаловаться, так это на чрезмерную жару летом и возвращение солнца, которое ее вызывает. Стало быть, климатические условия противны самому духу празднеств, тут следовало бы радоваться смерти Адониса и огорчаться его возрождению. Однако, сударь, Сирия и Египет были полны храмами и городами, посвященными Солнцу: в граде Эмоса⁵⁷ его почитали под именем Гелиогабала; близ Ливана был Гелиополь, названный затем Баальбек, знаменитый еще сохранившимися там развалинами. Другой Гелиополь находится в Египте и великих Фивах, ближе к тропикам, — город, где возродился Феникс и где поклонялись Солнцу; равно он был в Тире под именем Геркулеса. Г-н Жебелен весьма убедительно показал, что подвиги и жизнь сего героя были исключительно иносказаниями кругового движения Солнца.

Я сообщал в «Древней истории» миф, привязанный уже к астрономии. Геркулес, говорится в том сказании, [когда] двигался через Скифию, то продрог до костей из-за северных льдов. Он лег отдохнуть на свою львиную шкуру, но после пробуждения не обнаруживает своих волос и обыскивает Скифию в поисках оных. Лишенный волос Геркулес являет собой солнце, кое в своих точках стояния некоторое время остается недвижимым, не

* Восьмое письмо г-ну Вольтеру [отсутствующее в настоящем издании].

опускаясь и не поднимаясь к полюсам. Оно [как бы] отдыхает на львиной шкуре, ибо, действительно, некогда летнее солнцестояние приходилось на созвездие Льва. Но почему местом действия была избрана Скифия? Солнце поднимается лишь над Индией и полуденными областями Персии, слишком далеко для достижения зенита в Скифии. Отчего же Геркулес, или Солнце, приходит туда замерзшим и продрогшим? Не есть ли сие изображение лучей слабых и немощных, лучей, падающих полого, подобно тому, [как это случается в] северной Скифии.

Любят изображать лишь то, что испытали: как можно получить представление о холодном солнце под небом, где оно раскалено? Как можно говорить, что оно приходит замерзшим и продрогшим, когда оное видят пылающим жаром, во всей его славе? Невозможно допустить подобные несоответствия. И коль нет никакого сомнения, что Геркулес есть олицетворение Солнца, то должно заключить, что сие олицетворение, связанное с солнцем Скифии, было принесено в Сирию подобно культу Адониса, Осириса, воплощений солнца, которое умирает (исчезает) [в полярных широтах]. Сии данные и сии объяснения, сударь, подталкивают нас к поискам того, как утверждаются установления, каковы эмоции и мысли, их порождающие. Культ Солнца в Сирии и Египте удостоверяют города, посвященные оному. Но забудем города, отвлечемся от наших знаний древности. Культы всех людей забыты нами, и я обращаюсь к вам, философу, чуткому поэту, который столь хорошо уловил физические ощущения, проявления природы во всех обстоятельствах. Я показываю вам солнце, наилучшее творение Создателя, самое полезное из его даров на земле, и спрашиваю вас, в каких климатах оному, прежде всего, поклонялись. Мне кажется, что вы так ответите: благодеяния солнца не могут ощущаться

езде одинаково; нужно иметь поначалу представление о физике, чтобы узнать влияние его на растительность. Его действие менее заметно в краях плодородных, к коим оно более всего благоволит. Порой слишком сильное действие становится вредным и разрушительным. В жарком поясе, где солнце царствует единовластно, оно проклинается своими подданными*.

За тропиками, в Индии, Персии, власть солнца также нестерпима; его бегут, сторонятся взглядов оною как взглядов тирана; путешествуют ночью, во время любви и наслаждений. [Повсюду] видны дворцы из прохладного камня, бьющие ключом воды; жадно говорят о тенистых местах — убежищах от немилосердной жары. Воды и леса были бы жертвенниками при таком климате, если бы наша признательность воздвигла оные; поклоняться солнцу там невозможно. В климате более мягком, более умеренном, где тепло несет одну пользу, к нему привыкают; а то, что получают каждый день, не почитают, сим не восхищаются. Человек ценит благодеяния чаемые; средство сделать оною неблагодарным — расточать щедроты. Сельский житель, очерстевший от тягот, встречает зарю без восхищения, полуденный зной приглашает его ко сну, вечер желанен как пора отдыха. Солнце во все дни предстает для него единственно как призыв к трудам; но в таком климате времена года различны и, соответственно, меняются связываемые с оными чувства. Человек печалится зимой, радуется весне, что отворяет ему все сокровищницы. Он чувствует, как солнце своим теплом оживляет природу, рождает любовь: птицы и человек прославляют его хвалебными песнями. Полуденные поэты воспевают те-

* [См.]: *Геродот*. Кн. IV.

нистые рощи; весну хвалят лишь в умеренных широтах. Там начинается почитание солнца, но само поклонение разнится на всем протяжении земного шара, подобно теплу, или, точнее говоря, оно возрастает в соответствии с уменьшением жары.

И раз мы желаем оценить воздействие сего поклонения, необходимо отыскать его в тех местах, где оно явлено в полном своем выражении. Чем мы несчастнее, тем больше наша признательность. Вот рождены мы в суровом краю, который солнце покидает на некоторое время в году, и потеря светила наглядно преподает нам даруемое оным: в отсутствие солнца все чахнет, все умирает вокруг нас. Когда человек сопротивляется своими силами, то ощущает, как они слабеют; с замерзанием рек замедляется движение соков в нашем организме — начинаешь понимать, что движение и жизнь могут пресечься. Наши чаяния устремляются к отсутствующему солнцу, его ожидают подобно спасителю, дабы возродиться вместе с оным. Возносятся хвалебные песни к его возвращению, и ежели оно когда-либо умело явить собой Бога-заступника, так это в пору, когда дарует первый свой луч сей страждущей земле. Однако человек, удрученный повторяющимся из года в год отсутствием солнца, догадался, что нужно последовать за дневным светилом. Он снялся с места и, двинувшись вслед за оным, пустился к экватору, и когда повстречал климат более мягкий, край плодородный по причине умеренного тепла, то освятил солнце в его привычном облики и почтил благодетеля, на поиски коего отправился. А вот жителей жарких краев отличает изнеженность, которая ослабляет все эмоции; они не достаточно деятельны для живого познания. Солнце чаще всего докучает им, потому что всегда на виду. На Востоке почитают самовластных правителей, которые никогда не показываются, и там не могут поклоняться солнцу, которое видят повседневно.

Данные основоположения мне кажутся верными; я едва могу представить, чтобы можно было отказаться от очевидности сих мыслей. Если бы оные пришли на ум людей первыми, то вы, сударь, увидели бы, с каким негодованием были бы отброшены супротивные мысли! Но утвердившееся мнение с годами становится слепым; несчастье для истины, когда та запаздывает. Однако у меня столь живое ощущение реальности моих мыслей, что надеюсь на приятие оных. Мне казалось невозможным само рождение культа Солнца в Сирии и Египте; он был занесен туда подобно тому, как культ Адониса принес скиф Девкалион. Действительно, мы видим, что массагеты, скифское племя, обитавшее за Иаксартом⁵⁸, возможно, единственные имели культ солнца.

Сему светилу, стало быть, поклонялись на широте 45° или 50° и в умеренных областях, где оно показывается все дни тем, кто смог прийти с Севера в поисках оногo. Северное происхождение, приписываемое богу света и тепла, не столь уж необычно, чтобы оному недоставало свидетельств. Сами греки дают нам доказательство. Разве не было у них Аполлона Гиперборейского? Кем является сей Аполлон севера, как не богом холодных стран, богом чужеземным, лишь впоследствии прижившимся в Греции? Боги нарождаются в местах, где появляется их культ; странствия оных суть всего лишь распространение культа. Аполлон убил Циклопов и спрятал свою стрелу на горе страны гипербореев⁵⁹.

Скифия включала племя аримаспов, которые, подобно Циклопам, имели один глаз.

Аполлон, прячущий свою стрелу в Гиперборейских горах, очень походит на солнце, прячущееся в этих краях, чтобы затем долго не появляться. Впрочем, сударь, почитание гиперборейцами Аполлона есть историческое событие, кое обнаруживается в сказаниях. Сей край был местом рождения Латоны⁶⁰.

Все тамошние жители являются жрецами ее сына; они постоянно поют хвалебные песни в ее честь, города полны музыкантов, кои прославляют ее благодеяния. Царь, являющийся там верховным жрецом, происходит от Борея⁶¹.

Аполлон являет себя своему любимому народу каждые девятнадцать лет, возобновляя своим приходом лунный цикл*.

Когда Овидий повествует о споре между Латоной и Ниобой и гибели детей сей спесивой женщины, убитых у нее на глазах пущенными Аполлоном и Артемидой стрелами, мы видим, как греки переносили древние события и древние сказания на имена из своей истории. Посему Овидий делает Ниобу дочерью одной из Плеяд и внучкой Атланта. Латона, родившаяся от титана Коя, принадлежала к роду титанов; возлюбленная Юпитера, она стала матерью Дневного светила [Аполлона] и непорочной богини Ночи [Артемиды]. Итак, сии истории и сказания неизменно относятся к северному краю, куда Диодор помещает рождение Латоны, где ее сына — Солнце — почитали особо; и вместе с тем оные относятся к атлантам, которые, похоже, пришли с Кавказа и которые, будучи не кем иным, как титанами, включали в себя семейства Ниобы, Латоны и их детей.

Заметим, сударь, что сии признания греков дорогого стоят: ведь истина, подобно свету, прорывается сквозь обступивший ее туман. Греки, желая все прибрать к своим рукам, перелицевали историю: все хоть немного славное должно было родиться у них. Им не было никакого резона [вести] сии истоки с Севера. Тут ложь, национальное тщеславие несостоятельны, греки правдивы, когда невольно пробалтываются. Культ Осириса в Египте, Адониса в Сирии, наконец, культ Солнца вообще относится к глубокой древ-

* [См.]: *Диодор Сицилийский*. Кн. II.

ности, он корнями уходит к 2800-м годам до н. э. В ту эпоху люди странствовали мало или вовсе не двигались с места, были привязаны к оному, жили в своих семьях. Стало быть, из сих диких нравов можно заключить, что если культы, сказания Севера были известны в полуденных краях, значит, их туда занесли. Но рассудительная метафизика, мудрая философия учат нас, что с учетом природы человеческой культ Солнца мог родиться только на Севере. Предания, собранные греками, более дотошными и непоседливыми, от иных народов, позволяют нам проследить за сим культом до самого Кавказа. Из самих мифов видно, что там присвоили оные, но плохо перелицевали, что культы Адониса и Осириса относятся к широтам еще более удаленным к Северу, нежели Кавказ. Те же предания ведут нас по пути атлантов вплоть до подножий сих гор, культ Солнца устанавливается везде на сем пути, от Скифии до рубежей Эфиопии. Осирис из Египта, Геракулес из Тира относятся к семейству Атласа.

Стало быть, сии народы дают начало всем установлениям: величественные храмы Солнца — творение их рук; культ, обряды внушены их духом; вся мифология, идолопоклонство исходят из сего источника; Сатурн, Юпитер, Юнона, Прозерпина, Аполлон, Диана, Минерва, Геракулес рождены у них. Ведь мы относим нашего Фарамона⁶² к французам; Ромул римлян не был египтянином. Встречались народы, которые перелицовывали историю других народов ради присвоения оной себе; но не было такого, чтобы отрекались от собственной истории и рядились в чужеземные наряды. Следует признать, что атланты оказали огромное влияние на древний мир! Если баснословные имена есть одни аллегории, то самое искусное в оных принадлежит атлантам. Если же мифы покоятся на настоящем, но поблекшем от времени предании, древняя история

принадлежит им целиком. Ими все свершено и создано в Финикии, Малой Азии, Греции, Египте, и следы их хранят развалины сооружений, служивших тем обычаям, которые внушил сей народ. Накапливаемые свидетельства засим делают оный еще занимательней. Однако, сударь, сей народ затерялся, подобно тому племени, что было прародителем знаний; у него нет пока пристанища на земле. Все дышит памятью о нем, за исключением страны, откуда он вышел завоевывать себе место в мире. Безмолвие его отчизны меня поражает: должно быть, она опустела, исчезла, как повествует нам Платон. Именно нам, ищущим сей народ, отправляться по его следам. Но, задержавшись на Кавказе, не следует ли мне предложить вам перейти через него, дабы вступить в холодные края, ныне почти пустынные, отколь вышли сии грабители народов и держав, сии тигры, которые пожрали полуденных овец? Самые процветающие державы начинали с захвата. Я весьма опасаясь, как бы атланты, сколь древними бы они ни были, не походили слегка на тигров, подобно их преемникам. Я лишь осмеливаюсь сказать вам, что атланты могли быть грабителями подобно прочим: возможно, оные вторглись в страны, кои сами оживили своим духом и населили своими установлениями. Дабы развеять сомнение, необходимо расспросить остальную Азию. Я предпочитаю проводить вас в Персию; сия страна хранима небом. Там вы отыщете то солнце, которое вами любимо: се край поэзии, рожденной под живительным влиянием светила. Я испытываю надобность в наставлениях, дабы снискать благосклонность сих народов. Я самолично представлю ваши труды, я прочту ваши стихи и скажу им: вот человек, который усовершенствовал прекрасное искусство, кое вы, возможно, измыслили.

С почтением и прочее

Шестнадцатое письмо г-ну Вольтеру

О древних персах и старейшей истории оных

Писано в Париже, марта 26-го сего, 1778, года

Вступая с вами, сударь, в Персию, мы попадаем в иной мир, то есть мир древний, где повсюду зримы следы старой культуры и сии грандиозные памятники есть творение времени и могущества. Вы узнаете редкие изваяния, которые описал г-н д'Анвиль. Сии исполинские фигуры, вытесанные из камня, образуют обширные барельефы. Сказывают, что это памятник славы Семирамиды, но предание о нем, верно, утеряно. Если он относится к правлению сей царицы, его надобно отодвинуть к временам весьма удаленным, к XX в. до н. э.; даже невозможно установить сию эпоху. Семирамида принадлежит былинной истории Персии⁶³: она правила при тех начинаниях, тех истоках, где все покрыто мраком, откуда донесло время некоторые великие имена, но без свидетельств, без доказательств, а единственно со славой. Сей народ горд, спесив подобно знати, которая страшится смешения своего рода и коей неведомы ее истоки. После

оставления нами Финикии имена, мысли уже не те, история меняется. Взгляните на сих людей, облаченных в длинные белые одежды, голова которых увенчана тиарой⁶⁴; сии жрецы представляют философов своего народа; это маги, которые носят древнейшее именование мудрости*

В храмах нет более изваяний, боги более не походят своим обликом на людей. Самое деятельное первоначало представлено в верховной силе. Маги обступают жертвенник, откуда поднимается огонь и возносит их мольбы к Предвечному Богу.

Не успели мы, сударь, ступить и нескольких шагов, а какие предстали пред нами перемены. Идопоклонства более нет: культ здесь столь же чист, как огонь; что тут чтят. Сии нравы, сия иная религия являют свет истории. Хотя природа поставила персов после финикийцев, отчетливо видно, что они разного происхождения; или, по меньшей мере, будучи выходцами уже разделившихся ветвей, прежде сблизившего их соседства оных развели нравы. Ежели одно-единственное случившееся и тянувшееся из века в век переселение создало финикийцев, фригийцев, жителей Египта, Малой Азии, Греции и Италии, то персов породило иное переселение. И тут не требуется иного доказательства, помимо величавого нрава, который мы только что представили.

Сие обстоятельство пугает меня, я опасуюсь потерять следы атлантов: Сатурн, Атлас, Юпитер, Геркулес там неведомы. Однако, как бы время ни разделило племена, все-таки зарубки древности остаются. Заглянем в архивы истории: прежде чем обратиться за советом к религии и философии, следует углубиться в предание. Спросим магов-волхвов, хранителей традиции. Вы говорили, что все фило-

* На восточных наречиях слово *маг* означает «мудрый».

софы сородичи, что у всех просвещенных людей одна отчизна; посему они ни в чем не откажут магу из Фернея⁶⁵. И вот что они мне открыли.

Некогда на востоке был род созданий, именуемый персами *дивами* и *пери*⁶⁶, а среди арабов слывущих *джиннами*. Греки сотворили из них своего *dios'a*, римляне — своего *divus'a*, мы же сделали *гения*. Заметим, что это племя в глазах прочих должно было выглядеть чем-то высшим и выдающимся, раз послужило для нас обозначением верховного существа и редчайшего духовного дара. Его имя ныне включает в себе все самое почитаемое на земле. Вас, сударь, которого природа наделила гением, должен заинтересовать сей славный народ, наследником коего вы являетесь. Сказывают, что Бог прежде сотворения Адама создал дивов [джиннов] и отдал им мир в управление на семь тысяч лет⁶⁷. Наследовали оным пери, владевшие землей последующие две тысячи лет.

Дивы были сильны и могущественны, являя собой гигантов; пери были лучше и мудрее. Миф, сквозь призму которого все предстает в искаженном свете, повествует, что дивы [джинны] были мужского, а пери женского рода: но, несмотря на сие различие, их не соединяло влечение полов; они были врагами. Я поражаюсь тому, что дивов сделали такими злобными. Я вполне доверяю значению самих слов, полагая, что предание лучше всего сохранило древние представления. Ведь я вижу, как на Востоке *Диван* представляет собой собрание представителей власти; сие слово соответствует нашему *Совету*. Итак, на Востоке власть представляют как выражение силы и могущества, что и запечатлено в слове «дива», тогда как у нас власть есть выражение мудрости, что и включает в себе само слово «совет». Сии обозначения вместе с тем отражают и царящие нравы. В Азии владычествуют, если обладают

силой; в Европе же правят, если обладают мудростью. К тому же, сударь, слово «диван» означает еще собрание трудов, мыслей, одним словом, свод наставлений. Отсюда я заключаю, что дивы были могущественными и просвещенными, ибо, несмотря на ненависть, которую они на себя навлекли, несмотря на худую славу, коей окружили их по причине злокозненности, предание о силе и духе оных навсегда оказалось запечатленным в языке тех, кто из поколения в поколение их проклинал.

Джан, или *Джан-бен-Джан* (Gian-ben-Gian), был повелителем пери, или фей. Он прославился военными походами и выдающимися трудами. Пирамиды Египта суть памятники его могущества. Щит владыки, стяжавший славу подобно ахиллесову щиту, долгое время хранился, передаваемый по наследству из рода в род. Щит слыл волшебным, и для описания одного потребовался бы поэт сродни Гомеру. Сей щит оборонял не от военных опасностей, а от колдовских. Астрономия лежала в основе одного, и он разрушал чары, заклинания; и сие предание относит к тем древним временам искусства полезные и зловредные. Джан-бен-Джан правил над пери 2000 лет. Затем *Иблис* (дьявол)* был призван Богом для поимки оных по причине распутства и заточения их на самый край земли. Джан-бен-Джан подвергся нападению, был повержен в состоявшейся битве, а народ оказался рассеян. Соболаговолите, сударь, заметить, что я предлагаю вам ответ на самое тяжкое ваше возражение; я представляю вам известия, коих вы домогались, о давнишнем народе. [Приведенные] предания отчетливо подкрепляют представление о некоем погибшем и пропавшем народе. На Востоке об оном так говорится в одной древней эпитафии:

* То же самое, что и *Азазил*, *Шайтан* — по-арабски, *Сатана* — по-еврейски.

«Что случилось с народом Джана, сыном Джана? Смотри, что сотворило с ним время»⁶⁸.

Эрбло говорит, что слово *Иблис* происходит от греческого *диаболос*, но, скорее, дело обстоит наоборот.

Вы видите, что сами жители Азии отвечают вам и ведут вас за руку к истоку своего рода, дабы представить вам народ, на который я вам указывал. Вы не требуете от меня сообщить вам о летописях сего народа, его ученых книгах и вкладе оных в общую копилку знаний. Сообщая вам о них, я бы свидетельствовал против себя: все, что касается древности, не столь хорошо известно. Я показал вам, с одной стороны, установления, которые говорят о достойных наших похвал авторах; с другой стороны, я представил вам в лице атлантов людей, которые населяли некую часть земли, чей дух остался запечатлен в распространенном и долго чтимом культе. Я напоминаю здесь вам о столь же древнем народе, что оставил по себе долгую память, ощущение силы и просвещенности, народе, с которым связывают величественные сооружения вроде пирамид Египта. Сии народы, имевшие такое влияние на земле, могли создать астрономию, о которой затем почти забыли.

Соломон, или *Сулейман*⁶⁹, было принятым именем древних и могущественных владык на Востоке; там оных насчитывают до семидесяти двух. Гора *Каф* скрывала залу, возведенную гигантом по имени *Аршанг*. Там пребывали изваяния сих Сулейманов в образах, зачастую крайне необычных; одних отличали многочисленные головы, руки; другие имели слоновьи, бычьи и кабаньи головы.

Вот видите, сударь, как в сей традиции заключены истоки языческих идолов, наделенных бесконечным числом голов либо рук, что находят от Сибири до самой Японии с Индией.

Столицей Сулейманов была *Канун*⁷⁰ (Сапун), сиречь *Фанун* (Fanoun).

Трое из них правили там тысячу лет; наиболее достоверных, иначе говоря, тех, чьи имена сохранились, насчитывается девять.

Кахерман-Катель (Caherman-Catel) отыскал в стране *Шад-у-кам* (Shadoukiam; [досл. «удовольствие-и-улада»]) мраморный столб чрезвычайной высоты и толщины, покоящийся на основании с высеченной на оном ныне не известными Востоку, но еще понятными баалбекскими (bialbanique) письменами надписью, которая начинается так: «*Аз есмь Сулейман Хакки*» *.

Если присовокупить сие имя к девяти прочим, получим десять поколений, насчитываемых Беросом⁷¹, что были до потопа.

*Кеюмарс*⁷², согласно персам, был первым царем оных, первым владыкой мира и тем же, кем приходился Адам евреям⁷³. Что касается его древности, никто из персов не оспаривает, что он первым взошел на престол и обложил данью народы. Сия дань была справедливой; он вывел людей из пещер, где они обитали; он велел им строить жилища и города; он изобрел ткань, дабы заменить ею шкуры, в которые те облачались, и пращу для самозащиты. Но, первому взошедшему на престол, ему первому предстояло и покинуть его: он оставил престол ради служения верховному существу, дабы пребывать в мире пред лицом оногo. Он оставил после себя сына по имени *Сиямек*, коему и передал венец, удалившись от мира; но его сын вскоре погиб от рук гигантов [дивов]. Отец возвращается на престол ради отмщения за сына и отыскания его тела. Именно при погребении оногo Кеюмарс повелевает развести большой огонь над могилой, а засим побеспоко-

* [*Хакк* по-арабски означает «настоящий», «истинный».]

ится, дабы сей огонь там поддерживался. Отселе и повелось огнепоклонство в Персии.

Но такое начало не найдешь удачным; оно не порождено ни необходимостью, ни природой, кои лишь одни могут придать установлениям крепость. Очевидно, что не уверенные в сем начале персы пожелали придать своему культу более древний и величественный вид, приписав его первому из своих царей. *Хушенг*, сын *Сиямека*, внук *Кеюмарса*, стал его преемником. Сие имя означает мудрость и осмотрительность. По единодушному согласию народов ему дали прозвание *Пишдад*, что означает праведник и первозаконник, ибо он был создателем древнейших законов Востока⁷⁴. Почетное звание перешло к его преемникам, которые составили древнюю династию *Пишдадидов*.

Именно сей правитель стал разрабатывать недра, извлекая из копей металлы для нужд земледелия и войны; он напитал землю влагою протоков; он основал города *Сузы*, ныне *Шуштар*, *Исфахан*, *Вавилон*, последнее предположение, как можно полагать, крайне зыбко. Также маловероятно, будто сей владыка был создателем некой книги «Вечная мудрость», прозванной «Заветом *Хушенга*». Вы не станете считать сие завещание более достоверным, нежели завещание кардинала *Ришелье*. Но не будь кардинал видным политиком, то и не преподносили бы под его именем суждения хорошие либо дурные касательно управления. Если бы *Хушенг* не был мудрым и просвещенным самодержцем, если бы он не оставил по себе уважительную память, то не приписывали бы ему сию книгу мудрости [всех] времен, труд, что заслуживает похвалы и который [якобы] сохранился по нынешнюю пору. Военные походы сего владыки описываются в виде рыцарского романа. Мы не можем обойти его вниманием, ибо сами располагаем историями рыцарей *Кругло-*

го стола и двенадцати пэров Карла Великого. Мы не копаемся в древности, чтобы возводить из нее наши сказки. Наше неведение начинается со времен достаточно новых: но и сии сказания свидетельствуют, что Амадис, Роланд⁷⁵ были храбрыми французскими рыцарями, чьи ратные подвиги заслужили народное восхищение и поэтические прикрасы. Тем же образом нам следует судить персидские [поэтические] романы. Хушенг, повествуется там, вершил свои подвиги, сидя на коне о двенадцати ногах, коего ему едва удалось объездить. Сие животное, рожденное от совокупления крокодила и гиппопотамши, было найдено на *Сухом острове*, иначе новом материке. Понадобилось прибегнуть к силе и хитрости, дабы усмирить коня; но стоило Хушенгу стать его хозяином, и не стало гигантов, которых он не мог одолеть, как и народов, которых он не мог покорить. Взгляните, сударь, герои всегда восседают на волшебных животных. Однако сей несчастный владыка был убит огромной каменной глыбой, коей гиганты, его недруги, поразили его в ущелье горы *Демавенд*⁷⁶.

Дивы, коих дьявол загнал на самый край земли, еще существовали: они разместились в горах Каф. Я разъясню вам как-нибудь местоположение сих гор. Дивы проводили свое время, изматывая пери постоянной войной и совершая походы в Персию и Индию; свою добычу они прятали в пещерах. Перед вами, сударь, древний источник наших обиходных представлений о том, что черти копят и прячут тайные сокровища в недрах гор или в старых заброшенных замках. Тахмурес, внук Хушенга, стал третьим царем Персии. Се был герой, самый грозный враг дивов; он получил прозвище *Див-бенд*, [буквально] — «победитель дивов», сиречь гигантов. Тахмурес всюду преследовал и одолевал их, после чего заключал в подземные пещеры. Вы, сударь, читали

«Тысячу и одну ночь»? Сии рассказы являют собой описание восточных нравов и верований. Вы можете припомнить *ифритов*⁷⁷, зловредных гениев, также заключенных в недра земли? Тахмурес основал такие города, как Вавилон, Ниневия, Амида, Диярбакыр⁷⁸ и прочие, но я не ручаюсь вам за сии предания; я повествую вам о мифах, где мы ищем правду о древности, подобно Вергилию, что извлекал крупицы золота из праха Энея.

Тахмурес, сродни Хушенгу, имел своего верхового животного, но весьма редкого и крайне резвого. Это была птица по имени *Симург-Анка*⁷⁹, ее величали *великая Птица*, чудесная птица, волшебный грифон. Сия птица наделена разумом, ей ведомы все наречия и свойственно благочестие; иных подробностей о ней не приводится. Но не будет ли сия птица Фениксом, что измыслили на Севере, перенесли в Египет и чью историю и наружность переменили на Востоке? Я тем более склонен сему верить, стоит нам только вслушаться в ее речь: она говорит о себе как об очевидице существ и событий из тех веков, что были до Адама. Она видела, как двенадцать раз рождалась и гибла эпоха протяженностью в семь тысяч лет; и, несмотря на такую свою древность и осведомленность, она не знает, сколько еще осталось ей видеть на своем веку.

Созданием, кое зрело такую череду событий, вполне могло быть Солнце, что светит поколениям людей и сменяющимся державам и остается пребывать, тогда как все прочее на земле проходит. Горы Каф, несомненно, находились на большом удалении, поскольку Тахмуресу приходилось добираться туда на сей птице. Там он одолел гиганта Аршанга, гиганта *Демруша*. Тот держал в заточении *Мерджан пери*, иначе говоря, фею Маргиану [Моргану], которая нам знакома. Благодаря Тахмуресу, освободившему ее, та пришла в Европу, где и прижилась.

Фея втянула владыку в новую войну с гигантом *Худкузом*, своим врагом; там Тахмурес и погибает либо оттого, что у него не было более птицы, либо оттого, что самой судьбой был уготован оному такой конец⁸⁰

*Джемшид*⁸¹, брат или племянник, ему наследовал; сей царь основал город *Истах(а)р* (*Estkekar*), сиречь Персеполь⁸²: я рассказывал об этом в «Истории древней астрономии».

Сей владыка после семисотлетнего правления посчитал себя бессмертным и возжелал для себя божественных почестей. Бог его наказал, он лишился престола и на сто лет отправился скитаться по свету. На Востоке ему дали имя *Зу-л-Карнайн*⁸³, что означает «двурогий», и прикладывалось оное к завоевателям, кои покорили оба предела земли, Восток и Запад. Александр [Македонский] тоже заслужил подобное прозвище: в памяти народов Востока он стал вторым завоевателем Азии.

Захвативший власть *Зохак* был жесток; на Востоке он запомнился изобретением пыток.

Феридун, сын Джемшида, вступает на престол после смерти оного. Сей юный владыка отвоевал свое царство с помощью кузнеца [Кавы], который взбунтовался и повел за собой народ, сделав из своего кожаного фартука стяг и привязав его к конечнику копья, за что после изгнания узурпатора Феридун сохранил сей необычный флаг, украсил драгоценными камнями и сделал из него штандарт персидских царей. Арабы завладели сим знаменем в одном из сражений с персами при халифе Омаре; и рассказывают, что все войско обогатилось при дележе столь дорогого трофея. Феридун, пленив Зохака, заключил его в горы Демавенд. Сии горы и горы Каф служили темницами; туда заключали гигантов и преступников: своего рода Сибирь державы. Дьявол ссылал туда дивов; люди бросали туда

своих недругов. Феридун был одним из героев Персии; возможно даже, что он был Зу-л-Карнайном, знаменитым в древней истории, хотя предание об оном не дает возможности установить ни время, ни собственное имя. Он был мудр; ему принадлежат слова: «Жизнь человека есть книга, на страницах коей следует оставлять благие дела. Когда благородный человек готовится перейти в мир иной, разве важно, где умирать, на троне или среди улицы?» Между тем по причине сей беспристрастности Феридуну и не достало мудрости: ему следовало бы умереть на троне, но он покинул трон — и разделил свои владения. Старший из сыновей получил Персию, остальные двое — Татарию и Китай. Феридун удалился от мира подобно Кеюмарсу, не став счастливее, как и тот, в своем затворничестве: оно было омрачено тщеславием и раздорами его сыновей. Ему вновь пришлось брать бразды в свои руки, но однажды порванные политические узы восстанавливаются плохо: возвращающийся на престол царь всегда находит его колеблющимся. Феридун сталкивается с недовольством собственных сыновей; *Иредж*, его старший и любимый сын, был умерщвлен: его обезглавили. *Менучехр*, сын Иреджа, отомстил дядьям за гибель отца и непокорность деду, предав их смерти.

Но народы, коими он правил, возмутились; Персия не смогла противостоять Татарию; Юг всегда оказывался под пятой Севера. *Афрасиаб*, сын одного из его дядьев, повел с ним долголетнюю войну; Менучехру с трудом удалось сохранить державу, коя и так клонилась к упадку. Последними царями были *Новзер*, сын Менучехра, *Зов*, *Гершасп*. Однако постоянно тревожимое набегами татар сие царство обрело некий покой лишь под владычеством чужеземца по имени *Кай Кобад*, который основал новую династию [Кайянидов]. Оный относил себя

к роду Пишдадидов; но за неимением доказательств сего он положил начало династии, а его род получил иное название. Такова, сударь, картина древней истории персов. Не буду утверждать, что никакие свидетельства нельзя тут оспорить; но большинство свидетельств, смена царей, подробное описание войн, показывают завидную точность*.

Если и не обошлось без мифов, то по причине того, что воображение и память взаимосвязаны: первое создает и добавляет, тогда как вторая передает. В этом ваша ошибка или, по меньшей мере, ваших предшественников поэтов. Вы наследовали Вергилию, Гомеру; Гомер сменил Орфея; Орфей внимал всем поэтам Востока, чью славу поглотила Лета: именно они сохранили предание, но ради прикрас, дабы удержать оное, изменяли его. А без сих прикрас что дошло бы до нас? Роду людскому, пока еще более чувствительному, нежели пытливому, более падкому до развлечений, а не до поучений, ничто так не нравится обыкновенно, как развлекательность стиля. Ничем не сдобренная истина пала бы жертвой скуки. Вы же все смешиваете, переплавляете, дабы придать всему увлекательность. Вы даровали природе душу и волю: их побудителями являются страсти, ими движут желания, каждый из их феноменов есть существо деятельное подобно нам, чувствующее подобно нам, трогая нас своими сходствами. Человек, присутствующий повсюду, забудет начала, кроющиеся за сими образами, лишь с забвением себя. Вы же, напротив, привнесли природу со всей ее мощью в историю, где истина касается единственно людей и людских средств. Но то великие люди: отпущенными им сред-

* Сама хронология достаточно выверенная, чтобы делать подобные заключения. Пишдадиды правили на протяжении двух тысяч четырехсот пятидесяти одного года и семи месяцев.

ствами они сотворили великие вещи! Гордыня, боязнь не совладать с вызовом исказила бы видение. Вы призвали гениев, которые правили водами, ветрами, бурями; гениев, расположенных к человеку, которые подчиняли, объединяли стихии, дабы способствовать его начинаниям. Вы вообразили форту, дабы утешить беспомощность; сила проистекала от высокого стана, отвага была боговдохновенной. Деятельность вездесущего гения, быстрота действий вовсе не удивляет, когда вашего героя переносит птица. Ежели я и удивляюсь, так это тому, что сии герои при такой поддержке не совершили больше. Я радуюсь торжеству человечества во времена, когда ему покровительствовали; я воздаю должное превосходству благодаря присущему вам умению ставить вне моего рода то, что в действительности есть лишь его совершенство. Ничто не оказывается более уместным и верным, дабы увековечить славу вопреки зависти и дабы принудить чернь охотно заводить беседу меж собой о великих людях.

Раз истина нравственная и телесная уважается в ваших сказках, раз уже охладевший старец признал увлечение своей юности в несущем пламя и стрелы Амуре, в прикрытом главным образом повязкой Амуре; раз он признал свое тщеславие бывшее в Нарциссе, влюбленном в собственное отражение; раз в тот миг, когда удаляются от Вакха и Амура, *зрят Время, кое берет нас за руку* [подлинные слова Вольтера], — так вот и истина украшается, а не губится в исторической поэзии. Мелкопоместный царевич похитил юную деву, объединившиеся мелкопоместные царьки осадили город, а великий поэт создал из сего события запоминающее творение. Другой великий поэт воспел любимого государя своего народа; наши древние романисты, немного дорожившие поэзией, прославили деяния эпохи Карла Великого. Древние персидские поэты, историки, ро-

манисты, послужившие материалом для «Восточной библиотеки» д'Эрбло, заслуживают такого же доверия, как и их европейские собратья. Все сии события имели место, вся блистательная палитра нанесена на правдивую основу. Первые строки рождались ради сохранения живой традиции, воображение заронило там зерна прикрас; но вы дали расцвести стольким прикрасам, что поможете мне отделить оные: то, что останется нагишом и безо всяких затей, и будет зиждущейся на правде и достойной внимания философии историей.

С почетом и прочее

Семнадцатое письмо г-ну Вольтеру

О феях и пери

Писано в Париже, марта 3-го сего, 1778, года

Феи, как вы видите, сударь, родом из Азии; феерия есть плод живого и блистательного воображения жителей Востока. Сей край Шад-у-кам, иначе именуемый Джиннистан, приходился отчизной этим волшебным существам: стольный град оных был выстроен из алмазов.

Подобное вас не удивит: сии существа имели в своем распоряжении все силы природы; им подчинялись стихии; они обладали способностью творить чудеса, которую направляли на то, чтобы придать великолепие своему жилищу, либо на то, чтобы удовлетворить запросы людей, которые, главным образом, жаждали богатства. И если алмазы, драгоценные камни всего лишь порождение чар, если их великолепие одно наваждение, то сие не требуется нашему слабому роду. То, чем оный обладает, несет ему мучения; то, что оный только полагает принадлежащим ему, делает его счастливым. Наваждение покоится в самых начатках жизни, и когда приходит старость и обнажается правда, наваждение спадает, а счастье удаляется вместе с юностью.

Сии благодетельные существа, кои могли нас обогатить, кои несли нам защиту и помощь, пребывали в душе человека, ибо он чувствует себя слабым, ибо он ищет опоры в природе в противостоянии с обступающими его опасностями, а зачастую в противостоянии с самим собой. Никто из людей не видел фей, не получал от оных помощи, но история полна их благодеяниями; приводят в свидетели на самом деле давно почивших героев, которых феи щедро осыпали добром и славой. Сего было достаточно для поколения живого и жадного до сказок; счастье, которого не было вчера, может улыбнуться завтра: надежда дарует все.

Таково, сударь, весьма своеобразное представление о духах, которые нас окружают, кои живут невидимыми среди стихий либо обитают во всех частях природы для оживления ее творений. Подобно тому, как мы в своей преходящей жизни ощущаем потребность в лучшей доле, по причине собственной слабости, собственной зависимости, мы ощущаем, что природой движет нечто более могущественное и более совершенное — в сравнении с нами. Сие внутреннее чувство направляло воображение, которое, будучи более грубым или более возвышенным, породило различные существа, различные виды духов, кои нам следует разграничивать. Стоило человеку открыть бессмертную сущность, которая облагораживала его бытие, и он отъял оную у тлена, по справедливости даровав ей бессмертие. Материя может обращаться бесконечно, она развивает души, но [сама по себе] — она тленна.

Мы держимся земли, боимся ее покинуть, полагаем в настоящий миг, что души, должно быть, рады сюда вернуться. Сии души, кои кружатся вокруг дорогих им мест их смертного бытия, являют один вид духов. *Домовые, лемуры, ларвы римлян*⁸⁴ являлись душами зловредных людей. Они сохрани-

ли тягу к совершению козней, они преследуют нас исключительно ради причинения нам зла. Отсюда жертвоприношения, искупительные дары, лишь бы задобрить и отогнать их от себя. Души благих именовали *ларами*; их привлекали и привязывали к себе те места, где они были счастливы и, помимо всего прочего, где они совершали добро другим. Бытовало поверье, что они подсаживались к домашнему очагу: как раз там зимними вечерами и наставлял в присутствии оных уже поседевший отец свою поросль. Лары были покровителями, защитниками семьи; нельзя было без необходимости терять оных из виду, нужно было молить их о возвращении. Та же самая причина, что побудила атлантов увековечить имена своих пращуров на небосводе, поместила оных в отцовском доме, дабы сделать его более дорогим сердцу. В Китае таким же знаком проявления сыновнего почтения являются дощечки с написанными на них именами предков: вот насколько запечатлелось в сердце людском уважение к старости и добродетели!

Однако, сударь, сие возвращение отделенных от тела духов, сии суеверия, которые ввиду цели оных я осмелился назвать бы нравственными суевериями, тяготееют к вере в бессмертную душу. У народов, лишенных откровения, оные могли родиться лишь вместе с сим верованием и только тогда, когда человек, более свободный от своих грубых потребностей, познал свою власть и свое истинное благородство. Стало быть, сии суеверия были порождены в просвещенное время; они упрочились, ибо держались чувства. Иное дело гении-заступники, гении—покровители держав и людей. Тут я обнаруживаю дух народов, характер людской — как раз то, что составляет благополучие державы и мудрость жизни. Гений римского народа составляла неуступчивая гордость и военная доблесть; гений Со-

крата — просвещенность его духа. «Удались от Октавиана, — говорили Марку Антонию, — твой гений страшится гения оного». Когда вожди вступают в противоборство, сражаются их характеры, где слабому нравом приходится уступать сильному. Гений посе́му был лишь выражением силы оно́го, сиречь твердости духа и мысли, что, как сдается, часто и привлекает форту́ну. Но простому люду чужды сии метафизические выражения; он больше удовлетворяется существами, которых сам создает. Он вообразил себе из оных слабых и сильных, которые сражаются ради нас. Счастье переменчиво, но неудача нисколько не унижает: сетовать приходилось лишь на слабость вашего гения. Видите, сударь, как мы непременно сохраняем хоть что-то от истины в своих заблуждениях. Гений в действительности предстает единственным действующим лицом на земле, люди исключительно разнятся своими гениями.

Низшие языческие божества еще держатся света, омраченного тенью и заблуждением. Нимфы чащ и родников, божества стремнин и моря, божества ветров есть не что иное, как олицетворение природных явлений. Се есть, как сказали мы, вторичные причины, преподанные философами, воплощенные в образы простым людом; се — останки древней физической системы, плохо усвоенной, плохо понятой в виде ограниченных представлений. Платонова цепь [бытия] есть лишь идея сих существ, но восстановленная в виде возвышенного представления, поднятого на высоту гения философа, который, страшась обнаруженного между божественным и человеком разрыва, захотел заполнить его лестницей из промежуточных существ. Вам ведомо, сударь, все то, что предполагает сие поколение. Перед сим оправданием философской идеи, до Платона, понадобились невежды, кои исказили прекрасную физическую систему, придуманную

предшественниками, скрытую покровом ночи, что воцарилась с эпохой варварства.

Итак, преемственность ведет нас в поисках истока сих представлений во времена, где она была разъяснена.

Феи не являются, сударь, ни всем тем, что сражается с фортуной, ни теми останками бытия человеческого, что кружатся вокруг нас, наделенные нашими страстями да еще волнуемыми сожалением, которое мы ощущаем, вынужденные расставаться с жизнью; ни теми олицетворенными причинами, то есть существами, кои есть лишь проявление сил природы и коим мы вменили в обязанность повелевать течь водам, расти деревьям, дуть ветрам и вздыматься волнам. Феи есть дочери времени, кое украшает и возвеличивает прошлое. Феи, гении — существа целиком человеческие, наделенные нашим собственным образом; страдающие, старящиеся и умирающие подобно нам. Сии гении не сродни вашему, что бессмертен и не старится. Оные лишь сохранили, подобно вам, долголетие первых веков и не подвластны смерти в наших современных романах, но учтите, что сие бессмертие есть дело наших рук. На Востоке так вовсе не думают. Прочтите [сказки] «Тысячи и одной ночи», где нравы и представления жителей Востока выведены их собственной рукой, и вы увидите, как Шахразаде, супруге китайского императора⁸⁵, сообщают о смерти ее отца, повелителя гениев.

Д'Эрбло скрупулезно растолкует вам, что дивы вовсе не были чистыми духами, они имели плоть, были подвержены смерти.

Вот она самая очевидная человеческая черта. Персы приводят *Дивмардума*, дикое животное с телом человека.

Се есть фавн, сатир у древних, орангутанг в наши дни. Посему мы можем заключить, что слово «див»

первоначально было именем человека. Связанное с этим словом представление по мере лет, с погружением во мрак предания, обрастает всякими преувеличениями; с переходом в язык персов оно искажается. Деяния дивов, сила, коей те были наделены, возвысили затем оных над человеком, сделав из них некий выдающийся и могучий род, подобно тому, как мудрость и авторитет старцев освятили само слово, сотворив из него родовитый титул.

Дивы и пери правили на земле на протяжении 9000 лет, как передают мифические предания персов. Когда же земля была передана Адаму и его чадам, те удалили сих древних и исключительных созданий в горы Каф. Эти существа обладали тем преимуществом, что превосходили численностью род [людской]. Не признаете ли вы здесь, сударь, то, что и должно было когда-то случиться. Люди, размножаясь, начинают взаимно теснить друг друга, наиболее сильные преследуют самых слабых; одни народы возвышаются, тогда как другие гибнут. Жизнь Джана, сына Джана, самодержца пери, и есть жизнь человека; [ибо] оный возводил пирамиды, совершал военные походы. Ежели говорят, что он прожил 2000 лет, то сие вышло оттого, что его династию, продолжительность его рода посчитали за время его жизни. Дивы правили 7000 лет, были сильны, то бишь могущественны; злокозненны, то бишь воинственны: они истязали, преследовали обособленные племена, кои были разрозненны и беззащитны. Должно быть, обитали оные в краю суровом, который снабжает твердостью, и в местах сельских, где необходимость труда требует сноровки. Сии тигры Севера расхищали равнины и складывали свою добычу в горных пещерах. Полуденные овцы [то есть жертвы притеснений], уставшие от докучливых набегов, сплотились, ибо дорожили милостями почвы более тучной и неба более благо-

датного. Их союз образовал державу, коя была державой пери — земледельцев кротких, гостеприимных и благожелательных.

Дивы же не переводились, и меж обоими народами затеялась война. Пери укрепились против общего неприятеля посредством союза с древними персами, когда Кеюмарс основал державу. Вот отчего вы видите Хушенга, Феридуна, победителя дивов, перебирающихся в страну дивов и пери, помогающих последним в борьбе с первыми и приносящих мир одним, изгоняя других в горы. Восток показывает нам, как погиб один древний народ и даже несколько таких народов. «Что случилось с народом Джана, сына Джана? Посмотри, что сотворило с оным время». Итак, дивы и пери остались жить исключительно в памяти людской и встречались лишь в романах. Источник сей сверхъестественной силы вам объясняют тем, что дивы были гигантами. Все на земле традиции сходятся в том, что считают гигантов одним из первых племен человеческих. Громадный рост оных указывает на их хоть и великую, но человеческую крепость; и это обстоятельство свидетельствует, что различие было сугубо телесным.

Горы Каф⁸⁶ описываются сказочным образом; их располагают на некоем камне: Бог двигает оным, когда желает вызвать трясение земли. Любая частица сего камня способна творить чудеса; это чистый изумруд, и преломляемые им лучи обретают цвет лазурного неба. Несомненно, это и есть источник залежей драгоценных камней; из недр сей мировой оси происходят все наши сокровища. Гора Каф весьма обширна, и все другие горы есть лишь ее отроги; именно там восходят и закатываются звезды. Так, говорят: «когда солнце показалось над горой Каф»; а слова «от Кафа до Кафа» означают «от одного предела мира до другого». Чтобы попасть туда, необходимо преодолеть огромное пространство стра-

ны теней, куда не доходит ни один луч солнца. Никто не в состоянии ступить туда без сопровождения существа более высокого разума, феи либо гения [джинна]. Именно сюда были сосланы дивы, когда Бог создал человека, дабы он стал властвовать над землей.

Не видите ли вы, сударь, в сих преданиях историю одного народа, идущего на смену другому? Давность времен — тщеславие народа, который превеличивает могущество побежденных, дабы приукрасить саму победу. Огромное пространство, страна теней, кою нужно преодолеть, дабы попасть к сей горе, — разве это не указывает вам, что она находилась на большом удалении. Не буду утверждать, что сия страна теней указывает на северные края: ведь для таких важных заключений нужны более веские доказательства. Но я спрашиваю, могли ли обитатели бескрайней равнины, раскинувшейся до самого горизонта, или те, чей взор встречал самое большее лишь отдельные холмы, вообразить себе землю, опоясанную горной грядой? Могли ли они говорить, что солнце появляется над вершиной оной гряды и прячется за ней? Могли бы те измерять протяженность мира окружностью сих гор? Я полагаю, что выражения языка драгоценны для истории и философии. Выражения рисуют то, что люди видят постоянно перед собой, — нравы и материальные предметы данного края. Обороты речи открывают мне народ, что населял горную местность [и] широкую долину, обступаемую и защищаемую со всех сторон крутыми склонами хребтов. Солнце показывалось и исчезало за их вершинами; мир был заключен в их стенах, и мысль, которая даже не осмеливалась переступить сии стены, видела в них пределы пространства. В этом обиталище усматривают истоки почитания людьми гор и поклонения их верховному существу. Вспомните, сударь, поклонение ки-

тайцев, индийцев горам, те паломничества, которые сие почитание требовало совершать. Эта великая долина, как мне представляется, произвела племена китайцев, индийцев и персов.

Я еще охотней склоняюсь к этой мысли, замечая привязанность персов к пери⁸⁷. Пери — благие существа; они были сильны, но только своими благодеяниями. Я усматриваю у них и союз с персами, и взаимопомощь. Сие обстоятельство оказывается решающим во времена, когда народы были разобщены: как раз колонии и поддерживали метрополию. Взгляните, насколько персы преувеличили мощь дивов, кои были побеждены самими персами; взгляните, насколько земля была счастлива под владычеством фей! Разве не помещают их правление в начало истории персов? Народы древности пренебрегали друг другом, презирали друг друга; любовь и забота свойственны лишь прародителям их племени*.

Страна фей еще называется Шад-у-кам, что означает *наслаждение* или *желание*. Сии слова вызывают в памяти все представления Золотого века. Наслаждение есть блаженство, кое вкушают рядом со своими родителями в тот век неведенья, когда все предстает усладой. А [память] есть сожаление о последующей утрате онога [века]. Столица называлась алмазным градом; сие указывает на богатый край. Так вот, не процветал ли оный век в те давние времена? Ведь потом у человека его более не было. Ты богат [по-настоящему], лишь когда тебе нечего желать: значит, тогда было все. Когда Писание рисует нам богатство патриархов, у нас складывается впечатление об изобилии; но сие изобилие связано с простотой их нравов. Стоит богатство

* Согласно свидетельству г-на Анвиля, Персия в Писании [на древнееврейском] носит имя *Парас* [Дан. 11: 2].

препоручить нам, как роскошь вскоре пожрала бы их наследство и мы остались бы нищими. Так обстоит дело, когда народ сравнивает свое нынешнее состояние с давно прошедшим; ведь утрачены связи, подробности. Говорят, что, мол, мы обделены, бедны; наши же предки не были обделены ничем, они были богаты. Но как они стали таковыми, сие знать невозможно в связи с утратой всех подробностей: их заменяет воображение, кое наделяет простых людей предметами наших нынешних вождлений. Люди, спустившись в царство Голконды⁸⁸, в страну залежей драгоценных камней, отыскивали там новые сокровища; но они приписали своей родине залежи еще богаче, ибо край, о котором тоскуют, непременно оказывается лучше края, коим владеют. Стоит лишь вообразить то, что тяготеющие к чудесам люди присовокупляют к своим рассказам, предположить длинную цепь передачи, огромное время, что затемняет события, которыми питается воображение, дабы поверить, что можно легко достичь Алмазного города. Сии описания и сии сказки напоминают мне изображение Золотого века. Мы говорили, что эти представления передаются из поколения в поколение: вместо того чтобы затеряться, они преумножаются, чудеса начинают воспроизводиться сами собой.

Но вы, сударь, спросите меня, каким образом и отчего основатели племени персов превратились в пери? Каким образом от представления о схожих с нами людях перешли к образу способных вершить добро или зло существ, которые не принадлежат к нашей породе? Нет ничего проще и естественней для понимания сей метаморфозы. Как ученому вам известно, что физический свет, исходя из некоего центра, ослабевает с расстоянием: также ослабевают и светочи духа. Вообразите снаряженные колонии; они не столь просвещены, как метрополия,

где как раз и кроется двигатель, там бьется сердце, и жар в крови там более велик, нежели у той крови, что гонится к конечностям. Зарождавшимся колониям предстояло заниматься совершенно иным делом, нежели распространением света [знаний]; нужно было разведать край, распахать целину, построить дома и города, позаботиться обо всех нуждах общества. В древние времена, когда знания не запечатлевались, не сохранялись посредством печатного станка, когда писали исключительно на камне и то наиболее значимые события, а остальное поверяли памяти. Вам известно, сколь она склонна все переиначивать. Что касаясь света [знаний], то оные утрачиваются, когда их перестают пополнять. «Душа есть огонь, который следует питать, и который гаснет, если не усиливается» [высказывание, принадлежащее Вольтеру].

Представьте засим расстояния, которые затрудняют сношения, потрясения, которые губят народ, создателя колоний, и вы признаете, сударь, что они обречены на упадок до тех пор, покуда не обретут достаточно силы для возобновления движения вперед. Но наряду с тем, что светочи знания ослабевают, что отбрасывают все большую тень, воспоминания о прошлом разрастаются в сей тени, тени, которая есть родина химер. Вот отчего там видят плохо, видят только то, что желают видеть. Вам, сударь, известна вся правда и ложь, что говорили о прекрасном веке Людовика XIV. Представим себе французскую колонию, основанную ныне в какой-то отдаленной стране, с коей нет сношений, где происходит смешение пришлых людей с местным населением, и поселенцы рассказывают о чудесах сего славного царствования, о великолепии Версаля, о соединенных морях, о поднимающихся к горам водах, чтобы доставлять туда корабли, о короле, потрясшем и покорившем некогда Европу сво-

им блеском. Если они добавят, что в сей Европе живет народ, который видит море у себя над головой и который способен сдерживать его воды; самодержец, что заставил скалы ступать по воде, дабы послужить ступенями для изваяния великого человека; если сии рассказы передавать из уст в уста и от поколения к поколению, — не успеем оглянуться, как европейцы обратятся в племя гигантов и станут походить на наделенных могучей природой и превосходящих человека существ. Людовик XIV станет повелителем гениев, Екатерина II окажется феей, которая оживляет Север светочем гения, горящим посреди снегов. Посему я заключаю, что Алмазный город был помещен в страну фей, ибо, согласно поэтам, в Золотой век текли молочные реки с кисельными берегами, и сие вовсе не удивительно. Я заключаю, что люди этого века, если оные действительно совершили великие дела, могли обратиться в гениев и фей, когда племена приходили в упадок, когда надвигались глухие века бесталанности. Сравнивая нынешние племена с давнишними и признавая превосходство последних, человеческая слабость уязвлялась, тщеславие, возможно, роптало, а сообразно [возможностям] нынешних сил, по которым мы всегда оцениваем природу, вне ее помещали все то, что, как казалось, ее превосходило. Итак, вообразите, сударь, если бы во времена пери был свой Вольтер, что б могли о нем думать на Востоке. Поверили бы там, чтобы один человек мог совместить столь разные склонности. С вами сотворили бы то, что сделали с Гераклом; вас бы разъяли на части ради придания вам правдоподобия: ваш гений послужил бы представлением о высшем разуме; и поступившие так были бы правы.

Не поленившись обратиться за советом к природе, мы отыщем там источник и образец всех наших установлений. Человек ничего не создает, он сам

был создан; нет ни одного представления, к которому не подтолкнули бы его те предметы, что он лицезреет перед собой. Его память сохраняет образы, его воображение их перемещает, расчленяет некоторые на части ради смешения и видоизменения; это сочетание и есть своего рода сотворение. Картины, [литературные] сочинения суть наши создания, но стихии принадлежат природе; се есть строения, для которых она поставляет материал. Кентавры, люди с песьими головами или со звериными ногами представляют примеры таких перемещений частей и их сочетаний. Ларвы и лары были душами, которые сохранили бестелесную жизнь после отделения двух субстанций; гении-заступники воплощают добродетельное поведение и воздействие храбрости и мудрости; вспомогательные божества — силы природы, отражаемые в отдельных явлениях; дивы, пери, феи, не относившиеся ко всему этому, представляли человеческое племя, но племя, отделенное большим временным промежутком, племя, скрытое завесой, и представление о коем, давно запечатленное в памяти, приобрело преувеличенные формы либо из боязни, либо из любви.

Вот видите, сударь, как происходит обогащение, как обретается человеческий дух в своих странствиях. Меня снабдили достаточным числом указаний, дабы явить обещанное мной и дать вам больше того, что вы у меня испрашивали. Вы желаете известий о пропавшем народе, я предоставил вам целых четыре: [1] атланты и [2] сопредельный народ, о которых сообщил Платон; [3] дивы и [4] пери, память о коих верно хранят персы. Не бойтесь, как бы такое богатство нас не смутило, как бы не затруднило наш выбор? Вам известно, что никогда не мешает пополнить знания, не беспокоясь об их употреблении, дабы обратиться к ним в урочный час. Мы продолжим пополнять наши сокровищницы; воз-

можно, мы приобретем еще кое-что: доселе наши усилия в поисках страны атлантов были тщетны. Не будем отчаиваться, и тогда сумеем отыскать страну фей. Край фей мне был бесконечно дорог в детстве — сих гениев, которые столь доблестно служат страстям, домогается юность. Никогда не обладаешь в вожденный миг тем, чего ищешь. Грезы бегут нас, когда мы готовы поверить, что они уже в наших руках! Но феи и гении возвращены к естественному порядку вещей; это всего лишь люди. Ныне ум наш прояснился, мы ищем более здравых и мудрых взглядов, мы отправляемся в сторону гор и, возможно, придем в страну фей, родину Золотого века первых людей.

С почтением и прочее

Восемнадцатое письмо г-ну Вольтеру

Истоки персов вне оплотов азиатских

Писано в Париже, 2-го апреля сего, 1778, года

Сударь, горы, где обитали пери, за которые сослали дивов, есть горы Каф и Демавенд. Демавенд был прежде городом провинции Азербайджан, или древней Мидии⁸⁹. Он располагается на широте 37° у подножия горной гряды, которая примыкает к Кавказу: гора Каф есть не что иное, как сам Кавказ.

Сей знаменитый в древности хребет тянется от Черного моря к морю Каспийскому, а затем, опускаясь к югу и выступая за сие последнее море, поворачивает уже под именем *Паропамиз*^{*}, дабы затем пересечь вдоль Азию и достичь Китая. Сия гряда служит естественным разделом для Азии; она разграничивает края полярные от полуденных, более ласкаемых солнцем. Ныне она выступает рубежом для Татарии, а некогда делила Скифию на две части, отличающиеся по названию: верхняя и нижняя от гор Скифия.

* Я везде буду называть Кавказом сию горную гряду, что пересекает Азию.

Скифы, стало быть, обитали за Паропамизом и Кавказом, подобно дивам, жившим за горой Каф. Скифы, сменившие их татары, всегда были воинственными, неся с собой разрушения, жили часто за счет тех, кто обрабатывал землю, и копили свои богатства, подобно дивам, которые неизменно сеяли зло и коих страшились за чинимые теми набеги и войны. Дивы стремились перейти через горы, куда их заключили, где их держали как в узилище, которые определила им сама природа.

Горы предлагают ущелья, укрытия, где просто обороняться, в первую голову, когда используют складки местности и закрывают умело и без того узкие проходы. В той части Кавказа, которая тянется за Каспийским морем до самого Черного моря, некоторые из сих ущелий, единственно проходимых, запирают посредством застав или ворот, известных как каспийские ворота, албанские ворота, а в целом, как кавказские врата*.

Сии предосторожности говорят о необходимых оборонительных шагах против непрекращающихся набегов, о состоянии войны между северным и полуденным краем Азии. Наиболее знаменитые заставы находятся за Дербентом⁹⁰, в сторону 45° широты; согласно преданиям, они были воздвигнуты великим Александром. Но Александр, достаточно сумасбродный человек, дабы отправиться в Азию искать ненужных приобретений и преждевременной смерти, не получил благожелательного приема у скифов, чтобы приступить к возведению подобных сооружений. Следовало сперва подчинить народы, а уж затем помышлять о защите оных: [вышеприведенное] свидетельство основывается исключительно на недоразумении с именем. Полуденные, все-

* [См.]: *Г-н Анвиль*. Краткая древняя география.

гда миролюбивые азиаты, у которых редко сыщутся великие деяния, и поклонники чудес, пораженные доблестью греческой и быстротой завоеваний Александра, немного запутавшись в его настоящем имени, которого они, возможно, и не знали, дали тому имя Зу-л-Карнайна Двурогого⁹¹, имя древнего завоевателя, чей образ врезался в их память, быть может, по причине зла, что тот причинил Азии; ведь приходится признать, что имя Александра запечатлелось в памяти вследствие испытанного ужаса и всегда у сих миролюбивых народов произносится с ненавистью.

Посему [каменные преграды] имеют весьма древнее происхождение, ведь вы вспомните, сударь, что, согласно восточным представлениям, сим Зу-л-Карнайном был Джемшид, сиречь сын Феридуна⁹². Вспомните еще, что Джемшид возвел город Персеполь, что он вступил туда, что для начала года он выбрал весенний день равноденствия, когда солнце возвращается в наше полушарие. Эти обстоятельства и привязанности указывают на своего рода освящение солнца. Мы говорили, что Джемшид, похоже, прибыл в Персию, и свидетельство тому мы отыскиваем здесь. Если он укреплял ущелья в сторону Дербента, то было сие в период его пребывания там или же в то время, когда, оставляя сей край для поселения в Персеполе, он пожелал обезопасить рубежи своей державы. Но неясно, спустился ли Джемшид в Персию из Мидии и Кавказа или же шел из центра сего царства с целью расширить оное завоеваниями вплоть до отрогов Кавказа, ставшего естественным рубежом; вот что предстоит выяснить.

В свои странствия каждый народ берет с собой свои съестные припасы: китайцы чай, арабы кофе, малайцы пряности. Вследствие влияния на нас климата люди к тому же своими привычками выдают

те места, где они родились. [Представьте], сударь, что вы попали в одну из торговых гаваней, где сходятся все народы. Разве при виде двух людей, из которых один облачен в меха, а другой держит над головой зонтик, не заключили бы вы, что первый родом из краев, где холод заставляет сдирать шкуры с диких зверей и облачаться в оные, тогда как другой прибыл из страны, где приходится защищаться от солнца? Они оба сохранили свои привычки в краю умеренном, где сии предосторожности уже не нужны. Это заключение верно и вполне естественно, а учитывая также установления и обычаи людей, легче удастся проникнуть в их характер. По виду человека с огнем в руках вы рассудите, что оный родился на земле, кою часто сковывает лед; а если он пал ниц перед своим костром, если вершит над ним молитву, вы скажете, что тот благодарит огонь и взывает к нему как к высшему. Между тем, сударь, вы видели, как маги в Персии окружали жертвенник, где поклонялись священному огню; вам известны храмы в Риме, где хранилась сия священная стихия, и ей поклонялись под именем богини Весты⁹³. Сии храмы строились по образу пиреев*, что возводили в Персии и чей культ был занесен из Азии в Италию Энеем либо фригийцами, которые обосновались там. Поклонение огню, забота о поддержании одного составляли особенность культа у магов. Поддержание огня не было только обязанностью жрецов, ибо огонь должен был находиться у каждого в доме либо, на крайний случай, у входа, в том месте, которое по имени Весты называли вестибулом**.

Помните, как Эней, прежде чем оставить свою родину, зажигает священный огонь от своего до-

* На Востоке *пиреями* называли храмы огня.

** [См.]: Овидий. Фасты. Кн. VI: «а поначалу огонь прямо в прихожей горел».

машнего очага*, дабы, уводя своего родителя и собственного сына, не оставить ничего дорогого для него в тех местах, в которых бывать более не придется. Итак, во времена древние и новые огонь почитался богом в Азии. Может быть, страх и сотворил бога⁹⁴, но только не огонь. Ибо не предписывают охранять то, чего боятся, и не берут с собой то, чего страшатся, уравнивая это с отцом и сыном.

Потому сей культ мне представляется выражением признательности. Ведь огонь служит двум насущным нуждам — приготовлению пищи и обогреву: питались, несомненно, издавна сырым мясом, его варка всего лишь изошренность вкуса. Каково бы ни было чревоугодие людское, я с трудом верю, чтобы оно побудило к поклонению. Все, касаемое религии, мне кажется слишком представительным, дабы связать с оным подобное происхождение: сие возвышающее нас чувство порождено чувством признательности за благодеяния. Но истинное благодеяние огня есть тепло, которое он дает нам при нехватке оного. Каким образом искусственный жар мог оказаться благодеянием в Персии, где природа дарует чрезмерное тепло? В Персии есть огромные области почти безлюдные по причине недостатка воды. Разве видели вы, чтобы там почивали на террасах? Стихи исполнены жажды тени деревьев; наслаждение томится по ночи, которая манит своей прохладой. Солнцу там не дано видеть ни отдыха, ни любовных утех, веселье дожидается его ухода. Описания чудесных либо вожделенных мест являют вам выложенные камнем покои, где посредине имеется водоем с журчащей водой. Желанная влага под сенью огороженных мест, посреди неизменно прохладного камня, указывает на избыток тепла. Дабы

* [См.]: Энеида. Кн. II: «в руки, родитель, возьми святыни и отчих пенатов».

не бил озноб от такого рассказа, мне подобает напомнить о зное полуденного края, столь редкого для наших летних дней. И когда я представляю себе климат, где необходимы такие предосторожности, мне непонятен праздник, схожий с тем, что [известен] у персов, когда раз в году зажигают огромные огни ночью, вокруг которых устраивают шествия и пляски.

Зноя избегают все дни, и в сем торжестве его, похоже, ищут ради веселья. [Перед нами] древний сохранившийся обычай, воспоминание о веселье, которого более нет. Ежели огонь был открыт в Персии, я не думаю, что оный мог возбудить много признания: там, где неведом холод, — огонь, стало быть, без нужды. Отчего зажигают, отчего обожают то, что бесполезно? Как раз в тех краях, где долго царит холод, где обосновалась зима в сопровождении вечных льдов, открытие огня явилось милостью небес, благодеянием для человечества. Человек, ощущавший, как источники жизни готовы вот-вот замерзнуть, мог подумать, что жизнь ему возвращена. Холод есть враг, что наслала на [нас] природа; огонь, что борется с хладом, вынуждая его отступить, мог быть только благим, заступающим [за людей] божеством. Вообразите, сударь, как само естество огня способствовало сим умозаклечениям. Наибольшую проворность, всеразрушающую силу огню придавали древесные пни, бранные останки. [Они как бы] говорили: ешь, живи, лишь бы мы жили. Одновременно огонь являл человеку, опечаленному отсутствием солнца, живущему во мраке ночи, утешительный свет: он освещал мрак, наступающий в определенную часть года, изгонял скуку, страх и все те химеры, что роились во мраке. Итак, он согревал и оживлял озябшие тела, веселил воображение, омрачающееся подобно земле. Эту службу исполняли жертвенники.

Но огонь, произведенный от попадания молнии или полученный случайно при высечении искры камнем, огонь, рожденный посреди льдов и воспринимаемый чем-то чужеродным, — трудно представить, как его ценили, страшились потерять и более не отыскать. Посему забота о его поддержании, священная забота, доверялась жрицам, чистым, подобно [огню], девам. Небрежение сей заботой каралось весьма тяжело. А без сего огня вовсе бессмысленны сии карающие законы! Люди без оснований не устанавливают обычаи, тем паче законы. Как в стране, подобной Персии с Италией, где часто случались молнии, где испепеляющее солнце, похоже, постоянно было готово производить огонь, могли так бояться его утратить, что учредили собрание магов и весталок для поддержания оно-го? Уверяю вас, сударь, что происхождение культа огня на Севере, в краях льдов и ночи, представляется мне единственно правдоподобным и даже, осмелюсь сказать, единственно объяснимым. Я привлекаю здесь, и даже с большим основанием и убедительностью, все то, что говорил вам касательно зарождения культа солнца. В Сирии нельзя отделаться от ощущения потребности там солнца; и если сие убеждение не показалось мне достаточным для утверждения поклонения, по меньшей мере оно уместно. Но здесь имеются доказательства еще более сильные и явственные. Огонь в Персии не только не потребен, но бесполезен; его следует не почитать, а избегать.

Коль [нужны] доказательства другого рода, мы отыщем их в самом имени огня: греческое слово *пир* угадывается в древнеегипетском слове *пирамис*, которое означает «пирамида»*.

* [См.]: *Плиний*. [Естественная история]⁹⁵. Кн. XXXVI. С. 8.

Но само слово *пир* фригийское, о чем заявляет Платон*.

Так в шведской [*Младшей*] *Эдде*, древней книге страны, где трудно обойтись без огня, его именуют *фир*, *фур***.

Сии обозначения явно одно и то же; тем более что греки, как сказывают, произносили *пир* подобно тому, как мы произносим *пюр* [то есть чистый (фр. *pur*). — *Прим. пер.*].

Сии два обозначения, *пир* и *фир*, одного корня, происходят от одного слова, которое один народ сообщил другому. Но я спрашиваю, где огонь сначала должны были узнать и назвать, если не в краю, где употребление его наиболее полезно? Стало быть, принесли его во Фригию народы Севера, откуда он попал в Египет и Грецию. Таким образом, огонь приютили, хранили, почитали в краях, где он был необходим и полезен; оттуда культ одного спустился в страны более южные, подобно бегущим с гор водам. Именно от этого культа перешли к поклонению солнцу, когда оказались в странах, где огонь стал бесполезен. Великий вселенский огонь, который сам себя поддерживает, заслужил больше почестей; рукотворному же стали поклоняться как воплощению последнего***.

Итак, сударь, коль скоро мы распознали жителя Севера по его шубе, надо думать, что человек, несущий огонь, его соотечественник; [разве можно допустить], что он пришелец из края, где огонь чужд. С той поры как персы расширили свои владения до отрогов Кавказа, они не стали подниматься [далее], в сторону севера, напротив, они повернули к

* [См.]: *Платон*. Кратил. [410a].

** [См.]: *Рюдбек*. Об Атлантиде. Т. I. С. 805⁹⁶.

*** Лопари почитают солнце и чтят огонь как его воплощение. [См.]: «Путешествие в Лапландию», труды Реньяра⁹⁷.

югу. Джемшид оставил сии горы, дабы спуститься в долины, где и основал Персеполь.

Мне не ведомо, обладают ли для вас весом высказанные мною новые мысли; но сии заключения мне представляются очевидными. Они кажутся мне более надежными, нежели предание и сама история: ведь предание часто искажается, история обманчива, тщеславие народов и столькие предубеждения ее переиначивают! Сколько разновидностей наречий, неясностей в именах народов, изменений в географических названиях, что невольно приводит к неверным представлениям! Мы же обращаемся к людским нуждам, склонностям, эмоциям, кои присущи людям и кои не меняются; мы судим согласно природе и разуму, что вечны и неизблемы.

Не может быть, чтобы древняя история, как бы она ни была покрыта мраком, не подкрепила бы некоторыми свидетельствами сии философические выводы. Д'Эрбло скажет вам, что первые известные *пиреи* были найдены в Азербайджане, являвшемся полуденной частью древней Мидии и располагавшемся всегда в горах.

Я [уже указывал] вам, что Зороастр, возобновивший сей культ, также выходец с гор, вставил в свои рассказы описания, которые несут отпечаток климата на 49° широты*, что южнее Кавказа. Посмотрите, ведь Джемшид укрепил сию горную гряду или закрыл проход посредством застав. Он вне сомнения обитал там: один из его предков, Кеюмарс, который, согласно преданию, был родоначальником огнепоклонства, тоже, безусловно, жил там. Все войны с дивами происходили близ гор Каф, которые и есть Кавказский хребет.

* Восьмое письмо г-ну Вольтеру [в «Письмах о началах наук»].

Вы увидите [далее], что, согласно восточным преданиям, *Суркадж*, гигант и див времен Адама, правил в горах Каф. Он послушался повеления Бога, подчинившись прародителю людей; запретил своим подданным беспокоить сынов Сифа; и сей последний, по его просьбе, дал ему [в помощники] *Рагуила*, своего брата и сына Адама, обученного всем наукам, дабы тот просвещал Суркаджа и правил его державами. Именно в это время, как повествуют те же самые предания, стал править Кеюмарс. Можете быть уверены, сударь, что я далек от мысли признать целиком все сии предания, ибо вижу, сколь полны они мифов. Я вовсе не определяю, относятся ли они к временам до потопа или после; но я вижу, что там постоянно идет речь о горах Каф, или Кавказа. Я вижу, каковы начатки истории Персии; и когда критика и философия заставляют меня признать, что огнепоклонство есть культ Севера, я полагаю, что этот культ перешел сии горы, дабы осесть в краю полуденном, и я заключаю, что именно на Севере следует искать происхождение персов, которые принесли сей культ. Вам тут, сударь, несомненно вспомнится история Прометей, похитившего с неба огонь и, согласно Гесиоду, спрятавшего оный в полых тростнике под названием смолоносица⁹⁸, чья сердцевина медленно пожирается огнем, который тлеет, не повреждая коры. Прометей царствовал в окрестностях Кавказа; именно здесь клевал орел его печень⁹⁹. Итак, миф или, скорее, греческое предание, примыкает к преданию восточному. Вы убедитесь сами, насколько трудно ошибиться, когда ваши поиски направляют такие свидетельства.

Рубрук, Карпини, что ходили в Татарию при правлении Людовика IX Святого более пятисот лет назад, сообщают, что жившие за сими горами люди имели божества, которые посредством огня очищали

все нечестивое*. Они поклоняются солнцу, огню, полуденной стороне, словно сия есть божество**.

В собраниях, обрядах при выборе хана они обращают лицо к югу и творят поклоны и молитвы в сию сторону земли. Ежели вы присовокупите к сим обстоятельствам известие о массагетах, скифском народе, что поклонялся солнцу, то убедитесь, что огонь и солнце почитали, а возможно, и доселе почитают в этом [далеком] крае Азии, который некогда населяли скифы, а ныне татары; и вы получите новые доказательства в пользу мнения, что культ огня и солнца рожден за хребтом Кавказа.

Тот же путешественник Рубрук заверяет нас, что сей край у подножья Кавказа и окрест изумляет своей красотой и изобилием. Я считаю, что предки персов были пленены оным местом [и] перешли Кавказ, закрыв за собой вратами проходы, дабы помешать дивам, своим врагам, следовать за собой и самим насладиться драгоценной находкой. Пери, населяющие долины гор, остались с ними в дружеских отношениях. Вал сих ворот каспийских служил оплотом; он свидетельствует о состоянии войны. Я вспоминаю великую стену, возведенную древними императорами Китая для защиты от набегов с севера: стало быть, всегда опасались Севера. И сие неохватное творение, которое ограждает Китай с севера, показывает, сколь многочисленны и страшны были народы, соседствующие в этой части света. Небольшая область Кантон, что между Китаем и Кореей, окружена длинным частоколом, который отделяет и защищает ее от северных соседей***.

* [См.]: «Путешествие Рубрука»¹⁰⁰.

** [См.]: Путешествия Карпини¹⁰¹.

*** Взгляните на карту Азии в шести листах г-на Анвиля и на небольшую карту в конце сего тома. [В экземпляре книги Байи, представленной для перевода Российской государственной библиотекой, упомянутая карта оказалась утраченной. — *Прим. пер.*]

Корея также опоясала себя с северной стороны крепкой стеной, схожей со стеной китайской. Сия стена была отчасти разрушена при вторжении татаро-маньчжур; ведь предосторожностей супротив силы хватает лишь на некоторое время; препятствия только раззадоривают, и рано или поздно оплоты рушатся. Но это не все, сударь, ибо мне рассказывают о другом оплоте, что был в Азии; его именовали оплотом *Гога* и *Магога*¹⁰². Сколь бы ни были дики сии имена, нас не должен остановить их рык. Нас должно интересоватъ существование, местопребывание сего укрепления, я предлагаю вам его отыскать. Сии народы Гог и Магог, как рассказывают, населяли весьма высокие и обрывистые горы, где не могла пройти никакая повозка. Провиант, товары там переносили на спинах людей и коз, кои в сем краю довольно велики; чтобы добраться туда, требовалось семнадцать дней то подъема, то спуска.

Итак, предания древних народов неизменно приводят нас в горы; на основании семнадцатидневного перехода, сопровождаемого вначале подъемом, а затем спуском, видно, что сии народы населяли долину, окруженную почти непроходимыми горами. У нас в нашем путешествии будет проводник. Халиф Ватек¹⁰³, девятый из рода Аббасидов, в год 228-й хиджры, или 842-й по Рождеству Христову, решил разузнать, на самом ли деле существовал сей оплот, известный по стольким азиатским преданиям. Он отправил в путь ученого мужа по имени Салам¹⁰⁴, снаряженного всеми необходимыми вещами и, прежде всего, книгами, которые описывали сей оплот. Салам пересек Армению, полуденную Мидию и прибыл к правителю Дербента у отрогов Кавказа. Правитель дал ему проводников, которые тридцать шесть суток вели его на север, где он отыскивал разрушенные селения, которые, по словам спутников, некогда населяли народы Гог и Магог [Йа-

джудж и Маджудж]; дома без жителей походили на лачуги. Дербент лежит примерно на 42° широты; если каждый из суточных переходов оценить в четыре лье¹⁰⁵, тогда тридцать шесть дней дадут сто сорок четыре лье, что почти соответствует 6° широты, и тогда страна Магога располагалась бы на 48° параллели. Наконец Салам шел еще двадцать шесть дней: только не говорится, в каком направлении; есть основания полагать, что шел он на восток в сторону Каспийского моря, так что он прибыл в местность, по-арабски именуемую *Хафна* ввиду ее достаточно крепкого и почти недоступного положения. Именно там он и увидел оплот, цель своего путешествия; он нашел его совершенно схожим с описаниями в книгах. Возвращался же Салам другой дорогой, и понадобилось два месяца, чтобы достигнуть Самарканда; затем он держал путь до Самарры¹⁰⁶, где сидел халиф, на чем и завершилось его путешествие, занявшее в целом два года и четыре месяца.

Все эти подробности выглядят весьма правдоподобно. Г-н д'Анвиль, который рассматривал в превосходной [научной] записке местонахождение сего оплота, помещает его на 48° широты. Из этого рассказа я, сударь, вывожу два заключения; во-первых, сии оплоты не каспийские врата, которые не были столь удалены к северу, не Великая китайская стена, которая находится значительно восточней; во-вторых, они не возводились для обороны против вторжений народов Гога и Магога (или, по меньшей мере, обоих народов вкупе); а, наоборот, один из оных народов, обитавших по эту сторону стены, оказывается заслоном против притязаний полуденных народов.

Итак, сударь, я вижу, как вал и частоколы Кореи, Великая стена Китая, оплот Гога, каспийские врата Кавказа, эти рукотворные творения, присо-

вокупаются к обрывистым горам, природным укреплениям, с целью создания широкого вала, который отделяет юг от севера Азии. Сей оплот, размещенный в Китае на 40° широты, около Дербента — на 42° широты, от моря Каспийского до Черного, поднимается к северу в промежутке между Китаем и Каспийским морем, простирается вплоть до 48° широты, достигнув расстояния экватора и местопребывания народа-основателя, о коем я ранее подозревал. Сей мудрый народ, пожалуй, жил по сию сторону гор. По ту сторону остались нравы дикие и невежество; внутри устанавливается цивилизация, зарождаются знания. И сии преграды, возведенные супротив Севера, стали разграничительной линией, подобно тому, как в Перу горы Кордильеры с устремленными ввысь снежными вершинами разделяют два времени года, где по одну сторону пребывает лето или весна, а по другую — зима. Народы Севера, остановленные сими оплотами, кочевали вокруг гор, укрепляли свои силы, умножались в числе ради войн и захватов. Между тем другие, живя под более благодатным небом, укреплялись в миролюбии, пестовали ремесла и науки, а излишки населения отсылали на юг, где их ждали зной, вялость и утрата среди неги и изобилия гения, который обеспечил им выдающееся место в истории человечества.

В горах нам следует не только искать происхождение персов, но равно мы должны там найти, пусть и по менее благоприятным свидетельствам, истоки индийцев и китайцев. Не показал ли вам, сударь, язык санскрит, что брамины были инородцами в Индии? Не говорил ли вам г-н Лежантьиль¹⁰⁷, что они пришли с Севера?

Разве Бенарес, ученейший, древнейший город, не был в то же время одним из самых южных городов Индии? Он соседствует с Тибетом. Ведь г-н д'Ан-

виль сообщает нам, что одна из рек, которые впадают в Ганг, носит имя Брахма[путры]: она берет свое начало в Тибете, где обитает великий Лама, и течет в направлении, откуда некогда пришло просвещение. Одно древнее сообщение указывает на то, что как раз в Азии, между серами¹⁰⁸ и Индией находится страна, населенная брахманами. Г-н д'Анвиль скажет вам, что это Тибет. Жители едят всякое мясо, за исключением мяса коровы, которую они почитают как исконную и благословенную кормилицу рода людского.

Стало быть, основной культ Тибета тот же, что и в Индии? Ламы посему есть брамины; а так как они доходят на севере до 50° широты, до Селенгинска¹⁰⁹, вполне вероятно, что брамины следовали этому пути, дабы попасть в Индию; что подтвердят паломничества, которые побуждает совершать благочестие индийцев в сию часть Сибири.

Не показывает ли их поклонение горе Пир-Панджал¹¹⁰, что свое происхождение они ведут от гор Кавказа? В «Истории новой астрономии» вы увидите, сударь, что китайцы знали город под названием Кан-гу, расположенный на 46° широты, где следовали законам браминов.

Вот мы поведали об индийцах. Что же касается китайцев, я уже сообщал вам о предании некой царевны по имени Нанка, которая, отправившись от 62° широты, прибыла в Китай и заложила там город Нанкин. Это предание, пусть даже выдуманное, неизменно склоняется к северному происхождению китайцев; но жители Востока признают, что имена Гога и Магога, Джина и Маджина, [Йаджудж и Маджудж], Чина и Мачина¹¹¹ по сути тождественны.

Чин, се есть восточное слово, откуда мы произвели название Китая¹¹², и хотя сами китайцы не называют так свою державу, тем не менее очевид-

но, что оное обозначение жителей Востока предполагает определенное происхождение. Но если вы осведомитесь у китайцев, то отыщете отчетливые следы. Так, наиболее северная китайская провинция Шаньси, которую отделяет от Татарии [Монголии] одна Великая стена, была заселена первой. Вновь стали прибывать туда после того, как провели про мягкий и благоприятный тамошний климат.

Сии чужеземцы были выходцами из края, впоследствии населенного татарами-маньчжурами. Там течет прославленная река под именем Сунгари¹¹³; эта река глубока, широка, судоходна и изобилует рыбой. Начало свое она берет на плоскогорье *Чаньбайшань*, что означает «белая гора». Китайцы связывают с сей горой много сказаний и гордятся тем, что происходят оттуда подобно реке Сунгари.

Сих преданий вполне достаточно, чтобы прояснить нам отдаленные как расстоянием, так и временным промежутком истоки. Мы видим, что индийцы, китайцы, персы пришли от линии заслона, которую мы провели в Азии. Мы видим также, что греческая традиция направляла нас по стопам атлантов на Кавказ, как раз к сей линии; наряду с тем, что эта цепь являет собой преграду, она еще оказывается общим истоком.

Сия длинная череда оплотов показывает нам, сударь, полное разделение Азии на народы севера и народы юга; непрекращающиеся набеги одних и постоянную оборону других. Разделение отложилось как в истории, так и на карте. Вам говорят о скифах по эту и по ту сторону Паропамиза.

Упоминают народы Гога и Магога и уверяют, что частица *ма* выражает местоположение и означает «по эту сторону гор». Взгляните, как пери, окопавшиеся позади гор, без конца отгоняли дивов, кои пытались их перейти. Сие разделение мы обязаны заметить. Все полуденные народы Азии вышли,

спустились с сих гор. Но [ведь] они их перешли: их истоки находятся по ту сторону, в равнинах, где обитали и враги оных. Грубые народы Севера есть древняя ветвь рода людского, которая дала ростки по всей Азии. Если народы, которые вышли из нее, более не походят на родителя, то сие подобно тому, как воспитанные и испорченные отпрыски разбогатевшей семьи совершенно не походят на их неотесанных и прямодушных прашуров. Если взглянуть на новые народы Севера со стороны духовности и просвещенности, то оные есть отстой породы людской, осадок очищенной субстанции. Но если рассматривать их твердость, то она исконно им присуща; они никогда ее не утрачивали и рождались с целью быть хозяевами земли. Жажда завоеваний, как и потребность удовлетворить оную, свойственна их природе; они ощущают сию потребность и в своем бездействии, подобно тому, как я ощущаю, находясь в покое, способность двигаться. Сии кочующие татары, занимающие малонаселенные обширные земли, неся в пустыни свои обозы и свои шатры, отличаются гордыней, равной их нищете; они вынашивали планы поработить мир.

И когда к ним Людовиком IX Святым были посланы монахи с целью обращения в свою веру, кочевники пожелали, дабы сей самодержец, столь великий и столь удаленный от них, платил им дань, и ответствовали на проповеди угрозами. Можно полагать, и история тому свидетель, что наделенные дерзким и непоседливым характером, они совершали частые набеги. Они нередко переходили горы, преодолевали природные и рукотворные укрепления; нашествия и опустошения Чингисхана и Тамерлана всего лишь повторение и новые примеры былых событий. История Персии уже поведала вам о вторжении Афрасиаба, мы отыщем еще другие случаи. Но современные татары, которых вы назы-

ваете тиграми Севера, ведомые своими дикими вождями, всего лишь юные орды, что пришли вслед за первыми, отпочковавшиеся от мощного и древнего древа, чьи первые побеги скосило время. Сии тигры резали полуденных овец: [само] небо сотворило из оных овец, дабы те стали по возможности легкой добычей. В сей части света, как и в мифе о Сатурне, отцы пожирали своих детей; и, как обычно случается в людской истории, братья обирали братьев. Земли, богатства становятся причиной войн, зависть лишает покоя; приобретенное силой силой и отбирается.

Те же толчки, которые побудили первую людскую лавину сойти с гор, привели в движение во след им и вторую; причиной их была потребность в пропитании и привлекательность благодатного климата: возможно, понадобилось немного поколений, чтобы сошла сия вторая лавина. Первая улегшаяся людская волна защитилась, укрепилась оплотами; нападения были отражены, владения сохранены; однако пока одна сторона усиливалась, другая все более ослабевала. Людские лавины, кои требовали новых обиталищ, все разрастались от поколения к поколению, их натиск креп, становился все более опасным, тогда как оборона оставалась прежней либо же хирела. Натиск на горные оплоты усиливался, подобно водам, что поднимаются над запрудой и, наконец, прорывают ее. Миру нравственному и физическому присущ один и тот же ход; мы тесним друг друга подобно морским валам и следуем друг за другом. Стало быть, вас не удивит, что ослабленные люди юга, коих столько раз захватывали, грабили, разоряли татары, тем не менее сами выходцы с тех же мест и, возможно, из того же корня, что и сии хищники. Они также были некогда хищниками, подобно последним.

Вот видите, сударь, нам нужно вернуться как во времени, так и в пространстве к самой отдаленной

старине и в Северную Азию, дабы отыскать первые примеры набегов и те края, откуда обрушивались сии лавины. Я предлагаю вам миновать Кавказ, Паропамиз и обширную горную гряду, которые отделяют известные народы — халдеев, персов, индийцев, китайцев — от их отчизны. Я вспоминаю, как вы хвалили сию отчизну и сожалели о ее утрате, говорили, что она породила миф о Золотом веке; я возвещаю вам о стране фей и показываю места сельские и дикие. Я чувствую, что оные горы придется вам не по вкусу. Ведь не скажешь, что вы не знакомы с их белыми от снега и теряющимися в облаках вершинами, с их изрытыми пропастями склонами, где встречаются древние сосны. Именно там природа величава! Именно там она предлагает картины, достойные такого художника, как вы! Вас, жителя гор Юра, Кавказ страшит; прошу вашего изволения высказать одну мысль. Восприятие тех же самых природных вещей зависит от наших представлений; воображение завладевает ими и преображает по своему произволению. Если мне грустно, то и окружающие меня места, сама природа печальны, подобно мне; в молодости меня пленяет ее свежесть и сила; в старости я замечаю одно ее увядание.

Единственное средство обелить Кавказ состоит в том, чтобы сопроводить вас туда в надежде отыскать там Золотой век. Бурные потоки, избороздившие его морщинами, вовсе не похожи на молочные реки с кисельными берегами; древние мрачные сосны совершенно не напоминают прохладные сени, где резвилась невинная младость. Однако, сударь, великая правда в том, что мы грустим по местам своего рождения; воображение их приукрашает, тем более что в долгой разлуке для сего много времени; и когда после разлуки мы вновь попадаем туда, оказывается, что друзей более нет, люди сменились, время переменяло и нас самих; сии места

утратили свою первоначальную прелесть, прелесть младости, коей уже не бывать. Я не удивлюсь, отыскав Золотой век в сих горах. Швейцарцы, ваши соседи, большинство которых обитают в горах, живут молоком своих стад, подобно патриархам. Не показывают ли оные вам, что там можно жить счастливо, сохраняя образ тех веков справедливости и невинности? На сей высоте удаляешься от смрадных и чумных испарений, и нравы там чисты подобно вдыхаемому воздуху. Я считаю, что сии горы напоены счастьем; я считаю, что по ним могли тосковать. Однако если вам желанны цветущие равнины, за горами мы встречаем необъятный край; там есть плодородные, милые сердцу кантоны, кои тоже могли запечатлеться в памяти: тут вполне отыщется колыбель, которую украсили люди столькими сказками. Мы на ощупь отправимся в глубокую древность, идя по едва приметной тропе, где стерлось столько следов. Я не в состоянии ни разгадать, ни поведать вам все; по мне лишь бы нить, что ведет нас, не порвалась. Я уже довел вас посредством взаимовязанных свидетельств до самых отрогов Кавказа. Мы вступили в Татарию, и я утешусь правдивыми подробностями почти канувшей в Лету истории, ежели смогу разглядеть суть оной, дабы показать вам путь, которым следовали люди, явить вам пропавшие народы, о которых вы спрашиваете, и воскресить те истины, что достойны вашего гения.

С почтением и прочее

Деятнадцатое письмо г-ну Вольтеру

Суждения о местонахождении Татарии и жителях оной

Писано в Париже, апреля 9-го сего, 1778, года

Сопровождая вас, сударь, в сии горы, я привел вас в место, самое возвышенное на земном шаре или, по крайней мере, в Азии: я возвышаю вас над землей подобно тому, как природа возвысила вас гением. Но сие возвышение, где мы обретаемся, не состоит исключительно из выступов: лежащие у наших ног равнины оказываются плоскими вершинами других гор: на вершинах некогда покоились целые державы. Мы даже не располагаем словами для обозначения огромных земель, возвышающихся над остальными землями, подобно нашим холмам на наших крохотных равнинах; позвольте именовать их словом *плато*.

Обиходный язык снабжает нас выражениями, которые способны облагородить употребление; выражения распространяются, а главное, возвышаются вместе с идеями. Вы с высоты, на коей находитесь, заметите, что Азия перед вами имеет покатый вид; она опускается к Ледовитому морю¹¹⁴ посредством

плоских уступов — *плато*, следующих друг за другом, с разным возвышением и зачастую охваченных поясом более высоких гор. Вы находитесь у источника плодородия, воды, которые создают оное, теснятся возле вас. Это — великое хранилище самой обширной части света. Взгляните на полуденный край, и вы узрите несущий свои воды Инд, который помнит переправу Александра; Ганг, где индийцы совершают омовение, по правую руку Хуанхэ, где Желтая река Китая течет к Японскому морю; но если вы взглянете на север, куда ведут вас мои стопы, то увидите бегущую к Ледовитому морю Обь в сопровождении Иртыша, Енисей и Лену. Все сии источники, все изливаемые ими сокровища раскинулись у вас под ногами. Вместе с тем вы пребываете на рубежах тепла и холода. Здесь не одно удаление от экватора остужает атмосферу, и высота, на коей мы пребываем, а главное, продуваемость со всех сторон. Перед вами все спускается к северу; все во власти его ледяных ветров, что добираются до самых гор. Но здесь ветрам преграждается путь, подобно тому, как он преграждался несколько раз и людям; а позади великой гряды опускающиеся к югу равнины ощущают лишь слабое их воздействие. Огромное пространство, место истоков стольких рек, усеяно снова высокими горами; они обступают широкие долины, где люди, защищенные от ветров и набегов, могли создавать установления и образовывать державы. Посмотрите, сударь, справа от себя на восток, где находится первая из бесчисленных долин либо плато, защищенная на севере Алтайскими горами, на западе — грядой*, которая соединяется затем с горами Тибета; другая гряда

* Сия гряда именуется *Муссарской*. См. доклад, прочитанный в Петербургской академии наук 13 июня 1777 г. в присутствии короля шведского г-ном Палласом¹¹⁵ о формировании гор.

идет на восток* и, разветвляясь на отроги, примыкает к этому плато со стороны Китая. С юга его закрывают горы Тибета. Плато имеет протяженность 22° или 23° по широте, иными словами, от 500 до 600 лье, а в поперечнике достигает 300 или 400 лье¹¹⁷. Приближаясь к центру Азии, вашему взору у подножия оплота Гога и Магога открывается второе плато, также обступаемое и опоясанное горами.

Оно располагается на 49° широты, как и Франция; протяженность имеет почти ту же самую, и, возможно, подобно Франции, сие плато оказало влияние на развитие знаний. Продвигаясь на запад, вы отыщете Уральские горы, кои тянутся до Ледовитого моря, точно по направлению, в котором течет Обь. Сия горная гряда поднимается к югу, образуя рубеж между Европой и Азией; она простирается к Каспийскому морю, двигаясь как справа, так и слева от сего моря к возвышенным равнинам юга Сибири и Татарии; сие плато поменьше образует на юге Кавказ. Русские там живут в Астрахани, а татары в Самарканде. Возможно, здесь была первая остановка кочевий, место отдыха кочующих и воинственных народов. Сии сами по себе возвышенные места облегчали подъем в горы; там селились, рассчитывая в дальнейшем перейти Кавказ и опрокинуть укрепления.

Вам не верится, сударь, что все сии края за Кавказом бесплодны. Местность, которая питает влагой столькие области, действительно испытывает в ней нужду; таково благодение, когда отрывают от себя ради других. Между тем повсюду, где вам встретятся реки, вы найдете землю плодородной. В краю Хорезмском, граничащем с Каспийским морем, на одном из плато, о коем я вам недавно говорил, видны бесплодные пустыни; но, несмотря на вы-

* Она именуется Хангай¹¹⁶.

сокогорье и прохладный воздух, орошаемые влагой равнины имеют великолепные пастбища. Там протекают *Амударья*, *Кызылсу*, чьи берега изобильны и благодатны; они рождают сочные плоды и прославленные дыни, которые служат свидетельством того, что сии края теплые. Если мы поднимемся выше на север, то встретим страну калмыков, или ойратов¹¹⁸, одно из колен монголов. Сей народ кочует по второму плато, защищенному оплотами Магога; сказывают, что это самый чудный край на земле. Сия область повсюду изобильна и крайне плодородна.

Ежели там встречаются неухоженные пустыни, то, скорее, по причине недостатка людей, а не влаги; сами же пустоши плодородны. Дикая природа подняла там высокую и густую траву; земли, питаемые ключами либо реками, ежели бы они возделывались, кормили бы значительно больше народа. Но там обитают одни татары-мусульмане, кои, став ныне землепашцами, покуда трудятся, лишь бы удовлетворить свои насущные нужды. Они занимаются своими стадами, которые питаются травой; со сменой времен года меняют и становища. Каждое племя или род имеют свой кантон, где живут зимой на южной его окраине, а летом — на северной.

Итак, сударь, вы видите привязанность народов. Налицо движение природы: сии народы следуют за солнцем. Но не думаете ли вы, что совершаемое ими в малых размерах и в пределах их земли происходило и в огромных размерах, в пределах земного шара? Не полагаете ли вы, что теплые края издавна их привлекали? Разве вы сомневаетесь, что сие побуждало совершать длительные кочевья? Народы без труда перемещаются по своим владениям подобно тому, как мы отправляемся из города в деревню. Но когда они хотели более ощутимых перемен, приходилось сталкиваться с отчаянным сопротивлением, и племена объединялись, рода спланивались в еди-

ное племя, дабы сломить сопротивление общим натиском. Если народ не возделывает землю, значит, все его добро заключено в силе; сила онога заключена в его лошади и его оружии: лошадь позволяет ему жить набегами; оружие должно обеспечить власть над миром. Народ лишен всякой оседлости, являя собой путника в краю, где он лишь дожидается случая совершить набег. «Трава, — говорит онный, — предназначена животным, человек же должен питаться мясом». По этому выражению вы, должно быть, угадываете народ Севера. Житель полуденных краев отличается умеренностью; индеец питается одним рисом; китаец обходится в день двумя су.

Приближаясь к востоку, мы отыщем на третьем и четвертом плато, что граничат с Китаем на западе, другое колено монголов; се татары-халхи¹¹⁹.

Они обитают за 50° широты до самого Тибета: великая пустыня, именуемая *Гоби* или *Сямо*¹²⁰, одно из их владений. Сия пустыня в некоторых местах совершенно голая, без деревьев, травы, ибо там нет воды.

Такова горькая участь всех плато, где люди, как и во многих иных случаях, страдают от высоты оных; но у обеих оконечностей сей пустыни, на севере и юге, поднимаются горы, давая начало рекам. Керулен, Селенга несут обильные рыбой воды и питают влагой обширные плодородные и густонаселенные долины.

Однако сии выгоды находят татары-халхи лишь в окрестностях Селенгинска, на 50° широты. У другой оконечности располагается Тибет с плодородными долинами посредине своих грозных гор. Горы словно бы нагромождены друг на друга, подобно взгромоздившемуся на Оссу Пелиону¹²¹. Они настолько тесно расположены, что едва дают проход стремнинам, которые падают вниз с ужасным ревом.

Но сии чудища природы оказываются полезными укреплениями; они ограждали благодатные до-

лины, делая доступ туда почти невозможным. Именно там осели, возможно, скрывающиеся от преследования брамины; земля приютила оных за склонами гор, и они жили здесь до того, как принесли светоч знаний в Индию.

Стало быть, некоторые из этих мест были достаточно плодородными, дабы люди, пришедшие, возможно, из края более сурового, могли довольствоваться ими и на долгое время оседали там, не ведая о лучшей земле либо выжидая удобного случая двинуться дальше с целью захватов. Но поверите ли вы, сударь, что сии края в целом были плодородней, нежели сейчас? Поверите ли вы, что всегда они не были столь холодными и столь засушливыми? Этими вопросами стоит задаться. Простите великодушно, если я мешкаю; но мы путешествуем ради наставлений: какая польза от всего увиденного, если разум его не усваивает? Говорят, что всякого человека охраняет и сопровождает гений; я охотно этому верю в сию минуту, ведь один из них передо мною; и поскольку мне так счастливо представился оный, не взыщите, что я обращаюсь к нему через вас. Разве не верно, что населенный край должен быть плодородным? Однако огромные просторы Татарии ныне в огромном запустении; люди разбросаны то там, то здесь: некогда их теснили, и они вырывались из тисков подобно тому, как теснимые берегами воды стремнины разливаются окрест. Сия почти пустынная область была оплотом огромной массы людей; оттуда шли целые полководья людские. Отчего же природа столь скупо обходится с растительностью и людьми? Бесплодность и запустение идут рука об руку. Бесплодность ли вызвала запустение, либо запустение привело к бесплодности? Когда род людской удаляется либо реддеет, место оного занимают чащобы, охлаждая собой воздух; почва сбивается в комья, земля отвер-

девает; единственно, может человек взбороздить ее лоно и облегчить испарения. Коль поднимается меньше пара, оскудевают источники, а с ними падает плодородие. Человеку, похоже, самой его деятельностью определено осуществлять смешение стихий и круговорот их; он питается плодами земли подобно животным, кои за ним следуют, а их останки удобряют землю: он освобождает почву, вспахивает землю, и поднимается пар, дабы затем выпасть в виде росы. Оставьте в покое природу, и воды скопятся в низинах, кои станут сырыми и холодными, и равнины обратятся в болота: засуха утвердится в местах возвышенных, кои станут холодными и безводными. Посмотрите, какой была Америка, когда ее открыли, и рассудите, сколь могла перемениться Татария при недостатке людей и ухода за землей.

Посему я заключаю, что Татария могла претерпеть подобные изменения; я заключаю, что она стала засушливей, холодней и менее плодородной, когда отселе удалился род людской. Но она, стало быть, была плодородной до их ухода; стало быть, я не напрасно полагал, что на широте 49°, на одной с Францией и Германией, некогда можно было наблюдать возвышающиеся в Азии державы, счастливые, могучие и цивилизованные народы. Я могу идти дальше и заметить вам, что следствия всегда соразмерны своим причинам. Физические последствия, кои я вам подробно изложил, недостаточно могущественны и скоры, дабы переиначить и саму Татарию. Кое-что нужно уточнить. Народонаселение определяется плодородием; перемена участи одного неизменно сказывается на участи другого. Переселения с севера ясно показывают, что увеличение пространства и, следовательно, плодородия было весьма ощутимым. Если бесплодность наступает с уходом человека, стало быть, не она побуждала его трогаться с места; стало быть, не она остановила

воспроизводство. Север, который вслед за Иорнандом¹²² назвали питомником рода людского; Север, который определенно заселил Европу и Азию, крайне не изменился! Мне не кажется, что Швеция или Дания страдали избытком населения; Россия имеет столько кантонов, нуждающихся в людях; население Татарию таково, что не в состоянии потребить производимую пищу. Какова же причина, произведшая такой урон? Отчего источники пропитания ныне не столь изобильны? Ежели бесплодие порождено недостатком людей, ежели природа утомилась производить, не видя более потребителей, мы не имеем права говорить, что бесплодие сдерживало рождаемость. Кавказ не остановил волны переселения, раз столько волн перехлестнуло через него; единственно лишь полуденные края, достаточно населенные, оказывают сопротивление, кое сдерживает людей и понуждает их жить у себя, умножаясь в числе лишь сообразно средствам своего пропитания; если сие справедливо для сильной и промышленной Европы, то неверно для изнеженной и слабой Азии, где Индия и Китай достанутся первому попавшемуся завоевателю. Татары без боязни могут увеличивать свои семьи; древние завоеватели, их братья, ослабевают, становясь для них легкой добычей и обеспечивая им пропитание.

Итак, здесь наблюдается некая постоянная причина, которая, по существу, и порождает сии изменения. Признаюсь вам, сударь, что мне такой причиной представляется ослабевание тепла. В природе уживаются противоположности, но она плодоносит лишь посредством смешения оных; все чрезмерное ей вредит и делает ее бесплодной. Для обильного размножения нашего рода не нужны ни зной Сенегала, ни холод Гренландии: наша бедная природа, либо выжженная солнцем, либо промерзшая от снега, оказывается чуть ли не холощенной. Спро-

сите персов, даже итальянцев, возгорается ли пламя любви на юге при полуденном зное, не горит ли оно охотней при закате дня и в прохладе тамошней ночи? Хоть цивилизованный человек располагает умением создать вокруг себя время года по своему вкусу, уготованная природой пора неизменно могущественней; большинство детей рождаются там в январе месяце, ибо зачатие их происходит весной. У нас же не бывает ни лета слишком жаркого, ни чересчур холодной зимы; а вот в месяце мае устанавливается умеренная температура, и это пора любви для всех тварей. Нет необходимости говорить, что любовь неуютно чувствует себя посреди льдов; любовь расцветает и угасает вместе с жизнью. Это закон непреложный: с холодами замирает и жизнь. Человек разводит огонь, закрывается в помещении с нагретым воздухом, кровь в его жилах стынет либо кипит вместе с окружающей атмосферой, подобно ртути барометра, показывающего в закрытом помещении изменения наружного воздуха. Взгляните, что делает холод с семейством растений, как он уменьшает число, высоту побегов древесных, и рассудите, насколько он подкашивает поросль людскую. Наконец, климатические пояса, где царствуют лето и зима, не плодovitее наших лета и зимы. Плодовитость — владычица краев, где царствует весна, в умеренных широтах, взятых под крыло гением.

Я не касаюсь здесь, сударь, местных и политических особенностей, которые могут способствовать либо препятствовать размножению рода. Я выставлю перед вами исключительно общие начала, кои касаются природы. Но прошу вас отметить выгоды предлагаемого мной объяснения; оно учитывает не только нынешние границы населения Севера, но и избыток его в прошлом. Если рост населения остановился, то лишь из-за нынешнего похолодания северных климатических поясов, из-за падения по-

казателя рождаемости на термометре природы ниже среднего. Если население было некогда в избытке, то лишь благодаря умеренности сих поясов, тому, что небо не было чересчур пыльным либо суровым, и сие благоразумие небес ныне царит над Европой.

Одно соображение, вызванное местоположением самого края и свидетельствами предания оно, присовокупляется к сим доводам. Отчего, сударь, все возвышенные места Татарики были самыми населенными? В этом особом крае, где обширные плато, что подняты во многих местах выше уровня моря, образуют равнины, где располагались целые державы, подобное возвышение понижает температуру, и там устанавливается столь же холодный климат, как на широтах, что ближе к Северу. Воды там не хватает, и сия засушливость никого не привлекает. Берега рек, напротив, предлагали орошаемые влагой низменные долины, где холод полярных широт уравновесила бы подобная изменчивость. Но из древней истории Персии вы видите, что все войны велись у подножия Кавказа, где мы находимся, когда персы обороняли Кавказ с юга, а их враги наседали на него с севера; халхи [то есть монголы], тангуты, тибетцы населяют другое плато; как раз оттуда и вышли монголы и маньчжуры, кои опустошили, полонили Индию и Китай. Так почему же люди предпочитали высокогорья? Вы предписываете мне справиться на сей счет у природы. Чего домогаются люди, состоящие из первоначал, то бишь стихий, и живущие своими плодами? Они ищут землю, воздух и воду; иначе говоря, почву, которая производит благодатную атмосферу и плодоносные воды. Почва направляет все шаги и поиски оных; те инстинктивно сознают, что она обретает плодородие под воздействием солнца и с помощью воды. В своих странствиях, когда они снимаются с мест ради лучшей доли, их, должно быть, призывает

солнце, направляет вода. Сей закон зиждется на знании наших насущных нужд; он нас не подведет, ибо столь верно направлял тех, что населяют ныне благодатные края Индии и Китая. Итак, люди искали солнце, свой путь они должны были держать с севера на юг, и действительно, в этом направлении история сохранила их следы. Но в поисках солнца им приходилось следовать руслам рек или, скорее, подниматься против их течения. Река кормила их рыбой, ее берега давали пастись животным, а леса близлежащих долин были раздольем для охоты. Таким образом, они прибыли к нашим плато, где и были задержаны горными преградами. Обь, великая река Азии, вместе с Иртышем, что впадает в нее, привела их к верховьям Сибири и к горам Алтая, где обретаются истоки сих рек. Енисей привел их почти к тем же пределам. Как раз сии горы они и перешли, вступив в круг гор, где находится оплот Гога и Магога. Лена привела их к Селенгинску и на плато, кое начинается у Халхи и заканчивается в Тибете. Их продвижение остановил Кавказ, где и началась война. Те, что прошли первыми, возвели преграды на пути тех, кто пришел вослед; но причины, которые вели оных, побуждали их продолжать движение. Они видели приближающееся солнце, лицезрели воды, текущие к иному морю. Верные своим проводникам, они желали двинуться навстречу солнцу, желали следовать бегущим от них водам. Они следовали за Курой, Евфратом и плодородием, которое сии реки несли в Персию и Сирию. Инд, Ганг показали им путь в Индию, а Хуанхэ, сиречь Желтая река, путь в Китай. Закон, что мы установили и из коего извлекли следствия, представляется мне путеводной нитью. Сие движение народов крайне правдоподобно, ибо согласуется с природой: оно верно, ибо подтверждается ходом истории.

Я обрисовал вам, сударь, самую обширную часть света. Она любопытна повторяющимися там кочевьями, частыми переменами, но более всего установлениями, кои еще сохраняются в некоторых наших установлениях: как раз дух Азии и питает Европу. Необходимо спуститься с вершин, откуда мы наблюдали сие зрелище, увидеть людей вблизи, познакомиться с тамошними обитателями; те, возможно, просветят нас касательно их преемников и собственного пути, либо мы сами просветим оных, разясняя посредством философии их повествования.

С почтением и прочее

Двадцатое письмо г-ну Вольтеру

Открытие пропавшего народа

Писано в Париже, апреля 12-го сего, 1778, года

Первым татаринoм, к коeму нам следует обратиться за пояснениями, сударь, будет хан узбеков Абу-ль-гази¹²³, правивший в прошлом веке в Хорезме, что у берегов Каспийского моря. Он написал историю своего народа, составленную на основе предания и подлинных воспоминаний.

Азия — родина человеческой [элиты]. Народы там не чета нашим молодым вельможным выскочкам, чьи родословные едва достигают двенадцати—четырнадцати столетий и восходят к варварскому и чуть ли не дикому простолюдину. Там всё дышит древностью, все рождено вместе с землей или с потопом, с коим утвердился новый мир. Татары, которых мы презираем, имеют свою родословную: свое племя они возводят ко второму прародителю рода людского, к Ною; и ежели они не подымаются по своему древу выше, причиной тому потоп. Я не представляю вам такое происхождение как совершенно обоснованное. Но даже не принимая сие их начало, следует внимательно выслушать народ, в рассказе о себе повествующий о чередe событий и смене по-

колений. Иафет, третий сын Ноя, поселился на берегах Яика¹²⁴ и Волги, что на севере Каспийского моря. Сей край располагается на 50-й широте в самой полуденной и возвышенной части Сибири. Его сменил сын, Тюрк; отсюда и пошло имя сего народа, коего на Востоке обыкновенно кличут тюрками, а не татарами; татары — лишь одно из его колен. Таунак, сын и преемник Тюрка, был современником Кеюмарса; посмотрите, как сия история увязана с историей персов. Пятым потомком Тюрка был Аланзахан; как раз в его царствование народ пресытился изобилием, забыл истинного Бога ради поклонения истуканам.

Стало быть, Татария некогда утопала в изобилии. У Аланзы было два сына, Татар и Могол, сиречь Монгол. Отселе тюркский народ разделяется на два колена, на два царства: одно простерлось на восток до самых берегов Японского моря, живя по законам своего основателя, Татара, и переняв имя его; другое раскинулось к западу под названием монголов. Оные жили летом у гряды алтайских гор, а зимой — по берегам реки Сырдарья, под защитой гор, кои окружали ее с севера. Стало быть, стоянка их находилась между Каспийским морем и вторым плато; такова древняя вотчина татаро-монгол.

Все эти горы обступали обиталище, отчизну их; люди постоянно искали защиту под укрытием сих природных стен: образ городских стен, за которыми люди хоронились, изначально был навеян сими горами. Монголы и татары, хотя и были братьями, оказались разделены, как часто случается в семьях. Они стали врагами из-за неприязни, неизменно более сильной, коли она случается среди братьев: закон запрещал одному колену родниться с другим, и соперничество за власть вынуждало их не выпускать оружия из рук.

Внук Монгола был самодержцем, оставившим по себе громкую славу. Его рождение сопровожда-

лось знаменами, как бывало со всеми людьми, кои представлялись великими в века дикости. В возрасте одного года, когда отец решил дать ему имя, он опередил отца и сам сказал, что будет именоваться Огузом. Он возлюбил правду прежде разума, словно ему не предстояло стать правителем. Сказывают, что еще в колыбели, уверовав в единственность Бога, он не захотел брать грудь матери, отверженной к идолопоклонству; и уступил, лишь когда та пообещала следовать вере сына. Он уступал любви и женился тоже на этих условиях. Из сих смешанных с мифами рассказов видно, что оный владыка действительно был отмечен чистотой нравов. Именно с его правления начинается последующее летосчисление, которое охватывает четыре тысячи лет от Огуза до Чингисхана: Огуза относят к 2880 г. до н. э. Вы могли бы, сударь, припомнить, как в «Истории древней астрономии» я пытался посредством допущений сократить огромное число татарских [календарных] циклов, оценив, что сии циклы должны были отсчитываться с 2980 г. до Рождества Христова. Летосчисление, оцененное мною, стало быть, весьма недурно согласуется с летосчислением данной истории. Огуз был завоевателем; он, сказывают, покорил Татарию, Китай и Персию¹²⁵.

Но это, безусловно, были лишь грабительские войны, и он был бы обременен плодами своей победы, если бы не изобретение колесницы для перевоза добычи. Впрочем, я заключаю, что Персия и Китай вовсе не были поработаны, ибо в сих странах, где так прекрасно сохранились предания, нет никаких тому свидетельств. Подобные события происходили при правлении сына Кеюмарса или, скорее, одного из его преемников.

Не кажется ли вам, сударь, что сии монголы, переметчики и грабители, и есть дивы, которые жили добычей, или, по меньшей мере, их преемники,

которым дали то же самое имя, ибо они занимали тот же самый край, имели те же самые нравы и привычки.

Эти племена были жестоки и могущественны; из них сотворили гигантов, возможно, из-за высокого роста и крепкой стати или единственно по причине внушаемого теми ужаса. Сия держава в конце концов пала под ударами татар. Седьмой преемник Монгола был убит и лишен престола седьмым наследником Татара. Только Киян (Kayan), его сын, и Нукгуз (Nagos), его племянник, избежали смерти и остались на свободе. История оных весьма занимательна: оба царевича укрылись среди самых крутых гор. Нужда побуждает действовать; они стали карабкаться по примеру диких коз; их сопровождали жены и остатки войск. Достигнув вершины, они обнаружили внизу дивную и плодородную долину, куда вела крайне узкая тропа; они спустились туда, где и обосновались. Царевичи жили подобно человеку, утратившему владения, вдали от общества, возможно, счастливому тем, что сохранил свою супругу и отыскал сокровища природы, кои служат пищей жизни и любви. Сие место стало называться *Эргунэ-кун (Iganakon)*, двумя монгольскими словами, из коих одно означает *долина*, а другое — *крутые холмы*. Сия долина была недоступна, обступаемая естественными оплотами. Вот перед вами, сударь, пример тех ложбин, о которых я говорил вам как об уединенных местах, где люди жили и плодились в мире. Место оказалось изобильным; населения там прибавилось немыслимо; за четыреста лет двое людей произвели огромное множество народа.

Будем считать, убрав все чудеса, что сии два царевича были единственными представителями своего племени, но их сопровождали слуги, которых они обратили в своих подданных, тогда как сами

определили себя навечно хозяевами. Когда народ быстро разросся, когда он ощутил свое могущество, то пожелал расширяться; прежнее уединение стало для него узилищем, плодородие земли более не могло обеспечить ему пропитание. Но неприступные скалы, которые охраняли вход, не давали никакой лазейки: бывшая тропа оказалась забытой либо занесенной временем и лавинами. Однако желание вырваться крепло. Один военачальник, заметив, что гора в некоторых ущельях не так широка и состоит из одной железной породы, предложил проделать проход с помощью огня. Принесли дерева, угля, что находились у подножия горы. Семьдесят огромных мехов нагнали столько жару, что металл оплыл, оставив место для прохода навьюченного верблюда. И монголы вышли на свободу через сей выход. Оные доселе празднуют годовщину своего чудесного избавления; разводится огромный костер, куда кладут кусок железа. Как только железо раскалится докрасна, хан первым ударяет по нему молотом; его примеру следуют племенные вожди, воины и весь прочий люд, ударяя каждый по очереди¹²⁶.

В этих подробностях, сударь, я замечаю нечто от чуда, приписываемого Ганнибалу, что размягчал альпийские скалы посредством уксуса. Но коль скоро все эти чудеса заимствованы у природы, коль скоро небылица об уксусе не помешала Ганнибалу перейти Альпы, я полагаю, что в сей истории заключено зерно правды. Я усматриваю тут учрежденный праздник, праздник радости и памяти: люди не веселятся без повода; воспоминание предполагает предмет памяти; а из всех естественных причин, которые можно было предположить, мне кажется, что предпочтение следует отдать сообщаемой преданием причине. Итак, я поверю, что при разработке жил гора утончалась и получившаяся

борозда образовала проход. Сей праздник есть ежегодное выражение в виде действия радости монголов по выходу из уединения, где они все же были весьма счастливы, находясь взаперти и под защитой гор. Отселе я заключаю две вещи: во-первых, сии закрытые и обитаемые ложбины вовсе не какие-то химеры; во-вторых, сии народы знали толк в железе и умели извлекать его из руды. Это наблюдение, возможно, прольет для нас некий свет. Вот и все, сударь, что я имею сообщить вам об этой истории. Сии народы разделены на бесконечное число колен; но два самых мощных племени живут вокруг Китая и зовутся татаро-маньчжурами и татаро-монголами. Нет нужды говорить вам о Чингисхане, Тамерлане и иных новых тиграх, что грабили Азию. Мы ведь ведем разговор о старых временах, нам нужна лишь древняя история.

Предание об обработке руды в Татарию подтверждается и некоторыми другими источниками; аббат Баннье сообщает, что сей край — родина знаменитых кузнецов Сицилии, прозванных Халибами¹²⁷.

Как раз оттуда вышли народы, которые носят название славов (Slaves) или славян (Slavons). Имя досталось им от изготовления железа, которое они принесли в Европу. Д'Эрбло добавляет даже, что народы Гога — это татары, прозывавшиеся калмыками, а народы Магога есть халибы. Вспомните, сударь, как Гомер, описывая остров Эолию, где были владения повелителя ветров, изображает его окруженным крутыми скалами и медной стеной*

Остров, опоясанный медной стеной, должны были населять кузнецы. Именно на сем острове либо на Липарских островах, где Диана встретила цик-

* Одиссея. Песнь X. С. 2—4: «Остров плавучий его неприступною медной стеною/Весь обнесен; берега ж поднимаются гладким утесом». [Перевод В. А. Жуковского.]

лопов, занятых ковкой из глыбы красного железа яслей для коней*.

Греки, которые перенесли на собственную почву все предания, поместили остров Эолию среди Липарских островов. Имеется много иных, более заметных примеров подобного перемещения исходных мест.

В Татарию, где мы находимся, находятся еще Болгария и Венгрия¹²⁹.

Значит, сие владение австрийского дома, сие королевство, как и европейская Болгария, ныне находящаяся под властью Порты [то есть Турции], суть образования татар и полуденных народов. Вот оно свидетельство обычая, когда вместе с людьми перекочевывает на новое жительство и название родных мест. Вы видите, сударь, что Татарию занимательней того, что об одной думают; се есть колыбель всех народов, се есть подмости, на которых прошли великие древние зрелища. И ежели она оказалась растерзанной войнами, ежели там изменился состав воздуха, ежели люди почти оставили ее ради более богатых и желанных краев, это не повод нам оставаться несправедливыми; не уподобимся в своей неблагодарности и гордыне выскочкам и в славе будем помнить свое происхождение. Вас вовсе не раздосадует встреча с местами, где жили ваши предки на протяжении многих веков. У нас в этом путешествии будет прекрасный проводник — г-н Паллас, умелый естествоиспытатель, посланный для наблюдения природы в обширных владениях русской императрицы**.

* [См.]: *Каллимах*. Гимн к Артемиде¹²⁸.

** *Путешествие г-на Палласа*, писанное по-немецки, издано было в трех томах форматом в пол-листа. Из одного было также сделано извлечение по-немецки, в двух томах форматом в восьмую долю листа, откуда мне перевели некоторые куски. Как раз сие извлечение я и привожу в дальнейшем.

Не буду говорить вам об останках слонов, которые находили в Сибири и на самом севере Татарии на каждом шагу. Нас не удивит вид слонов, похороненных в сей мерзлой земле. Земля, которая ныне погребла оных, некогда носила их на себе; такой вывод мне представляется очевидным. Но самое любопытное из сообщаемого нам Палласом — останки погибшего древнего народа, найденные на берегу реки Енисей, в окрестностях Красноярска. Внутри Змеиной горы (Шлангенберг) находились рудники, выработанные руками древних людей. Они копали под землей, но из-за отсутствия железных орудий их продвижение остановила скальная порода и твердые включения. Было найдено великое множество предметов, которыми они пользовались, вроде заступов, кувалд, клиньев и молотов. Лопаты были сделаны из довольно крепкого камня, где одна часть была вытесана в виде ручки; все прочие предметы были не из железа, а из меди. На равнинах и в горах возле Иртыша разрытые захоронения содержали резаки, ножи и наконечники стрел, все тоже из меди.

В других захоронениях вблизи Красноярска и Енисея находили обычно орудия труда, оружие и украшения из меди и золота. Местные жители повадились грабить сии курганы; несмотря на меры правительства, они постоянно тревожат последнее людское пристанище и покой мертвых. В своей поездке в Красноярск Паллас приобрел многие из принесенных ими старинных медных и иных диковинных предметов, что были взяты из захоронений, в том числе наконечники копий и стрел, дубины или военные молоты, весьма искусно сделанные ножи, клинки, всевозможные фигурки животных, отлитые в меди и в виде барельефа: здесь были лоси, олени и прочее, а также совершенно незнакомые образы. Материалом обыкновенно служила чистая

медь или металл, похожий на тот, из чего отливают колокола.

Г-на Палласа заверили, что в захоронениях еще встречается деревянный помост, куда клали умерших; сии помосты украшали изображениями животных, отлитых в виде рельефа. Примечательно, что железо отсутствовало во всех сих древних захоронениях. Эти захоронения, говорящие о состоянии ремесел и возможностях производства в то время, дают точную картину народа, оставившего после себя сии предметы обихода. Монголам уже издавна было известно железо и кузнечное дело; значит, сей древний народ не относится к племени монголов. Он мог быть изгнан монголами, но, несомненно, предшествовал им. В рудниках Змеиной горы был найден наполовину окаменелый человеческий скелет; рядом с ним находился кожаный мешок, наполненный той охрой, где находят золото. Подпорки, которые держали землю в рудниках, окаменели; сии окаменелости содержат включения золота и меди. Значит, прошло достаточно много времени, дабы природа, создавая сии окаменелости, успела образовать эти металлы, создание которых, несомненно, идет значительно медленней, чем образование камней. И нас [это] не удивляет, нам кажется вполне естественным, что хватило времени и на разрушение всех камней, из которых люди могли возвести постройки; никаких их следов не находят.

Однако, сударь, вы, коему так хорошо известно, как идет развитие, как одновременно с ним должны свершаться открытия, не можете не признать, что люди, взявшиеся разрабатывать рудники, прежде должны были построить жилища. Кочующие народы, которые живут дарами природы, имеют лишь естественные надобности; и только общество, рождаемое единственно среди оседлого населения, создает искусственные надобности. Вовсе

не кочуя по пустыне, изобретают ремесла, учатся различать металлы, почти повсеместно скрытые природой в недрах земли, по-разному окрашенные. Потребность в металлах может возникнуть лишь в обществе. Изобретательству нужен досуг; а сколько изобретений предполагает умение плавить металлы, обрабатывать их и отливать! Я, похоже, выявил последовательность, которую невозможно переставить: люди поначалу пахали землю лишь для повышения ее плодородия; они стали рыть, внедряться в ее недра для извлечения камней лишь после возведения хижин из стволов деревьев, после использования щебня для заполнения промежутков в деревянных стенах. Более крупные, соединенные вместе камни давали более прочное и долговечное прибежище: на открытых склонах какой-либо горы они заметили скопление сих камней; люди стали углубляться в гору, проникая в недра земли: карьеры стали первыми открытыми рудниками. Прежде чем изобрести литейное дело, нужно было, чтобы человек проявил любопытство к различному цвету минералов: потребовалось вмешательство случая, чтобы минералы очутились в довольно жарком пламени и, расплавившись, отделились от солей и серы, кои скрывают металл — таким образом, став жидким, металл показался наружу, а затвердев, стал служить надобностям общества.

Итак, мне безо всякого сомнения представляется, что сей народ до того, как заняться выработкой руды, должен был иметь дома, строения; а поскольку не осталось никаких руин, стало быть, время, очень продолжительное время медленно поглотило их. История доставляет свидетельство оной древности; этот народ должен был быть весьма древним, посему потомки Тюрка и Монгола, знавшие железо, жившие почти в тех же самых краях, могли прийти лишь после этого народа. Г-н Паллас полагает,

что их истинное местожительство следует отнести к *замечательным* равнинам и горам близ реки Енисей. Побуждает его так думать то обстоятельство, что найденные дорогие вещи из золота выполнены весьма искусно, с большим умением; в месте, что находится вблизи реки Иртыш, найденные предметы сделаны из меди и отличаются грубой отделкой. Это поселение того же самого народа, но когда тот был менее сведущ в ремеслах. Живущие в Сибири русские ничего не ведают про сей народ; однако имя одного донесло предание, и те кличут его чудью¹³⁰. Сие имя откроет нам происхождение и кочевья одного народа: ибо, хоть тот и исчез с лица земли, живые языки хранят следы его пребывания. Один ученый муж из Страсбурга (г-н Оберлен¹³¹) сообщил мне, что некогда финнов звали чудью*.

Заметьте, сударь, стоит нам начать поиски истоков, и мы неизменно держим путь на север. Красноярск, где мы сыскали сей древний народ, расположен на 56° северной широты, Финляндия же — за 60° широты, и ее захватывает полярный круг; но самое поразительное здесь заключается в огромной разнице по долготе, где сия разница превышает 70°, что составляет почти 900 лье. Вы заметили, что венгры покинули Венгрию в Азии: полагают, что между их наречием и наречием финским имеется некое сходство.

Г-н Идман относит Швецию к числу стран, где встречаются следы древнего финского народа: и действительно, само имя одного там сохранилось. В Швеции живет знатный и древний род, носящий фамилию Чудь, и если бы волей случая мы обнаружили, что народ, от которого происходит сия фамилия, отличается доблестью, просвещенностью и

* *Изыскания касательно финского народа*, автор г-н пастор Нильс Идман, сочинение перевел на французский г-н Женесын, уже известный по переводу истории Эрика XIV¹³².

талантом, один из потомков этой семьи доказал бы вам, что оный род не выродился*.

Сии малые свидетельства ведут к большим заключениям. Языки крайне полезны в поисках чьего-либо происхождения и зависят от сложения человека. Орган речи — наиболее подвижный из всех, более всего способный совершенствоваться и одновременно изменяться. Вам, сударь, известно, как усвоение и изменение оного определяются природой климата. Природа, которая и выковывает гения языков, также определяет устройство самих слов. Звучание, вид письмен дают нам понять, что некое слово оказывается китайским, индийским, греческим и прочее. Если бы вы отыскиали в самых удаленных, самых незнакомых странах семью, коя носила бы имя *Франк*, не заключили бы вы тогда, что она имеет французское происхождение? И сие происхождение еще более заметно в словах, которые все дальше отходят от исходных звуков и где сии звуки в существенной мере изменяются под действием согласных, подобно имени Чуди. Г-н Нильс Идман, пастор прихода Або¹³⁴ в Финляндии, создал серьезный труд, где показывает частные сходства между финским языком и греческим; там можно справиться в списке слов, где сие сходство существенно.

Нам следует здесь заниматься общими, а не частными понятиями. Отметим, что финны, древние потомки скифов, были первыми известными жителями Севера. Язык их, на котором доселе говорят в его первоизданной чистоте, похоже, был языком скифов¹³⁵. Но смешались с инородными племенами; следы их происхождения, государственного устройства и нравов оных сохранились лишь в мифологии, языке и древних обычаях.

* Г-н барон де Чуди, военный королевский судья (балы) в Метце¹³³.

Один из финских праздников отличает особое сходство с праздником у греков. Сей праздник падает на декабрь месяц и зовется *Юлу*¹³⁶; се было время года, когда финны с наибольшей охотой предавались чревоугодию. *Суда*¹³⁷ говорит о некоем греческом празднике под названием *Иолея*, учрежденном в честь Иолая¹³⁸, древнего героя, чтимого афинянами. Называли еще именем *Ул* и *Иул* гимны, посвященные Церере. Итак, оба этих праздника схожи и названием, и предметом поклонения. Можем ли мы считать, что греки занесли сие установление в столь далекую от себя сторону либо что финский народ отыскал оное, дабы учредить затем у себя? И то и другое неправдоподобно.

Избавимся, сударь, от наших старых предрассудков. Греки наставляли нас, их сочинения совершенствовали наше красноречие и поэзию, их историки, их ораторы, их поэты составляют предмет наших занятий и наших услад, но они вовсе не были учителями сего мира. Они не просвещали Азию, куда порой отправлялись сами за знаниями; они вовсе не приносили свое наречие на Север; как раз Север и заселил Европу и Азию. Сходство обычаев, установлений и языка передается от колена к колену и проистекает из сего начала. Ведь не отец походит на своих чад, но сами чада имеют черты отца: сие сходство определяется природой. Греки хоть и путешествовали, но в края богатые и просвещенные; они основывали колонии, но в Малой Азии, в Средиземноморье, в местах благоприятных климатом и схожих с их собственными краями. Однажды Пифей¹³⁹ направился к полюсу, но подобное путешествие случилось лишь однажды; и если бы сие повторилось, один человек ничего не переменил бы ни в установлениях, ни в наречии далеких и чужих народов. Единственно завоевание или по-

вседневная и длительная торговля — вот что может привести к смешению людей, переплетению их обычаев и единению наречия через перенимание слов. Греки не совершали сих завоеваний, а пример торговли, о которой мы ведем речь, существует лишь в современной и цивилизованной Европе.

Рассудив о народах, что жили по сию сторону Кавказа, мы ныне, сударь, начнем знакомиться с их врагами, народами, которые жили за этими горами. В первую голову се будет погибший народ, некогда звавшийся чудью, о котором в наши новые времена известно лишь по деяниям, которые он свершил на земле, и по могильным останкам. Орудия труда покоятся в рудниках, как свидетельство умения оных; праха мертвых уже не сыскать, но металлические украшения и оружие, сокрытые и защищенные землей, сумели противостоять натиску времени. Затем идет Тюрк и его оба колена, татары и монголы: сии народы несли одни разрушения и известны лишь по полчищам варваров, пришедших на юг Азии. Именно они столько раз в истории и чуть ли не доселе опустошали сей край. Их собственные сказы ничего не сообщают нам о том, что они были создателями. Тот древний народ, который разрабатывал рудники, мне представляется наиболее любопытным. Мне больше по душе, когда пашут землю, углубляются в недра оной, нежели когда в своем движении ее опустошают. Сей народ меж тем сильно расширился и пустил корни за отрогами Алтая, его ветви протянулись на девятьсот лье до самой Финляндии. Его имя, кочуя, достигло рубежей Швейцарии. Несмотря на сию протяженность владений, говорящую об огромности населения и стоящим за оным могуществом, сей народ оказался забытым подобно тому народу, что я обнаружил в древности: он пополнил ряды пропавших народов. Действительно, такое положение ве-

щей сохранялось вплоть до путешествия г-на Палласа с его недавними открытиями.

Итак, какова участь народов? Почему одни оставляют по себе столь долгую память, тогда как другие обречены на забвение? Не определяется ли сие обстоятельство тем, что обиды глубже запечатлеваются в памяти, нежели благодеяния? Мне тогда пришлось бы заключить, что сей народ не сделал ничего плохого миру. Я вижу, как Александра по сию пору не забыли индийцы, хотя оный бич только вскользь прошелся по ним. Я вижу, как в Азии все еще страшатся дивов и гигантов. Я полагаю, что сей народ жил в мире и спокойствии; он расширился посредством колоний, завоевывая единственно природу; он превратил пустыни в места обитания; все подобное может забыться, ведь здесь мы видим одни благодеяния. Раз оный ничего не отнял, то и жаловаться не на что; раз оный ничего не разрушал, не ломал, стало быть, и не возбуждал той ненависти, которая и увековечивается в людской памяти, тех стенаний, отзвуки коих и доносит нам история подобно тому, как горы вторят громовым раскатам. Сие заключение не делает чести человечеству, но, пожалуй, так оно и есть. Впрочем, сударь, я не собираюсь в ущерб правде восхвалять народ чуди, о коем нам мало известно. Я склонен думать, что оный жил в мире, не совершал зла благодаря сложившимся на ту пору в мире обстоятельствам и по причине своей древности на земле; во времена, когда она была мало обитаема, можно было народу расширяться без всякого притеснения. Род людской никогда не менялся: человек кроток, когда всем доволен; и как раз нужда, сдерживаемые преградами желания делают его жестоким и несправедливым. Раз я из того, что они не оставили по себе памяти, заключил, что чуди не творили зла, можно также заключить, что они не делали зла по

отсутствию нужды в нем, по причине своей великой древности и при отсутствии соседей или, по меньшей мере, их большой удаленности; земля находилась в распоряжении чуди. Возможно, завоевателями и захватчиками стали колонии, которые, уже обретая иные имена, оказались поблизости к другим народам.

Открытие сего народа весьма любопытно; вы, сударь, рассудите, насколько оно должно было меня заинтересовать. Я еще не могу сказать вам, был ли сей народ тем племенем, что пестовал астрономию и науки в древней Азии; я извещал вас, что смогу показать все лишь сквозь завесу времени. Но сия чужь весьма древняя. Она жила почти на той широте, что я и предполагал; она была просвещенной, ибо располагала ремеслами, разрабатывала рудники и вела большие работы в горах. Наконец, сия чужь более не существует: она весьма схожа с народом, чей гений я обнаружил среди обломков знаний. Не знаю, ошибаюсь ли я, но мне кажется, что лишенное прочного основания суждение, далекий от истины подход не получили бы подтверждения в дальнейших открытиях. Надеюсь, вы простите меня за то, что увлек вас в Татарию: все-таки обнаружение пятого пропавшего народа и заполнение пробелов истории кое-что значат. Мы поступили бы неправильно, перестав пополнять наши знания. Сей народ, должно быть, имел соседей, и требовалось обойти страны, сравнить существующие наречия, вывести тамошние сказания. Историю пишут по памятникам времени; а сими памятниками служат наречия и сказания, древнейшие из творений людских.

С почтением и прочее

Двадцать первое письмо г-ну Вольтеру

О наречиях северных и sage Геспериг

Писано в Париже, апреля 20-го сего, 1778, года

Речь, сударь, есть отличительная черта человека; как выражение мыслей, она рознит человека от всех живых существ; как выражение гения, она выражает положение человека и отличает каждого из нас. Все люди схожи, когда хранят молчание; народы различаются, выделяются языками, как люди речью. Облик языка хранит отпечаток климата, ум показывает гений народа; язык есть плод мыслей, дух выражается в творениях оно-го. Достаточно известные и хорошо изученные языки могут посему сообщить происхождение народов, их родственные узы, страны, где они обитали, пределы знаний, которых они достигли, и степень возмужалости их духа. Но меж тем человек, который способен совершенствоваться, который ежедневно, если можно так выразиться, прибавляет ума, опирается на одну физическую основу.

Посему, сударь, сравнивая наречия народов, следует остерегаться видеть родственные узы среди

сходств, которые рождаются по причине одинаковости природы человека. Лейбниц¹⁴⁰ первый усмотрел пользу, которую может извлечь история из сравнения наречий; г-н президент де Бросс¹⁴¹ рассматривал слова и звуки как подражания; но никто, по моему разумению, не продвинул более сию науку своими многочисленными трудами и счастливыми находками, нежели г-н де Жебелен. Он сообщил нам все языки, он разделил оные еще на местные наречия; остальное, что присуще всем языкам, относится к некому первоначальному языку*.

Итак, существовал первичный язык, а г-н де Жебелен обещает вам оный представить, когда в своем труде выявит все языки для воссоздания этого наречия, что явится великим открытием нашего века. Оное наречие должно будет состоять почти исключительно из односложных слов, ибо люди вначале ощущали потребность сообщать выражения наибольшую скорость, дабы те поспевали за мыслью, и обозначили предметы кратчайшими и простейшими звуками. Сии звуки состояли единственно из гласных**, раз сочетаний оных хватало для множества предметов; для расширения самих сочетаний изменяли исходные звуки посредством согласных. Г-н де Жебелен нашел семь гласных, семь сильных и семь слабых согласных; отсюда получаем двадцать один звук и двадцать одну букву, что изображают сии звуки: другие грамматики насчитывают двадцать четыре звука и столько же букв.

Се есть то, что поставляет природа, се есть основа наречий. Если бы сие число букв составляло алфавит всех наречий, мы не могли бы ничего

* [См.]: *Г-н де Жебелен*. Происхождение наречий и Писания.

** На северных наречиях *ойа* означает «остров», «вода» называется *аа*. [См.]: *Рюдбек*. Об Атлантиде. Сии наречия мне представляются наиболее близкими к первичному языку.

заклЮчить о времени их образования. Можно было бы считать, что люди не могли говорить и писать иначе, но алфавиты меняются в зависимости от количества букв. Люди, у которых их больше, увеличили оные без надобности; те, у кого букв меньше, находятся в нищенском состоянии, что указывает на схожее состояние мыслей. Есть исследования по языкам, кои тщательно разделяют одни звуки от других. Сии исследования суть порождение времени: как раз изобилие идей, количество познанного понуждает множить звуки, изменять их посредством иных звуков, дабы поспевать за многообразием природы и передавать оттенки мысли. Итак, число букв должно разниться у народов вследствие развития человеческого ума. Одни, менее продвинувшиеся народы не испытывали потребности извлечь все звуки из органа речи, другие использовали все богатство звуков. Сии алфавиты, стало быть, позволяют относить людей к различным семействам, среди которых я наблюдаю два основных: семейство, чей алфавит состоял лишь из шестнадцати букв; семейство, чей алфавит включал двадцать одну букву и более.

У финикийцев изначально было всего шестнадцать букв; как раз столько принес в Грецию Кадм^{142*}.

Этруски, древние греки, древние латиняне, народы Севера, ирландцы, тевтоны и древние шведы со своим руническим письмом имели ровно шестнадцать букв. Народы Греции и Италии можно считать потомками финикийцев и фригийцев; а народы Севера, кои говорили на ирландском и руническом наречиях, имели, стало быть, общее происхождение с финикийцами; происхождение, удостоверяемое равным числом букв. Видно, что те вышли из недр одного народа, почти одновременно, и

* [См.]: *Плиний*. Кн. VII.

когда уже получили определенное развитие знания и язык. Санскрит, сиречь священный и почти забытый язык браминов, насчитывает девятнадцать букв; зендский и пехлевийский, представляющие древнее персидское наречие, имеют в своем составе двадцать букв.

Перед нами, стало быть, другое семейство. Мы уже замечали, что с переходом из Финикии в Персию попадаешь в совершенно новый мир; перед вами иные нравы и иные обычаи. Но это не все. Посмотрите, язык древних персов был более закончен и ближе к окончательному становлению; следовательно, сии народы образовались позже. Позади оных стоял больший труд и достигнуто большее совершенство: они рождены более зрелой породой людей. Финикийцы, с одной стороны, персы с индийцами, с другой, все вышедшие из одного колена, как сие удостоверяют подтвержденные сходства, общие предания и астрономические сооружения, появились в различные эпохи: финикийцы раньше, индийцы с персами позже и на таком временном удалении, коего, несомненно, хватило, дабы язык, представления и багаж знаний тех же самых народов более не имели сходства. Значит, я не ошибался, проводя разграничительную черту между сими народами Азии.

Однако, сударь, подобие алфавита финикийского с алфавитом руническим приводит нас к другим заключениям. Поскольку финикийцы и древние шведы имеют одинаковое происхождение, следует ли полагать, что оные первыми оставили свой чудный край, свое солнце, свое море ради того, чтобы утвердиться на студеном севере Швеции? Сей поход вовсе не тот путь, что мы уже отмечали для народов: когда благоволит к вам природа, добровольно не предадут себя ее суровостям. Впрочем, само путешествие было достаточно долгим; как мне ка-

жется, нам следует избавить оных от половины пути: и поскольку наши предыдущие беседы, наши путешествия приводили нас к отрогам Кавказа, откуда, как мы видели, спустились финикийцы под именем атлантов, древние персы, индийцы и даже китайцы, истоки сих народов должны находиться в Татарию, где мы сейчас и обретаемся; именно там происходит разделение. Некоторые племена отправились к северу, тогда как прочие двинулись на юг; и даже если бы сей климат полярных областей не был более мягким, более теплым, нежели сейчас, по меньшей мере при основании колонии не меняли бы палящий зной на лютый холод: следовало отправляться из умеренного климата, чтобы двигаться к пределам земли.

Вспомним еще, что Сирия, Финикия, подобно Египту, находились во власти культа солнца, который мог зародиться лишь в северных краях. Народ вместе с культом приносит и язык; если бы он поменял язык, его боги более не разумели бы его речи. Посему язык, подобно культу, тоже выходец с севера.

Лейбниц, который философским взглядом окинул наречия, рассматривая оные с другой точки зрения, тоже признал там два семейства. Он обозначает северные наречия словом *яфетические*, а южные — *арамейские*¹⁴³.

Итак, сии наречия, равно рожденные в Азии, оказались разделены Кавказом, теми же самыми горами, что разделяют народы: с одной стороны, оные суровы и грубы по причине холода, как и люди; с другой, смягчились, как и люди, став благодаря умиротворяющему влиянию климата более приятными на слух.

Присовокупим к сим общим очертаниям несколько частных замечаний. Не пугайтесь, что я утомлю вас изрядной эрудицией, она мне не под

силу; впрочем, нам сие без надобности, ибо великие истины не удостоверяются подробностями: они часто зиждутся на единственном обстоятельстве. Но я порадую вас, обратившись к Трое, при упоминании которой приходит на ум Гомер. *Пергам*, фригийское название сего знаменитого града, есть северное слово. *Берг* или *Бергем* (Berghem) на северных наречиях еще означает замок, город*

Слово *Бал*, господин, восточное прозвание солнца, владыки Вселенной, имеет те же корни. *Скаф* (Scaphe) по-гречески, *скафа*, *скифус* (scyphus) полатыни, похоже, происходят от слов *скифи* (Sciphi) или *скифре* (Sciphri), которые на северных наречиях означают «судно». Аполлодор¹⁴⁴ говорил, что *Геркулес прибыл на край земли в ковчеге Солнца*. А мы ведь знаем, что Геркулес и есть само Солнце; нам также известно, что слово *сосуд* имело значение *чаши* и *челна*, а в данном случае его следует понимать как судно. Древние представляли звезды плывущими в челнах по волнам воздуха, сиречь эфира. Посему я заключаю, что само слово родилось на севере, и с большим еще основанием заключаю, что и англичане имеют сходное слово — *шип* (ship); и что коряки, населяющие другой край земли, самую северную оконечность Камчатки на 60° широты, тоже называют лодку *чип* (Tchip).

Ведь вы не скажете, что коряки принадлежат к английской колонии; вы, пожалуй, скажете мне, что оба сих народа вышли из одного места, получили при рождении один язык. Никогда общее происхождение так не обнаруживало себя. Если словес-

* [См.]: Рюдбек. Об Атлантиде. Т. I. Я сообщаю оное значение согласно Рюдбеку. Мне ведомо, что «берг» по-немецки означает «гора». Но, обитая некогда на возвышенных местах, люди были вынуждены возводить там крепости; и сии крепости, города называли «берг» ввиду их горного местонахождения.

ный корень зиждется на (звуко)подражании*, смысловое значение дает не природа, а здесь решает почти произвольный выбор из бесконечного числа звуков: маловероятно, чтобы люди угадали со своим выбором. Из данного слова я еще заключаю, что миф о Геркулесе, плывущем в ковчеге Солнца, пришел с Севера, раз слова приходят вместе с вещами, ими обозначенными. Я располагаю и иными доводами, которые заслуживают подробного представления их перед вами, и доставил мне их мой наставник Рюдбек.

Как я полагаю, сударь, ни у кого нет сомнения, что Геркулес Фиванский, сын Амфитриона или, скорее, Юпитера и Алкмены, был создан по образцу Геркулеса Восточного. Геркулес Фиванский звался Алкеем**, ибо был силен: одного прозвали Геркулесом, лишь когда он прославился своими подвигами, когда одолел чудовищ и очистил землю от вредных животных, подобно Геркулесу Восточному и Финикийскому. Сей изначальный Геркулес посему самый древний и единственно достоверный. Пока что нас не занимает, что он был Солнцем. Мифы и аллегории, подобно людям, имеют свои национальные особенности; у оных, подобно людям, есть отчизна, которую мы и разыскиваем. Геркулес не только был азиатом, но он еще выходец с Севера. Все, что произрастает на нашей ниве, все, что возвращается нашими руками, распространяется, давая поросль, плодится, давая помет; отеческая земля скрывает и хранит корни растений, что сама

* Г-н президент де Бросс заметил, что корень *sc* (sc), *sk* (sk) или *sh* (sh) непременно означал некую выдолбленную вещь: стало быть, он естественен и носит (звуко)подражательный характер. См. его книгу, озаглавленную «Трактат о механическом образовании языков».

** [См.]: Диодор Сицилийский.

породила. Имя Геркулес явно чужое для Греции, оно обособленно, у него нет [эллинского] родства*, корни его обретаются в северных наречиях. *Гер* (her) по-шведски означает «армия»; *герья* (herja) — «опустошать»; *гербод* (herbod) — «объявление войны»; *гербунал* (herbunal) — «оружие»; *герекледе* (hercledede) — «одетый в доспехи»; наконец, *гер-фулл* (herfull) или *гер-кулле* (her-culle) — «полководец»**.

Общепризнанно, что все собственные имена некогда были знаменательными словами; они чужие для наречия, где у них нет значения; они принадлежат стране, где что-то обозначают. Посему я имею основание говорить вам, что Геркулес был героем Севера. А так как Геркулес олицетворяет Солнце и культ сей звезды идет с Севера, то оба этих доказательства подпирают друг друга.

Ну вот, сударь, разве не видите, что сии дивы, столь известные, столь страшные в истории Персии, сии гиганты, которые сотворили из Кавказа крепость, восставшие против Юпитера, взгромоздившие горы друг на друга, дабы взобраться на небо, метавшие в Юпитера скалы, дабы убить оно, сокрушили Хушенга, героя Персии, и тогда на выручку Юпитеру и богам пришел Геркулес, и боги в признательность за его заслуги и одержанную победу прозвали его Олимпийским***, по имени горы, где восседали боги. Итак, все обитало, все происходило на горах: прятались там как добрые, так и худые; одни в поисках мира, другие — дабы избежать наказания. Не согласитесь ли, сударь, что все сии

* Можно было бы утверждать, что греческое слово *геркулес* происходит от *герос* и *клеос*, что означает «слава»; но само слово *герос* оказывается выходящим с Севера, где *герр* (herg), *ёр* (oer) означают «человек». Как раз оттого, что войско состоит из людей, шведское слово *гер* означает «войско».

** [См.]: *Рюдбек*. Об Атлантиде. Т. I.

*** [См.]: *Диодор Сицилийский*. [Т. IV. Р. 15].

греческие мифы крайне походят на мифы, что составляют начальную историю персов. Война Моисасора, возможно, образец войны Бриарея и других гигантов с Юпитером, но разве война Моисасора не была списана с начальной истории персов, которая своей большей подробностью и незатейливостью показывает, что она и есть источник всех иных историй, отшлифованных временем, которые предание приправило чудесами? Не тот же самый Геркулес освободил на Кавказе Прометея, чью печень склевывал орел? А как быть с Геркулесом в самой Скифии, где мы находим все истоки, с его подвигами и благодеяниями на Кавказе, откуда вышли атланты и где берут свое начало персы с их историей?

Я полагаюсь на имена приведенных мест, как на места, где происходит действие мифов, лишь в той мере, насколько они согласуются со смыслом и духом мифов, с естественными представлениями о вещах. Но как раз из сего согласия я вдвойне утверждаюсь в правоте, что и придает мне уверенность. Историки нередко все запутывают; достаточно будет привести вам пример амазонок и горгон. Эврисфей своим девятым приказом повелел Гераклу добыть пояс царицы амазонок Ипполиты; герой пересекает Понт Эвксинский¹⁴⁵ и отправляется искать амазонок в место, зовущееся Фемискира, и по берегам Фермодонта. Итак, места, что населяли амазонки, находятся в Азии, между Черным и Каспийским морями, в краях, которые разделяют Персию и Кавказ. Что же делает Диодор Сицилийский? Он говорит нам об амазонках из Африки, сообщает, что те были древнее амазонок азиатских, кои жили еще во времена осады Трои.

Древние амазонки правили на острове, прозванном Геспера оттого, что располагался на западе озера Тритон. Сие озеро соседствовало с горой Атлас: ама-

зонки напали на атлантов и покорили оных. Они также воевали с горгонами, коими повелевала Медуза — Медуза с увенчанной змеями головой, что, будучи отрубленной, совершила столько превращений. Все сии воительницы обитали в Африке, у западной оконечности моря. Меж тем, сударь, вот вам Мирина, царица амазонок, которые под ее водительством пересекли всю Африку там, где, как вы знаете, мы не осмелились идти. Им же жара была ничем: Мирина приходит в Египет ради заключения дружеских уз с Гором, сыном Исиды, который в ту пору правил сим царством. Но это не все; она идет походом на арабов, покоряет Сирию, а затем направляется к Тавру¹⁴⁶ или Кавказу, куда мы неизменно попадаем. Можно было подумать, что амазонки останутся там; ведь они так далеко удалились от прежних мест и пребывают в столь чудном крае! Но историк прослеживает путь оных дальше: они пересекают все населенные места, все раскаленные пески с той же легкостью, как и в первом своем походе; они должны находиться на краю океана, ибо именно там в конце своего странствия предстояло Геркулесу погубить сии племена женщин, горгон и амазонок! Посему вполне естественно, что объединившиеся в одно племя женщины, восставшие против мужей и самой природы ради создания двух держав (и держав столь могущественных, что оные силой оружия покорили множество народов и мужей), тем легче могли оказаться во власти любви.

Женщины не могут жить одни, как и мы, мужчины, не в состоянии обходиться без них; в своем царстве они видели бы одно опустение. Сей народ амазонок, несомненно, всего лишь химера; победу Геркулеса следует понимать как аллегория, но история, завладев ею, нашла сему двойное применение. Обе победы Геркулеса превратились в одну. Ди-

одор, направляя амазонок из Африки до самых отрогов Кавказа, открывает нам истоки мифа: именно там миф и родился. Помещают же амазонок в Африку потому, что было известно о войне их с атлантами; а когда история потеряла следы сих народов и, сбита с толку Геркулесовыми столбами, находящимися в Гадесе, расположила остров атлантов в том месте океана, где находятся Канарские острова, потребовалось сделать амазонок соседями, и их поместили на берегу этого моря. Я страстно желаю, чтобы вы рассудили сии мысли; я бы не предоставил их на ваше рассмотрение, если бы не полагал вполне обоснованными. Мне представляется, что судить историю надобно разуму, в первую голову историю древнюю, где время произвело такую путаницу; философии же надобно проникнуть в оную и извлечь обломки прошлого, дабы определить им их исконное место.

Уже прошло изрядно времени, как мы потеряли из виду атлантов. Мы [упорно] искали следы оных: открытия часто приходят после долгих усилий и безуспешных попыток. И не было бы удивительно, если бы я заблудился, отправившись на поиски один; но ваше сопровождение помогало, как мне кажется, прояснить каждый мой шаг. Вы видите наши успехи: мы оставили атлантов у подножия Кавказа, и мы находим оных по ту сторону гор. Геркулес, сражавшийся с амазонками, освободивший прикованного к скале Прометея, Геркулес, который получил свое имя через северные наречия, принадлежит к народу Севера. Геркулесу, выходцу из рода Атланта, должна быть известна страна, где его род жил когда-то; он будет наставлять и вести нас в наших странствиях посредством своих походов. Двенадцатый, и последний, подвиг Геркулеса заключался в похищении золотых яблок из сада Гесперид. Герою понадобилось вновь вернуться в Африку, где

он уже побывал, ибо древние поместили там прославленные сады Гесперид с растущими в них деревьями, чьи золотые яблоки сторожил дракон. Мы посмотрим, были ли древние последовательны в своей географии и своих повествованиях.

Как мы уже говорили, Геспера [иначе Гесперида] представляла собой остров; Максим Тирский подробней расскажет об этой стране. «Се, — говорит он, — была земля узкая и обрывистая, вытянутая в длину и со всех сторон омываемая морем. Именно тут чтят Атланта, именно тут находятся изваяния оного. Атлас предстает обрывистой, достаточно высокой горой. Внутренняя ложбина в виде колодца изобилует деревьями и плодами: спуск затруднен из-за крутых склонов <...>»*. Описание не напоминает ни Африку, ни Испанию, где полагали еще отыскать Геспериду; сии края вовсе не представляют собой *землю узкую и обрывистую, вытянутую в длину и со всех сторон омываемую морем*. Не узнаете ли вы, сударь, здесь остров и небольшую гору, где жил Евенор со своей женой Левкиппой?

Сия гора, которая потом досталась Атланту, была обожествлена его потомками. Гесиод рассказывает нам, что сей остров Гесперид или Горгон обретается за Океаном, на краю мира, и в стране, где живет Ночь.

Где нам разместить сию страну Ночи? Вечером она приходит с востока, где занимается завтрашний день; утром она удаляется на запад, где мы видим, как заходит, покидая нас, солнце, дабы нести свой свет другим. День и ночь, стало быть, приходят к нам из одних и тех же мест, и, покидая нас, проделывают одинаковый путь и возвращаются, попохоже, одной дорогой. Вы, другие поэты, не-

* *Максим Тирский. Речи; Олаф Рюдбек. Об Атлантиде. Т. I.*

смотря на созидательную мощь вашего гения и при всей свободе вашего счастливого воображения, в своих вымыслах вы чтите условности. Правда там сохраняет некое место; она тем больше приходится по вкусу, чем лучше бывают упрятаны под блестящими одеждами, в которые вы оную облачаете. Под вашими руками разлад, политика становятся действующими лицами; я слышу их речь, я вижу, как они действуют; я замечаю в их руках те нити, на коих держится мир, или то огниво, что может обратить его в пепел. Однако, сударь, вы поместили политику в Рим, Ариосто¹⁴⁷ пытался искать разлад в монастырях, и вы оба никогда бы не поместили зиму с ее льдами в жаркий пояс; вы не указывали бы на страну теней ни в краю зари-авроры, где обретаются врата утра, ни в сторону запада на пламенеющий закат, где заходящее солнце низвергает потоки света. Ночь, как и день, странствует по земле, не имея нигде пристанища, где бы властвовала безраздельно. Но она постоянно омрачает чело одного из двух полюсов, покидая один полюс лишь для того, чтобы покрыть мраком другой. Казалось, что ночь гостит там дольше. Вот ее истинное жилище, там она блаженствует шесть месяцев; и некогда могли посчитать, что ночь постоянно появляется из сего уединения и опускается на землю на несколько часов лишь для того, чтобы прервать наши труды и дать нам смежить свои очи. Если вам в вашей народной поэме понадобилась бы ночь, то именно туда, в пучину океана теней, вы отправились бы на поиски. Гесиод поступил подобно вам. «Ночь, — говорит он*, — родила.../ И Гесперид, — золотые, прекрасные яблоки холят/ За океаном...» Дальше он продолжает: «Держит Атлант принужденный к

* *Гесиод*. О происхождении богов. Стихи 215–216.

тому неизбежностью мощной,/ На голове и руках
неустанных широкое небо/ Там, где граница зем-
ли, где певички живут Геспериды»*. Страна Геспе-
рид, где обитает Ночь, стало быть, находится у
полюса, или по меньшей мере, сей край не очень
удален от оно́го, чтобы Гесиод мог поместить его
там ввиду вольностей, позволительных для поэзии.
Я приведу вам еще поэта, одного из тех учителей,
коих вы превзошли: это — Эсхил. Он показывает,
как Прометей в признательность за свое освобождение
открывает Геркулесу путь, ведущий к саду
Гесперид. Он предписывает ему перейти Кавказ. Это
путь, коим пошли и мы: вот видите, я не сбился с
пути. «Ты прибудешь, — говорит Прометей, — к пле-
мени неисчислимому и бесстрашному лигурийцев.
Я знаю, тебя ничто не устроит; но битва будет
мучительной и трудной. Судьбе угодно, чтобы ты
оставил там свои стрелы; ты не сможешь даже выр-
вать обледеневшие скалы из промерзшей земли. Од-
нако Юпитер, сжалившись над твоей участью, на-
шлет на полюс снежное облако, полное круглых
камней, а его тень скроет солнце. Сих камней тебе
хватит, дабы уничтожить могучее войско лигурий-
цев»¹⁴⁸.

[Здесь] правда пробивается сквозь вымысел и
угадывается. Облако, что закрыло собой солнце, и
есть долгая полярная ночь; камни, что содержатся
в сем облаке, есть всего лишь округлые градины.
Геркулес, бросающий свои стрелы, есть солнце, чьи
лучи на таком удалении от экватора лишены вся-
кой силы. И поэт рисует вам сию землю единствен-
но в виде затвердевшей от холода глыбы, чьи кам-
ни оказываются сцепленными с удвоенной крепос-
тью посредством льда. Ведь вы не желаете, сударь,

* Гесиод. Стихи 517—520.

дабы стихи содержали одну ложь. Можно изменять строй стихов, представляя правду более приятной и более проникновенной, но необходимо, чтобы сии стихи что-то выражали, человеку всегда необходимо хоть немного правды. Эсхил, приводящий Геркулеса в сад Гесперид, свой вымысел черпал в краях с тем же климатом. Он вспомнил, что Геркулес был Солнцем, он вынуждает его прийти без стрел, сиречь лучей, он описывает ниспосланную темноту как помощь Юпитера. В запасе у героя имеется хитрость: он сражается оружием, которое составляет климат. Но либо поэты едва ли стоят внимания философов и людей рассудительных, либо место событий не должно быть вымышленным. Вы поместили храм Амура на острове Кипр, вы украсили оный, наполнили сокровищами воображения и поэзии; но вас вела древняя традиция, вы встретили Бога у народа старины глубокой, что более всего был предан любви: Эсхил не позволил, да и не мог позволить себе большего. Если Прометей послал Геркулеса искать золотые яблоки Гесперид на север, то потому, что традиция помещает на Севере земли сад чад атлантовых, и на том самом острове, где была гора с его именем. Если желаете еще одного свидетельства, его предоставит Аполлодор. «Похищенные Геркулесом золотые яблоки, — говорит он, — находятся не в Ливии, как утверждают некоторые, а у Атланта, там, где обитают гиперборейцы»*.

Древние столь блестяще служат нам, возвращая нам своими мифами столько достоверных свидетельств, что я осмелюсь напомнить вам еще одно такое свидетельство, касающееся Фаэтона, который, управляя колесницей Солнца, принес жар к

* *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. [II, 5, 11].

замерзшим северным звездам, пробудил на полюсе скованного холодом дракона, сжег небо и землю и, наконец, пораженный громовержцем, упал в воды Эридана. Его опечаленные сестры стали ронять в реку свои слезы, которые не смешивались с водой, а затвердевали, сохраняя прозрачность и обретая чудный золотистый цвет, тем самым превращались в желтую амбру, столь ценимую древними. Современные мужи, знавшие лишь географию собственной страны, жаждут отыскать в оной все названия, приведенные в истории или мифе. Эридан [Ἐριδανός], [считают они], се есть река По [Ἰαβός], питающая влагой землю Италии. Но я спрашиваю вас, сударь, разве в Италии родились мифы? Разве латиняне изобрели нечто в этом роде? Разве не были все боги инородцами? Разве не в поэзии Орфея, Гесиода и Гомера и даже греческих трагиков представлены все мифы, историком коих делается Овидий? Греки, коим Орфей поведал сии заимствованные на востоке мифы, не перенесли бы действие оных в Италию; оные искажали вещи единственно тем, что переносили рождение оных на свою почву, но мы в состоянии убрать всю сию, диктуемую тщеславием, ложь. Тщеславие почти всегда неловко в своих потугах; оное сохранило свидетельство против себя, свидетельство, кое сообщает особенности тех мест, где и родился сам миф. Се есть желтая амбра, сиречь янтарь [ηλεκτρον], создание морской смолы, некогда собираемой в качестве женского украшения до появления драгоценных камней; ныне чтимая врачевателями, поскольку в оной замечены следы электричества, коему отводится столь значительная роль во Вселенной. Сей янтарь выбрасывали на берег волны Балтийского моря; он есть порождение северных морей. Не находите ли вы, сударь, странным, что янтарь в сих морях произошел от слез, что роняли в Италии у берегов По

сестры Фаэтона? Следует признать, что их слезы ронялись на северных берегах; что Фаэтон, уклонившийся от предписанного Солнцем пути, приблизился к полярным широтам, там был низвергнут вниз и погублен в водах той части света. Ведь и Геродот говорит о некоей реке, которую варвары называли Эридан*, которая впадает в Северное море на окраине Европы. Он замечает, что сие имя не греческое, что оно — варварское, иначе говоря, чужеземное¹⁴⁹.

Сам Геродот признается, что ничего достоверно не знает о северных оконечностях Европы; но с обретенными нами ныне познаниями, посредством направляющего нас света философии, мы знаем о них более Геродота. Достаточно его слов о том, что некая река Севера называлась Эридан, дабы мы ясно узрели, что сие имя приложили к одной из рек Италии, когда пожелали переселить туда мифы. Диодор Сицилийский также скажет вам, что сей миф родился на острове, где собирали янтарь, под названием Базилея, и оный располагался напротив Скифии и за Галлией**. Получается, сударь, что кельты или галлы были соседями скифов. Сказывают, что я рассорился с сими славными галлами; надобно будет с ними помириться. Я почитаю оных, ибо они были нашими предками; я люблю их за прямодушные, благородство и смелость. Не знаю, почему они разгневались, ведь я ничего не говорил, что могло

* На карте, помещенной в первом томе древних преданий Петербургской Академии мы видим Эридан, который впадает в Рижский залив, а ныне зовется *Двиной*. В сем заливе есть острова, названные Геродотом *Острова Электриды* (лат. *Electridae Insulae*).

** [См.]: *Диодор*. Т. II. С. 225 [Кн. V.23]: τῆς Σκυθίας τῆς ὑπερτὴν Γαλατίαν κατ'ἀντικρὺ νηβός ἐστι πελαγία κατὰ τοῦ ὠκεανὸν ἢ προσαγορευμένη Βασιλεία (супротив Скифии, что за Галлией, есть за океаном остров морской, прозываемый Царственным).

бы их раздосадовать. Я сказал лишь, что они не были астрономами, что на их долю выпал худой астрономический век: *можно быть благородным человеком и сочинять плохие стихи*. Они затеяли, сударь, против меня тяжбу, против меня, кто не мастак в таких делах, особенно сутяжных. Их друиды выбрали такого чудного защитника, что случись мне такая надобность, я бы сам его призвал. Он с жаром отстаивал галлов и учтиво защищал меня*, но я не мог поддаться на обман, ибо твердо решил разоблачить в ваших глазах сего защитника. Ведь он большой враг ваших индийцев, поскольку всех их упраздняет. Уже не Восток предстает источником просвещения, а Запад, породивший друидов и наставников человечества. Вы были врагом слишком грозным, и я не осмелился настроить вас против человека, который с таким снисхождением обращался со мной. Однако, сударь, все могут быть правы, и сей выгоды положения я желаю подобно всем, но не сугубо для себя, так что я рад поделиться своей правотой.

Кельтия была необъятным краем; там располагались весьма удаленные к северу области, кои отличались долгими зимами и трескучими морозами. Там не произрастали ни виноград, ни оливы**.

У правителя сего края была дочь, писаная красавица; как и всех красавиц ее отличал надменный нрав, посему она презрела всех женихов и лишь Геркулеса посчитала достойным своей руки. Сей герой, находясь постоянно на услужении царя Эврисфея, силой похитил коров Гериона; оный задержался на обратном пути в Кельтии, где основал

* «Записка для размышлений касательно древних друидов галльских», автор аббат Бодо¹⁵⁰.

** Огромная часть Кельтии находилась за Герцинским лесом¹⁵¹, граничила с океаном и тянулась до рубежей Скифии.

город Алесия¹⁵²; он женился на царевне, от коей имел сына по имени Галат. Сей сын, воинственный подобно отцу, расширил свои владения, дав им свое имя Галатия, сиречь Галлия.

Мне известно, какой отвагой, а главное, какой силой был наделен Геркулес, но нам не следует злоупотреблять ею без пользы. Смотрите, как он отправляется биться с амазонками за Кавказ, как приближается почти к самому полюсу, чтобы взять яблоки Гесперид. Было бы жестокосердно заставлять его возвращаться в Испанию угонять коров Гериона и во Францию воздвигать город Алесия, о котором никто и не слыхивал. Но в этом я и не вижу надобности, ибо Диодор Сицилийский сообщает нам, что Кельтия граничит со Скифией; Геркулес по причине соседства мог проделать все эти дела, не пускаясь в долгий путь от одного предела земли до другого. Ни Герион, ни его коровы, как и Галат со своей матерью и городом Алесия, не были в Испании и Франции, как и Гелиады¹⁵³ — в Италии, чей Эридан, где рождался янтарь, никогда не орошал поля. Но, сударь, как я уже отмечал, народы в своих странствиях не меняли ни названия, ни свои представления; они приносили в новые места старые названия, близкие и дорогие их сердцу имена. Настоящее есть чадо прошлого, и посему походит на родителя. Все, что мы читаем о сих древних временах, явлено в истории наших поселений в Америке, куда мы перенесли Францию, Англию и Испанию. Одним прекрасным днем, в чем я не сомневаюсь, ученые мужи будут искать там если не коров Гериона, то, по меньшей мере, царство оно-го. Пожелают отыскать там Геркулесовы столбы, страну его сына Галата и город Алесия. Без должного руководства философии сии ошибки в названиях, новое государство, являющее собой копию государства древнего, неизбежно будут приводить к

исторической путанице. Когда стремнина, рождающая реку, спускалась с гор, вы не удивлялись, обнаружив в долинах обломки деревьев и растений, кои растут исключительно в горах; как раз река в своем стремительном течении и унесла их далеко от родных мест. А ведь, сударь, народы и есть сия великая река, текущая вниз с верховий и в своем беге уносящая в иные места вместе с людьми слова и представления оных. Хотите знать, где возникли сии обломки, принесенные в наши долины? Так поднимитесь в горы, следуя вверх по течению. Хотите знать происхождение наших имен, наших представлений? Так ступайте вспять тому ходу, что проделал народ в пространстве и времени, и вы придете к истоку людей, а там и кроется начало всех вещей. Посему я заключаю, сударь, что наши славные галлы, подобно иным народам, вышли из одной земли. Друиды распевали стихи, схожие с теми, что пел некогда Орфей в Греции; подобно грекам, они были обучены тем же древним традициям. Но я еще полагаю, что не все были одинаково обласканы судьбой. Древесный ствол пускает много ветвей; они не одинаково увешаны плодами, хотя и питаются от одного ствола и одних корней.

Итак, сударь, вы видите, что все мифы ведут нас на Север. Миф о Фаэтоне связан с краем янтаря, рекой Эридан, которая несет свои воды в северный океан. Все подвиги Геракла, настоящие или аллегорические, свершены либо придуманы там. Сад Гесперид обретается близ полюса. Признаю, что сие заключение неожиданно. Земли, приносящие золотые яблоки, должны быть плодородны; золото есть знак богатства, даже если сии яблоки, по мнению некоторых толкователей, были всего лишь овцами, покрытыми густой и золотистой шерстью, ибо чудесные животные рождаются лишь в чудесных краях: именно под благодатным небом тучнеют поля;

именно от растений тучнеют стада. Условие плодородия земель несколько подрывает наше представление о крае, где видны одни льды. По сему случаю я мог бы привести весомый довод в пользу похолодания земли, но нет необходимости говорить здесь обо всем. И если, насколько я могу судить, само заключение верно, оно приобретет еще большую убедительность, когда вы сами к нему придете. Возможно, вы подружитесь с климатом полярных широт; я горю желанием полностью оправдать его в ваших глазах. Я еще не показал вам все богатства, что хранит людская память; сие будет предметом моего следующего Письма. Разве эти края не достаточно несчастны тем, что их оставило солнце, покрыли ширящиеся с каждым годом льды, превратило в пустыни отсутствие людей, дабы и мы их еще оставили? Не следует ли нам утешить оные в понесенных ими утратах и в нынешнем их положении, воздав должное прошлому их положению? Не вам ли, сударь, как философу быть справедливым, а как поэту теплым участием оживить сию холодную и покинутую землю, вернув оной в своих описаниях тепло ее исходного состояния? Я лишь призываю вас подвести итоги, я предъявляю вам свидетельства. Если вы усмотрите в них истину, ваш долг изобразить оную и оживить пламенем своего гения.

С почтением и прочее

Двадцать второе письмо г-ну Вольтеру

Путешествие в Аид

Писано в Париже, апреля 28-го сего, 1778, года

Самым занятым и любопытным из всех сих мифов, самым подходящим для прояснения вопроса, что нас разделяет, сударь, похоже, представляется миф об Аиде, сиречь преисподней. Люди, что так приукрасили прошлое, не позабыли и грядущее. Они населили милыми и приятными химерами Елисейские поля, где им придется обитать. Они наделили потустороннюю жизнь покоем, забвением всяких забот, но главное, знанием истины и природы. Стало быть, именно там следовало бы искать истину; но не хотелось бы оставлять жизнь, пусть и тяжелую, но неизменно дорогую. Поэтому мы видим, как поэты и герои спускались живыми в царство теней. Орфей отправляется туда искать свою супругу Эвридику; се первый грек, коего любовь наделила подобной отвагой. Он никогда бы не замыслил подобное предприятие и не преуспел бы в нем, не покажи ему дорогу жители Востока, кои и познакомили его со своими стихами и сказаниями. По примеру оного туда спустились Тесей, Пирифой, Вакх, Геркулес, Персей, Улисс. Вергилий отправил

туда Энея; вы сами, сударь, были проводником Генриха IV, когда святой Людовик показывал ему судьбу Франции. Отчего бы и нам не предпринять то, на что решились древние, почему и нам не преуспеть в сем начинании? Когда вы рядом, я лишен всяких сомнений; мы уже искали страны и народы, отчего же не взяться за поиски преисподней?

Когда пожелали возвести нравственность настоящей жизни на представлении о жизни будущей, приходилось восполнять оную совершенно неведомым [путем]: тут изрядно пришлось потрудиться воображению. Оттуда все сии сказочные, но иносказательные истории, в коих царит одна суровая справедливость, воздающая пороку и добродетели то, что они заслужили. Люди, пренебрегающие стольким в течение своей жизни, вовсе не довольствовались словами о том, что их ждет после смерти, они еще пожелали указать свое последнее пристанище и место упокоения. Легко удостовериться, что сия география потустороннего мира и загробной жизни страдала неточностями. Само положение преисподней, безусловно, трудно поддавалось определению: каждый размещал ее в меру своих знаний. Мильтон расположил Аид в непроглядной тьме, среди пучины хаоса. Вы, сударь, ученик Ньютона, знакомый со сферами, что населяют пространство, избрали одну из них для преисподней, на бесконечном удалении от престола Верховного существа, «за всеми небесами, где восседает Господь небес»*.

Древние вовсе не проводили подобного разграничения; печальные пределы равным образом переступают все смертные, добродетельные и худые: Тартар и Елисейские поля соседствовали во владениях Плутона¹⁵⁴.

* [Вольтер]. Генриада. Песнь VII.

Представления по мере удаления от своих истоков значительно меняются! Здесь не видно никакого участия философии: она воздвигла бы расстояние между узилищем преступления и последним пристанищем добродетели, как от земли до неба. Вам известно, сударь, что загробная жизнь была списана с жизни обыденной. Древние издавна верили, что все как появляется из земли, так и возвращается в оную. Придя к более верным представлениям о бессмертии души, те, однако, сохранили сей предрассудок, поместив преисподнюю внутрь земли. Но потребовались врата, вход, через который люди могли бы туда попасть; и подобно тому, как у каждого владыки своя правда, то и каждый народ имеет свою преисподнюю и свои Елисейские поля. Не спросить ли нам дорогу у латинян, у Вергилия? Тот ответит, что вход в сии бездны находится близ Байи, возле Авернского озера в Италии¹⁵⁵.

Не смешно разве видеть, как г-жа Дасье [в примечаниях к Десятой песне «Одиссеи»] вполне серьезно помещает в сей новый край Ахеронт, Стикс, Кокит¹⁵⁶ и называет мифической географию Гомера, поскольку сей прославленный поэт, черпавший из более древних источников, поместил вход в преисподнюю в ином месте?

Жители Италии были слишком молоды для сочинения сих религиозных мифов за отсутствием источника оных в их краю. Греки тоже горазды соврять: согласно им, Ахеронт, Кокит, Флегетон протекали в Эпире¹⁵⁷; Стикс протекал в Аркадии, но греки ненамного старше латинян; в своих первых начинаниях они вовсе не были изобретателями. Впрочем, их воровство известно; Диодор Сицилийский выдал их с головой. Египтяне, доводящиеся им дращурами, ответственны за сии установления. У них было принято судить людей, когда те покидали сей мир и шли к берегам озера, где их ждал

перевозчик Харон. Погребения лишали тех, кто его не заслужил: место упокоения даровалось лишь за добродетели. Эти свидетельства удостоверяют, сударь, что мифы пересаживались из одной почвы в другую: преисподняя, реки, страшный перевозчик — все сие кочевало по земле. При виде такого перемещения из Египта в Грецию, а затем из Греции в Италию, не возникает ли подозрение, что и сам Египет не был первым источником сих мифов? Диодор Сицилийский рассказывает нам, что все оные представления почерпнул оттуда Орфей. Я же больше склоняюсь к тому, что он взял их на Востоке, из того же источника, что и египтяне. Вы видели, что культы пришли с Кавказа. Представления о страшном суде, о вечных муках и воздаянии после смерти, возможно, проделали тот же путь. У нас нет с собой Орфея, который первым стал учить сему восточному богословию, но Гомера воспитал он, и, значит, Гомер будет нашим наставником. Я едва достоин выступить толкователем одного мужа. Разворачивая перед вами его мысли, я оказываюсь меж двух великих поэтов. Но я выступаю подобно тем веществам природы, которые только передают электрический заряд, не в силах сами производить оный.

Гомер, отправляя Улисса в преисподнюю, проводил его на остров Эя, где царствует Цирцея¹⁵⁸ — богиня и волшебница, которая обладала двойной властью над природой, над духами и тенями. Но только не над Улиссом, коего не смогла удержать своими чарами. Напрасно предлагал ему Амур бессмертие, ибо соскучившийся по Итаке и жене, коей тот не всегда оставался верным, царь отказался от сего бесценного дара. Тревожимый тем, что случилось с его товарищами по несчастью, тревожимый собственным будущим, он намеревался спросить [душу] Тиресия, [для чего] должен был отправиться в Аид. Богиня наставляет его: «О Лаэртид, многохитростный муж,

Одиссей благородный, / Верь, кораблю твоему про-
вожатый найдется; об этом / Ты не заботься; но, мачту
поставив и парус поднявши, / Смело плыви; твой
корабль передам я Борею; когда же / Ты, Океан в
корабле поперек переплывши, достигнешь / Низкого
берега, где дико растет Персефонин широкий / Лес
из раки, свой теряющих плод, и из тополей черных,
/ Вдвинув на берег, под которым шумит Океан водо-
вратный, / Черный корабль свой, вступи ты в Аидову
мглистую область. / Быстро бежит там Пирифлегетон
в Ахероново лоно / Вместе с Коцитом, великою вет-
вию Стикса; утес там/ Виден, и обе под ним много-
шумно сливаются реки. / Три соверши возлияния мер-
твым, всех вместе призвав их»*. Герой отправляется в
путь, его корабль бороздит волны до самого захода
солнца; а когда ночь распростерла свои крыла над
землей, тот прибывает к оконечности океана. «Там
киммериян печальная область, покрытая вечно /
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не яв-
ляет / Оку людей там лица лучезарного Гелиос, зем-
лю ль / Он покидает, всходя на звездами обильное
небо, / С неба ль, звездами обильного, сходит, к зем-
ле обращаясь; / Ночь безотрадная там искони окру-
жает живущих»**.

Именно в краю киммерийцев и теней, стало
быть, на Севере, а не в Египте, помещает Гомер
преисподнюю. Но вот на каком удалении вверх от
Греции, на какой широте земли нам следует ее ис-
кать? Рюдбек желал видеть сии края в своей стране.
Мысль об Аиде в Швеции меня оскорбляет, я вижу
там короля справедливого и просвещенного; он
желает сделать людей счастливыми, и я бы там ис-
кал только Елисейские поля.

* Гомер. Одиссея. Песнь X [Ст. 504–518. Перевод В. А. Жуков-
ского].

** Там же. Песнь XI [Ст. 14–20].

Гомер, разумеется, разрешает сие затруднение; преисподняя находится у киммерийцев. Но дабы прибыть туда, Улисс пересекает океан; речь здесь идет не о тех киммерийцах, соседях Греции: сей народ находится за Понтом Эвксинским, он не соседствует с огромным морем. Возвращение Улисса еще больше прояснит нам положение: герой вновь приплывает к Цирцее; затем, попрощавшись, отправляется в путь и терпит кораблекрушение у берегов острова Огигия. Сей новый остров, крайне удаленный от Греции, расположен посреди океана. Вам известно, сударь, что, согласно древним, сей остров есть не что иное, как Атлантида, ибо там обитает Калипсо, дочь мудрого Атланта.

Каждый устремляемый нами шаг ведет нас, как видите, к цели; на просторах океана и на пути в преисподнюю мы находим дочь Атланта. Все странствия Одиссея суть вымысел; но поэт обязательно привязывает их к географии, к преданиям, которые были ему известны. Гомер не оставляет сих мест. Он ведет Улисса к Эолу; этот бог запирает [буреносные] ветры в мешок, дабы плавание героя было успешным. Разве сей обычай продавать ветер, запирает его и выпускать, лишь развязывая узлы, не существует доселе в Лапландии*?

Гомеру хорошо были известны сии северные края. Затем Улисс попадает к лестригонам, и его описание, похоже, выдает землю, где летом день длится все двадцать четыре часа; но Гомер при указании областей, где обретается преисподняя, не уточнял само место, окружая некой неопределенностью, некой тенью обитель смерти. Нам нет надобности

* Реньяр говорит, что лопари делают три узла на платке. Развязывание первого узла вызывает слабый ветер, второго — крепкий ветер, а третьего — бурю и шторм. [См.]: «Путешествие в Лапландию» Реньяра. Т. I. С. 189.

говорить о сем более Гомера, подражать ему пристало вам, мне же пристало внимать Гомеру и следовать за оным. Не нужно пытаться целиком отодвинуть полог древности. Сей полог столь отяжелел от груза минувших веков, что требуется немало усилий, дабы хоть отчасти приоткрыть его, но и этого оказывается вполне достаточно для обозрения! Не станем уточнять местонахождение преисподней на земле, родину мифов, нам хватает того, что Гомер указывает на Север. Заметьте, что он помещает там Персефониин лес, ибо миф о сей богине связан с краями, где ночь длится шесть месяцев. Именно гипербореец Абарис¹⁵⁹, странствующий по земле с золотой стрелой, принес в Лакедемон¹⁶⁰ культ Прозерпины и возвел там ее храм.

Не потому ли Церера отправилась искать свою дочь на Север, что именно там некогда располагалась преисподняя? Похищенная Прозерпина была доставлена в поля Энны¹⁶¹, в то место, где погребены гиганты, изрыгающие свой гнев из жерла Этны. Гиганты Италии списаны с гигантов Кавказа, тех могущественных дивов, которые некогда наводили ужас на землю. Миф о Тартаре, куда Юпитер низверг титанов, должно быть, родом из сих краев; он относится к мифу о гигантах, связан с оным. Но наряду с местом вечных мук, уготованных для губителей людей, не забыли и о тихой обители для праведников, где царит покой, коего тщетно ищут на земле. Воображение украсило это место всем, что составляет очарование жизни. Там мы находим зеленые и цветущие луга, сладкие плоды, поспевающие под сводом всегда лучезарного неба, чудные представления в тени деревьев, чередуемые общением с мудрецами, и никаких страстей, могущих омрачить сие блаженство! Там не ощущаешь ту гнетущую тревогу, которая омрачает внутренний покой и вытесняет приятные чувства. Все эти представле-

ния чувствительный Магомет почерпнул в Азии: рай оного — сущие Елисейские поля, [где] он поселил гурий, вечно прекрасных и целомудренных, ибо сам был молод. Посему я заключаю, что основатели Елисейских полей были старцами; они не поместили туда любовь, коя для них более не была ни благодостной, ни желанной.

Древние часто путали сады Гесперид и Елисейские поля. Следовательно, то место на Севере, где мы отыскивали Гесперид, вполне может стать и местом Елисейских полей. «Ты за пределы земли, — сказывает Протей Менелаю, — на поля Елисейские будешь / Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый / (Где пробегают светло беспечальные дни человека, / Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает, / Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном / С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным)»*.

Я сознаю, сударь, что вы едва ли узнаете в этом описании края Севера, но сие и немудрено, ежели климат их переменился. Впрочем, вам известны ваши права: поэты, когда им вздумается, прогоняют ветры и бури; они по своему произволению умеряют холод или жару, и зефиры находятся в их распоряжении, дабы освежать землю, которую пожелают осчастливить. Предания, коим следует Гомер, первый греческий писатель, сообщают мне некое обстоятельство, которое представляется мне несомненным, а именно: древние размещали обиталище манов¹⁶² на Севере земли. Елисейские поля показывают, что там царило счастье; Тартар же свидетельствует мне, что там царила справедливость. Взгляните, сударь, на реки, что текут в преисподней. Вначале на Ахеронт, чьи воды горьки, подобно пе-

* Гомер. Одиссея. Песнь IV [Ст. 563—568].

чали, чье имя вызывает ужас и стенания: оный был сыном земли. Юпитер низверг того в преисподнюю, ибо он утолял жажду Титанов. Титаны это гиганты, что обитали на Севере. Затем следует Кокит, являя собой рожденную слезами топь; Флегетон, несущий огненные валы; Стикс, где течет вода безмолвия и смерти; и Лета, более благосклонная к людям, откуда черпают воду забвения, — таковы стремнины Тартара. Но, сударь, имена сих рек чужды Греции, Египту и Италии; корни их покоятся в наречиях Севера. *Лата* или *лета* означает «забывать», «покидать»; оттуда родом река забвения. Из «*грондт*» («Grondt»), что означает «глубокий», посредством префикса *a* со значением отсутствия того, что выражено корнем, получаем «*агрондт*», «бездонная река», откуда и пошло имя Ахеронт. Буквы «*г*» или «*к*» относятся к гортанным звукам. Греки ради смягчения звучания слова «*агрондт*» просто заменили один звук на другой, получив тем самым «*акронт*»: затем, больше удлинняя немую гласную «*е*», которая при произношении следует за согласным «*к*», получили «*акерон*»; а мы, подставив свою «*х*», пишем *Ахерон*. Кокит можно вывести из корня «*кота*» (*kota*), означающего бьющий из-под земли горячий источник.

Стикс происходит от «*стегг*» («stegg») или «*стигг*» («stigg»), что означает нечто неприятное, отвратительное. Флегетон происходит от «*флога*» («floga») или «*флогелд*» («flogeld»), так называют горящие метеоры, и «*тон*» («thon»), что означает «река».

Знаменитое озеро Аверн, из коего, похоже, Вергилий сотворил пещеру, попасть куда довольно просто, а вот выйти удастся крайне редко, ибо оно есть воплощение смерти, берет свое название от слов «*аа*», что значит «вода», и «*верна*» («werna»), что значит «запертая». Под словом «*аверна*» следует понимать стоячую, заключенную в берега на манер

озерной воду. Рюдбек сообщает нам, что в горах, на широте 63° или 64°, находится озеро, носящее название Аверн.

Бог Плутон имеет такое же происхождение; это имя выводится из корня «*блота*» («*blota*»), означающего «убиение». По-английски «*blood*» означает кровь, убийство. На наречиях Севера словом «*блоттри*» («*blottrie*») называют изваяния Плутона или Одина, запятнанных человеческой кровью. Греки дали сему богу прозвание Аид, сиречь Гадес; но им был не ведом сам источник слов, которым они пользовались. Плутарх наделяет это прозвание особым происхождением; он говорит, что Аид означает «то, что пленяет», так как Плутон, человеколюбивый, мудрый и богатый, удерживает души искусством убеждения и силою слова. Греки все исказили. Получается, что нас удерживают среди смерти кротостью? Разве в тот миг, когда смежаются навсегда наши очи, не вырастает позади нас непреодолимая стена? Ничто не может повернуться вспять; значит, нас удерживает необходимость, сила, а не мольбы. Не находите ли вы занятным то, как из Плутона сделали *человеколюбивого* бога? Повелитель, чьи подземные владения заселяются лишь благодаря мору людей, не может быть поборником человеколюбия. Вспомним, что имена принадлежат тем краям, где они имеют смысл, где их значение выражает значение названной вещи; Аид служил прозванием бога смерти, а по-финикийски «эд, аиид» означал «мор, смерть»: стало быть, вот тот источник, откуда греки взяли сие слово. Но не желаете ли подняться выше, к истинному началу? В наречиях Севера отыщете «ауда» или «ода», то есть «рушиться», «терять», «оде», то есть «смерть», откуда и имя *Один*. Бог смерти, Адонис — это умершее, спустившееся под землю и ставшее Владыкой преисподней и мира теней Солнце.

Ладыя Харона всем хорошо известна, мы страшимся сего перевозчика, мрачного, как те, кого предстоит переправить, неумолимого, как сама судьба. Некогда за переправу и найм ладьи, именованной [по-гречески] «барис», ему платили монету, обол. Все услуги требуют оплаты, за все приходится платить при жизни и даже после оной. У греков, римлян и египтян повелось класть в рот умершим монетку, предназначенную для уплаты Харону. Не будем забывать, что к ней присовокупляли свидетельство праведности за подписью понтифика, [верховного жреца] следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что такой-то вел добродетельную жизнь, отличался благонравием; прошу, дабы маны оного покоились с миром». Аббат Баннье сообщает мне, что обычай составления подобных свидетельств сохранился в Московии. Русские переняли его не у египтян; полуденные обряды, стало быть, схожи с северными обрядами: но и это не все. Слово «барис» заслуживает того, чтобы показать источник его происхождения. «Баар, барен» на Севере означает «домовина», «гроб». Действительно, это повозка, которая препровождает нас к месту последнего успокоения, та роковая ладья, которая переправляет нас в мир иной. Сударь, ведь ложь всегда выходит наружу; сие слово, что греки и египтяне оставили по небрежности, выдает истинных авторов иносказания о Хароне.

Почему бы не могло быть столь примерного и показательного правосудия у египтян? Люди, даже цари по окончанию своих дней представляли перед судом народа. Каждый человек жил, задаваясь вопросом: ведь меня будут судить мои же соплеменники, перед глазами коих протекает моя жизнь. Ожидание сего суда чудесным образом сказывается на людях благородных. Обычай судить дела усопших сохранился лишь при канонизации; чтобы попасть

на небеса, нужно быть безукоризненно чистыми. Но не явленная откровением вечная участь человеческой низости не может послужить уроком. Если человеку выгодно прожить добродетельно жизнь, то выгодно и целой стране, чтобы строгий и справедливый суд побуждал ее граждан к благонравной жизни. Потому сей обычай египтян был весьма мудр.

Жители Севера, сударь, также могли гордиться своим правосудием. Часто их нравы и справедливость заслуживали высокой оценки; но прежде чем делать выводы, мне следует представить вам одно северное предание. Вы знаете, что Борей был правителем Севера, похитившим Орифию*; в [Младшей] Эдде¹⁶³, собрании северных преданий, вы прочтете, что у Бора было три сына: *Один*, *Вили* и *Ве*. Однажды, придя к берегу моря, они нашли два куска древесины и взяли один, дабы сделать из него живое существо, коего назовут *Манн*. Первый из сыновей дал ему жизнь, второй ум, а третий слух и зрение. Получился мужчина. Из второго куска вышла женщина, которую сыновья тоже не обошли дарами. Мужчину назвали *Аск*, женщину *Эмбля*¹⁶⁴. Тацит сообщает о *Манне* как о прародителе племени германцев**. Вполне естественно то, что сие слово обозначало человека вообще, ибо это было имя того, кто стал родоначальником племени.

Гесиод говорил тоже нечто схожее; он считает, что в медный век, сменивший серебряный век,

* *Страбон*. География. Кн. VII [3, 1]: унес ее «за Понт, к самым крайним границам земли, к источнику ночи и небесным воротам, к древнему саду Феба».

** *Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии. Кн. 2: [В древних песнопениях <...> они славят порожденного землей бога *Туистона*. Его сын *Манн* — прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются *ингевонами*, посередине — *гермионами*, все прочие — *истевонами*.]

Юпитер изваял людей из дерева*, чьи сердца были тверже алмаза. *«Были те люди могучи и страшны. Любили / Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели. / Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться / К ним не решался: великою силой они обладали, / И необорные руки росли на плечах многомогущих»**.*

Нет нужды замечать вам, что сия картина есть изображение гигантов, что вещество, из коего они были сделаны, сближает их с человеком, созданным сыновьями Бора; сии гиганты из дерева родились во владениях северного царя. Слово *Манн*, либо по причине могущества первого человека, либо из-за представлений о величии и силе, стало обозначением власти: оно стало титулом царей: их величали *Миннур*, *Миннер*. (Такие звуковые изменения свойственны шведскому языку.) Можно считать, сударь, что греки взяли оттуда своего Миноса, знаменитого законодателя и царя Крита, вставив в сие северное слово гласную более певучую и более созвучную. Тонкому и чувствительному слуху обитателей сих мест требовались звуки мягкие. Вам нужно еще доказательство? Ведь некогда в Швеции каждые девять лет отмечали великое торжество, совершали жертвоприношения в присутствии стекающего ото всех мест народа. Гомер вам скажет, что каждые девять лет Минос удаивался встречи с Юпитером и внимал откровениям из его уст***. Когда боги нарушали клятву, которую произносили [во время своих раздоров по приказу громовержца] над водой Стикса, Юпитер изгонял их из сонма олимпийцев на девять лет.

Откуда взялось оное число в девять лет? Не напоминает ли сие время изгнания перерыв между

* [Точнее] — из древесины ясеня.

** *Гесиод*. Труды и дни. Ст. 145–149. [Перевод В. Вересаева.]

*** [См.]: Гомер. Одиссея. Песнь XIX. [Ст. 178–179].

судами на Севере, кои собирались каждые девять лет? Юпитер изгонял богов на одном из таких собраний и восстанавливал в правах на последующем. Сии сходства в обычаях, хоть и столь удаленных, кое-что доказывают, если к ним свое веское слово прибавляет корнесловие. Север, стало быть, являет нам одного из судей, и притом самого прославленного судию преисподней. Но эти пределы земли должны нам явить еще одного судию. *Рад* означает советника, честного судью, *радамен* — царского судью. Итак, перед нами Радамант, что помогал Миносу судить тени усопших. Определенно, тут нельзя ошибиться. Верно говорили, что мифические имена чужды греческому языку, они по сути переселенцы с Севера. В наших поисках не хватает третьего судии, Эака, но сии истории и свидетельства не могут быть полными: то, что они понесли утраты, [как раз и] удостоверяет их старину. Они потому древние, что время успело у них кое-что отъять.

Мы можем рассказать, сударь, как Минос, Эак, Радамант были определены судить мертвых, о чем нам поведал Плутарх. Со времен Сатурна установился закон, что те люди, которые провели жизнь в праведности и соблюдении закона, после смерти отправляются жить на Острова блаженных, не зная печали и пребывая в вечном счастье. Злодеи, нечестивцы, обреченные высшим судом на узилище, отправлялись в Тартар. При царствовании Сатурна и в начале правления Юпитера здравствующие люди судили себе подобных, по старости либо из-за недуга стоявших у края могилы. Но у живых хватало смягчающих обстоятельств; на суд они являлись в сопровождении друзей и родных; там давала себя знать слава их рода и блеск их богатства; цари к тому же находились в окружении подобающей их сану пышности и под защитой своего могущества.

Человеку есть чего опасаться от живых; приговоры не всегда были обоснованными. Плутон, владыка Островов блаженных, жаловался, что к нему посылают подданных, которые не достойны того, чтобы пребывать в покое. Юпитер осознал, что соблазн кроется в человеческих страстях; страсти судят и страсти выносят приговор. «Вот те одеяния, — говорит Плутарх, — в кои облачены судьи. Посему Юпитер повелел, чтобы отныне судьи представляли *голыми*, иными словами, мертвыми и лишенными тщедушной человечности; суд оных переносился в загробную жизнь, где наказания были бы справедливыми, поскольку сами души были судьями душ. Юпитер поручил сие занятие своим детям: Миносу и Радаманту отводилась Азия, а Эаку — Европа»*.

К Азии ввиду ее старшинства и большей населенности отношение было более благосклонное. Но кто же судил Египет и Африку? Раз сии мифы породили обычаи Нила и египетские законы, не странно ли видеть Африку обойденной? Раскрыть истину помогают сущие мелочи. Вы можете вообразить, насколько стары сии представления, вы можете отбросить несметное число тех стран, кои не могли их породить. Египет был совершенно неизвестен создателям сих установлений. Каковы те люди, которые в древности не знали Египет? Это не римляне, не греки, даже не финикийцы. Создатели установлений, в которых могли забыть Египет, которые даже не слыхивали об оном, были выходцами с самого края земли; людьми, кои существовали до Египта и кои, покинув свои отдаленные убежища, основали собственную державу и законы.

Взгляните, сударь, ведь человеческие суды послужили образцом для правосудия в преисподней; вы

* [См.]: *Плутарх*. Слово утешения к Аполлонию по случаю смерти его сына. Гл. 30.

видите, что оно было учреждено во времена Сатурна, когда были утверждены законы, во времена, славившиеся справедливостью и благополучием.

Разве вы не видели, что Сатурн был братом Атланта? А поскольку Плутарх сообщает о сих установлениях в его правление и в начале царствования Юпитера, очевидно, что законы сего правления затем определяли справедливость законов потусторонней жизни. Очевидно, что сии здравствующие люди, которых судили им подобные, были из породы Атланта: они населяли Атлантиду или сопредельные и западные страны, которые были владениями Сатурна. Сатурн возводил крепости на горах; возвышенные места стали называться сатурновыми.

Мы постоянно оказываемся в горах, которые были местом стольких войн и которые люди укрепляли рукотворными сооружениями.

Следует прислушаться к Платону, приводящему наставления, которые он получил от некоего философа¹⁶⁵; в древности знания передавались от старейшин к старейшинам. Сего философа наставлял его дед и тезка, который во время похода Ксеркса был послан на Делос, дабы охранять остров — родину [двух] божеств. Мы не поверим сему обстоятельству, ибо знаем, что боги старше греков: острова оных не были заселены, когда родились все сии ложные и смертные божества. Но этот дед, наконец, отыскал на острове Делос две медные таблички, вывезенные [Опис и Гекаэргой] из Гиперборейской земли; и там он вычитал полное описание преисподней, учение о бессмертии души, которая после высвобождения из тела отправляется в некое безвидное место, в подземное обиталище, туда, где находится дворец Плутона, где преддверие пути в царство Плутона надежно охраняется засовами и замками. Того, кто их отопрет, принимает в свое лоно река

Ахеронт, а затем Кокит, переплыв каковые надлежит быть отведенным к Миносу и Радаманту* на равнину, именуемую «долиной истины»**.

Мне нет необходимости замечать вам, сударь, все выводы, кои можно извлечь из сего единственного отрывка. Вы видите, что знания греков были иноземного происхождения; учение о бессмертии души и загробной жизни было заимствовано: но касательно места, откуда пришли сии знания, можно ли требовать более весомого свидетельства, нежели то, что приводит Платон со слов философа? Оный прочитал на табличках, кои принадлежали северным народам, всю историю установлений, что мы находим на Севере земли; там оный увидел имена рек и лиц, значения и корни коих доселе сохраняет язык. Согласитесь, сударь, что сей остров Делос, ставший свидетелем рождения богов в Греции, был так преподан, дабы потешить национальное тщеславие. То был остров более древний и более величественный, который и Диодор Сицилийский, и Плиний помещают в северные моря. Один называет его островом Базилея, сиречь Царским***; другой дает оному имя Осерикта (Osericta)****, и сие слово, словно в подтверждение их свидетельств, на

* Эак не появляется в этом отрывке Платона. Сей третий судия преисподней мог быть вполне добавлен позднее¹⁶⁶.

** Платон. Аксиох. 371a–371e. [Данный диалог считается не принадлежащим Платону, в нем сильны стоические и эпикурейские мотивы. — Прим. пер.]

*** Диодор. Т. II. С. 225 [кн. V. 23].

**** Плиний Старший. Кн. XXXVII. Гл. XI, 9. [Тойбнеровское (Teubner) издание Плиния 1897 г. дает прочтение острова как Серита и указывает другой край Кармания, область древней Персии между Персидой и Шедросией (ныне отчасти район Кермана и Ларистана): «Mithridates in *Carmaniae* litoribus insulam esse, quam vocari *Seritam*, cedri genere silivosam, inde defluere in petras» («Согласно Митридату близ берегов Кермании пребы-

северных наречиях означает *остров богов-царей, царский остров богов*.

Итак, все, что выложили греки касательно острова Делос, удостоенного чести стать местом рождения богов, относится к острову Базилея, что находился в северных морях. Плутарх, сударь, полагал некогда, как и я полагаю сейчас, что Гомер хотел поместить преисподнюю у северного полюса; он считал, что именно тени сих краев побудили его к такому шагу.

Но Гомер был ближе к источникам древности и знал больше Плутарха. Посему он руководствовался преданиями, а не условностями. Сей выбор диктовался не его гением, он следовал общепринятому мнению. Все поэты, все древние сочинители размещали Тартар, Елисейские поля, сады Гесперид, рождение богов и героев, обиталище манов на краю земли и в стране теней. Впрочем, разве Гомер, разве греческие поэты ввели в наречия Севера названия рек, судий и богов преисподней? Все оные имена чужды Греции. Греки лишь смягчили их, когда перенимали. Они получили их от пеласгов¹⁶⁷, а имя сего народа означает, что оный странствовал, иными словами, был кочующим; как раз вследствие перемещения людей к экватору земля населялась и народы просвещались. Платон подтверждает сие заключение, ибо в соответствии с неким преданием он сообщает нам, что на острове Делос видели медные таблички с именами северных краев, где описывалась преисподняя. Не значит ли сие, что эти таблички стали источником сих представлений?

вает остров, который именуют Серитой, заросшей кедром, от коих на камни изливается янтарь»).

Старое же парижское издание в серии «Bibliothèque classique latine» под ред. Лемера (N. E. Lemaire), 1837 г., дает такой текст: «Mithridates in Cermaniae litoribus insulam esse, vocarique eam Oserictam, cedri genere silvosam, inde defluere in petras».]

Какие соображения побудили его столь очевидно опровергать притязания греческого тщеславия? Разве что истина вынудила его к такому шагу. Я полагаюсь на Платона, ученика египтян, я уступаю место греку, который свидетельствует против греков и египтян.

Я предвижу возражение, кое вы собираетесь выдвинуть. «Когда-то, — скажете вы, — народы умеренного пояса не представляли себе, что земля могла быть обитаема выше 50° северной широты. Посему простительно грекам поместить киммерийские тени точно на 50° широты». Но ведь, сударь, греки, какими бы невеждами они ни были, отличали киммерийцев от гиперборейцев. Киммерийцы действительно жили в стороне Меотийской топи¹⁶⁸, меж 45° и 50° широтами. Сии народы, согласно моим догадкам, спустились по Волге, затем по Танаису, ныне Дону, что впадает в Азовское море. Идя вверх по течению этих рек к их истокам, вы окажетесь в месте исхода одного народа. «Киммерийцы, знакомые в старину грекам, составляли только небольшую часть племени, — повествует Плутарх, — ибо это были предводимые неким Лигдамидом мятежники и беглецы, которых скифы вынудили переселиться с берегов Меотиды в Азию, и что самая большая и воинственная часть киммерийцев живет у Внешнего моря, в стране столь лесистой, что солнце там никогда не проникает сквозь чащи высоких деревьев, простирающиеся до самого Герцинского леса. Небо в тех краях таково, что полюс стоит чрезвычайно высоко и вследствие склонения параллелей почти совпадает с зенитом, а дни и ночи — равной длины и делят год на две части»*.

Следовательно, киммерийцы были в Азии; уходя оттуда, они дошли до самого Босфора; а когда

* *Плутарх. Марий. XI.*

сии варвары отправились в Италию, то оказались близ Байи и Путеол¹⁶⁹.

Итак, проясняется, каким образом народы с одним именем оказываются в столь разных концах земли и каким образом историки умудрились совершить столько неверных допущений и промахов.

Но не у сего народа почерпнули греки собственные представления о гиперборейцах. Геродот рассказывает о народах, которые спят шесть месяцев, ибо, очевидно, полагают, что ночью, какой бы долгой она ни была, лучше всего предаться сну. Мимо греков не прошло то, что на Севере были края, где год состоял из одного дня и одной ночи, каждые протяженностью шесть месяцев. «Люди из сих краев, гиперборейцы, утром сеют, в полдень поливают, вечером собирают урожай, а ночью засыпают оный в свои закрома»*

Разве можно лучше описать жизнь сих народов, для коих время делится исключительно на большие промежутки, для коих природа не позаботилась о беспрестанно сменяющихся друг друга дне и ночи? Она дарует им сразу весь свет и весь мрак года; одна половина солнцеворота проходит в трудах, вторая в отдыхе и скуке: и ежели люди зимой удаляются в пещеры, то лишь для того, чтобы меньше замечать отсутствие солнца. Небо пустынно и печально без оного; небо без солнца не стоит того, чтобы смотреть на него. Впрочем, описание края гиперборейцев совершенно не походит на берега Меотийской топи. За галлами, в Океане, с северной стороны, согласно Гекатею¹⁷⁰, находится остров, такой же

* [См.]: *Плиний*. Естественная история. Кн. IV. Гл. 18. [У Лосева в «Античной мифологии в ее историческом развитии» перевод следующий: «Говорят, что они сеют утром, в полдень жнут, с заходом солнца собирают урожай с деревьев, ночью же, говорят, они скрываются в пещерах». — *Прим. пер.*]

большой, как Сицилия; именно там обитают гиперборейцы, которые согласно их имени находятся в тех краях, коими владеет Борей и откуда северный ветер насылает лед на землю. Это место рождения Латоны и ее сына Аполлона. Сии народы во все века любили греков, особенно жителей Афин и Делоса. Возможно, мы что-нибудь скажем о сношениях между греками и гиперборейцами; но в настоящую минуту вас, сударь, не удивит находка у островитян Делоса медных табличек, исписанных наречием гиперборейским; а когда Платон вас заверит, что они содержали описание преисподней, у вас отпадет всякое сомнение касательно того, что она размещалась в краю гиперборейцев, на Севере земли. Мне кажется очевидным, что родина сих представлений обретается в этой области света. Возможно и такое, что во времена невежества греки спутали места, поместив долгие тени у киммерийцев на 50° широты. Подобно вам, я извиняю им сию ошибку, но она совершенно ничего не меняет: она вовсе не мешает тому, чтобы они имели отнюдь не смутное представление о природных явлениях, присущих наиболее близким к полюсу местам; она вовсе не мешает тому, чтобы как раз в тех краях наиболее сведущие греки искали Тартар и Елисейские поля.

Маны, тени усопших, представляют останки человека. Сие имя оным могли дать лишь в краю, где сам человек носил имя *Манн*. Сии связи столь вопиют о себе, что невозможно их не заметить, и выводы мне представляются очевидными. Сие слово *манн* принадлежит исключительно северным наречиям*, посему я заключаю, что представление о

* Лопари называют словом *мана* еще то, что остается от человека после смерти. ([См.]: Путешествие Реньяра в Лапландию. Т. I.)

манах, о Тартаре и Елисейских полях произошло с Севера и что все народы, которые вне религии откровения пришли к вере в загробную жизнь, своими предками имеют народы сей части света. Но вы спросите меня, как могли люди так заблуждаться, спутать грубую ошибку с глубокой мыслью и дать материальное и земное положение тем местам, которые мы увидим лишь в бесплотном состоянии, когда покинем землю. Кажется безрассудством помещать их в места, кои известны, посещаемы и где никогда подобного не видели. Причина проста: все тут совершается естественным путем. Сии установления вовсе не касались реальных мест: география образовывалась в памяти, изменения производились под пологом предания. Тоска по былому меняет, украшает все, именно она виновница превращений. Елисейские поля имеют то же происхождение, что и Золотой век. Когда покидают родимый край, где народ мужал и рос, начинают по нему тосковать. Вскоре стали говорить молодежи: мы либо наши предки жили некогда в чудном краю, на тучной земле, под ясным небом, там все были добродетельны, ибо справедливые и суровые законы карали злодеев. Поскольку смерть все соединяет без различия места и времени, поскольку одна и та же тень покрывает все, что порождает пространство и время, являя старика, который только что завершил свои дни, то вскоре стали говорить: он присоединился к своим предкам, он будет с ними пребывать в мире, вкушая заслуженное им блаженство; злодеи же испытают всю суровость кары. Подобные представления от постоянного повторения откладывались в памяти поколений; и в конце концов стали смешивать загробную жизнь, место, где Бог наказывает и воздает по заслугам, с древним обиталищем, с покинутой прародиной, где нравы были невинны, а законы суровы и справедливы.

Такое происхождение мифа о преисподней мне кажется вполне допустимым ввиду правдоподобия и философской подоплеки оного; но оно опирается еще на три обстоятельства, кои, похоже, должны развеять все сомнения. Поэты и историки, которые, на наш взгляд, сохраняют древние традиции, писали, что оплот преисподней находится на Севере земли. Можно было бы тут усомниться; можно было бы посчитать, что сие есть просто дело вкуса. Но в северных и живых наречиях вы доселе слышите имена либо корни незнакомых имен, чуждые [эллинам]. Греции вовсе не приходилось искать варварские слова или звуки для создаваемых ею представлений; она сама была вынуждена смягчать сии заимствованные слова. Мы полагаем, что химия пришла от арабов, поскольку специальные [термины в ней] арабского происхождения. Астрономии нас обучили греки и те же арабы, о чем свидетельствует древний словник этой науки. Знание преисподней принадлежит народу, чей язык создал имена богов, судий и рек загробного мира. Слова могли быть заимствованы лишь потому, что они неотделимы от представлений. Сих двух обстоятельств, сих двух свидетельств, вероятно, хватило бы, но история ясно показывает нам, что во все времена полуденный край испытывал нашествие народов с Севера. Во все времена богатство соблазняло бедных: посмотрите, как Европа наполнилась людьми при этих нашествиях, посмотрите, как все народы Азии переходили Кавказ, как те укреплялись против народов, что хотели следовать за ними. Похоже, словно некая сила влекла людей к экватору; таково неизбежное следствие привлекательности тепла и богатств [и воздействие] силы нужды и выгоды. Это обстоятельство истории присовокупляется к первым двум; оно объясняет, почему мифы Севера и слова наречий северных оказываются в полуденных кра-

ях: люди, слова и представления следовали одной дорогой.

Падение Фаэтона случилось не в Италии — он утонул в Эридане, что пополняет воды северных морей. Вы видели, как Прометей указал Геркулесу путь к садам Гесперид через Кавказ, где самому имени Геркулеса история дает северное гражданство. Геспериды, дочери Атланта, выходцы с тех же мест. Калипсо, которая своими чарами на семь лет приковала к себе Улисса, которая заставила его забыть супружескую верность и затем безуспешно пыталась обратить те же чары против Телемаха, приходилась дочерью великому Атланту. Персефонин лес, Елисейские поля, судилище Радаманта находятся на Севере, во владениях Сатурна, брата Атланта. Такова обновленная память об атлантах, таковы мифы, порождение установлений оных. Мы не только видели, как они перешли Кавказ, мы отыскиваем их в Скифии, но имеющиеся мифы показывают нам оных значительно дальше, в области теней полюса. Я пока не осмеливаюсь делать заключение, что атланты были жителями Севера земли: оно необычно и дерзко. Вы спрашивали меня касательно известий о моем пропавшем народе, и вам нужны исторические свидетельства. Не знаю, примите ли вы сии мифы за историю. [Но] разве вы не желаете, чтобы дочери были членами семьи своей матери? Человек не лжет только ради красного словца. Порой он немного подправляет правду, когда она недостаточно выгодна либо недостаточно приятна. Она хоть и затушевывается, но все же остается правдой. Она приукрашивается, но не утрачивает всех своих черт. Мне представляется очевидным, что сии мифы уходят языковыми корнями на Север. Хоть и являясь лишь порождением воображения, они показывают нам истоки, которые питали сие воображение. Мои предположения крепнут; я чувствую,

как приближаюсь к разгадке. Несмотря на робость перед вами, изволившим слушать меня; несмотря на угрозу ввести вас в заблуждение, мне следует воспользоваться выгодами места, куда я вас привел. Прибыв в края, располагающиеся между полюсом и Кавказом, мы увидели, что оттуда вышли все народы Азии, мы очутились близ истоков рода людского. Сия великая истина не должна пребывать без пользы. Я прошу вас не покидать меня; и ежели народ атлантов вовсе не химера, мы постараемся отыскать пристанище оною.

С почтением и прочее

Двадцать третье письмо г-ну Вольтеру

Обнаружение родины атлантов

Писано в Париже, мая 5-го сего, 1778, года

Платон, сударь, говорил афинянам о прекраснейшем и наилучшем роде людей, который когда-либо существовал. А сами афиняне происходили лишь от малого семени, оставленного сим родом. Он присовокупляет, что Афины положили предел дерзости несметных воинских сил, путь державших от Атлантического моря.

Я вполне полагаю, что в сих похвалах наряду с любезностями содержалась и правда; и наконец лесть, особенно лесть философа, обязана хранить крупицу правды. Посему я заключаю, что в Греции существовало смутное предание о [собственном] происхождении. Истоки своего народа относили к некоему древнему племени, которое связывали с не ведомой тогда частью света. Дабы прояснить положение, узнать получше самих греков, мне необходимо сопоставить предания; я неизменно видел, как свет и истина исходили от сих сопоставлений и связей. Греки хвалились своими постоянными сношениями с гиперборейцами; передают, что оные посещали тех, кто оставлял дары с греческими над-

писями. Гиперборейцы в качестве посланника держали скифа Абариса. Каждый год они привозили [в Элладу] первый урожай зерна. Трем или четверем молодым и целомудренным девицам препоручалось занятие под водительством ста отроков. Стоило [однажды] с сими девственницами случиться в пути несчастью, их более не посылали: стали передавать дары от народа к народу, из рук в руки, и так до самого Делоса*. Гиперборейские таблички, кои видели на сем острове согласно показаниям Платона, не вызывают у меня доверия к этим событиям. Но путь, коим следовали сии поверяемые честности дары, весьма примечателен; Павсаний сообщает нам, что гиперборейцы передавали их аримаспам, те исседонам¹⁷¹ исседоны скифам, которые переправляют дары в Европу: оные три народа, очевидно, те племена, что жили в Татарии, между Кавказом и Ледовитым морем. Стало быть, обоснованно Диодор Сицилийский поместил гиперборейцев к Северу на остров в этом море.

Много ли у вас, сударь, веры к сим девственницам и сим дарам, которые проделывают столь долгое путешествие на протяжении многих лет? В те времена, когда сообщение было затруднительным, такой путь через семьсот или восемьсот мест требовал самое малое одного года; посланникам приходилось находиться постоянно в пути, первый урожай к своему прибытию успевал немного состариться. Я объясняю все происходящее весьма упрощенно, упуская долгие странствия, которые мало заслуживают доверия. Сии взаимные посещения, как мне представляется, произошли от соседства; как раз дружественные, родственные народы пестуют свою дружбу, ежегодно скрепляя свой союз. Грекам, как

* [См.]: *Банье*. Мифология. Т. I. [*Геродот*. Кн. IV, 32–34.]

и всем прочим народам на земле, приходилось менять свое местожительство — почему они не могли быть соседями гиперборейцев? Ведь поначалу они носили имя пеласгов; сии пеласги вполне могли перенять свое имя у некоего моря, называемого *Пелagos*, сиречь великое море, о коем Платон говорил в связи с островом Атлантида.

Пеласги отделились, но сношения некоторое время еще продолжались. Когда расстояние прервалось сии связи, память о них осталась, и былыми событиями хвалились как чем-то существующим. Таблички на языке гиперборейцев, которые содержали общие истории и мифы, оказались перенесенными на Делос, и оный предстал затем как остров богов, которых оставили в Азии. У меня доказательством сего мнения для вас может послужить лишь его правдоподобие, совпадение со свидетельствами, кои я вам сообщил, и с теми, что я смогу еще присовокупить. А без сего древнего соседства греков и гиперборейцев, где же греки на заре своей истории, во времена, когда люди вообще не путешествовали, взяли бы столько знаний о долгих днях и ночах в северных широтах, о мраке, который поражает те края на некоторое время в году? Как раз сии наставления, полученные в пору своего младенчества рядом с колыбелью, и сохранил, возмужав, этот народ. Орфей, Гомер воспели в стихах сии предания, тем самым увековечив для потомков.

Сей остров гиперборейцев мне напоминает остров Панхейю, о коем Эвгемер¹⁷² сообщает столько чудес: там нашли записанные на одной колонне золотыми буквами деяния Урана, Сатурна и Юпитера, иными словами, предводителей атлантов.

Он [заставляет вспомнить] те священные острова, расположенные за Англией, на коих Плутарх помещает обиталище демонов и полубогов; остров Базилея, где собирают желтую амбру, куда был

низринут Фаэтон*; остров *Осерикта*, или остров богов; остров Счастья, именуемый также *Эликсоя*; остров Атлантида Платона; наконец, остров Огигия, где царствовала Калипсо и который, согласно мнению [многих] древних, был не чем иным, как Атлантидой.

Не находите ли, сударь, нечто особенное в сем обожании древними островов? Все священное, великое и древнее миновало: отчего жители материка отдавали сии выгоды положения островам? Когда желают украсить свою старину мифами, то прославляют отчизну, а не чужеземные страны. Не жертвуют огромными просторами земли, представляющимися владыками сего шара, крохотным придаткам, местам обособленным и затерянным, вроде островов. Я склоняюсь к тому, что сия любовь была слегка надуманной. Предания вовсе не были выдуманы, а зиждились на правде, только вот любовь в ином свете решила представить оные, но правда сопротивляется сим потугам. Когда вы видите разбогатевшего выскочку, что посылает за документами и званиями своей семьи в город, разве вы не усматриваете там происхождение оногo? Ну вот, сей город, столь захудалый перед столицами, и есть тот остров, что отчасти населил большую землю. Семейные звания рода людского и есть те предания, кои начало свое берут на священных островах. Островитянам, чтобы пристать к нашему старому матерiku, нужны были суда; отсюда пошло мореплавание. Греки говорили, что Минос первым из властителей построил флот и приобрел господство на море.

Вы видели, каким был Минос, судия преисподней, из коего греки сотворили законодателя Крита.

* Диодор. Т. II. С. 225 [Кн. V. 23].

Минос был выходец с Севера; [следовательно], там находится изобретатель мореплавания: вы с этим согласитесь. Моими первыми доводами в пользу зарождения мысли о больших плаваниях на уединенном и скудном острове будут те, что я уже вам излагал.

К ним я присовокуплю необходимость мореходных средств, чтобы перебраться в Азию, где вы увидите, как люди переправлялись. Один миф, уже изложенный в сих письмах, приводимый и «[Младшей] Эддой», и Гесиодом, подтверждает сие происхождение. На Севере яшень называют «астар». Некогда копья, мечи, все наступательное оружие и корабли изготавливали на Севере из этого дерева. Мореходы звались «астеманн», сиречь людьми дерева.

Они [проживали в] плавучих, слаженных из ясения домах, оружием их были сухие ветки сего дерева. Миф рассказывает, что они родились в лесу, что боги сделали их из этого дерева. Вот оттого, что они приплыли на судах, придумали историю о сыновьях Бора, которые изготавливают человека из куска древесины. Именно по сей причине Гесиод, надевая своих гигантов сердцем из алмаза, говорит, что оные были сделаны из древесины и даже из ясения. Так вот единственно истина, скрывающаяся за иносказаниями, приводит столь различные мифы к одному истоку.

Вам известно, сударь, что следы происхождения сохраняются в наречиях. Наука вышла из тех краев, где народились на свет специальные слова, коими она пользуется: это неоспоримое правило. Вы видели, что слово, обозначающее в Греции и Италии лодку, имеет тот же смысл и на северных наречиях. На сих языках есть еще одно обозначение корабля — слово «шип» («ship»), кое сохранилось в английском наречии и кое можно встретить на краю земли у коряков, где им именуют небольшой челн.

У тех и других народов общий исток мог находиться лишь на Севере; а согласно нашему правилу, поскольку они взяли там имя лодок и челнов, кои представляли начальный этап корабельного дела, они должны были перенять там и само понятие мореходства. И разве не видите, сударь, что те, что обучили нас сей науке, то бишь финикийцы, сии умелые мореходы, поражающие мир своими плаваниями, хранящие культ солнца и память обо всех предводителях атлантов, вероятно, были вместе с оными выходцами с Кавказа, а возможно, даже переименованными имя атлантами, и, подобно тем, родина их находилась на Севере, где наречия указывают на истоки мореходства. Нас уже не удивит, что в храме Геркулеса у них всегда было два столба, один посвященный огню, Солнцу, коего недоставало студеным странам, а другой — ветру, что привел их на материк, на новую, более благодатную для жизни часть суши.

Но сие место общего происхождения англичан, финикийцев и коряков следует поместить столь же далеко во времени, как далеко оно располагается на нашем шаре среди высоких широт. Изобретение науки мореходства должно быть весьма древним. И все же жители Востока, похоже, сохранили некоторые предания: у китайцев есть свой любимый богами Пэйжун¹⁷³, спасшийся от потопа на лодке вместе с женой; у древних народов Швеции имеется свой *Белгемер*, также спасшийся на лодке вместе с женой. Место, откуда те убрались восвояси, также, похоже, находилось меж северных областей Швеции и северных областей Китая с Кореей; оно, видимо, соответствует середине Азии. Мы вовсе не обязаны возводить сии предания к всемирному потопу, они могут относиться к отдельным наводнениям. Татары говорят, что когда-то их предки, плывя по озеру Кютай (*Kytai*), откуда берет свое начало

река Обь¹⁷⁴, увидели вдаль величественные здания, отчасти затопленные*.

Сие указывает на то, что она часть земли действительно могла пережить некое наводнение. Греки, самые большие вору старины, кои присваивали себе буквально все — мифы, летописи народов, героев, изобретателей ремесел, — вполне могли прибрать к рукам и великие природные катаклизмы, врезавшиеся в память людскую. «Нет ничего темнее, — говорит аббат Баннье, — истории Огига¹⁷⁶ и случившегося при царствовании одного потопа. Был ли сей владыка выходцем с Греции, либо иноземцем? В кои времена жил? Что есть Огигиев потоп? Вот три вопроса, которые невозможно прояснить».

Поскольку г-н Баннье уклоняется от ответа, я возьму смелость предложить вам свои догадки. Диодор Сицилийский, сударь, сообщает нам, что титанов или гигантов родили Уран с Геей в краю атлантов.

Ферекид¹⁷⁷, греческий историк, говорит, что гипербореицы происходили из рода титанов; по сему Гиперборея была страной гигантов. Кем были гиганты или титаны? Трех из их звали Котт, Бриарей, Гиес; у каждого из них была сотня рук и пятьдесят голов; обитали они в краю теней и Тартаре, куда их низринул Юпитер**. Они помогли Сатурну, пожелавшему свергнуть своего сына и занять его место. [Следовательно], Сатурн мог лишь править в краях, где мы ныне остановились; и во владения одного входили Елисейские поля.

Дионисий Перигет¹⁷⁸ говорит, что великое море на севере Азии звали Ледяным или Сатурниевым [точнее, на греческий лад, *Кронийским*. — *Прим. пер.*].

Орфей, Плиний говорят, что сие имя ему дали жители.

* [См.]: *Пьер Бержерон*. Трактат о татарах. 1634¹⁷⁵.

** [См.]: *Гесиод*. Теогония. Ст. 734.

Посему там нам и следует поместить гигантов, наперсников и помощников Сатурна, которые позже разделят его участь пленника. Сторукоость и пятидесятиголовье, обозначающие не что иное, как силу и благоразумие, приводят на ум образ бога $\Phi\theta$ ¹⁷⁹ и индийских божеств, чьими изваяниями полны Татария, Индия, Китай и Япония. Мне ясно, сударь, что сей гигант, большедушный Гиес жил на острове Атлантида, который и есть остров Огигия. «Ойа (Oia)» на северных наречиях означает «остров».

Засим я заключаю, что Огигия есть остров Гиеса, а погружение сего острова под воду целиком либо частично и есть Огигиев потоп. Но самым великим из потопов Атлантиды оказывается людской потоп, вызванный, возможно, неоднократным исходом народов с сего острова. Я говорю вам не о Тамерлане, не о Чингисхане, не о захлестнувших Римскую империю потоках варваров. Я возвращаюсь к более древним нашествиям, к великим походам Вакха и Осириса или, скорее, к походам одной прославленной личности, носившей оба этих имени. Осирис есть Солнце; Вакх, помимо бога виноделия, еще олицетворяет звезду, которая есть попечитель винограда. Я охотно сему верю; но путешествие Вакха, его походы в Индию, а Осириса — в Египет, народы, которых они наставляли, города, которые они основали, не могут быть просто аллегорией. Вся эта история имеет и вполне материальное воплощение; ведь основанные ими города и многие иные свидетельства вполне исторические. Посредством достоверных допущений можно отграничить правду от вымысла. Я считаю, что люди, пустившиеся вслед за солнцем и двигавшиеся с Севера к экватору, имели предводителя в своих странствиях; сего предводителя звали Вакхом индийцы и греки, Осирисом — египтяне. Когда вооб-

ражение пожелало присовокупить к преданию собственные картины, то видели, как солнце покидает один полюс и движется к другому, словно оно выходит из Севера, направляясь в сторону экватора; стали говорить, что солнце движется по небу, как люди двигались по земле: и предводитель памятного похода стал олицетворением солнцеворота на небе. У оседлых народов и мысли такой не могло возникнуть: предания оных не могли послужить пищей для аллегорий касаясь походов солнца; как раз по причине своих кочевий и именно в направлении полюсов люди и привязали движение этой звезды к своей истории. У нас не может быть никаких сомнений относительно исхода Вакха с Севера, ибо мы наблюдаем, как поклоняются ему на островах за Великобританией женщины, украшая себя венком из плюща.

Греки вовсе не приносили на сии острова, где и не могли помыслить о винограде, культ сына Семелы; Вакх находился там у себя на родине. Авсоний¹⁸⁰ ясно выражается на сей счет, когда говорит о солнце. «Египтяне, — говорит он, — величали одного Осирисом; на острове Огигия оному дали имя Вакха». Стало быть, вот она — настоящая отчизна Вакха, остров Огигия; именно оттуда поднялся рой людской, что под водительством Вакха пустился в Индию и вторгся в Египет под началом Осириса. Не думайте, сударь, что мне сей поход видится осуществленным за один раз, ведь я не охоч до долгих странствий. Столь обширную часть земли не одолеешь единым махом. Я убежден, что там не обошлось без привалов: когда же наконец выбрали себе постоянное обиталище, память утратила ощущение времени, череды бывших в пути остановок. Остались только места исхода и прибытия, а сам, длившийся не одно столетие, начавшийся при одном, а

завершенный уже при другом вожде, поход предстал единым походом, лавры от удачного завершения коего достались первому водителю народа. Атланты представляют другую волну переселения с острова Огигия, коя докатилась до Египта, Финикии, Малой Азии, Греции и Италии. Вы мне, сударь, скажете, раз остров Огигия, или, согласно Платону, остров Атлантида, находился за Геркулесовыми столбами, то атланты должны были миновать сии столбы, прежде чем достичь краев, названия коих я перечислил; вот почему Атлантиду помещали на Канарские острова и поблизости от Кадиса, где находились храм и столбы, посвященные Геркулесу. Но сей храм не был единственным, сии священные столбы находились не только в оном месте. Вспомним имя, которое те носили; сие имя значило пределы, рубежи, которыми отмечали место отдыха, границы похода Геракла. Возводя столбы, говорили: Геракл дошел доселе. Возводили все новые камни в каждом из поселений, на каждой из стоянок одного и того же народа по пути, растянувшись на века. Когда народ вновь пускался в дорогу, Геркулес возобновлял свой путь, доходя до новых рубежей. Тир, как мы уже говорили, имел храм, где стояли два столба, схожие с камнями в Кадисе; вот вам один из отрезков пути Геркулеса. Сей путь мог состоять из многих таких отрезков, кои не отметила история; возможно, многие из оных столбов были повалены временем, которое затем стерло и саму память о них. Следы Геркулеса отыскиваются в Скифии, там должны были стоять столбы¹⁸¹; и если бы сей край не был столь опустошен, если бы у него нашлись историки, мы бы кое-что узнали. Тацит говорил о жителях Севера; он рассказывает, что Друз Германик пытался пробиться к Океану сквозь леса Рейна, ведь молва сообщала, что там все еще существуют Геркулесовы столбы. Прозваны ли оные так,

говорит Тацит, потому что Геркулес и в самом деле посетил эти края или из-за усвоенного нами обыкновения связывать с его прославленным именем все наиболее замечательное, где бы оно ни встречалось. Мы можем предположить столбы на севере Азии, согласно тому, как Друз отыскал оные на севере Европы; или, скорее, сии столбы, установленные на некоем острове в Океане, равно находились на севере обеих частей света.

Гиганты, коих греки представляют нам погребенными под горами, изрыгая пламя из жерла Везувия и Этны, титаны, низвергнутые в преисподнюю Юпитером, заключенные в те же ямы, что и Сатурн, в страну теней и на Север земли, не оказываются ли оные теми гигантами, против которых столько боролись предки персов в ущельях Кавказа и память о коих хранят даже индийцы? Не есть ли они те зловредные дивы, которых Хушенг и Феридун заключили в пещеры сих гор? Вот вам еще одно нашествие; эти гиганты есть не что иное, как порода людей, выходцев с Севера, кои двинулись на юг и пробивались сквозь горы. Сии предания, которые, похоже, все истоки народов возводят к островам Севера, вкупе с теми преданиями, что удостоверяют поклонение народов горам, видимо, прослеживают движение одной части людского рода, вышедшей с одного северного острова, долгое время удерживаемой в горах, прежде чем этим отпрыскам удалось спуститься в чудесные края, где они обитают ныне.

Спешу вам сообщить, сударь, одно обстоятельство, которое, как мне кажется, явно указывает на сие движение и начало народов. В индийском и малабарском¹⁸² языках слово «див» означает «остров». Португальцы владеют в индийском княжестве Гужерат¹⁸³ городом с названием *Диу*, поскольку он был возведен на острове. Сие значение заметно в назва-

нии *Мальдивских* и *Лаккадивских* островов. Остров Цейлон арабы называют *Серандиб*¹⁸⁴, дословно остров Серана, так как у арабов не было буквы *в*, они заменили оную на *б*.

При виде тех памятных [словесных] зарубок, что оставили по себе гиганты как у персов, так и у индийцев, нельзя ли сказать, сударь, что слово «див», бытующее у обоих народов, имеет один источник: гиганты Индии есть не что иное, как дивы персов, и они носили имя, которое выдает их происхождение? Вот на сих наводящих ужас гигантов, изначально выходцев с острова, и перенесли это слово: их называли *дивами*, тогда как мы в таком случае говорили бы *островитяне*. Вполне естественно то, что народы с материка, лучше знакомые с их силой и зловредностью, нежели с их настоящим именем, называли оных людьми с островов подобно тому, как мы называли *норманнами*, то есть «людьми с Севера», неведомых дикарей, которые некогда опустошали берега Франции.

Излишки населения Севера постоянно питали переселения. Состояние войны между севером и югом Азии существует почти с самого начала света. Природа положила в данной части [земного] шара великую преграду, которая пересекает его по всей длине; укрепленная также руками человека, сия преграда с незапамятных времен стала местом противостояния. Находившиеся под защитой гор богатые и изнеженные народы некоторое время дышали свободно, между тем как хищные и алчные народы множились и закалялись, дабы преодолеть противостоящие оным преграды. Я уже замечал вам, что на всем лежит отпечаток сего разделения. Народы Гога и Магога, Чина и Мачина, скифы по ту и по другую сторону гор, дивы и пери являют собой неизменно два народа, которые граничат с преградой и

кои, разделенные и обособленные одной, живут в противостоянии друг с другом. Когда все свидетельства тяготеют к некому общему знаменателю, мне кажется, сударь, что их слаженность есть залог того, что сообщаемый оными результат заключает в себе истину. Можно подумать, что Платон обрисовал картину, которую я вам только что представил: разделение, о коем я говорю вам, обозначено в его сочинениях. «Прежде всего, — говорит Критий, — вкратце припомним, что, согласно преданию, девять тысяч лет тому назад была война между теми народами, которые обитали по ту сторону Геркулесовых столбов, и всеми теми, кто жил по сию сторону»*.

Когда мы вспоминаем, что Тацит указывает нам на Геркулесовы столбы на Севере, что все свидетельства древних, похоже, помещают туда остров Атлантиду; когда мы видим в Азии заметное и всегда наличествующее разделение между народами севера и юга, то невозможно спутать то же самое разделение в словах Платона, где о Геркулесовых столбах говорится все то, что мы рассказывали о Кавказе. Однако, сударь, сии предания Европы и Азии вдобавок отличает нечто общее. Я полагаю, что девять тысяч лет, о которых сообщает Платон, исчислялись не по солнечному календарю. Какова бы ни была их продолжительность, я принимаю оные как сообщенное преданием летосчисление. Платон, повествуя о сих войнах, говорит, что собирается поведать о событиях девяти тысячелетий.

Весьма удивительно, что правление дивов составляет семь тысяч лет, а царствование пери — два тысячелетия, таким образом, время жизни и время войн обоих народов точно равно девяти тысячам лет. Все эти малые свидетельства подобно камням

* Платон. Критий. [108e.]

на крепостной стене Фив ложатся один к другому, повинувась звуку амфионовой лиры¹⁸⁵: ваша лира подтверждает сии свидетельства. Вы можете столь же прекрасно управляться с чудесами, как Амфион и Орфей.

Я предвижу ваше возражение, сударь. Вы скажете: когда я предложил отправиться на поиски атлантов, то обещал представить исторические доказательства. Действительно, [мне удалось] с успехом оспорить мнения тех, кто помещает Атлантиду в Америку и на Канарские острова; показать, что вышедший с этого острова народ вовсе не пересекал Африки, [а] мог прийти в Египет лишь через Азию, которая изобилует памятными свидетельствами о нем; мы следовали за сим народом до самых отрогов Кавказа и увидели, как оттуда спустились основные народы Азии; [наконец], дивы и пери оказываются предками персов и первой породой людей. «Я согласен с вами касательно правдоподобия сих истоков, — скажете вы, — я допускаю, что наши атланты имеют некое сходство с вашими дивами. Мне вполне ясно, что вы стремитесь на Север, что желаете подтолкнуть туда незаметно и меня: но будьте осторожны, ведь, начав со свидетельств, вы заканчиваете тем, что потчуете меня мифами. Тут и Геркулес, отправляющийся в сад Гесперид через Кавказ; и Фаэтон, низвергнутый в Эридан; и Аид, его боги и судьи, помещенные во владения Сатурна и на Север земли; и Калипсо, которую поэт Гомер производит от Атланта и которой определяет во владения остров Огигию. Но, согласно вашим собственным правилам, сии мифы являют собой лишь наполовину правду историческую: они имеют множество наслоений и могут иметь двоякое толкование; оным не заказано согласовываться со свидетельствами истории, но те могут и не нуждаться в

оном. Я не поверю в ваши истоки, покуда их не подтвердит ясное и четкое свидетельство историка».

Тогда, сударь, вот вам требуемый историк! «Остров Огигия, — говорит Плутарх, — удален от Англии в сторону заката лета на расстояние пяти дней плавания». Вам известно, сударь, что во всех странах нашего полушария закат лета происходит к северу; стало быть, вот вам и местоположение острова Огигии, сиречь Атлантиды, достаточно ясно определенное на севере Европы. «Близ сего острова находятся еще три других, на одном из которых жители сего края говорят, что Сатурн находится в плену у Юпитера. Повелитель богов поместил туда, дабы следить за отцом и наблюдать за сими островами и окружающим морем, кое величают Сатурновым, гиганта Огига, то есть Бриарея. Обширная земная твердь, которая, похоже, объемлет со всех сторон обширное море, удалена от сих островов и от Огигии примерно на пять тысяч стадиев. Множество рек текут с земной тверди, неся свои воды. Границы материка вдоль моря населены близ большого залива, что не меньше Меотийской топи и устье которого расположено как раз напротив Каспийского моря». Здесь, сударь, все прекрасно описано. Греки не могли знать сию географию; они восприняли ее через предание пришедших с Севера народов: сие предание, возможно, содержит многое из тех знаний, что ныне нам недостает. Ледовитое море, кое соседствует с полюсом, действительно может почти вкруговую замыкаться материками Азии, Европы и Америки.

Оными четырьмя островами могут быть Исландия, Гренландия, Шпицберген и Новая Земля*,

* Гренландия, Шпицберген, возможно, относятся к материку; но Плутарх, имевший смутное представление о повествуемом предании, мог полагать, что сии края были островами.

либо неизвестные, более удаленные и ныне ставшие из-за льдов недоступными острова. Десять последних градусов к полюсу всегда оставались неизвестными. Я воздержусь делать свой выбор между существующими пока островами и теми, что нам не доступны. В то, что остров Атлантида погрузился под воду или затерялся среди морских просторов, могли поверить только потому, что потеряли туда дорогу, что нагромоздившиеся льды испугали мореходов, отступивших в своих поисках. Возможно, Атлантида просто затерта во льдах; но я ограничусь сказанным Плутархом; я, как и вы, вижу острова северного моря. Острова, о коих тот говорит, удалены на пять тысяч стадиев, что соответствует десяти градусам широты; можно сказать, что сие почти соответствует расстоянию от Шпицбергена до азиатского материка. Но ведь нельзя не узнать этот материк, когда говорится о множестве рек, которые впадают в сие море. У датских и московских лопарей¹⁸⁶ лишь немногие реки текут на север; на азиатском материке их немногим более двадцати трех, включая реки большие и малые.

Сей залив, что не меньше Меотийской топи и чье устье находится напротив Каспийского моря, очевидно, есть губа, куда впадает Обь и которая врезается в материк как раз над верхней оконечностью Каспийского моря. Я не думаю, что от глубокой старины можно требовать более точного описания, лучше обозначенного места и свидетельства более ясного и более подлинного.

«Народы сих островов, — продолжает Плутарх, — считают себя жителями земной тверди (что указывает на обширность их острова); а нас прочих — островитянами, поскольку наша земля со всех сторон омывается морем». Плутарх, похоже, намекает, что греки приходились им соседями, как мы и

предполагали, они могли быть таковыми в первом своем месте обитания. Он говорит: «Те, кто некогда там был и жил с Геркулесом, смешиваясь с народами Сатурна, возродили греческое племя, кое стало вырождаться и утрачивать свой язык и свои законы из-за сношений с варварами». Сие возрождение вовсе не плод греческого тщеславия, а свидетельство истины. «В оном краю все почести вначале воздаются Геркулесу, а затем Сатурну. Когда планета Сатурн оказывается под знаком Тельца, что случается каждые тридцать лет, готовится торжественное жертвоприношение и длительное плавание. Тех, кому предстоит отправиться в путь, выбирает случай; они вначале пристают к лежащим напротив островам, населяемым греками, и где солнце в летний месяц лишь час скрыто за горизонтом, и сию столь короткую ночь освещают сумерки». Лучше, чем это астрономическое обстоятельство, и не обозначить климат Севера. Сие явление свойственно лишь шведской Лапландии либо Исландии, которые находятся за полярным кругом. «Оттуда они плывут к острову Сатурна; там им предстоит провести тринадцать лет в услужении Сатурну. Затем им позволяется вернуться; но большая часть предпочитает остаться жить там, не зная забот и трудов, имея в изобилии все, как для божественных приношений, так и для изучения изящной словесности и философии. Оные остаются там, плененные благодатью земли острова и сладостью воздуха. Сатурн заключен в пещеру, и удерживают его там единственно узы вечного сна. Служит ему целый сонм демонов [и дэмониц], что во времена господства одного над людьми были его наперсниками и любовницами»*. Вот какова, согласно свидетельству Плутарха, сия область преиспод-

* *Плутарх*. О лике видимом на диске луны. Гл. 26¹⁸⁷.

ней, где владычествует Сатурн и где люди встречают одного, покидая земную жизнь*.

Здесь перед вами, сударь, выступает историк и философ; внимательно прочтите сей отрывок, хорошо взвесьте все заключенные там обстоятельства: тут есть над чем поразмыслить. В первую голову замечу, что Плутарх, похоже, в одном месте противоречит себе. Давая местоположение острова Огигия относительно Англии, он помещает его к закату лета, иными словами, на Север. Затем, желая сравнить сии острова с материком, тот совершенно не соотносит оные с Европой; а это было бы вполне естественно для сопредельного с Великобританией острова. [Зато] он дает расстояние островов до материка, земной тверди, которая, согласно всем признакам излагаемого места, может быть лишь

* Рюдбек, шведский ученый муж, почти сто лет назад пришел к мысли, что Швеция была Атлантидой Платона. Он даже полагал, что нашел в окрестностях древней Упсалы место, соответствующее измерениям, которые Платон приводит для столицы острова Атлантиды. Я не берусь судить сие частное заключение, что тот силится обосновать. Но сам труд его отмечен и духом времени и весьма глубокими познаниями; очевидно, что оный сослужил мне хорошую службу, за что я глубоко признателен. Если его труд не имел должного успеха, то лишь от недостатка подготовленных умственно читателей. Мысль о наших истоках на Севере не созрела еще в умах, да едва ли дело поправилось ныне. Рюдбек только ославил оную, приписав исток Швеции. Дела старины глубокой не позволяют ни таких подробностей, ни явных сходств. Впрочем, он расходится с Платоном: Швеция вовсе не остров, каковым была Атлантида, островом была Огигия, местообитание гиперборейцев. Тут сходятся все древние; и Плутарх вполне очевидно помещает край атлантов в Ледовитое море, на остров. Меня направляли астрономические памятники. Я защищен древностью и подлинностью оных. [В этом] мое преимущество. К тому же после Рюдбека произошли успехи в науках, которые мне служат опорой. Но главное мое преимущество — возможность говорить с более просвещенными философически читателями.

азиатским материком. Сии признаки — многочисленность рек и залив, который, очевидно, есть широкая Обская губа. Такое противоречие меня не удивляет. Плутарх, говорящий о весьма далеко отстоящих от него временах, не знал, что у преданий, которые прошли через многие поколения, через многие уста, зерно истины неминуемо тускнеет от множества наслоений. У Плутарха не было перед собой карты северных краев, но из рассказа его видно, что острова, о расстоянии которых до материка он сообщает, размещались к северу от сей части света; что как раз через азиатское побережье велись сношения с жителями материка, или потому, что Новая Земля служила перевалочным пунктом, или по иным причинам, о коих мы не можем судить. Сии мнимые противоположные острова, населенные греческими народами, где солнце на протяжении месяца покоится за горизонтом едва час, могут быть только Московской Лапландией, севером Финляндии, где почти схожие дни, где г-н Идман отыскал реликты греческого языка.

Островом Сатурна мог быть Шпицберген либо Гренландия. Я живо представляю ваше замешательство от фантазии сих путешественников, которые более не желали покидать остров, к коему пристали. Вам приходят на ум голландцы, которые были вынуждены провести зиму на Новой Земле; вас поражают эти божественные жертвоприношения в краю с климатом, где боги не даровали ничего; эти занятия изящной словесностью и философией среди холода, что заставляет замерзать мысли подобно воде; а главное — вас смешит благодать земли и сладость воздуха. Но ведь, сударь, сие говорит Плутарх; я просто передаю вам свидетельства. Он не был в учениках у Бюффона; он не состоит с ним в стоворе. Все сии свидетельства, в отсутствие другого правдоподобного объяснения, требуют признать похолодание земли;

этого обстоятельства вполне достаточно. Принять ли оно — зависит только от вас.

Я сообщал вам мифы о Фэтоне, Гесперидах, преисподней, Геркулесе по той причине, что греческие поэты и историки помещали действие их на Север земли, что свидетельство оных подтверждается наречиями Севера, сохраняющими корни, из которых произошло большинство имен, задействованных в мифах; почти все мифы связаны с Сатурном либо Атлантом, братом последнего. Плутарх, похоже, здесь утверждает, что сын Сатурна, Юпитер, удерживал оного в заключении на северном острове, посредине Ледовитого моря, именуемого также Сатурновым. Однако греки присвоили себе все эти мифы. И выходит, что Сатурн царствовал в Италии; жена его Рея разрешилась сыном оного, Юпитером, на острове Крит, где согласно мифу затем правил сей царевич. Итак, что же означает сообщенное Плутархом предание? Оно решительно оспаривает все самолюбивые притязания Греции и Италии. Предание, что кроется в основе стольких противоречивых притязаний, предание, измышлять либо поддерживать кое не было никакого резона, оно и есть сама правда, которую нередко поминают всуе и которая часто живет среди нас вопреки всем нашим усилиям вытравить оную.

Вы можете сказать, будто бы я хочу уверить, что часть человеческого рода вышла с этих островов, что атланты сотворили великое нашествие и что затем они заплонили часть Азии, Европы и Африки, везде оставляя следы своих установлений и мифы, свидетелей происхождения оных. Засим, дабы доставить их к нам, я будто бы приписал им изобретение мореходства. Именно так, сударь; но я ничего не выдумывал без веских на то оснований. Предлагая вам всякий раз некую философическую мысль, я подкреплял ее преданием, ибо история служит

опорой философии, а философия есть лампада истории. По мне, так я достаточно показал вам, что атланты пришли в Египет исключительно через Азию, что они спустились с Кавказа. Плутарх присоединяется ко мне, дабы показать вам Атлантиду, колыбель сих воинственных народов, на одном из островов Ледовитого моря. А дабы переправиться через море в Азию, оные должны были иметь суда: необходимые звенья в подобной цепи может доставить историк. Но сие предположение, столь естественное, что вы могли бы поверить мне на слово, я подкрепляю еще преданием. На Востоке вам поведают о некоем туманном море, некоей сумрачной области, где обретаются счастливые острова, где находится *источник жизни*.

Все это во многом напоминает Елисейские поля в краю теней, Золотой век, страну фей, где все были счастливы, ибо были молоды. Но самое примечательное здесь упоминание об острове, или большом материке, *что находится за горой Каф*, иначе говоря, за Кавказом и, следовательно, на Севере. «Земля, где мы находимся, окружена Океаном, но за сим Океаном есть иная земля, коя касается небесной тверди, и именно в сей земле был сотворен человек и находился рай земной. Во время потопа Ной на ковчеге пристал к земле, где и обитают ныне потомки оногo»*.

Конь о двенадцати ногах, на котором Хушенг совершал свои завоевания, был найден на оном материке, именуемом *Сухой остров*. Сие верховое животное о двенадцати ногах, должно быть, алле-

* *Косьма Индикоплов*¹⁸⁸. Новое собрание трудов отцов церкви и писателей греческих. Т. II. В VI в. монах Косьма придерживался того мнения, что человек первоначально населял землю за Океаном. Он путешествовал в Азии и говорил, что узнал сие от некоего ученого халдея.

горя; могли ведь соорудить корабль о двенадцати мачтах и сравнить невиданную доселе скорость оного со скоростью лошади: удивление диких народов сотворило много подобных превращений. История Персии, стало быть, связана с преданием сего древнего материка либо острова, лежащего за Океаном. Жители Востока, которые не отказываются добровольно от своих древних преданий, приладили к рассказу о потопе обстоятельства перехода людей от одной земли к другой. Сии люди пришли морем и из края, куда на Востоке помещали земной рай, ибо там было их первое прибежище и Золотой век. Вспомните, сударь, что страна Шад-у-кам, сей чудный край фей, находится за горами, и чтобы туда попасть, нужно было преодолеть сумеречные края, куда не пробивается ни один луч света. Оные края и есть северные страны, где царствуют долгие ночи: Платонов остров Атлантида, Плутархов остров Огигия есть не что иное, как *Сухой остров* жителей Востока. Никто из людей не может пристать туда без сопровождения существа более высокого разума.

Меня не удивляет, что мне улыбнулось счастье оказаться там: меня привел туда ваш гений. Греческие и восточные мифы вкуче, дух Европы и Азии, история двух оных частей света указали нам истину; сия истина есть происхождение атлантов, древнее пристанище пропавшего народа. Если совращенные и ставшие язвой атланты есть дивы, страх перед коими сотворил из них творящих зло демонов; если дивы вышли из сих некогда изобильных островов, то оные острова были также и первым пристанищем пери, фей, которые покровительствовали нам и обороняли нас. Значит, там обретался край сокровищ и город алмазов. Великолепие храма Нептуна напоминает нам красоты чертогов фей. Атланты, справедливые и доблестные, покуда не ощутили свое могущество, покуда избыток населения

не затруднил их жизнь и не вынудил к исходу, тоже жили в сих дальних краях под предводительством Сатурна, в царстве Справедливости, рожденной в те благословенные дни Реей.

Пожалуй, вы согласитесь со мной, сударь, что сии области, где зародились первичные установления и мифы, были заселены ранее всего. Тогда, ежели вы позволите мне сделать несколько допущений, я осмелюсь утверждать, что жизнь там могла предстать более приятной и счастливой, нежели в местах с чудным климатом. Когда внутренний жар земли был ощутимее, когда он преобладал над солнечным жаром, температура была менее изменчивой. И посему можно вообразить ту вечную весну, которую поэты еще оплакивают в своих стихах. По мере приближения к полюсам уменьшается суточное движение земли, вращение оной за одно и то же время заставляет нас проделывать меньшее расстояние; на полюсе мы вообще недвижны. Сдается, что атмосфера там менее волнуема*.

Смена дня и ночи в нашей умеренной полосе служит еще одним источником постоянных изменений в воздухе. Когда год состоит из одного дня и одной ночи, там наблюдается лишь два сезона и две перемены температуры. При допущении почти одинаковой и постоянной температуры на всей поверхности земного шара атмосферы возмущают един-

* Атмосфера вовлечена в то же движение, что и твердь земная; вращение земли не вызывало бы ветра, ежели бы атмосфера пребывала неизменно в одном состоянии: тогда бы все находилось в равновесии, вращалось бы все сообща, и тогда, несмотря на сие движение, были бы подобно недвижимым частям земной тверди и недвижимые части атмосферы. Но раз с земли поднимаются испарения, сии истечения образуют более или менее мощные потоки, равновесие нарушается, и вращение земли может вернуть равновесие лишь посредством движения, которое и вызывает ветер. «Энциклопедия», статья «Ветер».

ственно ветры, которые рождаются от движения светил и которые, главным образом, господствуют в тропиках. Но стоило начать холодать на полюсах и образовываться там льдам, постепенно накапливаемым за зимние месяцы, как у атмосферы объявилось два хозяина, и лоно оной оказалось заключено меж двух соперников. Развертывается борьба меж теплом и холодом, когда разреженная зона противодействует зоне уплотненной: студеный ветер, что опустошает поля, полуденный ветер, что навлекает бури, задувают над землей, и новые ветра двигаются с полюсов. Сии причины движения атмосферы, сии вечно повторяющиеся невзгоды, более или менее чувствительные, существенно могут укоротить жизнь: там, где оных перемен погоды нет, видно, что жизнь могла быть более продолжительной. Всегда одно и то же тепло, постоянство времени года, которое, возможно, содействует уравновешенности темпераментов, даровали мир и сердцу и атмосфере, делали жизнь столь сладостной и счастливой, сколь и продолжительной.

Стало быть, там некоторые из наших пращуров, часть рода людского, обрели счастье, коим людям на земле дано наслаждаться. Заключенные на [полярных] островах, они провели свое младенчество в невинности, а ныне, его утратив, доселе вспоминают; но вспоминают о времени, которое уже не воротится. Возвращение к оставленному родному пепелищу стало невозможным, подобно возврату в прошлое из настоящего: оные места более недоступны, природа сокрыла их. Море там твердо, подобно нашим рекам в лютую зиму, ледяная ограда опоясывает полюс, и сей древний мир уже почил от холода. Два мореплвателя обошли вокруг два ледовых пояса* и указыва-

* Капитан Фиппс и капитан Кук в 1773, 1774 и 1775 гг.¹⁸⁹.

ют на льды, которые преградили путь; да и г-н Бюффон обрисовал вам [неприступные] заторы, сии ледяные оплоты, которые ныне охраняют доступ к полюсам* и которые медленно подбираются к нам, дабы в один прекрасный день покрыть весь земной шар, соединившись на экваторе. Мне меньше жаль людей Южного полюса¹⁹⁰, коих я не знаю. Но меня печалит, что Север — очевидец стольких древних установлений, край Золотого века — ныне стал оплотом вечной зимы. Я тоскую по Золотому веку — моему [далекому] прошлому, и свои самые сладкие мгновения переживаю тогда, когда говорю о философии и истинах с великим человеком, который соблаговолил преклонить свой слух к моим речам.

С почтением и прочее

* Г-н Бюффон. Геологические эпохи (1778).

Двадцать четвертое письмо г-ну Вольтеру

О давнишнем народе и итог сих Писем

Писано в Париже, мая 12-го сего, 1778, года

Какая, сударь, чудная вещь путешествия! Объезжая занимающие тебя страны, обогащаешься новыми мыслями, порой весьма неожиданного свойства. Для человека оседлого все предстает настоящим парадоксом или романом, а истина дается тем, кто ее взыскует. Надобно видеть природу, которую невозможно разгадать и которую еще едва понимают в ее проявлениях. Мы не напрасно двинулись к Северу; при всей нашей предубежденности касательно сих ледяных областей мы даже в мыслях не могли бы представить там обиталище огромной части рода людского, той воинственной и захватнической части, которая, хлынув подобно потоку, все опустошала на своем пути и стала питать землю живительными соками лишь по достижении долин, где ее течение замедлилось.

Пожалуй, выглядит странным заключение о том, что сие древнее обиталище людей находится на Шпицбергене, в Гренландии и на Новой Земле. Я, подобно

вам, был поражен сим обстоятельством; у меня это едва укладывалось в голове. Я предложил вам оное происхождение в своих первых Письмах в качестве лишь допущения; тогда я не поднимался выше 49° широты. И если я двигаюсь дальше, то побуждают меня к сему свидетельству. И если страхи мои побавились, то потому, что мою решимость укрепляет открывшаяся истина. Вы, возможно, скажете, что я занимаюсь возведением некой системы, и со всей снисходительностью добавите, что она весьма искусна; но забавы ума не в моем вкусе. Открывшаяся истина слишком захватила мои помыслы. У меня нет мужества бороться с оной: мое перо не нашло бы слов выразить мысли, кои бы я не считал верными. Позвольте, сударь, изъясниться относительно систем. Мне представляется, что для большинства людей система предстает лишь некой забавой ума, чистым романнным вымыслом. Само слово стало знаком неодобрения: дабы спровадить некую мысль в страну химер, на нее налагается запрет путем вынесения вердикта: [дескать], это есть «система». [В итоге] слово крайне исказили, оно [слишком] отделилось от собственного греческого истока. Система означает *состав(ление)*¹⁹¹.

Вы отыщете сие значение в словнике небесной механики. Принято говорить «система мира», когда хотят охватить одним общим понятием все тела, кои, имея Солнце в качестве средоточия своего движения и предводителя своего семейства, собравшись, вращаются вокруг одного, одни вокруг других, и все связаны, *составлены* общей причиной. Система, стало быть, есть просто соединение фактов; когда она предстает таковой, когда она не переменяет сии факты, в ней нет ничего зазорного. Действительное значение слова и служит границей между романнным вымыслом и системой. Каким бы искусным ни было то или иное объяснение, коль предметом его

служит один факт, одно свидетельство, оно есть романский вымысел; и обретает право системы, лишь когда объемлет два свидетельства: тогда это объяснение соединяет, *составляет*, обретает некое вероятие. Это вероятие умножает в уме соединенные свидетельства; и оно может возрастать до бесконечности, подобно числу самих свидетельств: посему мое мнение тоже есть система. Несмотря на свою необычность, оно вовсе не вымучено, а порождено единственно свидетельствами; все они, что последовательно являлись мне, похоже, укладываются в сие мнение. Каждое свидетельство предстает новой опорой, походя на глубокие и разветвленные корни, кои крепят дерево к почве, так что ветры не могут его повалить; число сих корней вселяет в меня уверенность. Перерубив один, не удастся опрокинуть само дерево, придется либо их обкопать, либо все до одного перерубить. Но до тех пор мое мнение сохранит свое правдоподобие, либо система, если вам будет угодно так именовать оное, сохранит свое вероятие.

Сему мнению противостоит единственно холод северного климата. Спрашивается, как человек умудрялся там жить. Я мог бы отвечать, что человек обладает завидной выдержкой и гибкостью; если царь природы изменяется сугубо под ее воздействием, то достигает этого единственно в противостоянии с оной. Он равно выносит крайности климата, живет там, где иные существа гибнут; стало быть, человек мог бы жить, пусть и тяжело, в холоде. Но я, подобно вам, отвергаю существование в суровом климате многочисленного племени, которое заселило и покорило целую часть света. Я ныне взираю на сии края, где некогда был благодатный источник, и вижу, что природа там чахнет; что она отступает неуклонно оттуда, где более не то место, которое она выбрала для плодоношения. Я вынужден

сказать вам, что климат оной стороны крайне изменился. Я осмеливаюсь настаивать, сударь, чтобы вы поверили в случившееся на земле похолодание подобно тому, как вы уверовали в силу притяжения Ньютона. Вы стали во Франции проповедником сей великой истины, я же предлагаю вам еще одну, которая заслуживает такой же чести. Защищая вторую подобно первой, вы стяжаете ту же славу.

В своем десятом Письме я представил вам все вещественные доводы, кои подкрепляют искусную гипотезу г-на Бюффона. Земля имеет внутренний жар, который выдыхается и рассеивается; стареющая земля теряет его со временем подобно тому, как мы с возрастом утрачиваем тот жар, что оживляет нас. Льды, покрывшие одну часть земного шара, есть не что иное, как проявление оногo старения. Но я спрашиваю, разве кровь старика, ныне вяло текущая, не кипела когда-то в его жилах? Вы говорите, что Шпицберген, Гренландия есть пристанище льдов; но не природа ли создала льды? Се есть лишь застывшая вода; се есть те части вещества, которые лишились огня. Залитый в изложницу расплавленный металл отвердевает и откладывается в виде жил, когда отступает огонь, когда не хватает ему жара. Естественное состояние его твердое, даже летнего зноя недостаточно, чтобы обратить металл в жидкость. Но, объезжая землю, видели ли вы там наряду с застывшими грудами металла и ручьи расплавленного металла? Тогда почему вы встречаете бегущие и орошающие землю воды и вместе с тем целые глыбы застывшей воды? Каково здесь первичное состояние? Кое из двух предшествовало, текучее или твердое, в виде льда? Если земля рождается с оными различиями у схожих явлений, что делается единством отправлений природы? Я отыскиваю сие единство, когда вода и лед предстают последовательно идущими состояниями. Застывшие

и твердые, подобно земле, моря, ледяные покровы полюса некогда были текучи, подобно металлу в наших печах. Вода, составляющая сии ледяные покровы и заторы, некогда привольно текла, но затвердела подобно металлу, когда огромная печь в недрах земли утратила свой жар: тепла земного шара более не хватало, требовалась подмога солнечных лучей в пору летнего солнцестояния, дабы вернуть воде ее первичную текучесть.

Фредерик Мартенс, побывавший на Шпицбергене, видел на поверхности почвы, у подножия земляных гор, семь ледяных гор: оные более всего возвышаются над местностью. «Заметно, — говорит он, — как сии горы ежедневно увеличиваются»¹⁹². Известно также увеличение ледников Швейцарии; там виднеются погребенные льдами селения, где еще высятся несколько колоколен, которые вскоре тоже окажутся подо льдом. Раз льды растут в таких различных странах, значит, у них было начало. Даже при том, что лед порождает лед, должен быть исходный ледник, который послужил основой всего этого семейства льдов, ледник достаточно мощный, достаточно обширный, так как летний зной не в состоянии был его разрушить. Но что могло доставить туда сей первичный и вечный лед помимо перемены температуры, похолодания земли? Стоило нарушиться равновесию времен года, стоило зиме заполучить больше власти, лету пришлось потесниться, и оно более не могло вернуть текучесть всем водам, и тогда остатки предыдущего льда стали пополняться льдом новым; зимы наращивали лед слой за слоем, и за несколько столетий образовались целые горы.

Судите, сударь, сами, не объясняет ли сие происхождение оных. Мне более вашего претят сугубо гипотетические идеи. Но мысль о похолодании столь естественна и прилаживается к столь огромному

числу свидетельств, что по всему походит на правду. Но оную правду не ощутить на протяжении одной жизни человека или нескольких поколений; посему неудивительно, что люди доселе отвергают оную истину. Столько людей верят исключительно тому, что могут увидеть глазами, пощупать руками! Приходится ждать, пока само время не подаст свой голос. Если я и пустился в сии философические рассуждения, то лишь ввиду крайнего изобилия свидетельств, а главное, оттого, что философия проясняет сами факты и неизменно служит истине. Вы не можете требовать от меня оснований, когда я предъявляю вам факты. Основания могут быть сокрыты в недрах природы, факты же явлены нам. Я зрю деяния царей, я не участвую в совете оных, дабы проникнуть в мотивы и причины самих решений. Каковы бы ни были основания исходного поселения одной части рода людского на Севере земли, я полагаю, что показал оное со всей очевидностью, как и поход к экватору.

Атланты появились в Египте, куда те могли попасть лишь через Азию; как раз в Сирии, во Фригии, подобно Египту, те воздвигли культ солнца, который есть культ Севера. Мы видели, как они вместе со скифами либо под именем скифов перешли Кавказ. Персы тоже появились из-за сих гор и отражали попытки дивов, которые хотели пойти вслед за ними; они продолжали поклоняться огню, и сие поклонение не могло зародиться в краю жарком. Китайцы говорят о себе, что пришли в Китай с Севера; индийцы вспоминают о горах, где некогда жили; они возвращаются туда в своих паломничествах, подобно воде, что силится подняться туда, откуда берет начало. Мы видели линию укреплений, разделяющую Азию с востока на запад, свидетельство состояния войны, которая тянется с незапамятных времен; и продолжающийся доселе натиск

народов Севера на полуденные племена служит наглядным доказательством того похода, на который я указывал. Сии народы пытаются спуститься вниз подобно тому, как это удалось их пращурам и первопредкам. Древние мифы приносились на новые места оными волнами переселения, о которых свидетельствует сама история. Мифы относятся к глубокой старине, к истоку всего сущего; они должны были возникнуть там, где все зачиналось.

Впрочем, мифы, поведанные грекам финикийцами и египтянами, принадлежат к общему началу обоих народов, что кроется среди народа Атлантида. Следуя за сими мифами к колыбели оных, нужно преодолеть Кавказ, который пересекали атланты; нужно идти в Скифию, где был известен Геркулес. Геркулес, в чем вы убедились, был выходцем с Севера; Геркулес был в саду Гесперид, а греки сами располагали сей сад на Севере земли, в краю долгих ночей, подобно тому как помещали там Тартар и Елисейские поля. Они повествуют вам об Островах блаженных, об островах гиперборейцев, где зародился культ солнца, принесенный теми в Сирию. Сии острова обретаются на севере Азии: здесь есть именно то место, откуда люди переправились на материк. Мореплавание несет следы северного происхождения. Дивы, кои так досаждали персам, определенно были островитянами, к тому же атлантами, которые неоднократно наводняли Азию под водительством Вакха, Осириса, Геркулеса, Акмона и прочих. Ко всем этим свидетельствам, ко всем собранным вероятиям Плутарх присовокупляет утвердительное показание, представляя вам лежащий поверх Европы и Азии остров Огигию, который есть не что иное, как остров Атлантида. Мне не ведомо, сударь, что вы оному ответите; что касается меня, то я умолкаю. Я не ожидал отыскать подобного свидетельства среди столь древних вещей.

Разве вы полагаете, что систему со столькими скрепами можно легко опрокинуть? Я вам уже показывал посредством обычаев, нравов, установлений и сходных суеверий, что древние народы китайцев, индийцев, халдеев и персов доводились сородичами друг другу; ясно видно, что они имеют общее происхождение. Стоит попасть к оным, как наталкиваешься всюду на останки древностей: музыкальные системы оказываются сколками единого целого; огромное число дорожных мер, которые приняты у сих народов, некогда принадлежали к одной общей системе мер, создателем коей мог быть один народ; разрозненные астрономические свидетельства, останки погибшей науки; один и тот же установитель искусств, наук, религии. Религиозные представления оказываются там просто перелицованными физическими представлениями.

Всюду видны древние, только искаженные дикостью и изъеденные ржавчиной веков установления. Повсюду царит картина невежества, кое следует за веком просвещенности, и нового состояния, жаждающего на издревле установленном положении вещей. Мифы о Фениксе и Янусе, подобно культу солнца и огнепоклонству, несут на себе отпечаток климата северных мест; приметы родных мест, кои люди сохранили в своих переселениях, приметы, в окружении которых они живут, были порождены оными местами. Некоторые астрономические свидетельства, похоже, относятся к широтам более северным, чем те, на которых лежат Китай, Индия, Халдея, и к краям, расположенным севернее Кавказа. Науки, мифы, люди, стало быть, выходцы с этих гор; вот те мысли, дополнения и новые подтверждения которых я предлагаю вам ныне. Разве не думаете вы, что система, содержащая естественное объяснение стольких мифов, система, которая в стольких местах согласуется с показаниями исто-

рии, астрономии и физики, есть история людей и слепок природы?

Сии прекрасные установления суть создания народа, что исчез с лица земли, народа, имя которого затерялось и о котором история хранит молчание: но сию тишину забвения нарушают осколки знания, которые отмечены гением оногo народа и удостоверяют его бытие. Предвижу, сударь, как вы спросите меня, не являются ли атланты тем давнишним народом, память о котором я желаю освежить. Вопрос трудный. Наши странствия открыли нашему взору целых пять пропавших народов: два упомянутых Платоном народа, которые воевали близ Геркулесовых столбов; дивы и пери, которые сражались вокруг Кавказа; и, наконец, открытый г-ном Палласом близ Енисея народ, который разрабатывал жилы в недрах земли посредством медных орудий до открытия железа. Ввиду отделяющего нас от древности расстояния я замечаю лишь яркие черты, а незначительные ускользают от моего взора, и все-таки я сделал много для человека с его короткой жизнью. Книга древней истории порвана, время разметало и растеряло страницы оной. Я соединил некоторые страницы, и раз мне удалось обнаружить связность в повествовании, я предлагаю вам прочитать часть сей истории; но ежели вы желаете видеть все, то обратитесь ко времени, что отъяло сие у нас. Если бы я был занят сочинением романа, то не затруднялся бы в указании требуемого вами народа, я выбрал бы среди упомянутых мною пяти народов тот, что более всего восхищает меня, что представляется самым блистательным, дабы стяжать себе славу сих установлений. Но когда я удостоен чести сопровождать вас, мне нужно следовать за светом свидетельств и истины, я должен предлагать вам только очевидные результаты.

Первый из результатов состоит в том, что установлены некие древние предшественники известных народов Китая, Индии и Персии, что оные народы вышли с Кавказа и пребывали по ту сторону гор. Истоки, установления Севера, которые я вам предложил, стало быть, верны. Персы сами размещают дивов и пери за Кавказом; история указывает на то, что атланты и враги их пришли с островов и берегов Ледовитого моря. Г-н Паллас отыскал следы народа чудь в степях Татарии. Итак, пять наиболее древних народов относятся к Северу земли. Когда мы отправились в наше странствие, сударь, то боялись не найти разыскиваемый нами народ. А вместо одного мы встречаем целых пять, что приводит нас в замешательство. Чтобы облегчить выбор, нужно постараться сократить их число. Прежде всего, я вижу, как гиганты, дивы, наводившие ужас на Азию, сеяли оный страх исключительно своим натиском, желая преодолеть горы. Я вижу, как атланты перешли оные, и посему заключаю, что народы, страдающие среди своих владений либо преследуемые узурпаторами, всегда именовали гигантами, дивами все дикие народы, кои, влекомые жаждой богатства и наживы, несли с собой войну, опустошая все на своем пути. Вот та определяющая черта, которая все проясняет. Получается, что и среди сколков истории можно ухватить истину; а неприятие оной значило бы нежелание знакомиться вообще с древностью. Из этой черты я вывожу, что гиганты, дивы, атланты вполне могли быть одним народом, известным своим единственным либо несколькими переселениями. Народ, который сражался с атлантами близ Геркулесовых столбов, равным образом вполне мог быть пери, которых столь долго терзали дивы. Посему пять народов можно свести к трем: атлантам, сиречь дивам, пери и народу чудь.

Я вижу, как атланты принесли с собой в Сирию и Египет все повествования или мифы о Сатурне, Юпитере, Геркулесе, память о временах Реи и Золотом веке, отправляемое после смерти правосудие, представление о Тартаре и Елисейских полях, связанные с отсутствием солнца аллегории с Прозерпиной и Адонисом; поклонение этому светилу, рожденное в краях, где отсутствие оногo делает его особенно чаемым; вызванный холодом, что преследовал людей Севера, культ огня. Таковы установления атлантов, таковы труды людей до их совершенствования; но в отношении развития наук и искусств я вижу сие развитие, я вижу те изобретения, которые остались нам, но не вижу с той же ясностью создателей их. Сии создатели, сударь, будут находиться среди того из трех народов, коего вы пожелаете выбрать. Вы более меня просвещены и лучше справитесь с выбором. Атланты, вышедшие с острова в Ледовитом море, определенно есть гипербореицы — жители некоего острова, о которых столько поведали нам греки; сии гипербореицы жили по солнечно-лунному календарю с девятнадцатилетним циклом, принесенному в Грецию Метоном¹⁹³, которого считают его изобретателем: но это плод зрелой астрономии. С другой стороны, когда Зороастр пришел просвещать Персию, особенности его проповедей показывают нам, что тот пришел из мест на широте 49°. Оказалось трудно определить исконную прародину знаний. Но, сударь, будем судить прошлое, исходя из настоящего. Если бы Европа погибла, потомки могли бы рассматривать ее, как состоявшую из народов, различающихся нравом, обычаями, языком и степенью просвещенности; либо же воспринимать все оные народы целиком, считая европейцев единым народом, творцом самых прекрасных установлений и величайших научных достижений. На отдалении все предметы сливаются; подобное как раз

и происходит с нами ныне, когда мы всматриваемся в отдаленные места древности.

Плутарх в Ледовитом море показывает нам четыре обитаемых острова; на сих островах жили разные народы: они могли вызвать различные волны переселения. Огромная Татария, раскинувшаяся на азиатском материке от Ледовитого моря до Кавказа и от Камчатки до России, своими размерами почти не уступает целой Европе. Даже при неполной заселенности в те далекие времена она земля включала в себя несколько различных народов, доказательства чему мы находим в наречиях, кои представляются нам весьма древними. Тут перед вами сохранившиеся у персов наречия зендское и пехлеви, санскрит, что еще существует среди индийцев, и тангутское наречие, пришедшее в Тибет. Сии наречия должны были принадлежать различным народам. Г-н де Жебелен сообщает одно свидетельство, с коим мне следует вас ознакомить. Письмена, найденные в Персеполе, не превышают числом пяти, и видно, что они равно отличаются и сочетанием, и расположением. Одинаковым образом ирландские письма, именуемые *огам*¹⁹⁴, состоят из повторяемой один—пять раз исходной черты-единицы и значение которой меняется в зависимости от способа ее расположения относительно воображаемой линии. Сии письма имеют много общего со знаками из Персеполя. Сами черты-единицы располагаются вертикально: изобретенные [первопредком китайцев] Фуси *гуа*¹⁹⁵ представляют собой горизонтальные черты; Лейбниц считал, что отыскал в них свое двоичное исчисление.

Одни и другие, похоже, относятся к числовому языку, основанному на пяти либо двух числах: первые знаки происходят от числа пальцев на руке; вторые, опираясь исключительно на два числа, представляют собой усовершенствование первой знако-

вой системы. Плутарх замечает, что *pente* по-гречески означает пять и что глагол *pentazastai* в древности означал *считаю**.

Сдается, что сей корень *pente* относится к Азии. В Индостане есть провинция Пенджаб, имя которой производится от пяти рек, меж которых она располагается. Несомненно, что слово *джаб*, или *a*, означает «реки»**. Весьма примечательно, что в сем языке слог *pen* имел одинаковое с греческим наречием значение. Не побуждают ли сии подобия, сударь, верить, что корень *pente* и глагол *pempesastai* происходят от восточных наречий и, в частности, от числового языка, образованного повторением один—пять раз черты-единицы. Письмена, сохранившиеся среди развалин Персеполя, напоминают мне, что, согласно персидскому преданию, *Истахар*, сиречь Персеполь, был построен пери во времена правления повелителя Джан-бен-Джана. Сей числовой язык, стало быть, мог быть творением пери, или фей. Сии пери, как мы уже говорили, есть предки персов. Персия, которую на Востоке величают *Фарс*, в Писании называется *Парас*. И это слово может означать «страну фей» либо потомков оных. Ежели после сообщения мною свидетельств вы позволите мне высказать догадку, то я скажу, что Зороастр, выходец из мест на 49° широты, наставляя мудрости, писал свои книги на наречиях зендском и пехлеви; посему я заключил, что просвещать народы он прибыл из краев ученых. Сия

* [См.]: Об Исиде и Осирисе. Гл. 29. [Буквально — «считать по пяти пальцам».]

** Подкрепляет мою уверенность то, что другая провинция носит имя *Доаб*, что означает «двуречье». Стало быть, *аб* означает «вода» или «река». Похоже, что тут находится еще источник слова *дио*. [Точнее, Доаб представляет собой междуречье Ганга и Ямуны, иначе Джамны, на Индо-Гангской равнине в северо-восточной Индии. — *Прим. пер.*]

широта, сии края к тому же оказываются тем местом, где пери оборонялись против дивов близ Кавказа. Я подозреваю, что наречия зендское и пехлеви были обиходным языком сих народов: язык пяти черт-единиц был у них ученым наречием; посему, если малое число звуков указывает на бедность языка, то малое число знаков, достаточных для представления всех звуков, свидетельствует о богатстве сочетаний и глубоких изысканиях языка. Санскрит, тангутский, то есть тибетский, язык и должны были принадлежать другим народам. Равно при рассмотрении наук выясняется, что персы, индийцы, сямцы, а то и китайцы имели довольно совершенные астрономические карты, основанные на различных элементах: они указывают на обособленные изыскания. Создатели сих языков и сих карт мне представляются истинным давнишним народом, о котором я вам говорил. Я склонен думать, что оный народ и есть тот народ, чье имя *Магог* обогатило наши наречия словами *маг*, *магия*, *магистр*, *магистрат*. Я испытываю большое доверие к той вещественной памяти, что сохраняется в словах. Наука, мудрость, могущество, величие души вышли из сего корня *маг* либо от народа, чье имя породило оные мысли; все великое получило его имя: сие имя поκειται в обозначениях земледелия, древнейшего из установлений*

Итак, это имя приводит нас ко всем истокам, к подножию оплота *Магога*, на широту 49°, к тому месту, где сражались пери, где жил народ по прозванию чудь; оные три народа имеют много сходного. Но составляли ли оные систему народов по-

* На латыни *magalia* означает шалаши, лачуги; *magigossorus* — молотильщик цепом; *maginium* — болезнь быков; *magnalia* — великие дела, чудеса; *magnates* — вожди, предводители; *magnitudo* — огромность.

добно европейскому народу? Нужно ли рассчитывать на несколько народов, нужно ли усматривать в них только один народ, чей язык, чьи познания претерпели изменения с развитием цивилизации, и кои приняли разные имена сообразно времени и месту? Нужно ли полагать, что различный уровень познаний, следы которых мы отыскиваем, относятся к разным эпохам снаряжения колоний; что эти колонии, отправляющиеся в путь с тем багажом знаний, что дала метрополия, хранили в местах своих стоянок сам свет знаний, не преумножая оный, и что сии колонии походили друг на друга подобно тому, как могли походить друг на друга французы века нынешнего и двух прошедших веков? На сей счет, сударь, я ничего не могу вам сказать. Возможны обе системы, они равно правдоподобны. Коль прошлое мне не открывается, я не могу осветить его более. Я чувствую, как меня снедает любопытство, меня мучает жажда познать древние времена; первые шаги рода людского столь притягивают к себе! Все совершенное зло сокрыто тенью времен; память людская сохранила лишь начатки нравственности и наук. Мы видели, как оные росли и множились в поколениях, дабы принести плоды, которые мы пожинаем. Хотелось бы подняться к истокам сих поколений, узреть само становление, увидеть благо и человека в их истоке, подобно тому как поднимаются к верховьям реки, которая служит источником наших богатств и берега коей разнообразны и тучны. Когда отыскивается родник, откуда протекают сии сокровища, говорят: дух человеческий сродни сим водам, он обогащается и укрепляется в своем движении; скудный и бедный на первых порах, он обогащается всем тем, что встречает на своем пути; он одаряет плодородием все, к чему прикасается, и он потрясает величием и благородством. Знаю, сударь, нашему воображению тяжко блуж-

дать в таких далях; ему хотелось бы повстречать знакомые места, где можно было бы отдохнуть, и путеводные тропы. Если вы велите мне как-то сочетать свидетельства, кои я вам сообщил, согласовать как-то Платона с Плутархом и представить вам некий роман, то извольте: при всей нескромности предаться воображению пред лицом великого поэта, чей гений породил пленительные романы, наделенные изяществом сказки, я все же помню о вашей снисходительности. Готов услужить вам, ибо, приступая к сочинительству, преподношу оное сугубо философу. Я рассказываю вам не ради развлечения вас, но ради получения от вас наставления.

Можно полагать, что атланты, жители одного из островов Ледовитого моря, может быть, Шпицбергена*, пережили на этом острове правление Урана, Геспера и Атланта. В расположенное на западе царство Сатурна, если желаете, определим Гренландию, которую считали соединенной со Шпицбергенем. Оные народы, страдающие по причине перенаселенности нехваткой средств к существованию, будут вынуждены расширять свои владения; они построят суда, отважатся на плавание, поначалу к небольшим соседним островам, а затем в сторону азиатского материка. Обская губа, как спасительная гавань от ненастий, станет самым отдаленным местом плавания. Пройденное морем расстояние составит 5000 стадиев**, или примерно 250 лье; успех сего путешествия ознаменовали любопытным знаком. Геркулес при высадке на берег

* На Шпицбергене, расположенном близ 79° широты, солнце отсутствует четыре месяца в году; именно там могли придумать год из четырех месяцев, о чем мы говорили в «Истории древней астрономии».

** Шпицберген от Обской губы отделяет 10° широты, что при 500 стадиях на один градус составит 5000 стадиев.

обязан устанавливать столбы, иначе говоря, помечать наиболее отдаленные пределы тех краев, куда смог когда-либо проникнуть смертный*.

Сия колония, окружающие просторы которой позволяли расширяться, населяла своими отпрысками пространство между Обью и Енисеем: те постепенно приближались к верховьям сих рек, ведомые плодородием их берегов. Однако, сударь, путь, что вел их, не затерялся; избыток населения островов продолжал оттекать на материк. Племена, хоть и родственные, после вековой обособленности более не признавали друг друга, вновь пришедших воспринимали единственно как чужаков, врагов: земля стала причиной распрей. Вот вам и война, о которой говорит Платон, меж разделенных Геркулесовыми столбами народов.

Жители бассейна Оби и Енисея, изнеженные более теплым климатом, а главное, изобилием, уступили натиску закаленных и толкаемых нуждой народов, отступив к местам близ Красноярска: именно там они разрабатывали жилы, оставив следы, которые обнаружил г-н Паллас. Непрерывно терзаемые соседями, которые также хотели продвигаться далее, сии народы повернули в сторону Каспийского моря, сыскав себе убежище в горах Кавказа и среди обширных ложбин многочисленных отрогов оного; они населили второе плато, о коем мы говорили. Одним предстояло обживать горы Аштархана¹⁹⁶, другим — край тангутов. Все эти народы были с севера защищены горами; они укрепили, заперли проходы заставами и жили спокойно. Так произошло заселение 49° широты: вот вам царствование пери, сменившее власть дивов; вот вам времена Джан-бен-Джана, повелите-

* Как раз в этом месте, у 68° или 70° широты, и в окрестностях Обской губы родились мифы о Фениксе, Янусе и Фрейе, где говорится об отсутствии солнца на протяжении 65 дней.

ля фей, время преуспевания и просвещения, которое затем приукрашенным явилось в мифах, ибо по всему, что остается в далеком прошлом, люди так тоскуют. Вот как могли произойти от первичного, материнского языка различные наречия; вот как прививалась астрономия, предпринимались шаги по измерению земли и создавались астрономические карты, которые пощадило время и которые дошли до нас через новые народы Азии, бережно сохранившие их. Однако народы Севера, сдерживаемые преградами Кавказских гор, со временем умножались в числе и силе; они осадили горы, пойдя на приступ; отсюда война дивов и пери.

Я нахожусь, сударь, в замешательстве, подобно авторам романов, которые, препроводив своего героя к концу последнего тома, не знают далее, как от него избавиться, и заканчивают тем, что предадут его смерти. Вы видите, что после того, как я поместил свой народ на втором плато, под защитой оплотов Гога и Магога, настала пора и мне от него избавиться, поскольку оный народ прекратил свое существование. А для сего я вывожу атлантов, которые под водительством Вакха и Осириса прокладывают себе путь своим числом, разрушая в один миг великую державу и труды наук* Вот почему Платон, который хотел польстить афинянам, представляя их выходцами из сего народа, говорит, что предки их положили предел дерзости несметных

* Египетский жрец, просвещенный относительно того, что греки и египтяне своими корнями уходят в оные края, говорит Солону, повествуя об этом походе народов Севера: «И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши, и наши земли, и все вообще страны по эту сторону пролива, откуда началось вторжение». Оные варвары действительно прибыли с залива, напоминающего тот, о котором ведет речь Платон, и расположенного напротив острова, которым могла быть Новая Земля.

воинских сил, путь державших от Атлантического моря. Но затем за одни ужасные сутки вся воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей. Завоевание целой державы в течение суток кажется чересчур уж быстрым. Однако Платон был поэтом, он желал стремительностью свершившегося придать размах самому событию. Востоку запомнилось сие потрясение: Иблис был послан богом, дабы погубить и рассеять дивов и пери: Иблис одолел их повелителя, Джан-бен-Джана, в решающей битве. У народов Азии, признававших действие двух причин в мире, Иблис был дьяволом, исчадием зла. Но завоеватель, который тревожит покой народов, который губит великую державу, разве не есть воплощение зла? Разве проведение этой аллегии не естественно? На Востоке говорят: «Что случилось с народом Джан-бен-Джана? Смотри, что сотворило время с оным».

Кое-кому удалось избежать гибели; это были брамины, укрывшиеся в горах Тибета; это был Фуси, что принес первые светильники знания в Китай. Но атланты прорвали разделяющую линию и, сделав в ней проход, затем постепенно, шаг за шагом, год за годом, докатились до Индии, Финикии и Египта. Между тем климат северных краев постоянно поставлял все новых хищников, племена татар и монгол двинулись на завоевание новых земель. Они повели войны с царями Персии; а после вытеснения ими дивов их стали путать с последними. Древняя история персов знала татар только под их именем. Джемшид со своим народом, защищенным воротами Дербента, продвигаясь на юг, основал персидскую державу, тогда как Фуси и преемники оного просвещали Китай, подготавливая почву для мудрой и прочной империи, а спустившиеся из Тибета брамины стали наставлять индийцев, передав им санскрит и астрономические карты, о кото-

рых сообщает нам г-н Лежантьиль. Вот та эпоха, с которой ведет отсчет новое, известное ныне состояние Азии.

У меня, сударь, вырывается вздох облегчения при виде конца сих многострадальных трудов. Нелегкое все-таки дело сопоставлять свидетельства историков, согласовывать повествование оных с мифами, обозревать столько стран и приводить в движение столько племен, доискиваясь их родословной. Судить сей роман ваше право. Я дорожу им не более вашего, ибо то, что я желал вам удостоверить, совершенно не зависит от оказанного роману приема. Мне сдается, вас поразило отсутствие всяких известий о моем пропавшем народе, народе, создавшем столько установлений и размещаемом на севере Индии и Персии. Разумеется, вы не требовали, дабы я сообщил вам летописи сего народа. Я не могу привести вам свидетельства тогдашних авторов, ибо Лета все их поглотила. Однако трудно вообразить, что народ — творец всего — полностью канул в забвение, и я представил вам сохраненные памятью людской четыре народа или, самое малое, два племени, которые выжили наперекор алчному времени и которые доселе хранит предание. Стоит нам соединить сии предания, зачастую неясные и запутанные, и с удивлением обнаруживаем, что все они норовят указать на одно место — Север, куда сходятся все начала. Сравнивая финикийцев, египтян и греков с иными народами Азии, мы заметили, что сии разные народы происходят от двух отдельных родов: один род есть племя атлантов, чье имя дошло до нас, имя же другого рода нам не ведомо. Но выходцы сего племени, двинувшиеся в полуденные края, принесли туда некоторые из своих установлений и сколки со своего знания. Вы видите, как г-н Паллас открыл на 65° широты, весьма близко от указанной мною широты, останки по-

гибшего народа, именуемого чудь, чье древо своими ветвями дотянулось до Финляндии с Венгрией.

Отчего бы оному народу не оказаться тем племенем, которое дало начало наукам? Полагаю, что трудно доказать как раз обратное; но мне следует предъявить вам то, что я в состоянии подтвердить со всем очевидием или, по меньшей мере, с крепким вероятием. Через памятники я выявил науки, древний уклад, который дикость разрушила и исказила. Те же самые памятники позвали меня на Север искать место сего разоренного уклада жизни. Я показываю вам, как история, предание и мифы единодушны, размещая там все истоки народов и вещей, и особенно Атлантиды, так долго считавшейся пропавшей. Они равно указывают на славный и дорогой памяти уклад жизни, эпоху могущества, когда и родились все установления. Память, сударь, запала в сердце; посему она и сохранилась, ибо вызывала гордость за минувшую славу и доблестные дела, поклонение и любовь к древнему своему началу. Сия память сердца менее всего нас подводит; она передается и питается чувствами, и через пятнадцать поколений оставаясь прежней. Но то же самое предание, бережно сохраняющее сию память о славе, также хранит память о потерях, причины коих оно усматривает в огромных полчищах переселенцев, исторгаемых Севером морских армадах завоевателей, которым будет суждено все переменить и все разрушить. Вот каковы, сударь, истины, которые, по моему разумению, я открыл в древней истории и которые прямодушно предлагаю вам. Ежели вы все еще полагаете, что я заблуждаюсь, что я ослеплен неким предубеждением, кое есть мой труд, то умоляю вас принять в расчет астрономические памятные свидетельства, которые привели меня к этой ошибке, многочисленные и темные мифы, которые получают свое объяснение в свете

свидетельств, преданий и исторических фактов, которые склоняются к одному результату. Я покажу вам индийские растения, произрастающие в условиях Франции, слонов, которые оставили свои останки в Сибири и потомки коих обретаются в полуденных краях. Оные вам подтвердят, что человек мог следовать тем же путем: родную сердцу атмосферу, которая питает наши силы, порожденную условиями тех мест, человек уносит с собой. Стало быть, ввел меня в заблуждение мир прошлый и нынешний; и закончить хочу словами вашего Леонтия:

«Глас мира и есть предубеждение!»*

С почтением и прочее

* Слова из трагедии Вольтера «Ирина» [или Алексей Комнин]. [Пьеса псевдоисторическая. Отцом императрицы Ирины был не Олеонтий, а Андроник Дука. И в действительности она пережила мужа.]

Литература, использованная переводчиком и научным редактором

Авеста (в русском переводе, 1861–1966).

Ас-Савад-и Табаристан [по машхадской рукописи труда Ибн ал-Факиха ал-Хамадани]. Издан. араб. текста, пер. и прим. О. В. Цкитишвили. Тбилиси, 1977.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика. М., 2001.

Атхарваведа. М., 1995.

Ашууров Г. А. Философские взгляды Носира Хисрова. Душанбе, 1965.

Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1985.

Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского халифата. М., 1966. Т. 6.

Бартольд В. В. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1974. Т. 7.

Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М., 1963. Т. 3.

Бертельс А. Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. М., 1997.

Бируни Абурейхан. Индия. М., 1995.

Большой китайско-русский словарь: В 4 т. М., 1983–1984.

Босворт К. Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971.

Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.

Вильямс К. А. Энциклопедия китайских символов. М., 2000.

Вольтер. Философские сочинения. М., 1988.

Гамкремидзе Т. В., Иванов В. Вс. История происхождения индоевропейских языков // В мире науки. 1990. № 5.

Гаркави А. Я. О первоначальном обиталище семитов, индоевропейцев и хамитов. СПб., 1872.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца XX века по Р.Х.). СПб., 1870.

Гаркави А. Я. Оле (Thule) в арабской литературе. СПб., 1873.

Грейвс Роберт. Мифы Древней Греции. М., 1992.

Григорян С. Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII — XII вв. М., 1960.

Демидчик В. «География» или «Памятники стран и предания о людях» Закарийа ал-Казвини. Душанбе, 1977.

- Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1961.
- Индуизм, джайнизм, сикхизм: Словарь. М., 1996.
- Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
- Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994.
- Коран / Пер. И. Ю. Крючковского. М., 1963.
- Коран / Пер. Н. О. Османова. М., 1994.
- Коран / Пер. Г. С. Саблукова. Реп. воспр. изд. 1907 г.: В 2 т. М., 1990.
- Коран: Священная книга мусульман / Пер. с араб. Т. Шумовского. М., 1995.
- Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1987.
- Крымский А. Е.* История Персии, ее литературы и дервишской теософии. СПб., 1906. Ч. 1, 2.
- Литература древнего Востока: Иран, Индия, Китай (Тексты). М., 1984.
- Мифы народов мира: В 2 т. М., 1997.
- Нонн Панополитанский.* Деяния Диониса. СПб., 1997.
- Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966.
- Радхакришнан.* Индийская философия: В 2 т. М., 1993.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. 1. Кн. 2.
- Ригведа: В 3 т. / Пер. с санскрита Т. Елизаренковой. М., 1999.
- Руми.* Поэма о скрытом смысле. М., 1986.
- Саади.* Бустан. М., 1962.
- Смирнов А. В.* Великий шейх суфизма. М., 1993.
- Упанишады / Пер. с санскрита А. Сыркина. М., 2000.
- Фирдоуси, Абулькасим. Шахнаме: В 6 т / Пер. с фарси Ц. Б. Банулехути и В. Г. Берзнева. М., 1957–1989.
- Фиш Р. Г.* Джалаладдин Руми. М., 1987.
- Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1.
- Хрестоматия по исламу. М., 1994.
- Шаймухамбетова Г. Д.* Арабоязычная философия. 1971.

Примечания

Предупреждение

¹ Вольтер скончался 30 мая 1778 г. в возрасте восьмидесяти четырех лет. — *Прим. науч. ред.*

² Устаревшее название *брахманов*, представителей высшей из четырех каст (*варн*) древней и современной Индии. С незапамятных времен брахманы являлись главными хранителями сакрального знания и текстов священных Вед, а также жрецами ведической религии. Аналогичные функции брахманы выполняют и в системе ритуалов современного индуизма. — *Прим. науч. ред.*

Четвертое письмо г-на Вольтера г-ну Байи

³ Здравствующих потомков древних брахманов Вольтер далее именует браминами. — *Прим. пер.*

⁴ Европеизированное название древнего индийского города Варанаси. — *Прим. пер.*

⁵ *Холвелл Джон Зефаниа* (Holwell John Zephaniah, 1711–1798). Изучая хирургию, отправился в 1732 г. в Индию; в 1755 г. стал членом калькуттского совета Ост-Индской компании. Один из тех, кому удалось уцелеть при заточении в «Black Hole», когда английская крепость-фактория Уильям была захвачена набобом (то есть наместником) Бенгалии, назначаемым прежде могольским императором, Сирадж-уд-Даулой (1756). Оставил об этом свидетельства (1757). В 1759 г. сменил на посту первого губернатора Бенгалии полковника Роберта Клайва (1725–1774). Издал «Занимательные исторические события касательно Бенгалии и Хиндустана, вкуне с мифологией индусов» («Interesting Historical Events relative to Bengal and Hindostan, with the Mythology of the Gentoos»), в 3 т., 1764–1771.

Дову (Dow) Александр (ум. 1779) — полковник — шотландский писатель, был секретарем губернатора индонезийской фактории Бенкулу, остров Суматра. Опубликовал «Историю Индостана» (1767), перевод с персидского исторического труда Феришты (полное имя Мухаммад Касим Хиндушах Астарабади, 1572 — после 1623) о мусульманском владычестве в Индии с многочисленными примерами из индуистской истории и мифологии «Гулшан-и Ибрахими (Сад Ибрахимов)», предпослав сему сочинению «Изыскание касательно державы Бенгальской» («Inquiry into the State of Bengal»). Однако классическим у

ингличан стал перевод генерала Бриггса 1829 г. «Mahomedan Power in India», в 4 т., (переиздание 1908–1910 гг.). Написал также «Опыт о происхождении и природе деспотизма в Индостане» («Essay on the Origin and Nature of Despotism in Hindostan»), что свидетельствует о хорошем знакомстве автора с восточной литературой. — *Прим. пер.*

⁶ В «Письмах Амабеда» (1769) Вольтер именует данный труд *Autorashasta*, видимо, это *Аватара-шастра* («Трактат о божественных воплощениях»; такого труда в индуизме нет), а упоминаемый ниже *Moiasor* уже предстает как *Mosasor*. Должно быть, это Махиша-асура, то есть прогнавший богов с неба на землю демон-буйвол Махиша, которого убила Дурга (Скандапурана I:3; Маркандея-пурана 80: 21–44).

В работе «О душе» (1774) Вольтер так пишет о данном сочинении:

«Книга эта, озаглавленная *Шаста*, древнее *Веды* на пятнадцать веков. Вот поразительное начало этой *Шасты*: «Вечный <...> погруженный в созерцание своей сущности, порешил сообщить некие отблески своего величия и блаженства существам, способным чувствовать и наслаждаться <...> Таких существ еще не было; Бог пожелал, и они стали». Итак, Бог создал субстанции, одаренные чувством; именно это мы сегодня именуем *душами*. Он создал их по своему произволению, не пуская в ход и не заимствуя Слово. Эти чувствующие, мыслящие и действующие субстанции, эти возлюбленные души Бога — не что иное, как *дебты*, которых персы, соседи Индии, создали по образу своих *джиннов*, своих *пери*, или *фери*. Эти *джинны*, *фери* или души, эти небесные субстанции, встают потом против своего Создателя. Дабы их покарать, Бог низвергает их в *Ондеру*, некий род преисподней, на миллионы веков. Здесь содержатся истоки сказания о борьбе гигантов против царя богов *Зевса* <...> В ходе веков Бог даровал прощение упомянутым *дебтам*: он превратил их в коров и людей нашей планеты. Потому-то, утверждают брахманы, коровы священны в Индии». (*Вольтер. Философские сочинения. М., 1988. С. 544–545*).

Неясно, о каком сочинении древних индийцев ведет речь Вольтер. Слово же «*Ондера*» созвучно с именем бога-громовержца ведийского пантеона *Индры*, который действительно загонял бунтующих асуров под гору. Древнейшими памятниками индийских ариев считаются *Веды*. Мифы о творении, помимо *Ригведы* (X, 121; X, 129) и *Атхарваведы* (X, 7, 28), есть в брахманах (*Шатапатха-брахмана*, XI), *Ману-смрити* («Законы Ману») и эпосе *Махабхарата* (XII). В ведийской и последующей индуистской мифологии рассказывается об извечной борьбе девов и асуров. — *Прим. пер.*

⁷ *Зороастр* (древнегреческий); *Заратуштра* (авестийский), *Зардушт* (пехлеви) — пророк и реформатор древнеиранской религии. Ученые не сомневаются, что он был реальной личностью, однако ни время его жизни, ни место его рождения достоверно не известны (называют Восточный Иран, Среднюю Азию, Северный Кавказ). Его поучения вошли в первую древнейшую часть древнеиранского религиозного сборника «Авеста» (что означает «весть», «поучение»). От древнейшего списка «Авесты» до нашего времени дошла незначительная часть. Священную книгу пытались уничтожить дважды: сначала Александр Македонский, сокрушивший Персидскую державу, затем завоеватели-арабы, принесшие новую религию — ислам. Зороастр проповедовал свои идеи на родине, полагая первоосновой всего свет, огонь, мудрость и добро. Воплощением этих светлых начал был добрый дух Ахура-Мазда (Ахурамазда), которому противостоял дух тьмы и зла и владыка смерти Анхра-Манью. Зороастр не признавал равенства противоборствующих сил добра и зла, считая, что в конце всех времен победу одержит добрый дух и восторжествуют свет, разум и добро. Пророка изгнали из родного племени. Его покровителем и последователем стал царь Виштаспа. Трагически погиб в возрасте 77 лет: во время молитвы его заколол кинжальным ударом в спину жрец. — *Прим. пер.*

Время жизни пророка Зороастра (и, соответственно, основание им учения и религии зороастризма) — одна из самых трудноопределяемых дат в хронологии мировой истории.

В разных книгах, энциклопедиях и справочниках приводятся самые различные цифры, нередко отличающиеся друг от друга на целые тысячелетия. В Интернете на официальном зороастрийском сайте (конфессия существует и поныне, насчитывая около 140 000 последователей) можно найти дату рождения пророка — около 1200 г. до н. э. Однако уже в античные времена назывались совершенно другие цифры. Например, сообщалось, что Зороастр на шесть тысяч лет (!) старше Платона (время жизни которого известно совершенно точно — 428/427–348/347 гг. до н. э.) и будто бы он переправился на материк через «большое море» (*Дьяконов И. М. История Мидии. М., 1956. С. 377*). Последнее обстоятельство, наряду с древностью приведенной даты, позволило некоторым авторам связать Зороастра с Атлантидой и Гипербореей. — *Прим. науч. ред.*

⁸ Греки именовали Парок Мойрами (от слова *moira* — «часть», которое позднее было осмыслено как «удел, судьба»). У Гомера Мойра выступает еще в единственном числе, затем их стало три: Клото (прядильщица), прядет нить жизни; Лахесис (жребиедательница), определяет течение жизни; Атропос (неотвратимая), перерезает нить жизни. — *Прим. пер.*

⁹ Часто Гигантов путают с Титанами. В отличие от Титанов Гиганты были смертными и появились из впитавшихся в мать-землю капель крови Урана после оскопления его Кроном с помощью серпа. Восстали они ради освобождения заключенных в Тартар Титанов и в борьбе Зевса за владычество над миром выступали на стороне громовержца, что и обеспечило ему в итоге победу. Байи почти всегда пользуется римскими прозваниями богов. — *Прим. пер.*

¹⁰ *Де Меран Жан-Жак Дортон* (Jean Jacques Dortons de Mairan, 1678–1771) — видный французский ученый и литератор. В 1718 г. переехал в Париж. Издал «Рассуждение о льде» («*Dissertation sur Glaces*»), «Письма о Китае» («*Lettres sur China*»). В 1740 г. сменил Фонтенеля на посту секретаря Академии наук. В 1743 г. избран во Французскую академию. Был близок с Вольтером. — *Прим. пер.*

Одиннадцатое письмо г-на Байи г-ну Вольтеру

¹¹ *Велизарий* (504–565) — византийский полководец, сподвижник императора Юстиниана I в попытках вернуть былое могущество Римской империи. Герой одноименного, написанного в 1763 г., политического романа французского писателя Мармонтеля (1723–1799), современника Вольтера. — *Прим. пер.*

¹² *Гиппарх из Некеи* (190–125 до н. э.) — греческий астроном, определил расстояние до Луны, продолжительность года, составил каталог положений 850 звезд, в котором разделил их по блеску на 6 классов, открыл прецессию. Ввел географические координаты в астрономию.

Птоломей (лат. Ptolemaeus), (Клавдий Птолемей, после 83 — после 161) — великий астроном античности, астролог, математик и географ. На основе работ ранних греческих астрономов создал научный труд «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах» («*Megale или Megiste syntaxis*»), которое арабскими математиками было названо «Альмагест». В этом научном труде, одном из величайших в античной науке, он обосновал геоцентрическую систему мира, которая была опровергнута только в 1543 г. Николаем Коперником. Кроме того, Птолемей создал еще «Оптику», «Географию» и очень популярный астрологический труд «Четверокнижие», доставивший ему славу и репутацию мага, астролога и чародея. — *Прим. пер.*

¹³ *Кур де Жебелен* (Court de Gebelin) *Антуан* (1725–1784) — французский ученый, историк, лингвист, писатель. Изучал историю, мифологию, археологию, выявлял родственные связи между различными языками. Между 1773 и 1784 гг. опубли-

ковал девять томов своего самого значительного труда «Первобытный мир: анализ и сравнение его с миром новым» (труд этот не был им закончен), где среди прочего изложил историю летосчисления, сравнительную грамматику и всеобщую теорию языков. Французская академия дважды награждала автора (по мере выхода томов) ежегодно присуждаемой премией за самое полезное сочинение. — *Прим. пер.*

¹⁴ *Бюффон* (Buffon, de) *Жорж Луи Леклерк де* (1707–1788), граф — знаменитый французский ученый, натуралист. Сын богатого бургундского дворянина. По настоянию отца изучал юриспруденцию и богословие, но не выказал в этих дисциплинах никаких успехов, зато обнаружил способности к математике и увлекался естествознанием. Он унаследовал замок Бюффон, огромное состояние и много путешествовал по Европе, с увлечением предаваясь научным занятиям и изысканиям. Уже в молодые годы за многочисленные научные исследования был принят в Академию наук. Назначенный смотрителем королевских садов, он всецело отдался своей страсти к естественным наукам. Создал многотомную «Естественную историю», «Естественную историю птиц», «Историю минералов». Бюффон блестяще излагал свои научные взгляды, придавая большое значение стилю. У него был единственный сын, офицер кавалерии, казненный во время революции, обожавший свою супругу, которая не отвечала ему взаимностью. Однажды вечером, в замке в Монбаре, родовом поместье Бюффонов, невестка спросила ученого: «Сударь, вы исследуете природу людей и природу животных; как же объяснить, что тех, кто любит нас больше всех, сами мы любим меньше всех?» Академик презрительно ответил: «Я еще не дошел до раздела чудовищ, сударыня». В «Диссертации о стиле» есть его знаменитая фраза: «Стиль — это человек» («Le style est de l'homme»). — *Прим. пер.*

¹⁵ *Дюрас Эмманюэль Фелисите де Дюфор* (1715–1789) — оберкамергер при Людовике XV, рыцарь ордена Золотого Руна, один из сорока «бессмертных» членов французской Академии, маршал Франции. В чине генерал-лейтенанта вел все кампании Семилетней войны. Считался образцом придворного. — *Прим. пер.*

¹⁶ Кронос в римской мифологии известен под именем Сатурна, который воспринимался как символ неумолимого времени. — *Прим. пер.*

¹⁷ В действительности Платон (со слов Крития) рассказывает о посещении Египта отцом-основателем Афинского полисного государства и законодателем Солоном. Так как уже к тому времени эллины полностью утратили знание о собственной начальной истории и о прародине всех индоевропейцев — Гиперборее, один из семи мудрецов — Солон вынужден был рас-

спрашивать о предыстории собственного народа у египетских жрецов. Вот как выглядит этот важнейший для понимания истинного состояния дел фрагмент из диалога Платона в переводе С. С. Аверинцева: «Солон рассказывал, что, когда он в своих странствиях прибыл туда [в Египет. — *В. Д.*], его приняли с большим почетом; когда же он стал расспрашивать о древних временах самых сведущих среди жрецов, ему пришлось убедиться, что ни сам он, ни вообще кто-либо из эллинов, можно сказать, почти ничего об этих предметах не знают. Однажды, вознамерившись перевести разговор на старые предания, он попробовал рассказать им наши мифы о древнейших событиях — о Форонее, почитаемом за первого человека, о Ниобе и о том, как Девкалион и Пирра пережили потоп; при этом он пытался вывести родословную их потомков, а также исчислить по количеству поколений сроки, истекшие с тех времен. И тогда воскликнул один из жрецов, человек весьма преклонных лет: “Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!” — “Почему ты так говоришь?” — спросил Солон. “Все вы юны умом, — ответил тот, — ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. Причина же тому вот какая. Уже были и еще будут многократные и различные случаи гибели людей, и притом самые страшные — из-за огня и воды, а другие, менее значительные, — из-за тысяч других бедствий”». (*Платон. Тимей. 22а — 22е*). Байи далее тоже цитирует часть приведенного текста в пагинации, принятой в его время. — *Прим. науч. ред.*

Двенадцатое письмо г-ну Вольтеру

¹⁸ Байи использует двойное написание — Атлант и Атлас. — *Прим. пер.*

¹⁹ *Стадий* — древнегреческая мера длины, примерно равная 180 м. — *Прим. пер.*

²⁰ *Амфиктионы* (греч. *живущие кругом*) — члены Амфиктионического собрания — в Древней Греции религиозно-политический союз племен и городов-полисов для разрешения мирным путем возникающих между его членами споров и совместного управления культа в общем святилище. Возникнув в эпоху военной демократии в виде союза племен, Амфиктиония впоследствии была союзом как племенных общин, так и полисов. Известнейший между ними был так называемый Пилейский, состоявший из двенадцати народов (средняя Греция и Фессалия), представители которого собирались весной в Дельфах, а осенью в Антеле у Фермопил. Замечательны были также Делос-

ский Амфикионов союз, представители которого собирались на острове Делос, в храме Аполлона, и Калаврийский, при святилище Посейдона, на острове Калаврия (современный Порос). — *Прим. пер.*

²¹ Героико-историческая поэма Вольтера, сочиненная в 1728 г. — *Прим. пер.*

²² *Волшебный пояс Венеры*, иначе Афродиты, превращал любого во влюбленного в его хозяйку; поэтому Венера с большой неохотой давала свой пояс другим богиням, дорожа своим особым положением. — *Прим. пер.*

²³ *Якопо да Понте* (1517–1592), прозванный Бассано по месту, откуда был родом — венецианский художник Позднего Возрождения. В религиозные картины, пейзаж и натюрморт вводил сцены крестьянского быта. Имел четырех сыновей, тоже ставших живописцами. — *Прим. пер.*

²⁴ Прямого упоминания об Атлантиде у Гомера нет. Зато рассказывается о дочери Атланта — нимфе Калипсо, ставшей на несколько лет возлюбленной Одиссея. Затерянный в океане таинственный остров, где она обитала, находился предположительно где-то на самом краю земли, что дало основание некоторым исследователям отождествить его с Атлантидой. Байи, как будет ясно дальше, этого мнения полностью не разделяет. — *Прим. науч. ред.*

²⁵ *Диодор Сицилийский* (ок. 90–21 до н. э.) — греческий историк. Много путешествовал по разным странам Европы и Азии (но есть мнение, что он побывал лишь в одной Александрии), собирая материал для своего главного исторического труда под названием «Историческая библиотека» (или просто «Библиотека»). Этот труд в 40 книгах посвящен всемирной истории с мифических времен до похода Юлия Цезаря в Британию (60 г. до н. э.). Целиком сохранились книги I–V, содержащие мифическую историю Египта, Ассирии, Эфиопии и Греции, и книги XI–XX, излагающие историю Греции от похода Ксеркса до войн диадохов (наследников империи Александра Македонского), остальные — во фрагментах.

Санхониатон Беритский (XIV–XIII вв. до н. э.) — древний легендарный мудрец, которому приписывается запись финикийских мифов, дошедших до нас в изложении грекоязычного писателя Филона Библского (64–141), фрагменты сочинений которого известны в цитатах, использованных римским историком церкви Евсевием Кесарийским (266–339) в сочинении «Об евангельском приуготовлении». Согласно Филону, Санхониатон использовал храмовую традицию города Берита и, в частности, изучил «письмена аммунеев», возможно, — священные книги, приписывавшиеся богу мудрости Таавту. Руко-

пись переводов Филоном труда Санхониатона «История Финикии» была найдена в Португалии в 1835 г. В настоящее время эта рукопись считается исторической подделкой. — *Прим. пер.*

Тринадцатое письмо г-ну Вольтеру

²⁶ *Тетис* (или Тефия) — греческое имя супруги титана Океана. В одном из орфических гимнов, к ней обращенном, пелось:

Я совоюкую Тетис зову, Океана супругу,
В пеплосе синем царицу, что легкие волны колеблет,
Сладостновеющим ветром дыша на приморскую землю.
Ты крушишь о прибрежные скалы валы-исполины
И, усмирив, посылаешь на берег спокойно и мягко.
Ты кораблями красуешься, ты, о пестунья чудовищ,
Влажнородожная мать Киприды и туч мраковидных,
Мать нимф ключевых и речных, изобильных водою,
Ныне внемли мне, молю, многочтимая, будь благосклонна,
Помощью будь и пошли кораблю попутные ветры!

Перевод О. В. Смыки

У греческого имени Тетис корневая основа та же самая, что и у русского слова «тётя» или «титя» («грудь»). Тем не менее, вокализация данного теонима (то есть божественного имени) имела невообразимый разброс. Помимо варианта, которым воспользовался автор полного русского перевода «Илиады» Николай Гнедич, известны также — *Тефида* (до некоторого времени наиболее распространенное), *Тетия*, *Тифия*. — *Прим. науч. ред.*

²⁷ Пересказываемые Баи исключительно показательные и важные фрагменты из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского приведем ниже в дословном переводе, принадлежащем крупнейшему русскому философу Алексею Федоровичу Лосеву (1893–1988):

«Повествуют, что первый начал царствовать у них (атлантийцев) Уран, который свел разбросанно живущих людей в городскую ограду, причем они согласились прекратить незаконную и звериную жизнь. Он изобрел употребление и накопление домашних плодов и немало других полезных вещей. Он овладел большей частью Вселенной, по преимуществу — странами к западу и северу. (4) Ставши усердным наблюдателем звезд, он предсказывал многое из того, что должно совершиться в мире. Он ввел для народа исчисление года по солнечному движению, месяцев же — по луне и научил распознавать времена каждого года. Потому-то многие, не зная вечного порядка звезд, удивлялись происходящему по

предсказанию и, с другой стороны, предположили, что сообщавший об этом причастен божественной природе. После его ухода от людей, ввиду его благодеяний и распознавания им звезд, ему стали воздавать бессмертные почести. Его прозвище перенесли на мир; одновременно с тем, что он оказался причастен к восходу и заходу звезд и к прочему, что совершается на небе, как и одновременно с размером почестей, стали чрезмерно расцениваться и его благодеяния. И его навеки объявили вечным царем Всего.

<..> Повествуют, что <..> сыновья Урана разделили царство; из них наиболее видными являются Атлант и Кронос. Атлант получил по жребию местности, прилегающие к Океану, и этот народ получил название атлантйцев, и самая высокая гора в этой стране подобным же образом получила название Атланта. Рассказывают, что он точно преподавал [людям] астрономию и первым же дал людям науку о сферах. По этой причине составилось мнение, что весь Космос держится на плечах Атланта». — *Прим. науч. ред.*

²⁸ Самые ранние сведения о верованиях и обычаях тайцев (сиамцев), с которыми определенно был знаком Байи, принадлежат перу французских авторов Ла Лубера, Жервеза, Ташара, Леблана и голландскому путешественнику Яну Стрейсу, написавшему «Путешествие Яна Стрейса в Татарию, Персию к индусам» (Амстердам, 1681). Они побывали в Сиаме в конце XVII в.

Лубер Симон де Ла (ум. 1729) — французский посланник в Сиаме с 1687 г., после своего возвращения на родину опубликовал сочинение в двух томах — «О королевстве Сиам» (Париж, 1691), отличающееся хорошим стилем и меткостью наблюдений. Избран во Французскую академию в 1693 г.

Жервез Никола (1662–1729) — французский священнослужитель. Еще довольно юным отправился миссионером в Сиам, где пробыл четыре года. В 1724 г. Римский Папа рукоположил его в епископы, после чего сразу направил в Америку, где тот вместе с товарищами принял мученическую смерть от индейцев карайбов. Автор «Естественной истории королевства Сиам» (Париж, 1688).

Ташар Ги (ум. 1711) — французский иезуит и миссионер в Сиаме. Вернувшись во Францию, опубликовал рассказ о своем путешествии и пребывании в Сиаме — «Путешествие в Сиам», в 2 т. (Амстердам, 1687).

Леблан Марсель (ум. 1693 в Мозамбике) — французский иезуит-миссионер, который во времена Людовика XIV был послан в Сиам. Долгие годы находился в плену у англичан (освобожден только в 1690 г.). Написал «Историю революций в Сиаме» (1692). — *Прим. пер.*

²⁹ Брачная жизнь эллинских богов была весьма бурной и запутанной. Не редкость, если в первоисточниках на сей счет обнаруживаются противоречивые или взаимоисключающие сведения. По вопросу происхождения титанов Байи следует за Гомером, считая их детьми Урана и Тетей (Тефис, Тефии). Однако уже в античные времена более надежным авторитетом в данном вопросе был признан Гесиод, посвятивший происхождению эллинских богов специальную поэму — «Теогонию». Здесь супругой Урана-Неба названа Гея-Земля, которая и произвела на свет двенадцать титанов и титанид: Гесиод перечисляет их в следующем порядке — Океан, Кой, Крий, Гиперион, Иапет, Фея, Рея, Фемиды, Мнемосина, Феба, Тефия и Крон — главный возмутитель спокойствия, свергнувший отца Урана и впоследствии сам свергнутый собственным сыном — громовержцем Зевсом. В дальнейшем титанами именовались и их дети первого поколения, например, Прометей — сын Япета (Иапета) и океаниды Климены. Аполлодор в «Мифологической библиотеке» принял версию Гесиода.

Впоследствии их точка зрения и была канонизирована. Байи прав, что наименование «титаны» сопряжено с именем Тефиды (Тетии). — *Прим. науч. ред.*

³⁰ *Базилея* — титаниды с таким именем среди шести дочерей, рожденных Ураном и Геей, нет. Во времена Диодора под Базилеей подразумевали *Кибелу* — богиню фригийского происхождения, культ которой получил широкое распространение в эллинистическом мире и особенно в античном Риме, начиная с Ганнибаловых войн, а пышным цветом расцвел во времена империи. Тогда же культ восточной Кибелы полностью слился с культом эллинско-атлантической-гиперборейской Реи, как культ *Великой Матери [богов]*. Однако сам культ Великой Матери (Великой Богини) еще более древний, он восходит к эпохе матриархата и был распространен практически у всех народов мира.

Пандора — прекраснейшая и коварнейшая из всех когда-либо существовавших женщин — была вылеплена из глины Гефестом по приказу Зевса. Таким хитроумным образом владыка Олимпа решил отомстить роду людскому за похищение огня Прометеем. Пандора, как известно, захватила с собой знаменитый «ящик» (на самом деле — сосуд), где были заперты все беды, несчастья, пороки и болезни. По недомыслию брата Прометея — Эпиметея — они были выпущены на свободу и, как змеи, расплозились по всей земле. Об этом подробно рассказано у Гесиода, что дало ему повод почти 2700 лет тому назад высказать одно из самых горьких и несправедливых в мировой культуре суждений о женщинах:

Женщин губительный род от нее [Пандоры] на земле
происходит.

Нам на великое горе они меж мужчин обитают,
В бедности горькой не спутницы — спутницы только
в богатстве.

Перевод В. В. Вересаева. — Прим. науч. ред.

³¹ *Геспер* — в греческой мифологии божество Вечерней звезды — самой прекрасной из звезд. Диодор Сицилийский рассказывает о стране Гесперитиде, коей правили братья Геспер и Атлант. Геспер отдал свою дочь Геспериду в жены Атланту, и та стала матерью *Гесперид*. В римской мифологии почитался под именем *Люцифер*. — Прим. пер.

Античный мир знал две ипостаси планеты Венера: *Фосфорос* — «Светоносная» — для Утренней звезды (так ее называл, к примеру, знаменитый философ Демокрит) и *Геспер* — «Вечерняя» — для ее закатного двойника (при этом эллины считали эти явления «блуждающей звезды Афродиты» двумя разными небесными объектами). А культ Геспера действительно восходит ко временам Атлантиды. Сам Титан был родным братом Атланта и совместно с ним управлял великой страной, погрузившейся на дно океана. Но после олимпийского переворота, когда Зевс наказал восставших против него титанов, Гесперу удалось скрыться. Если его брату Атланту суждено было до окончания веков держать на плечах всю тяжесть небес, то Геспер предпочел скрыться в Космосе. И это не оговорка! Чудом сохранилось свидетельство Гигина — осколок древних преданий (или хроник): Геспер — один из первых европейских (точнее, атлантских) астрономов, — наблюдая небо на вершине высокой горы, загадочно исчез, превратившись в Вечернюю звезду. Данное обстоятельство вполне можно интерпретировать в том духе, что Геспер улетел на Венеру или еще дальше в Космос с помощью инопланетян или без оной. В римской мифологии Геспер превратился в хорошо всем известного *Люцифера*:

«Ниже Солнца вращается огромная планета, называемая Венерой, которая попеременно перемещается в двух направлениях и которая самими своими названиями соперничает с Солнцем и Луной. Так, когда Венера появляется первой, восходя до рассвета, ее называют Люцифер, словно она — второе Солнце, которое торопит наступление дня. Когда же, напротив, она сверкает после захода Солнца, то именуется Геспер, ведь она словно продлевает день, замещая Луну.<...> Величиною она превосходит все прочие светила, а блеск ее столь ярок, что только ее лучи рассеивают мрак». (Плиний Старший. Естественная история. II, 36–37).

В дальнейшем усилиями нескольких поколений толкователей Священного Писания Люцифер стал синонимом Сатаны. На самом деле имя Люцифера этимологически связано со светоносным началом (*Lucifer* — «светоносный», что является калькой греческого *Φωσφορος*) и по истокам своим восходит к одному из латинских названий Утренней звезды — Венеры. (Как видим, Геспер — Вечерняя звезда — в процессе взаимодействия эллинской и римской культур и в результате семантических трансформаций превратился в Люцифера — Утреннюю звезду.) — *Прим. науч. ред.*

³² Древнегреческое имя *Зевс патер* и латинское *Ju-(p)iter, Diespiter* находят точное соответствие в названии бога неба древнеиндийской мифологии *Дьяус* («день») с приставкой «питар», то есть небо-отец. — *Прим. пер.*

³³ Здесь Байи пересказывает, опираясь на финикийскую традицию, древнейшую космогоническую концепцию, согласно которой Вселенная родилась из Космического яйца. Это — один из наиболее архаичных космологических архетипов, повсеместно распространенный у индоевропейских, семитско-хамитских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, китайско-тибетских, полинезийских, африканских, индейских и других народов, что само по себе свидетельствует не только об их тесном взаимодействии, но и о былом родстве и общих мифологических воззрениях. Согласно мифопоэтической традиции многих народов, из Мирового (Космического) яйца возникает вся зримая Вселенная, мир богов и людей. В европейской традиции данная концепция в наиболее развитой форме представлена у орфиков — последователей мифического Орфея.

В обобщенно-поэтической форме эти архаичные космологические взгляды суммированы в великом карело-финском эпосе «Калевала». Здесь в качестве космотворящей птицы выступает Утка. Из семи снесенных ею яиц (шесть золотых и одно железное) и родился весь видимый и невидимый мир:

Из яйца, из нижней части,
Вышла мать—земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились...

Перевод Л. Бельского

В этом изумительном по красоте и емкости фрагменте зачатки многих космологий и мифологием других культур, связанных с представлениями о Космическом яйце, что как раз и подтверждает былую социокультурную и этнолингвистическую общность всех народов Земли.

Космическое яйцо древних мифологий имеет вовсе не метафорический, а реальный вселенский смысл, что косвенно подтверждают древнеиндийские и индуистские астрономические трактаты, именуемые «сиддханта». В самом древнем из них, предположительно написанном 5 тысяч лет тому назад, говорится о яйце Браммы (Брахмы) — месте обитания Верховного Божества: оно представляет собой шар из звезд поперечником свыше 18 квадриллионов (18×10^{15}) йоджан, то есть около 4 тысяч световых лет, что соответствует размерам некоторых галактик. Уместно предположить, что в русле общеарийской идеологии, носителями и хранителями которой были профессиональные жрецы (впоследствии это — брахманы у индийцев, маги у иранцев, друиды у кельтов, волхвы у славян и т. д.), были распространены именно такие представления о Вселенной в виде Космического яйца, как это описывается в сохранившихся, к счастью, хотя и сильно «брахманизированных» письменных источниках.

В русском народном мировоззрении и традициях отголоски этого древнейшего представления о первичном Космическом яйце сохранились и в предании о Кошечей смерти, спрятанной в яйце, и в бесхитростной сказке о Курочке Рябе и ее золотом яичке, а также в архаичном обычае весеннего крашения и расписывания яиц, впоследствии перешедшем в пасхальный обряд. — *Прим. науч. ред.*

³⁴ Имя Сатурна народная этимология возводила к корню *sat* (лат.) — «сеять», что делало его богом посева и семян. Современные исследования это отвергают. Древнеримский Сатурн стал тождествен *Кроносу* (пожирателю своих детей), что давало повод интерпретировать его как неумолимое время, поглощающее то, что породило, или как семя, возвращающееся в породившую его землю. — *Прим. пер.*

³⁵ Фригийская богиня Кибела — Великая мать и Матерь всех богов нередко сближалась эллинами с Реей — женой Крона и матерью главных Олимпийских богов, а также богиней плодородия Деметрой (у римлян — Церерой), занятой поисками похищенной Гадесом (Аидом) своей дочери Коры, получившей в дальнейшем имя Персефоны (у римлян — Прозерпины). — *Прим. пер.*

Четырнадцатое письмо г-ну Вольтеру

³⁶ Имеется в виду один из подвигов Геракла, когда тот отправился к далекому острову в океане, дабы похитить знаменитых коров Гериона. — *Прим. пер.*

³⁷ *Гадес* (современный Кадис) — этот город на небольшом острове у самого побережья, за столпами Геракла, основали примерно в XII в. до н. э. финикийцы, дав ему характерное название Гадир, то есть «крепость», переделанное римлянами в Гадес. — *Прим. пер.*

³⁸ «И отправились они в Офир, и взяли оттуда золота чetyреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону» (3 Цар. 9: 28). Знаменитая в древности восточная страна, известная добытием золота и драгоценных камней (3 Цар. 10: 11; 2 Пар. 8: 18). По всей вероятности, Офир находился в Восточной Индии, ибо семьдесят толковников переводят это слово Софир, а это коптское и египетское название Индии. Переводчики Вульгаты вслед за Иосифом Флавием полагают, что это Золотой Херсонес, принадлежащий в настоящее время Индии. Но, по словам энциклопедии д-ра Китто, Золотой Херсонес древних есть не что иное, как нынешняя испанская Малакка, так как туземцы еще доселе называют свои золотые копи словом *Офир*. Более шестнадцати различных стран считаются местонахождением Офира. — *Прим. пер.*

³⁹ *Кортес Эрнандо* (1485—1547) — известный своей жестокостью испанский конкистадор, завоеватель Мексики. Выделялся среди конкистадоров того времени образованностью и литературным талантом. Оставил интересные письма с описанием своих походов. — *Прим. пер.*

⁴⁰ После Байи, казненного в 1793 г., о Канарских островах и гуанчах писал в начале XIX в. *Жан Батист Жорж Мари* (1780—1846), французский натуралист, географ и путешественник. Участник экспедиции капитана Бодена в Австралию; в дороге отстал от него и исследовал близлежащие к Африке острова. Впечатления своего путешествия и результаты исследований он изложил в двух книгах: «Опыт об Островах блаженных и древней Атлантиде, или Очерк общей истории Канарской островной гряды» (1803) и «Путешествие на четыре главных острова африканских морей», в 3 т. (1804, с атласом). Как видно из названия первого трактата, идея Байи о возможной связи Канарских островов с Атлантидой получила дальнейшее развитие. — *Прим. пер.*

⁴¹ *Борда Жан-Шарль, де* (1733—1799) — французский математик и морской астроном, известный своими разработками навигационных и геодезических средств, изучением формы и

размеров Земли. Рано поступил на службу во французскую армию, а позже был переведен на флот, где дослужился до капитана корабля. Участвовал в ряде научных морских экспедиций и в войне американских штатов за независимость в чине вице-адмирала. В 1782 г., командуя флотилией из шести кораблей, попал в плен к англичанам, но был незамедлительно освобожден под честное слово. — *Прим. пер.*

⁴² То есть в Нижнем Египте. — *Прим. пер.*

⁴³ *Фивы* (греч.; египетское название — Уаст, «Властвующий (город)», или просто Ниут — «Город») — древний город в Верхнем Египте, вблизи современного г. Луксор. — *Прим. пер.*

⁴⁴ Речь идет о замке, построенном в Булонском лесу под Парижем французским королем в память о том времени (1525—1527), что он провел в Мадриде, в плену у испанского короля и германского императора Карла V. Строительство замка началось в 1528 г., но завершилось лишь в 60-е годы XVI столетия. В 1792 г. замок был разрушен. — *Прим. пер.*

⁴⁵ *Максим Тирский* (125—175) — греческий странствующий оратор и философ-платоник, представитель так называемой второй софистики, эпигонствующего «греческого возрождения». Жил в Афинах и Риме (вероятно, при императоре Коммодe). Автор «Речи» («*Dialekseis*») — сорока одной философско-морализаторской лекции, отличающихся манерным слогом. — *Прим. пер.*

Пятнадцатое письмо г-ну Вольтеру

⁴⁶ *Страбон* (ок. 63 до н. э. — ок. 20 н. э.) — римский географ и историк. Родился в Малой Азии в знатной греческой семье. Увлекался изучением разных стран и народов, читал соответствующие книги и, наконец, отправился путешествовать. Территория, на которой он побывал, огромна: от Армении до острова Сардиния, от Южного побережья Черного моря до Эфиопских гор на Верхнем Ниле. В результате собственных наблюдений и обобщения сведений из самых разных источников он написал «Географию», в 17 книгах. Стараясь сделать изложение увлекательным для читателя, он по ходу повествования приводит немало стихотворных строк, поучительных изречений разных авторов, фантастических, мифических и занимательных историй и анекдотов. Еще одно грандиозное творение Страбона — «Исторический комментарий», в 47 книгах — сохранилось лишь в виде фрагментов. — *Прим. пер.*

⁴⁷ *Бэр, Фредерик Шарль* (1719—1797) — французский протестантский профессор богословия и разносторонний писатель. — *Прим. пер.*

⁴⁸ Межевые столбы — «*терминусы*» — названы так по имени древнеримского *Терминуса* — божества границ, межевых знаков, разделявших земельные участки. — *Прим. пер.*

⁴⁹ *Стефан Византийский* (VI в. н. э.) — греческий грамматик и эрудит. В правление императора Юстиниана I (482–565; царствовал с 527) был издан его географический лексикон «Описание народов» («*Ethnica*»), часть которого дошла до нас в оригинале, а остальное в цитатах. Несмотря на ограниченность познаний автора в области географии, его труд, статьи которого расположены в алфавитном порядке, является единственным в своем роде, драгоценным источником сведений об античной географии, оракулах, волшебных историях и прочем. Автор заботится о точности географических терминов; последующие географы опирались на его труд. — *Прим. пер.*

⁵⁰ *Бан(н)ье(р)* (*Bannier*) *Антуан* (1673–1741), аббат — французский литератор, член академии надписей; перевел на французский язык «*Метаморфозы*» Овидия, написал любопытное историко-литературное исследование «*Мифология и сказания, объясненные исторически*», выдержавшее много изданий. — *Прим. пер.*

⁵¹ Предположение Байи, что упоминаемый Страбоном легендарный вождь Акмоний был предводителем атлантов, заслуживает внимания и дальнейшего осмысления. Однако другое утверждение — что некий Акмоний (разумеется, не из «Географии» Страбона) являлся отцом эллинского бога Урана — представляется достаточно странным. Согласно канонической греческой теогонии, Уран-Небо возник путем самозарождения и саморождения из чрева матери — Геи-Земли, которая тотчас же стала его супругой:

Гея же прежде всего родила себе равное ширью.
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов
всехблаженных...

Гесиод. Теогония. 127–129.

Появление загадочного Акмония в разветвленном семействе эллинских богов, не подтверждаемое ни одним античным мифографом, возможно, связано с именем бараньеголового древнеегипетского бога Амона (дословно — «скрытый, потаенный, сакральный»), самостоятельный культ которого просуществовал очень недолго и был объединен с культом другого солнцезбога — Ра, превратившись в хорошо известного Амона-Ра. Его супругой была богиня неба Мут (дословно — «мать»: архаичная корневая основа *mt* — общая для многих языков мира). Вероятно, раннесредневековый греческий комментатор Стефан

Византийский, на которого ссылается Байи, непроизвольно смешал названные эллинские и египетские теонимы. — *Прим. науч. ред.*

⁵² *Макробий Амвросий Аврелий Феодосий* (V в. н. э.) — римский грамматик, философ и писатель. Известно, что он занимал достаточно высокие посты (префект на Сицилии, прокуратор в Африке) и находился в оппозиции к христианской религии. Сохранилось его сочинение «Сатурналии», написанное в форме застольных бесед, где содержатся разнообразные сведения по истории, литературе и мифологии. В духе неоплатонизма написан комментарий на сочинение Цицерона «Сон Сципиона». — *Прим. пер.*

⁵³ *Плутарх* (ок. 46 — ок. 127) — древнегреческий писатель, философ и моралист, величайший биограф античности. Родился в небольшом, но славном городе Херонея в Беотии. Изучал философию в Афинах, Александрии и в Дельфах. Много путешествовал, во время правления императора Веспасиана или Тита жил в Риме, где давал уроки философии и сам учился латинскому языку. Дружеские отношения связывали Плутарха со многими государственными деятелями Рима. Первое место среди них занимает Квинт Сосий Синекцион, личный друг императора Траяна, консул. Ему Плутарх посвятил собранные в одно целое по его инициативе «Застольные беседы», а также свои знаменитые «Сравнительные жизнеописания». Был удостоен римского гражданства. С деятельностью Плутарха как жреца дельфийского оракула связаны такие его сочинения, как «О суеверии», «Об оракулах Пифии», «Об убыли оракулов». В конце жизни поселился в своем родном городе, где исполнял некоторые функции по управлению городом. У него была жена по имени Тимоксена и несколько детей. В философии он был почитателем Сократа и Платона и решительным противником эпикурейства. В своей совокупности писательское наследие Плутарха составляло около трехсот книг, из которых утрачено почти две трети. Главное сочинение — «Параллельные жизнеописания» (в русской традиции «Сравнительные жизнеописания»), где история изложена в виде биографий знаменитых греков и римлян, представленных попарно по какому-либо признаку характера, сходства или различия: каждому греческому герою соответствует биография столь же знаменитого римлянина. Писатель часто сгущал краски, чтобы достичь большей живости и увлекательности рассказа. Все другие дошедшие до нас сочинения писателя (в основном небольшие нравоучительные трактаты числом около 80) объединены под общим названием «Этика» («*Ethica*») (лат. *Moralia*, «Нравственные сочинения»). Среди утерянных сочинений Плутарха, о которых известно, — коммен-

тарии к Гомеру, биографии Пиндара, Гесиода, Сципиона, Эпаминонда, Августа, Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона. — *Прим. пер.*

⁵⁴ Лукиан из Самосаты (ок. 120 — ок. 190) — один из самых оригинальных и остроумных греческих писателей-сатириков, вольнодумец и безбожник. Сириец по рождению. В сводах жизнеописаний знаменитых людей древности нет ни слова о существовании Лукиана. Христианские монахи, переписчики его сочинений в более поздние времена, сопровождали свои комментарии негодующими пометками вроде таких: «Что ты брешешь, проклятый, о нашем спасителе Христе!» Вот что пишет византийский патриарх Фотий (820—893) в «Мириобиблионе»:

«...Лукиан почти везде высмеивает эллинов, их глупость и боготворчество, их склонность к разнузданным порывам, их невоздержанность, неправдоподобные и нелепые выдумки их поэтов, которые породили неправильный государственный строй, путаницу и сбивчивость в прочей жизни; он порицает хвастливый характер их философов, у которых ничего нет, кроме бесконечных пересказов своих предшественников и пустой болтовни. <...> Сам же он, кажется, из тех, которые не придерживаются никаких определенных положений. Выставляя мысли других в шутовском и нелепом виде, то, что думает он сам, он не высказывает. <...> Однако язык у него превосходен, он пользуется словами красочными, меткими, выразительными; в мастерстве сочетать строгий порядок и ясность мысли с внешним блеском и соразмерностью соперников у него нет. Связность слов достигает у него такого совершенства, что при чтении они воспринимаются не как слова, а словно какая-то сладостная музыка, которая, независимо от содержания песни, вливается в уши слушающих. Одним словом, повторяю, великолепен слог у него, хотя и не подходит для его сюжетов, которые он сам предназначил для смеха и шуток».

Фридрих Энгельс называл Лукиана «Вольтером классической древности». Установлена принадлежность Лукиану более 70 произведений (памфлеты-повести, просто повести, пародии, сатирические диалоги; поэмы и эпиграммы). — *Прим. пер.*

⁵⁵ Океаниду Азию (Асию) матерью Прометея называет Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» (I: 2, 3). Впрочем, любые из сохранившихся сведений о титанах достаточно фрагментарны, запутаны и противоречивы. Удивляться этому не стоит. На обозримом горизонте евразийской предыстории титаны — первые диссиденты-богоборцы, непримиримые враги победивших Олимпийцев. А потому сведения о них (как это случилось во все времена) всячески искажались в угоду утвердившейся новой идеологии, образы в глазах последующих поколений —

демонизировались, а правдивые тексты, поелику возможно, уничтожались. Кроме того, после миграции с севера на юг вместе с другими индоевропейскими народами и обоснования в Средиземноморье древние греки фактически забыли о своей допотопной истории, гиперборейском происхождении и верованиях былых времен. Считая себя элитой человеческого рода, а всех остальных — варварами, они представляли современные им народы Севера полумонстрами и подвели их под весьма расплывчатое и неопределенное понятие — «гипербореи». — *Прим. науч. ред.*

⁵⁶ Точнее, по Гесиоду, Прометей приходился братом Атланту, а их родителями были титан Иапет и океанида Климена. — *Прим. пер.* (См. также предыдущее примечание.)

⁵⁷ Ныне город Хомс на западе Сирии в долине реки Эль-Аси (в античности Оронт). — *Прим. пер.*

⁵⁸ *Иаксарт (Яксарт)* — современная река Сырдарья.

Массагеты — собирательное название группы племен Закаспия и Приаралья в сочинениях др.-греч. авторов. Неясность приводимых источниками сведений породила в науке многочисленные гипотезы об этнической принадлежности массагетов. Одни ученые считали, что название *массагеты* обозначает «рыбоеды». Другие объясняют его как составленное из слов «мае», «сака» и «та» и означающее «большая сакская (скифская) орда». По предположению третьих, слово «массагеты» означает «маза-геты» — «великие геты», а сами массагеты тождественны с «да (большие) юэчжи» др.-кит. летописей. Однако ни одну из гипотез нельзя считать общепринятой. О каких племенах говорит тот или иной автор, не всегда ясно. По Геродоту, массагеты — кочевники. Сражаются они пешими и на конях, причем их кони носят на груди латы. Вся их утварь и оружие изготовлены из меди и золота. В борьбе с ними погиб основатель Ахеменидской державы царь Кир, побежденный «царицей» массагетов Томирис. По Страбону, массагеты поклонялись Солнцу и приносили ему в жертву лошадей. Наряду с кочевниками Страбон относит к массагетам обитателей приаральских болот и островов, живущих примитивным собирательством и рыбной ловлей, а также хорезмийцев и некоторые другие племена. — *Прим. пер.*

⁵⁹ Здесь Байи опирается на свидетельство римского астронома II в. н. э. Юлия Гигина, который рассказывает про то, как после победы, одержанной богами-олимпийцами над титанами, они спрятали в Гиперборее чудо-оружие, с помощью которого была выиграна решающая битва. Дословно Гигин говорит, что свою всепоражающую огненную стрелу и перун (молнию) Юпитера Солнцебог Аполлон «зарыл на Гиперборейской горе» (см.: *Гигин Ю.* Астрономия. СПб., 1997. С. 59. Перевод

А. И. Рубана). Помимо вполне допустимой солярной интерпретации данного известия, важно и указание на Гиперборею, где, несомненно, и происходила Титаномахия. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁰ *Латона*, то же что у греков Лето, дочь титанов Коя и Фебы, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду. — *Прим. пер.*

⁶¹ *Борей* — в греческой мифологии бог северного ветра, сын титана Астрея (звездного неба) и титаниды Эос (Утренней зари). Место его обиталища — Фракия, где царят холод и мрак. — *Прим. пер.*

⁶² *Фарамон* — легендарный предводитель франков, потомок Приама, якобы правивший в первой половине V в. н. э. Его история теряется в веках, но само его существование не оспаривалось даже в XVIII в. Герой некоторых романов. Впервые о нем упоминает франкский историк и христианский теолог Проспер Тирон Аквитанский (ок. 390 — 463), знаменитый своей «Всемирной хроникой», охватывающей период с 412 г. до приблизительно 450 г. и являющейся продолжением «Хроники» св. Иеронима. — *Прим. пер.*

Шестнадцатое письмо г-ну Вольтеру

⁶³ Согласно современным научным представлениям, царица Семирамида правила не в Персии, а в Ассирии. Ее подлинное имя было Шаммурамат (или Шамирам армянских исторических хроник). Как регентша малолетнего царевича Аладнирари III (810—806 гг. до н. э.) она вела войны в Мидии, на месте которой впоследствии возникла Персидская держава. С именем царицы связано одно из семи «чудес света» — многоярусные «висячие» сады Семирамиды, которые находились в городе Вавилоне. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁴ *Тиара* — высокий головной убор правителей Древнего Востока (Месопотамия, Персия), имевший коническую форму. — *Прим. пер.*

⁶⁵ Имеется в виду Вольтер, которого по месту его постоянного проживания в последние годы жизни в поместье Ферней (на границе Франции и Швейцарии) звали то Фернейским философом, то Фернейским затворником. Байи в духе своих писем об Атлантиде добавил к этим прозвищам еще и «маг из Фернея» (то есть Фернейский волшебник). — *Прим. науч. ред.*

⁶⁶ Ныне *дивов* (фарси) и *дайвов* (авестийский язык) принято называть дэвами; о происхождении понятия *пери* (с ударением на второй слог; иначе *пари* либо *пэри*), вобравшего в себя два прямо противоположных образа, см.: *Бертельс А. Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX—XV вв. М., 1997. С. 141—153. В Коране имя нарицательное «пери» не встречается. — *Прим. пер.*

⁶⁷ Здесь и далее Байи имеет в виду не библейские, а коранические сказания, в которых также рассказывается о сотворении первочеловека Адама. Согласно Корану, джинны, которых Байи по традиции называет дивами, жили на земле еще до сотворения Адама и были созданы Аллахом из бездымного огня, а потому их тела могли принимать любые обличия, уменьшаться до невидимых размеров, прячась в волшебных сосудах, или, напротив, увеличиваться до невероятных величин. Российскому читателю такие духи-джинны хорошо знакомы по сказкам «Тысячи и одной ночи», другим восточным источникам, а также по многочисленным иллюстрациям и экранизациям на данную тему. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁸ При обращении к восточному материалу (в особенности связанному с мусульманской традицией) Байи постоянно обращался к энциклопедическому словарю под названием «Восточная библиотека, или Универсальный словарь, содержащий обобщенно все относящееся к познаниям восточных народов», составленному еще в XVII в. крупнейшим французским ученым-ориенталистом Бартеlemi д'Эрбло (Эрбело) (1625–1695), который к тому же являлся личным переводчиком и главным советником в вопросах восточной политики «короля-солнца» Людовика XIV. В свою очередь, излагая мифологическую историю, д'Эрбло опирался на так называемые предадамические сказания, относящиеся к эпохе до сотворения Адама, носящие апокрифический характер и отвергаемые ортодоксальным мусульманским богословием. В Коране (15:27) джинны, которые жили на земле задолго до появления людей, именуются *джанн* (академик И. Ю. Крачковский переводит это слово в Коране как «гений»; интересно, что точно так же трактовалась эта мифология и в некоторых предромантических и романтических литературных сочинениях европейских авторов). Нельзя также не отметить, что в Коране имеется созвучное слово *джанна*, означающее «сад», которое является основным понятием для мусульманского рая.

Представления о джиннах восходят к глубоким доисламским верованиям народов Аравии и Ближнего Востока. Однако по сей день им (джиннам) приписывается создание всего необычного и загадочного в окружающем мире, в том числе — гор, ущелий, пещер, любых древних развалин. До того как появилась научная археология, были обнаружены, раскопаны и идентифицированы древние памятники Египта, Вавилона, Ассирии, Персии и т. д. В глазах мусульманского населения, жившего на территориях погибших и забытых цивилизаций, любые древние постройки считались творением джиннов. Неудивительно, что во времена Арабского халифата, Мамлюкского

султаната и османской колонизации местное мусульманское население слыхом не слыхивало о Древнем Египте и все окружающее их великолепие памятников (включая пирамиды, сфинкса, бесчисленные иероглифические надписи) приписывало джиннам и относило к эпохе «предадамитов». Джан-бен-Джан, упоминаемый в трактате Байи, действительно считался последним царем «предадамитов». Однако, вполне возможно, его имя — всего лишь персонифицированное имя одного из джанпов (джиннов).

Байи так подробно анализирует мусульманскую мифологию, поскольку интуитивно улавливает связь между древнейшими апокрифическими сказаниями и интересующей его полярной проблематикой. По устным предкораническим и кораническим преданиям, все мифические существа или народы в конечном счете оказываются на Севере, куда их загоняют за разного рода прегрешения. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁹ Под именем Сулеймана библейский царь Соломон был известен на Востоке. Здесь были широко распространены легенды о мудрости царя Соломона, повелителя духов и стихий, о его волшебном кольце и др. По преданию, на перстне Сулеймана было вырезано величайшее из 99 имен Аллаха, знание которого давало ему власть над джиннами, птицами и ветрами. В мусульманских легендах имя «Сулейман» носят цари (султаны) «предадамиты», правившие всей землей до сотворения Адама. Последним из них был Джан-бен-Джан (д'Эрбло, с. 818—821). — *Прим. пер.*

⁷⁰ *Канун* — так называлось местечко к северу от Багдада. — *Прим. пер.*

⁷¹ *Берос* (лат. Berossus; аккадский Бел-Усур, ок. 350—280 до н. э.) — вавилонский жрец, астролог и историк. Написал на греческом языке три книги вавилонской и халдейской истории, причем сведения им были почерпнуты из древнейших архивов одного из вавилонских храмов (до нас дошли лишь отрывки в сочинениях Иосифа Флавия, Евсевия, Синкелла, Александра Полигистора и др.). Они представляются необыкновенно важными, позволяя хоть сколько-нибудь проникнуть в малоизвестную область древнейшей истории Азии. Достоверность приводимых им сведений позднее была подтверждена клинописными надписями. В конце жизни Берос организовал на о. Кос школу, где познакомил греков с вавилонской астрологией. — *Прим. пер.*

⁷² Здесь Байи переходит к анализу событий, освещенных в одной из самых знаменитых и обширнейших по объему книг мировой литературы — «Шахнаме», что в переводе с персидского означает «Книга царей» (народная молва переименовала ее

в «Царь-книгу»). Ее создал (другого слова не подберешь, ибо она действительно создавалась на протяжении целой жизни) великий персидский поэт Абулькасим Фирдоуси (ок. 940 — 1020 или 1030). Полный академический перевод «Шахнаме» на русский язык занимает шесть объемистых томов. Это — 55 тысяч двестишестидесятистраничных листов, что в несколько раз превышает объем «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых. Помимо бесценных художественных достоинств, творение Фирдоуси является и своеобразным летописным полотном, охватывающим многие легендарные события мировой предыстории, о которых не сохранилось надежных документов и письменных свидетельств. При этом персидский Гомер широко использовал устные сведения, почерпнутые у профессиональных хранителей информации — зороастрийских магов, или, как он их называл, *мобедов*: «Расспрашивал старцев о древних царях, / О славных воителях-богатырях...» В результате в руках поэта оказалась бесценная информация, которая на сегодня не сохранилась ни в каких летописных и документальных источниках.

Точной датировки в сверхпоэме, конечно, нет, но зато обозначены многие хорошо известные исторические события (вроде походов персидских царей и Александра Македонского, арабского нашествия и т. д.), по которым можно делать точные хронологические привязки, а затем, на основании суммирования прошедших поколений, проецировать века и тысячелетия в прошлое. Нельзя также забывать, что Фирдоуси был правоверным мусульманином, находившимся под влиянием господствующей идеологии и творившим в условиях традиционной исламской цензуры. Поэтому вполне естественно, что многие древнейшие исторические факты мифологизировались, гиперболизировались, обрастая сказочными и беллетристическими подробностями, помноженными на творческое воображение поэта.

Но если отвлечься от всего вышеперечисленного, неизбежно остается «сухой остаток», соответствующий реальным событиям далекого прошлого. При таком подходе и методике анализа текста открываются воистину необозримые исторические пласты и удивительные подробности, каких не почерпнуть в других источниках. Это касается и далекой гиперборейской предыстории, и войны между Ираном и Тураном, то есть борьбы протоиранских племен во время их продвижения через степные южнорусские просторы с обитавшими там тюркскими (туранскими) кочевыми племенами. Кстати, данные события, как они описаны в «Шахнаме», происходили задолго до появления пророка Заратуштры. Последний у Фирдоуси именуется Зердештом и появляется лишь в начале второй половины поэмы.

К сожалению, Байи не располагал переводом творения

Фирдоуси, сделанным с оригинала, а опирался на неизбежно краткий пересказ, который содержался в вышеупомянутом энциклопедическом словаре д'Эрбело. Написание многих имен в данном ныне безнадежно устаревшем справочнике (и, соответственно, в трактате Байи) отличается от принятого в наше время. Поэтому в процессе перевода и редактирования были проделаны необходимые исправления в соответствии с текстом русского академического издания в переводе Ц. Б. Бану-Лахути. — *Прим. науч. ред.*

⁷³ Кеюмарс (Гайомарт), согласно авестийской традиции, действительно считается первочеловеком и первоцарем, открывающим длинный список всех последующих владык Ирана. Однако, по зороастрийским и пехлевийским комментариям, библейским Адаму и Еве соответствует не сам Кеюмарс, а его дети — Машйа и Машйана, о которых в «Шахнаме» ничего не говорится. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁴ Имя второго царя в легендарной иранской истории — скорее всего, прозвище, означающее «основоположник справедливости», «первый законодатель». В *Авесте* Хушенг под именем *Хаошйанха Паразата* упоминается как непримиримый боец с дивами и родоначальник ариев. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁵ *Амадис* — герой испанского рыцарского романа XIV в. «Амадис Галльский», основой которого предположительно послужило одноименное сочинение португальского рыцаря и писателя Васко де Лобейры (1360—1403). Канву романа составляет любовь рыцаря к Ориане, дочери английского короля Лисуарта, и написан роман в духе легенд о короле Артуре. Именно этот роман вызывал наибольший восторг Дон Кихота.

Роланд — герой французского эпоса X в. «Песнь о Роланде». Историческую основу составляет эпизод разгрома басками в Пиренеях (778 г.) арьергарда отступавших из Испании войск Карла Великого во главе с Роландом. — *Прим. пер.*

⁷⁶ *Демавенд* — потухший вулкан в горах Эльбурс на севере Иранского нагорья высотой 5604 м. — *Прим. пер.*

⁷⁷ *Ифриты* (иначе — *афариты*) — в мусульманской мифологии вид джиннов, отличающихся особой силой. Упоминаются в Коране (27: 39). Эти сказочные чудовища, жестокие и страшные, часто встречаются в арабских сказках. Принадлежат к породе джиннов, демонов мужского и женского пола, иногда злых, иногда добрых. — *Прим. пер.*

⁷⁸ *Диярбакыр* («область бактрийцев») — город в юго-восточной Турции, на правом берегу реки Тигр. Подробное описание средневекового города приведено у Насира Хосрова (1004—1072 или 1077) в «Сафар-намэ» («Хождение через Сирию и Палестину»). — *Прим. пер.*

⁷⁹ *Симург* — птица судьбы иранской мифологии. В «Шахнаме» она помогает одному из главных героев литературного эпоса — Ростему (Рустаму). В *Авесте* упоминается под именем Саэно Мерегхо. Подробнее о *симурге* см. в упомянутой уже книге: *Бертельс А. Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX—XV вв. М., 1997. С. 154—289.

Анка (ударение на последний слог) — в мусульманской мифологии род птиц, созданных Аллахом поначалу совершенными, но затем ставшими бедствием для людей. Анка сходна с птицами феникс, обитавшими, как считали античные авторы, в аравийской пустыне. Мусульманская традиция отождествляла анка с вещими птицами *Симург* в иранской и *Гаруда* в индийской мифологии. Птица *Анка* в персидской поэзии — почти синоним имени «Симург». — *Прим. пер.*

В «Шахнаме» ничего не говорится о езде или полете Тахмуреса на Симурге. Зато рассказывается о том, как третий легендарный царь покорил самого владыку темных сил — злокозненного Ахримана (Ангро-Майнью), оседлал его, превратив в коня, и в течение тридцати дней объезжал землю — из края в край, страна за страной, что вызвало восстание вселенских сил зла. Вооруженный одной лишь палицей, Тахмурес разгромил сонмище дивов и прочей нечисти (одних уничтожил, других пленил), за что и получил прозвище Дивбенд (дословно — «свывывающий дивов»). — *Прим. науч. ред.*

⁸⁰ В «Шахнаме» данный сюжет отсутствует. — *Прим. науч. ред.*

⁸¹ *Джемшид* — сын Тахмуреса, четвертый легендарный царь Древнего Ирана, один из древнейших образов мифологии, восходящий к самым истокам индоевропейской этнолингвистической общности. В *Авесте* он фигурирует как патриархальный царь-пастырь Йима, во времена которого на земле существовал Золотой век, люди жили в согласии, достатке и счастье. Общеиндоевропейская корневая основа, закрепившаяся в древнеиранском имени Йима, обнаруживается и в современном русском слове «имя», а также в глаголе «иметь». По авестийским преданиям, Йима считается первочеловеком и создателем мировой цивилизации, спасшим человечество от потопа, который обрушился на Землю после жесточайшего похолодания. В конце жизненного пути Йиму ожидал ужасный конец: он был распилен на части по приказу царя-узурпатора и чужеземца-завоевателя Зохака, сросшегося в плечах с двумя огромными змеями (в *Авесте* ему соответствует трехглавый демон-дракон Ажи-Дахак). — *Прим. науч. ред.*

⁸² Ныне Техте-Джемшид, досл. «престол Джемшида», расположен в 32 милях к северо-востоку от Шираза в юго-западной части Ирана близ слияния рек Пулвар и Руде-Кор. — *Прим. пер.*

⁸³ *Зу-л-Карнайн* — коранический персонаж. Это — человек, которому Аллах дал великую власть и направил в далекий поход на Север. В Коране северные народы названы совокупным словосочетанием *Йаджудж* и *Маджудж*, представляющим собой фонетическую трансформацию некоей первичной протолексемы, которая соответствует названию библейских северных народов *Гога* и *Магога*. На арабских и персидских средневековых картах для народов *Йаджудж* и *Маджудж* всегда отводилось место на Крайнем Севере. Байи отождествил их с дивами и джиннами, которые после тысячелетнего владычества на всей земле тоже оказались на Севере.

По преданию, у всех *Йаджудж* и *Маджудж* по четыре глаза — два на лбу, два на груди; их тело покрыто шерстью, а уши свисают до плеч; вместо слов они издают отвратительные звуки, похожие одновременно и на змеиное шипение, и на птичий свист. В Коране они как раз и упоминаются в связи с рассказом о великом герое *Зу-л-Карнайне*. По воле Аллаха *Зу-л-Карнайн*, обладавший великой силой и великой властью, совершил поход к пределам мира. Там, на далеком Севере, он и столкнулся с ужасными и нечестивыми народами *Йаджудж* и *Маджудж*, которые терроризировали местное население и замыслили прорваться во владения правоверных. Дабы не допустить этого, *Зу-л-Карнайн* воздвиг в северных пределах земли высочайшую стену, ее огромные каменные блоки были скреплены расплавленным железом. Где-то в северных широтах, в пространстве от Алтая до Ледовитого океана до сих пор находятся останки этой стены (по другой версии — башни). Кроме того, от тех времен повсюду видны развалины древних городов, тех самых, где жили северные аборигены, сдерживавшие натиск воинственных *Йаджудж* и *Маджудж*. О местонахождении этих городов современным археологам пока известно очень мало. Зато сохранились многочисленные и подробные описания арабских путешественников, в средние века посещавших северные территории России.

В народной, фольклорной и литературной традиции мусульманских стран дословное значение имени *Зу-л-Карнайн* — «Двурогий» — в дальнейшем было отождествлено с образом Александра Македонского (по-восточному — Искандера), также прозванного в народе Двурогим, так как якобы носил рогатый шлем. В «Шахнаме» деяниям Александра-Искандера посвящена целая книга, где величайшему полководцу античности приписывается масса мифических подвигов, включая и тот, о котором говорится в Коране — возведение стены для защиты от проникновения *яджуджуджей* и *маджуджей* (как нарицательно они стали именоваться в поэтических произведениях). Ибо

тема эта стала традиционной для восточных поэтов: достаточно вспомнить «Искандер-наме» из «Пятерицы» Низами, а поэма об Александре Македонском, созданная Навои, так просто и называлась — «Стена Искандера».

Фактологическим источником для плеяды восточных поэтов послужил знаменитый прозаический «Роман об Александре», написанный безымянным греческим историком почти сразу после смерти Великого царя. Книга имела невероятную популярность на протяжении многих веков — как на Востоке, так и на Западе, была переведена на многие языки, включая древнерусский, под названием «Александрия». Фирдоуси пользовался персидским переводом, который в оригинале до наших дней не дошел. В греческом, латинском и древнерусском и прочих европейских вариантах истории об Александре, естественно, никаких *яджуджуджей* и *маджуджей* и отстроенных против них стен нет, однако и здесь говорится о диких народах Севера, которые Александр запер в глубинах высоких гор, где они и ждут своего часа, дабы перед концом мира вырваться на поверхность и стать одним из элементов в наказании грешников. В христианской традиции они слились с библейскими народами *Гогом* и *Магогом*, а в русских народных легендах именовались совсем по-простому — *гогами* и *магогами*. — *Прим. науч. ред.*

Семнадцатое письмо г-ну Вольтеру

⁸⁴ *Лемуры* — призраки, не погребенные в соответствии с обычаем; духи усопших; то же, что и ларвы. — *Прим. пер.*

⁸⁵ Напомним, что в знаменитом сборнике арабских сказок «Тысяча и одна ночь» царь Шахрияр, которому Шахразада рассказывала свои бесконечные волшебные истории, назван правителем «на островах Индии и Китая» из рода Сасана (Сасанидов), что, понятно, не соответствует каким-либо подлинным географическим или историческим реалиям. В представлении же большинства читателей шедевра арабского фольклора все описанное, как правило, ассоциируется с Багдадским халифатом. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁶ *Гора (горы) Каф* — одно из центральных понятий и мифологем мусульманской космогонии. Само название священной горы (ороним), как считают специалисты, иранского происхождения. В мусульманской картине мира гора Каф полностью окружает Землю (отчего и обозначается нередко во множественном числе), но отделена от нее непреодолимым пространством. Вся эта фантастическая конструкция, по одной из версий, покоится на плечах ангела (этот образ вполне соответствует титану Атланту, держащему на своих плечах хрусталь-

ный небесный свод). По другому толкованию, Земля вместе с горой Каф находится на кончике рога Вселенского быка (Космической коровы), бык стоит на рыбе, рыба плавает в воде, вода покоится на воздухе, воздух — на влажности. Когда Космический бык перебрасывает это воистину цирковое сооружение с одного рога на другой, в недрах планеты происходят землетрясения. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁷ Байи почти вплотную подходит к предположению об этимологической близости слов «пери» и «персы». Сие вполне допустимо, если исходить из тезиса (обосновываемого французским астрономом), что пери (как дивы или джинны) — всего лишь мифологизированное и искаженное во времени представление о древнейших народах Севера, генетически связанных с Полярной Атлантидой. Не менее важен сформулированный в предыдущем абзаце вывод об общем происхождении китайцев, индийцев, персов и других народов мира, корни былого этнолингвистического единства которых также следует искать на Севере. Далее в этом списке прибавятся тибетцы, монголы, буряты, калмыки и др. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁸ *Голконда* — индийский город, славившийся собранными в нем богатствами, столица одного из пяти деканских султанатов; разграблен войсками Ауренгзеба, одного из правителей могольской династии (середина XVII в.). — *Прим. пер.*

Восемнадцатое письмо г-ну Вольтеру

⁸⁹ Эти и другие (выше- или нижеприведенные) географические, исторические и мифологические сведения Байи черпает, как уже говорилось, в энциклопедическом словаре д'Эрбело, который к настоящему времени безнадежно устарел. Соответствующие ссылки на словарь д'Эрбело есть чуть ли не на каждой странице трактата Байи, однако в настоящем издании все они опущены. Отождествляя Мидию и Азербайджан, д'Эрбело (а вслед за ним и Байи) имеет в виду так называемую Малую Мидию, возникшую в конце IV в. до н. э. и сыгравшую важную роль в этногенезе современных азербайджанцев. Однако для темы Северной Атлантиды и Гипербореи гораздо большее значение имеет история Великой Мидии — одного из крупнейших государств Древнего Востока, в пору своего расцвета в конце VII—VI в. до н. э. занимавшего значительные территории Иранского нагорья, Малой Азии и Ближнего Востока. На развалинах Мидийской державы, сокрушенной в жестокой борьбе, в VI в. до н. э. и возникло Персидское государство, хорошо известное из «Истории» Геродота. Потомками этих мидян считается 40-миллионный курдский народ, не имеющий в настоя-

щее время собственной государственности и разделенно проживающий на территории современных Ирана, Ирака, Турции и Сирии. — *Прим. науч. ред.*

⁹⁰ Легенда о постройке дербентской стены, отражающая реальный факт из истории г. Дербента (досл. «железные ворота»), сасанидским государем Хосровом I (531–578) с целью положить конец проникновению кочевников во внутренние области империи, наиболее полно изложена у историка и географа Ибн аль-Факиха (конец IX в.) («Ас-Савад-и Табаристан» по машхадской рукописи труда Ибн ал-Факиха ал-Хамадани. Тбилиси, 1977). — *Прим. пер.*

⁹¹ См. примечание 81.

⁹² Скорее всего, Байи ошибается: ни в «Шахнаме», ни в каких-либо других известных источниках Джемшид и Зу-л-Карнайн не отождествляются. Деяния и даже «двурогость» последнего приписывались только Искандеру (Александру Македонскому). Возможно, европейские ориенталисты, которые во времена Байи и раньше осмысливали легендарную историю Востока и впервые переводили литературные памятники, сталкивались с каким-то устным народным преданием или неверно истолковывали оригинальные тексты. Во всяком случае, вплоть до XIX в. большинство переводов и переложений произведений восточной литературы на европейские языки изобиловало многочисленными ошибками, непозволительными вольностями и погрешностями. — *Прим. науч. ред.*

⁹³ *Веста* — в римской мифологии богиня священного очага городской общины, курии, дома; соответствует греческой *Гестию*. — *Прим. пер.*

⁹⁴ Имеется в виду популярная среди просветителей XVIII в. идея (в особенности ее разделял и пропагандировал Вольтер), согласно которой главной причиной любой религии является страх перед богами, грозными силами природы и неизвестностью. Отсюда и формула: «богов порождает страх». — *Прим. науч. ред.*

⁹⁵ *Плиний Старший* (Гай Плиний Секунд, 23–79 н. э.) — римский государственный деятель, ученый-энциклопедист и писатель. Происходил из аристократической семьи, занимал крупные административные должности, некоторое время командовал флотом. Обладая острым умом, хорошей памятью, необыкновенной любознательностью и литературным талантом, предпочитал заниматься творческим трудом, а не служебной деятельностью. Ему приписывают много различных трудов, но до нас дошла только его «Естественная история» («Naturalis historia») — фундаментальный труд в 37 т. Плиний собрал в нем сведения по самым различным отраслям знаний: матема-

тике, географии, этнографии, зоологии, ботанике, медицине, о металлах и камнях, а также о произведениях искусства и людях искусства. Во время катастрофического извержения Везувия (79 г.), уничтожившего три города на склоне горы — Помпеи, Геркуланум и Стабии, — Плиний не поддался общей панике, но, как ученый, наблюдал это природное явление и погиб, отравившись вулканическими газами и пылью. — *Прим. пер.*

⁹⁶ *Рюдбек Олаф* (1630–1702) — шведский ученый, анатом, ботаник. Сын епископа, капеллана короля Густава Адольфа. Открыл лимфатическую систему в организме человека. Автор классического ботанического труда «Елисейские поля» (1701) и книги «Атлантида», в 4 т. (1675–1698), в которой выказал немало учености и изобретательности, пытаясь доказать, что Атлантида, упоминаемая Платоном и являющаяся колыбелью человеческой культуры, находилась на территории современной Швеции. Книга эта чрезвычайно редка, так как в результате пожара в Упсале (1702) погибло большинство ее экземпляров. — *Прим. пер.*

⁹⁷ *Реньяр Жан Франсуа* (1655–1709) — французский комический поэт и комедиограф, один из наиболее удачливых премников Мольера, открыто и с блеском подражавший ему. В 1678 г. на пути из Италии в Тулон он и его возлюбленная были захвачены в плен алжирскими пиратами и проданы в рабство, и только через два года пленники были выкуплены и освобождены. В 1681 и 1682 гг. Реньяр совершил путешествия в Швецию и Лапландию, достигнув побережья Ледовитого океана. В 1683 г. стал казначеем Франции и занимал этот пост двадцать лет. Сочинения: «Любовные безумства» (1704), «Менехмы, или Близнецы» (1705), «Единственный наследник» (1708). Комедии, лишённые философской глубины и сатирической остроты, носили главным образом развлекательный характер и отличались неистощимой комической изобретательностью. Написал автобиографический роман «Провансалка» (изд. 1731). Умер внезапно при загадочных обстоятельствах в родовом замке. — *Прим. пер.*

⁹⁸ *Нартекс* (лат. *fegula*), или фенхель — высокое, до пяти метров, растение с трубчатым стеблем, мягкая сердцевина которого использовалась в качестве трута. — *Прим. пер.*

⁹⁹ Эллинские сказания, относящиеся к эпохе титанов (названных в 37-м Орфическом гимне «истокom и началом всего, что смерти подвластно»), имеют северное (гиперборейское) происхождение. Вот почему есть все основания предполагать, что и события, связанные с похищением огня Прометеем и последовавшей за сим карой, также происходили на Севере. Именно здесь, как пишет Эсхил: «на краю земли», «в безлюдной пустыне диких скифов» — по приказу Зевса и был прикован к

скале непокорный титан, который, вопреки запрету владыки Олимпа, не только подарил людям огонь, но и открыл тайну движения звезд и светил, научил искусству сложения букв, земледелию и плаванию под парусами. В заполярный край, где томился терзаемый драконоподобным коршуном Прометей, приходил и Геракл, дабы освободить невинного мученика (за что величайший герой Древней Греции и получил эпитет Гиперборейского). Сюда же, на край Ойкумены, к гиперборейцам приходил и другой знаменитый герой древности — Персей, чтобы сразиться с Горгоной Медузой, завладеть ее несущей смерть головой. За то он также был прозван Гиперборейским, о чем в подробностях поведал Пиндар — величайший эпический поэт Эллады. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁰ *Рубрук Гийом* (ок. 1215 — ок. 1295) — средневековый путешественник и миссионер, родился в Брабанте. В 1253 г. он и еще два монаха были посланы французским королем Людовиком IX Святым с дипломатической миссией в ставку монгольского хана. Одной из целей далекого путешествия были поиски мифического государства пресвитера Иоанна на Востоке. Рубрук и его спутники достигли земель, недавно завоеванных татарами. Были в стане хана Батыя на Волге, после чего, проделав конный переход в 5000 верст, оказались в Каракоруме, откуда отправились в ставку верховного хана, находящуюся в десяти днях пути от Каракорума, и в 1255 г. через Персию и Малую Азию вернулись в Европу. О дальнейшей его жизни ничего не известно, за исключением того, что он был еще жив, когда в 1295 г. с Востока вернулся Марко Поло. Оставил правдивый рассказ о трудном и опасном путешествии, в котором подробно описал татарские земли и Каспийское море. На него часто ссылается современник Роджер Бэкон в географическом разделе своего *Opus Magnum*. См. научное издание 1900 г. известного лондонского издательского дома Hakluyt Society: *The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World, 1253–1255*. Последнее русское издание: *Карпини Дж. Дель Плано. История монгалов; Путешествие в восточные страны* Гильома де Рубрука, Книга Марко Поло. М., 1977. — *Прим. пер.*

¹⁰¹ *Карпини Плано* (1182–1252) — итальянский монах-францисканец, путешественник. Современник и ученик Франциска Ассизского. Приобрел уважение своей проповеднической деятельностью в Германии и Польше и основанием монастырей в Богемии, Венгрии и Дании. Он был поставлен во главе миссии, отправленной папой Иннокентием IV к монгольскому хану с поручением разузнать о положении христианских народов в Азии (тогда существовало мнение, что где-то в Азии существует государство христиан во главе с пресвитером Иоанном) и

вообще собрать достоверные сведения о татарах, которых европейцы, напуганные вторжением полчищ Батыя на русские земли, называли «выходцами из ада» (tartari). Миссия отправилась в свой далекий путь в 1245 г., и в 1246 г. путешественники достигли стана кочевников. Монголы как раз в это время избирали себе нового хана, и Карпини оказался свидетелем этого интересного события, о котором рассказал в своих записках. Карпини получил от новоизбранного хана (Гуюка) ответное послание Папе и осенью отправился в обратный путь. На обратном пути он посетил Киев (незадолго перед тем взятый, сожженный и разграбленный татарами) и в 1247 г. предстал перед Папой с описанием своего путешествия. Умер в высоком сане архиепископа через несколько лет после возвращения. — *Прим. пер.*

¹⁰² См. примечание 83.

¹⁰³ *Аль Васик* (правил 842—847) — девятый халиф из рода Аббасидов. (В Европе до XIX в. неправильно передавали его имя.) Согласно д'Эрбло, был большим обжорой и сластолюбцем и умер от водянки в возрасте 32 лет. Герой знаменитого готического романа английского писателя Вильяма Бекфорда (1760—1844) («Ватек. Арабская сказка»; на русском языке издан в серии «Литературные памятники» — «Французские повести». Л.: Наука, 1967), написанного со слов автора за две ночи и один день на французском языке (и переведенного позднее с его ведома на английский, но напечатанного анонимно, без разрешения автора). В этом удивительном произведении проявилась могучая, но необузданная фантазия Бекфорда: действие романа происходит на Аравийском полуострове и рассказывается там о халифе, ставшем слугой Иблиса ради обладания запретными знаниями и неизведанными наслаждениями; построившем пять дворцов, каждый из которых посвящен одному из пяти чувств. Некоторые описания в высшей степени поэтичны (недаром им восхищался Байрон, у героев которого наблюдаются черты, родственные характеру халифа Ватека). Вместе с тем Бекфорд полон едкого сарказма, в основе которого лежит грубое презрение к людям и безнадежное равнодушие ко всему на свете. Он был одним из самых необычных людей в истории Англии. Бекфорд, никогда не посещавший школу, так как его мать не верила в формальное образование, и унаследовавший от отца (дважды лорд-мэра Лондона) огромное состояние (один миллион фунтов), выучился у одного востоковеда говорить по-арабски и по-персидски, а у восьмилетнего Вольфганга Амадея Моцарта во время его турне в Лондоне — игре на фортепьяно (так гласит легенда). Свое образование он дополнил путешествиями по Италии, Сицилии, Испании и Португалии. Выпус-

тил несколько книг (две из них под псевдонимом леди Гарриет Марлоу и Жакетта Агнета Марианна Джонс). Его родовое поместье Фонтхилл было самой большой диковинкой в сельской Англии. Он выстроил себе роскошную резиденцию, на постройку которой истратил около четверти миллиона фунтов. Это сооружение позднее рухнуло во время бури, переломившись надвое. Бекфорд выстроил себе новый дворец, близ курортного городка Бат, где и прожил отшельником до самой смерти. Он был женат на Маргарет Гордон, имел дочь, но жена его умерла при родах второго ребенка. Интересно, что в его библиотеке имелись почти все произведения поэта-художника Уильяма Блейка, его «Песни невинности», пророческие книги и гравюры к чужим произведениям. Блейк был в это время совершенно неизвестен своим современникам: Бекфорд, по-видимому, сам открыл его, почувствовав в мистической фантастике его гравюр родство со своими собственными восточными фантазиями. — *Прим. пер.*

¹⁰⁴ Арабский путешественник Салам, получивший прозвище «Переводчик», оставил одно из самых интереснейших сочинений по географии ряда областей современной России (особенно северных ее регионов), а также описание народов, населявших эти территории. Отрывки, касающиеся поисков стены Гога и Магога, с подробнейшими комментариями опубликованы на русском языке. См.: *Хенниг Рихард*. Неведомые земли: В 4 т. М., 1961. Т. 2. С. 180–196. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁵ Одно географическое лье равно 5,556 км. — *Прим. пер.*

¹⁰⁶ Чтобы устранить трения между тюрками, из числа которых все больше стала пополняться халифская профессиональная армия, и коренным населением Багдада, халиф аль-Мутасим, отец аль-Васика, в 838 г. перенес свою резиденцию в Самарру [стяжательная форма от араб. *сурра ман раа*, «радуется, кто зрит»], грандиозный город, выстроенный примерно в 100 км севернее. В конце IX в. (892 г.) город был оставлен и пришел в запустение. Аль-Мутасим, согласно аль-Истахри, выстроил в Самарре мечеть, покрыв поверхность всех ее стен глазурованной плиткой (остались развалины); он же возвел там минарет аль-Мальвия, являвшийся одним из чудес города и сохранившийся по сию пору. Ныне Самарра — место паломничества шиитов, ибо там исчез из подвала своего дома последний, двенадцатый имам, так называемый «зримый» заступник *махди*. — *Прим. пер.*

¹⁰⁷ *Лежантиль Жан Баптист Жозеф* (1726–1799) — французский астроном и путешественник. Отправился в 1761 г. в Индию наблюдать прохождение Венеры, но война с Англией не дала ему возможности высадиться на берег. Чтобы не про-

пустить следующего прохождения Венеры 1769 г., остался в Пондишери и посвятил свое время изучению состояния наук в Индии, а также исследованиям о брахманизме и индийских языках. Ныне из его сочинений заслуживают внимания только изыскания о древней индийской астрономии. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸ *Серы* — народ в Восточной Азии, отождествляемый с северными китайцами (Марин Тирский, Птолемей, Плиний). — *Прим. пер.*

¹⁰⁹ *Селенгинск* — поселок городского типа (с 1961 г.) в Бурятии, на р. Селенга; 16,8 тыс. жителей (1993 г.). — *Прим. пер.*

¹¹⁰ *Пир-Панджал* — хребет в Малых Гималаях, северо-западная Индия и север Пакистана. — *Прим. пер.*

¹¹¹ *Чин* — название, под которым в Иране известен Китай (у арабов — Сына); происходит от искаженного названия китайской династии Цинь (221–207 г. до н. э.); Мачин — Южный Китай. — *Прим. пер.*

¹¹² На Западе через греко-римскую традицию устоялось идущее от Индии название китайцев как «сины» (которые в отличие от северных китайцев-сиров обозначали китайцев юга, что всли морскую торговлю), отсюда и название страны Сина. — *Прим. пер.*

¹¹³ *Сунгари* — река на северо-востоке Китая, правый приток Амурса. Любопытно: сами китайцы считают Амур притоком Сунгари. — *Прим. пер.*

Девятнадцатое письмо г-ну Вольтеру

¹¹⁴ До XIX в. Северный Ледовитый океан именовался по-разному. Поморы величали его Студеным, Мурманским морем или даже Соловецкой пучиной. — *Прим. пер. и науч. ред.*

¹¹⁵ *Паллас Петр-Симон* (1741–1811) — знаменитый прусский путешественник и натуралист. Прославился своим трудом *Miscellanea zoologica* (Гаага, 1766). В это же время был приглашен императрицей Екатериной II в Санкт-Петербург в качестве адъюнкта Академии наук и коллегии асессора. По ее же указу предпринял путешествие на Кавказ и в Закаспийский край (1768–1774). Коллекции, собранные во время этого путешествия, легли в основу коллекций академической кунсткамеры, а часть их попала в Берлинский университет. В 1777 г. назначен членом топографического отдела Российской империи, в 1782-м — коллегии советником, 1787-м — историографом адмиралтейской коллегии. В 1793–1794 гг. изучал климатологию на юге России и для описания климата Крыма в 1796 г. был командирован в Симферополь. В 1810 г. вернулся в Берлин, где и умер. В своих многочисленных печатных работах Паллас пред-

стает как путешественник, зоолог, ботаник, палеонтолог, минералог, геолог, топограф, географ, медик, этнолог, археолог, филолог, агроном и технолог. И несмотря на такое разнообразие специальностей, он проявил себя не поверхностным ученым, а настоящим энциклопедистом. Насколько серьезны и глубоки были его понятия по зоологии, можно видеть из того, что он во многом опередил ученых того времени на целое столетие. По геологии точно так же у Палласа впервые можно найти указание на последовательность геологических наслоений (1777). На русский язык переведены: «Топографическое описание Таврической области» (СПб., 1795); «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773–1788; первая часть вышла вторым изданием в 1809 г.); «Описание растений Российского государства, с их изображениями» (СПб., 1736); «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Высочайшей Особы (императрицей Екатериной II)» (СПб., 1787–1789). — *Прим. пер.*

¹¹⁶ *Хангай* — нагорье в центральной части Монголии. Длина ок. 700 км. Высота 2–3 тыс. м (наибольшая — 3905 м, г. Отхон-Тэнгри). Вершины преимущественно плоские. Сухие степи, на северных склонах — таежные леса. — *Прим. пер.*

¹¹⁷ В этом и в последующих абзацах Байи комментирует карту, которая в настоящем издании по техническим причинам отсутствует. — *Прим. науч. ред.*

¹¹⁸ Калмыки, *хальмг* — самоназвание, по-видимому, от тюркского термина, букв. — «остаток», обозначающего *ойратов*, не принявших ислам; есть и другие версии. — *Прим. пер.*

¹¹⁹ Топоним *Халха* (монг. *халх* — щит, прикрытие) появился в середине XVI в. для обозначения территории Северной Монголии, а затем, как этноним, закрепился за населением этого региона. — *Прим. пер.*

¹²⁰ *Гоби* — монгольское, а *сямо* — китайское название пустыни. — *Прим. пер.*

¹²¹ Горные массивы в Греции; согласно мифологии гиганты, чтобы взобраться на Олимп, взгромодили гору Оссу на Пелион. — *Прим. пер.*

¹²² Ошибочное прозвание Иордана, римского историка VI в. н.э., романизованного гота. Как сообщают, после принятия христианства был рукоположен епископом. Написал в 551 г. до н. э., уже будучи в зрелом возрасте, два исторических сочинения. «Происхождение и история готов», порой цитируемое как «Гетика», является пересказом несохранившихся 12 книг Кассиодора о готах, где оригинальным представляется лишь заключение, в котором Иордан описывает историю готов вплоть до смерти короля остготского государства в северной Италии

Витегеза (540 г. до н. э.). В другом произведении «История, или () началах и деяниях римского народа», часто цитируемом как «Романа», Иордан представил очерк истории Рима до 551 г. до н. э. на фоне всемирной истории. Время от Адама до Авраама он воссоздал при помощи хронологии, другие времена — на основании перечня ассирийских, мидийских, персидских царей, а также Птолемеев. Использовал также труды других предшественников. — *Прим. пер.*

Двадцатое письмо г-ну Вольтеру

¹²³ *Абу-ль-Гази Бахадур-хан* (1603–1663) — узбекский писатель и историк. Хивинский хан с 1645 г. Книги, писанные на турецком языке, завершил сын Бахадур в 1665 г. на русском языке. См. «Родословное древо тюрков» и «История Абуль-гази» (Казань, 1854, в переводе Г. Саблукова), оканчивающаяся смертью Чингисхана, а также «Родословная туркмен» (1659). Основывается, главным образом, на трудах персидского историка XIII в. Рашид-ад-дина — ценные литературные и исторические источники. — *Прим. пер.*

¹²⁴ *Яик* — название реки Урал до 1775 г. — *Прим. пер.*

¹²⁵ Легендарная история тюрков и их праотца содержится в средневековом эпическом памятнике «Огуз-наме» («Сказание об Огузе»). Современные научные данные об этногенезе тюркоязычных народов и их роли на арене мировой истории читатель найдет в кн. *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. М., 1967; см. также: *Рашид-ад-дин. Сборник летописей: В 2 т. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. 1. Разд. 4. С. 153–154. Эргунэ-кун* дословно означает «крутой косогор». — *Прим. пер.*) — *Прим. науч. ред.*

¹²⁶ Легендарная история монголов содержится в их сакральном памятнике, получившем название «Сокровенное сказание» (последнее переиздание в переводе академика С. А. Козина русский читатель может найти в качестве Приложения к «Симеоновской летописи». Рязань, 1997). — *Прим. науч. ред.*

¹²⁷ *Халибы, халдаи* — народ, обитавший в I тыс. до н. э. в Халдиц (*Халиту* — урарт., *Хагтик* или *Халтик* — армянск.), между Черным морем и верхним течением Евфрата. По сведениям античных авторов, халибы занимались рыболовством, добычей и обработкой руды. Античная традиция считала халибов первыми металлургами. Уже Эсхил именовал их «кователями». — *Прим. пер.*

¹²⁸ *Каллимах* (305–240 до н. э.) — греческий поэт и грамматик, был школьным учителем в пригороде Александрии. При египетском царе Филадельфе II стал придворным поэтом и хранителем знаменитой Александрийской библиотеки. Среди его

учеников были Эратосфен и Аполлоний Родосский. Его слава затмила славу всех александрийских ученых и поэтов. Он был плодовитым писателем, однако большинство его сочинений утеряно, в том числе «История греческой литературы» (каталог хранилища Александрийской библиотеки в 120 книгах). — *Прим. пер.*

¹²⁹ *Протоболгары* — кочевая тюркская народность, первоначально обитавшая в придонских, приазовских и причерноморских степях, примыкавших к Северному Кавказу. Здесь они основали государство Великая Болгария со столицей в ранее разграбленной и сожженной Фанагории (современная Тамань). Здесь же они были разбиты наголову хазарами и вытеснены из степной отчины в придунайские степи. Вскоре беглая орда во главе с вождем-пассионарием Аспарухом форсировала Дунай, вторглась на Балканы и, слившись с семьей автохтонными славянскими племенами, дала начало болгарской нации и Болгарскому государству. Около 865 г. приняли христианство. После хазарского разгрома значительная часть протоболгар отделилась от орды и откочевала в Среднее Поволжье, основав там ставшее вскоре могущественным средневековое государство Волжскую Булгарию. Язык ее населения остался тюркским, а религия — мусульманской (потомками волжских булгар, разгромленных лишь в результате монгольского нашествия, стали современные татары).

Венгры (угры) — самоназвание «мадьяры». Их язык относится к финно-угорской языковой семье (куда, помимо финского языка, относятся языки российских карелов, саамов, хантов, манси, коми, мордвы, удмуртов, марийцев и некоторых других малочисленных народов русского Севера). Считается доказанным и недискуссионным, что ориентировочно до IX в. н. э. прапредки современных венгров обитали в Заполярье и Приполярье (включая и обский Север). Захваченные последней миграционной волной, они через южноуральские, причерноморские и южнорусские степи устремились в Европу, оставив о себе кровавую память в русских летописях.

В конце IX в., перейдя Карпаты, заселили Среднее Подунавье. Владетелю одной из областей Иштвану из династии Арпадов, принявшему католичество, удалось во второй половине X в. объединить все области под своей властью. Так возникло королевство Венгрия. — *Прим. пер. и науч. ред.*

¹³⁰ Предания о *подземной чуди* — древнем народе, который скрылся под землей, распространены среди многих народов севера России, Урала, Алтая, Сибири. В этих легендах, несомненно, имеющих общее происхождение, вполне вероятно, отразились факты древнейшей истории, связанные с глобальным космопланетарным и климатическим катаклизмом, окончательно

уничтожившим Атлантиду и Гиперборею. Какая-то часть населения исчезнувших земель могла попытаться спастись от прогнозируемого потопа и похолодания в подземных убежищах и приспособиться к новым условиям существования. — *Прим. науч. ред.*

¹³¹ *Оберлен Жереми Жак* (Jeremie Jacques Oberlin, 1735–1806) — ученый и признанный знаток древностей. Получил звание профессора логики и метафизики в родном Страсбургском университете (1782). Среди его основных трудов «Списки римских обычаев» («Rituum Romaorum Tabulae», 1774), «Изыскания о миннезингерах» («Dissertations sur les Minnesingers», 1782–1789), «О любовных поэтах средневековой Европы» («De Poetis Alsatae Eroticis Medii Aevi», 1786), «Наблюдения касательно говора и нравов славян» («Observations concernant le patois et les moers des gens de la campagne», 1791). Он также выпустил прекрасные издания Горация, Тацита и других латинских классиков. — *Прим. пер.*

¹³² *Идман Нильс* (Nils Idman, 1716–1790) — шведский языковед, выпустивший в 1774 г. «Изыскания касательно финского народа и отношений между финским языком и греческим». — *Прим. пер.*

¹³³ В книге Александра Строева «Те, кто поправляет фортуны: Авантюристы Просвещения» (М., 1998) рассказывается еще об одном бароне де Чуди, масоне, авантюристе, приехавшем после скитаний по Европе (жил в Голландии, Италии) в 1753 г. в Россию, где его покровителем был фаворит Елизаветы Петровны граф Иван Шувалов. Дебютировал в Петербурге как актер придворной труппы императрицы в пьесах Вольтера. Занимал пост секретаря Московского университета. По его доносу был арестован французский тайный агент, за что Чуди, приехав в 1756 г. во Францию, попал в Бастилию, но был затем выпущен. После возвращения в Россию стал первым гофмейстером Пажеского корпуса (1759–1760). В своем «Мемуаре» сформулировал передовые педагогические принципы: установление дружеских отношений между учителями и учениками, равенство между учащимися, отмена телесных наказаний. — *Прим. пер.*

¹³⁴ *Або*, современный Турку — некогда столица Финляндии. — *Прим. пер.*

¹³⁵ Согласно современным научным представлениям, финский и скифский языки относятся к разным языковым семьям. — *Прим. науч. ред.*

¹³⁶ *Юлу* — праздник у финнов, совпадающий с христианским Рождеством. — *Прим. пер.*

¹³⁷ *Суда*, или *Свида*, — так называется греческий Лексикон (или энциклопедия), возникший в конце X в., содержащий

сведения географического, биографического и литературного характера. Архиепископ Евстафий Фессалоникский ошибочно счел название этого лексикона (а слово это может означать «свайная постройка» или «долговременное строение», и название это, конечно, в фигуральном смысле вполне оправдано и для словаря) именем некоего византийского грамматика X в. На самом деле имя составителя (или составителей) неизвестно. Но в некоторых справочниках и биографических словарях, особенно старых, этим именем называется автор Лексикона. Несмотря на явные изъяны в плане и не очень тщательное исполнение, Лексикон этот ценится как очень важный источник литературной истории античности, так как содержит выдержки из сочинений, не дошедших до наших дней. — *Прим. пер.*

¹³⁸ *Иолай* — сын брата Геракла Ификла. Был близким другом Геракла, возничим его колесницы и участником многих подвигов героя. — *Прим. пер.*

¹³⁹ *Пифей* — древнегреческий мореплаватель, географ и первооткрыватель. Около 325 г. до н. э. совершил плавание из Массилии (Марсель) через Гибралтарский пролив к берегам северо-западной Европы, достиг Британских островов и предпринял несколько коротких походов в глубь страны. Он сообщает, что достиг некоего обитаемого острова Туле, расположенного в шести днях плавания к северу от Британии и одного дня пути от Северного Ледовитого океана. Возможно, это был север Норвегии или Исландия, ибо Пифей рассказывает о жителях острова, разводящих пчел и молотящих снопы. Основной труд Пифея «Об океане» не сохранился, и мы знаем о нем лишь из работ Полибия. Многие современные исследователи, включая и автора книги «Атлантида—Гиперборея», входящей в настоящее издание, — В. Н. Демина, настаивают, что Туле (Тула) — это автохтонное название Гипербореи. — *Прим. пер.*

Двадцать первое письмо г-ну Вольтеру

¹⁴⁰ *Лейбниц Готфрид Вильгельм фон* (1646—1716) — немецкий философ, математик, физик, писатель. Труды Лейбница на поприще историографии нашли воплощение в важном историческом сочинении «Брауншвейгские анналы Западной империи» (опубл. в 3 т. в 1843—1845), над которым он работал до самой смерти и в котором проследил развитие Германии в важнейшие исторические эпохи. В 1704 г. он пишет «Новые опыты о человеческом разумении» (опубл. в 1765), в 1710 г. выходит его знаменитая «Теодиция» (полное название «Опыты Теодиции о благодати Божией к свободе человека и первопричине зла»), содержащая его религиозно-этическое учение; в 1714 г. Лейб-

ниц заканчивает «Монадологию» — изложение оригинальной философской системы; примерно в это же время написал «Начала природы и милосердия, основанного на разуме». Лейбниц представляет собой одно из самых замечательных явлений западной цивилизации, которое по своему масштабу и влиянию на научную мысль Нового времени может быть сравнимо с вкладом и влиянием Аристотеля на заре классической античной науки. Одновременно с Ньютоном он разработал дифференциальное и интегральное исчисления; доказывал относительность пространства, времени и движения; писал о всеобщих связях в природе, он изобрел счетную машину и ввел новые идеи в науку логику, предвосхищая кибернетику; был действительным членом академий ряда европейских стран, включая Петербургскую. — *Прим. пер.*

¹⁴¹ *Бросс Шарль де* (1709—1777) — французский литератор и антиквар, член академии надписей, президент парламента Дижона. В 1739 г. с группой своих приятелей предпринял путешествие в Италию, куда он отправился на розыски пропавших сочинений Саллюстия, которым особенно увлекался. С дороги он писал своим друзьям и знакомым письма, представлявшие интересную характеристику современного ему состояния Италии и создавшие ему впоследствии репутацию тонкого юмориста и пронизательного критика. Вот что писал о нем Александр Пушкин: «Президент де Бросс есть один из замечательнейших писателей прошедшего столетия. Он известен многими учеными сочинениями, но лучшими из его произведений мы почитаем письма, им писанные из Италии в 1739—1740 гг. и недавно вновь изданные под заглавием “Италия сто лет тому назад” В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде». Другие сочинения: «История плаваний в южные земли» (1756), «Трактат о механическом образовании языков» (1765), «История VII века Римской республики» (1777), «Трактат о культе богов-фетишей» (1760). Несмотря на свою известность, де Броссу не удалось стать членом Французской академии, во многом вследствие противодействия со стороны Вольтера, с которым он был в многолетней ссоре, закончившейся только после смерти их обоих, из-за имени, которое Вольтер арендовал у де Бросса. Еще один интересный факт, достойный упоминания: в своей «Истории плаваний в южные земли», которую, кстати сказать, он написал по предложению ученого Бюффона, друга его детства, он советовал назвать недавно открытый южный материк Магелланией, а позднее он же

первый дал этому материку название Австралии, а соседним островам — Полинезия. — *Прим. пер.*

¹⁴² *Кадм* — в греческой мифологии сын финикийского царя, основатель Фив. — *Прим. пер.*

¹⁴³ Языковедческие штудии Лейбница встречаются в «Новых опытах о человеческом разумении» (Книга третья. «О словах»), а также в отдельном сочинении «Рассуждение о происхождении германцев» (1696). Ряд работ на тему происхождения языков и родства между ними был опубликован в посмертном рукописном издании наследия философа. Первое их издание относится к 1717 г. — *Прим. пер.*

¹⁴⁴ *Аполлодор Афинский* (ок. 180 — ок. 110 г. до н. э.) — уже неоднократно упоминавшийся выше греческий эрудит и филолог. Работал и жил в Афинах, Александрии и Пергаме. Написал литературно-исторические и философские произведения, среди них «Комментарий к каталогу кораблей в “Илиаде”», фрагменты которого сохранились. Две книги, посвященные комическим поэтам Софрону и Эпихарму, не сохранились. Другая несохранившаяся работа «О богах» («Peri theon»), в 24 книгах, содержала результаты исследований автором употребляемых Гомером имен и эпитетов богов и их значения. «Хроника», в 3 книгах, представляет собой очерк мировой истории в стихотворной форме, начиная с покорения Трои и кончая 119 г. до н. э. Под именем Аполлодора до нас дошло прозаическое сочинение «[Мифологическая] Библиотека», излагающее в хронологическом порядке мифы: от начала времен до Одиссея и его потомков. — *Прим. пер.*

¹⁴⁵ То есть Черное море. — *Прим. пер.*

¹⁴⁶ *Тавр* — покрытый лесами, довольно протяженный известняковый горный хребет на юге Малой Азии, круто спускающийся к Средиземному морю. Тавр, в узком понимании, протянулся от ликийского побережья до Киликийских ворот. Его высокая часть является северной границей Сирии. Во время похода Александра Македонского греки прошли через горный массив, который являлся продолжением Тавра и протянулся через всю Азию с запада на восток. Этому массиву тоже было дано название Тавр. Дикеарх (ок. 300 до н. э.) соединил Исский залив и океан на востоке воображаемой линией, делившей Азию на северную, холодную, и южную, теплую, части. — *Прим. пер.*

¹⁴⁷ *Ариосто Лудовико* (1474—1533) — итальянский поэт, один из величайших поэтов итальянского Возрождения. По воле отца, коменданта крепости в Реджо, посвятил себя изучению права, но вскоре оставил юриспруденцию и занялся литературой. В 1503 г. поступил на службу к кардиналу Ипполиту д'Эсте, а после его смерти (1520) перешел на службу феррарского герцога Альфонса. Большую часть жизни прожил в Ферраре, при

кардинальском и герцогском дворах; последние годы жизни посвятил сочинительству и выращиванию овощей. В историю литературы вошел, прежде всего, как автор величественной и красочной поэмы «Неистовый Роланд» (1507–1532), которая была оригинальным ироническим продолжением поэмы итальянского поэта Маттео Мария Боярдо «Влюбленный Роланд». В поэме Ариосто прихотливо переплетаются мотивы, почерпнутые из средневекового эпоса, куртуазного романа, античных поэтов и произведений писателей-новеллистов. Ариосто также автор семи сатир, написанных в подражание сатирам Горация, пяти «ученых» комедий в духе Плавта и Теренция. — *Прим. пер.*

¹⁴⁸ Данный фрагмент из утраченной эсхиловской трагедии «Прометей освобожденный» приводит Страбон в 4-й книге своей «Географии». Разные переводчики трактовали содержащиеся в этом исключительно важном отрывке географические и этнографические реалии по-разному. Привожу старый (но не устаревший) перевод Адриана Пиотровского:

Придешь в страну неустрашимых Лигиев,
Там не вступай в сраженье, хоть ты сердцем храбр.
Бой труден. И доспех свой суждено тебе
Там потерять. Поднять булгу вздумаешь,
А не найдешь и камня: вся земля мягка.
Тебя в беде увидит Зевс и сжалится,
И грозовые облака пошлет, и град
Падет на землю каменный. И камни ты
С земли поднимешь и увидишь Лигиев.

Самое загадочное место о «мягкой земле» не поддается однозначной интерпретации и может означать все что угодно: и непроходимое болото, и не скованный до конца океанический лед — шугу, и смутные воспоминания о последствиях какого-то глобального катаклизма. У другого античного автора (грамматика Гигина) сохранились еще четыре строчки этого географического текста, отсутствующие у Страбона:

Ступай оттуда напрямик. В опасный путь
Пойдешь, гонимый вихрями Борей. Тут
Остерегайся, чтобы смерчи бурные
Не закрутили и не унесли тебя.

Воистину картина вселенской катастрофы... — *Прим. науч. ред.*

¹⁴⁹ В русском переводе острова названы Касситериды, то есть «оловянные», с которыми ныне соотносят Британские острова; а о названии «Эридан» утверждается прямо противоположное: «Ведь само название “Эридан” оказывается эллинским, а не варварским, и придумано каким-нибудь поэтом». — *Прим. пер.*

¹⁵⁰ *Бодо Николя* (1730–1792) — французский писатель, аббат, один из самых энергичных защитников и проповедников

физиократических экономических идей, основатель журнала «Ephemerides du citoуen», сделавшегося с момента вступления Бодо в ряды физиократов (1767) органом этой школы. Главный интерес его сочинений — в талантливой популяризации доктрины Франсуа Кене. Основной его труд «Начальное введение в экономическую философию, или Разбор цивилизованных государств» (1771). Другое значительное произведение Бодо — «Толкование экономической таблицы [Кене]», написанное для госпожи Помпадур. — *Прим. пер.*

¹⁵¹ *Герцинский лес* — весьма неопределенное географическое понятие, содержание которого по мере ознакомления римлян с внутренней Германией все более и более сужается; у Тацита — горные цепи между Дунаем и Рейном. — *Прим. пер.*

¹⁵² *Алесия* — что значит «блуждающая», город назван так героем в память о своих путешествиях. — *Прим. пер.*

¹⁵³ *Гелиады* — три дочери Гелиоса, сестры Фазтона. — *Прим. пер.*

Двадцать второе письмо г-ну Вольтеру

¹⁵⁴ Не следует путать, как это порой случается у Байи, Тартар с Аидом. Аид — подземное царство, населенное душами умерших, которым правит брат Зевса Аид (Гадес). Попасть в Аид суждено каждому смертному, а некоторым (Гераклу, Орфею) это удалось еще при жизни. Тартар же — первозданная космическая бездна, прибежище Ночи. Это — внушающая ужас самим богам преисподняя, расположенная ниже Аида, место заключения злейших врагов Зевса, таких как титаны и Тифон. — *Прим. пер.*

¹⁵⁵ *Байи* — город в Кампании, к западу от Неаполя, с теплыми сернистыми источниками, близ Кум, где находился знаменитый грот с оракулом Сивиллы.

Авернское озеро — озеро вулканического происхождения, наибольшая глубина которого составляет 65 м, восточнее Кум в Кампании. Здесь, согласно мифу, Одиссей и Эней сошли в подземное царство Аида. — *Прим. пер.*

¹⁵⁶ *Ахеронт, Стикс и Кокит* — в греческой мифологии реки в царстве мертвых. Через Ахеронт (букв. «поток печали») Харон перевозит души умерших, Кокит (букв. «стенающий») отличалась ледяным холодом, а воды Стикса (букв. «ненавистный») считались смертельно ядовитыми, и ими обычно клялись. — *Прим. пер.*

¹⁵⁷ *Флегетон* — огненная река в царстве мертвых. *Эпир* — древняя страна в северной Греции; предполагают, что Эпир был древнейшим местопребыванием греческих племен, откуда они в дальнейшем расселились по Балканскому полуострову и островам Эгейского моря. — *Прим. пер.*

¹⁵⁸ *Цирцея, Кирка* (греч.). — *Прим. пер.*

¹⁵⁹ Согласно Суде Абарис был скифом, сыном Севта. Написал оракулы, которые называют «Скифскими», «Свадьбу реки Гебр», «Очищения», «Теогонию» в прозе и «Прибытие Аполлона к Гиперборейцам» в стихах. Ямвлих в «О пифагорейской жизни» сообщает, что

«у Абариса было прозвище “Небоход”, потому что, летая на дарованной ему стреле Аполлона Гиперборейского, он переправлялся через реки, моря и непроходимые места, в некотором смысле ходя по воздуху; <...> и как гласит предание, совершал очищения и отгонял моровые поветрия и ветры от тех городов, которые просили его в этом помочь». — *Прим. пер.*

В приведенном фрагменте содержится одно из многочисленных древних свидетельств о летательных способностях (и иных технических возможностях) гиперборейцев. Таинственную «стрелу» Абариса можно расценивать и в широком смысле — как летательный аппарат ракетного типа, и в узком смысле — как компас. — *Прим. науч. ред.*

¹⁶⁰ *Лакедемон* — древнегреческое государство Спарта на территории Лаконики, области Древней Греции на юго-востоке Пелопоннеса. — *Прим. пер.*

¹⁶¹ *Энна* — город в Италии, в центральной части Сицилии. — *Прим. пер.*

¹⁶² *Маны* — в римской мифологии первоначально божества загробного мира, впоследствии обожествленные души предков, которые покровительствуют своему роду. Маны, в отличие от лемуров, считались добрыми богами. — *Прим. пер.*

¹⁶³ *Младшая Эдда* — трактат о древней языческой мифологии и поэзии скальдов, написанный Снорри Стурлусоном (1178–1241). — *Прим. пер.*

¹⁶⁴ *Аск* по-исландски означает «ясень», а *Эмбла* — «ива». — *Прим. пер.*

¹⁶⁵ Персидского мага Гобрия, названного Диогеном Лаэртским (I:2) в числе преемников Зороастра (наряду с Октаном, Астрампсихом, Пазатом). — *Прим. пер.*

¹⁶⁶ У Платона в «Горгии» (523e–524a) Зевс назначает судьями в царстве мертвых уже всю троицу, которая судит у распутья дорог: одной — к Островам блаженных, другой — в Тартар. Умерших из Азии судит Радамант, из Европы — Эак, а Минос обладает почетным правом разрешать сомнения двух остальных. У Сократа в «Апологии» (41b) среди судей в царстве мертвых находится и Триптолем, который обычно судит на земле. У Каллимаха Опис и Гекаэрга наряду с Локсо — дочерью Борея, которые начали первыми приносить жертвы на Делосе. О взаимоот-

ношениях Аполлона и гиперборейцев см.: *Лосев А. Ф.* Античная мифология в историческом развитии. М., 1957. С. 402–422; *Он же.* Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 462–487. — *Прим. пер.*

¹⁶⁷ *Пеласги* — собирательное название древнейшего, догреческого, населения Греции. Очевидно, первоначальной областью их расселения была северная Греция; на востоке Фессалии имеется область Пеласгиотида. Но еще в античности это название стало употребляться все шире, охватывая древнее население всей Греции, а со временем перешло также и на древнейшее население Италии. Существует несколько изводов родового Пеласга — мифического родоначальника пеласгов; в них он чаще всего связан с Аркадией и Аргосом, откуда уже один шаг остается до Арктиды (Гипербореи). — *Прим. пер.*

¹⁶⁸ *Меотида* — античное название Азовского моря. — *Прим. пер.*

¹⁶⁹ *Путеолы* — римский портовый город в Кампании (современный Поццуоли) на месте древнегреческой колонии Дикеархия, недалеко от Неаполя; наряду с Остией основной римский порт для торговли и сношений с Грецией и Востоком. Здесь была вилла Цицерона. — *Прим. пер.*

¹⁷⁰ *Гекатей из Абдеры или из Теоса* (IV–III вв. до н. э.) — греческий философ и историк, не путать с географом и ранним историком Гекатеем Милетским. Жил в Египте при Птолемеи I (323–282). Среди прочих написал произведения: «О поэзии Гомера и Гесиода», где предположительно выводил мудрость великих греческих поэтов из Египта; «О гиперборейцах» — философско-этнографическую утопию, по-видимому, в форме романа путешествий, ставшую образцом для Эвгемера; и «О Египте» — сочинение, в котором рисуется образ идеального египетского государства, трактуемого как источник культуры и цивилизации (в особенности греческой), но в этом произведении он опирается и на личные наблюдения (отрывки у Диодора Сицилийского). Весьма вероятно, что египетская теология, представленная Гекатеем (небесные боги и боги, когда-то бывшие людьми), оказала влияние на Эвгемера. Гекатей был также первым греком, особо написавшем о евреях. Не является, однако, подлинным так называемый псевдо-Гекатей, сочинение «О евреях», созданное, вероятно, во второй половине II в. до н. э. — *Прим. пер.*

Двадцать третье письмо г-ну Вольтеру

¹⁷¹ *Аримаспы и исседоны* — полумифические племена, жившие на Крайнем Севере, этническая принадлежность которых точно не установлена. — *Прим. пер.*

«В Прасиях есть храм Аполлона. Рассказывается, что сюда приходят жертвенные начатки от гиперборейцев, что гиперборейцы пе-

редают их аримаспам, аримасы — исседонам, от этих последних скифы доставляют их в Синоп, а затем через земли эллинов они доставляются в Прасии, а затем уже афиняне везут их на Делос» (Павсаний, I. 31, 2).

¹⁷² *Эвгемер* (IV—III вв. до н. э.) — греческий писатель и философ-киренаик из сицилийского города Мессены. Автор социально-утопического романа «Священная запись» (сохранились только фрагменты и пересказ писателей позднего времени). Сочинение представляло собой фиктивный отчет о путешествии по Индийскому океану, которое Эвгемер должен был совершить по приказу македонского царя Кассандра. В ходе путешествия он предположительно открыл группу островов. Наиболее подробно описал один из них — Панхейю. В рассказе о господствующем там общественном устройстве (кастовая система, важная роль жрецов, коллективное хозяйство), возможно, ориентировался на уклад птолемеевского Египта. В храме Зевса Трифилийского Эвгемер намеревался найти надпись на золотой колонне, описывающую деяния первых царей Панхейи: Урана, Кроноса и Зевса. Их заслуги были так велики, что одним из них еще при жизни стали воздавать божеские почести, других же (Зевс) наказали, чтобы после смерти их чтили как богов. Произведение Эвгемера нам известно в пересказе Диодора и в латинском переводе Энния, фрагменты из которого сохранились в основном у Лактанция. По своей литературной форме произведение примыкало к излюбленным в IV в. до н. э. политическим утопиям и романам о путешествиях. В своем сочинении Эвгемер впервые систематизировал древневосточный (возможно финикийский) метод толкования народных мифов. Он утверждал, что боги исходно были героями и завоевателями, которым впоследствии стали поклоняться. — *Прим. пер.*

¹⁷³ Непонятно, о ком идет речь. В авторитетном издании китайских мифов, переведенном на русский язык (*Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987*), приводится миф о потопе и спасении людей (Фуси с его сестрой и будущей супругой Ньюва). Возможно, Байи имел в виду это предание, которое дошло до него в искаженном виде. — *Прим. пер.*

Долгое время (вплоть до XX в.) китайские имена и понятия безжалостно искажались и в переводе на разные европейские языки звучали по-разному. Сформировался даже целый мир псевдокитайских образов, доживший до нашего времени: китайская принцесса Турандот — лучший тому пример. Действительно, сейчас без проведения сравнительного источниковедческого анализа трудно однозначно решить, кого имел в виду Байи под именем Пэйжуна. Можно вспомнить божественного гиганта Пань-гу — первопредка всех людей и первотворца

Вселенной (он отделил небо от земли), но этот действительно любимый китайцами первобог никак не связан с мифом о потопе. Источник сведений Байи — трехтомный труд Э. Кемпфера «История и описание Японии». — *Прим. науч. ред.*

Кемпфер Энгельберт (1651–1716) — немецкий ботаник и путешественник. Изучал медицину и языки. Присоединился в Упсале к торговому посольству в Россию и Персию. Некоторое время был шведским послом в Персии, затем состоял на службе в голландской Ост-Индской компании в качестве хирурга. Посетил Бенгалию, о. Яву, о. Суматру и Японию. Вернулся в Европу в 1694 г., где опубликовал книгу «Чужеземные красоты» (1712), в которой изложил результаты своих исследований и наблюдений, сделанных в Персии и других восточных странах. Его «История и описание Японии» впервые вышла на английском языке уже после смерти автора в 1727 г. Оставил «Дневник путешествия в Московское княжество». Рукописи Кемпфера хранятся в Британском музее. — *Прим. пер.*

¹⁷⁴ Обь образуется из слияния двух рек, Катуня, что вытекает из ледников горы Белухи на Алтае, и Бии, что вытекает из Телецкого озера, иначе Алтынколь. Главный приток Оби — Иртыш — берет свое начало в Китае. Здесь, под названием Черного Иртыша, он с востока на запад пересекает Синьцзян-Уйгурский район и после впадения в казахстанское озеро Зайсан становится Иртышом; далее — Сибирь, впадение в Обь и прямой путь в Северный Ледовитый океан. — *Прим. пер. и науч. ред.*

¹⁷⁵ *Бержерон Пьер* (XVI–XVII вв.) — французский сочинитель, сын юриста и историка Никола Бержерона, написал «Трактат о мореходстве и современных путешествиях по открыванию и завоеванию земель» (1629) и другие географические и исторические труды. — *Прим. пер.*

¹⁷⁶ Имя Огиг в русских переводах чаще передается в его полной греческой форме Огигес. Многие древние писатели (Евсевий, Августин, Филокор, Варрон) считали его древнейшим царем Фив в Беотии, именуемых порой Огигией. Согласно некоторым писателям, был также царем Аттики и отцом Элефсиса, иначе Элевсина (отсюда название одноименного города и элевсинских мистерий). В греческой мифологии упоминается о трех потопах. Самый древний случился при Огиге, второй — при Девкалионе, а третий — при Дардане, сыне Зевса, впоследствии основателе Трои. Некоторые современные ученые полагают, что Огигиев и Девкалионов потопа повествуют об одном и том же событии — катастрофическом взрыве острова-вулкана Стронгиле-Санторин в Эгейском море 3500 лет назад. — *Прим. пер.*

¹⁷⁷ *Ферекид из Сирова* (середина VI в. до н. э.) — полулегендарный греческий мифограф и космогонист, которого обычно свя-

звали с семьей греческими мудрецами, особенно с Фалесом. Согласно *Суде*, жил во времена лидийского царя Алиатта, так что был современником семи мудрецов. Рассказывают, что он был учителем Пифагора, а у него самого наставника не было: он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев. Некоторые сообщают, что он первым опубликовал сочинение в прозе и первым ввел учение о метемпсихозе [то есть переселении душ]. Умер от вшивости. Вот все, что он написал: «Семинедрие», иначе «Богосмешение» или «Теогонии». «Семинедрие» сохранилось лишь в отрывках. Не следует путать его с Ферекидом из Афин, который старше Сиросского и, как передают, свел воедино стихотворения Орфея и сам написал «Автохтонов» — древнюю историю Аттики в 10 книгах, «Увещания» эпическим стихом. Порфирий, однако, не признает никого старше Сиросца и считает его единственным родоначальником прозы. — *Прим. пер.*

¹⁷⁸ *Дионисий Перу(э)гет* (II в. н. э.) — греческий автор дидактических поэм. В 124 г. н. э. написал поэму «Описание населенного мира» объемом 1187 гексаметров. Неизвестно, на какие источники он опирался; опосредованно он, несомненно, пользовался трудами Посидония. Несмотря на неточности и ошибки в описании, поэма служила учебником географии не только в античности, но и в средневековье. На латинский язык ее перевели Авиен и Присциан. — *Прим. пер.*

¹⁷⁹ Вероятно, речь идет о Будде, имя которого по-китайски звучит как *Фо*. — *Прим. пер.*

¹⁸⁰ *Авсоний Децим Магн* (ок. 309 — ок. 394) — римский поэт, ритор и грамматик. Среди его произведений: автобиографические «Предисловия», астрономические и астрологические стихотворения, эпиграммы, описание путешествия по Рейну и Мозелю («Мозелла»). В сочинении «Список славных городов» описывает двадцать крупных городов империи. — *Прим. пер.*

¹⁸¹ Байи пронизательно угадал, что знаменитые Геркулесовы (Геракловы) столбы — не географическая достопримечательность в какой бы то ни было части света (вроде скалы на Гибралтаре), а обычные искусственные менгиры и вертикальные или пирамидальные выкладки из камней, которые в разные времена и в великом множестве возведены были на разных континентах Земли, включая и Скифию. Кроме того, по всему миру известны естественные каменные столбы, возникшие, как правило, путем выветривания. Русские мореплаватели и рыбаки прозывали их по-разному — одинец, останец или кукер (в арктических морях поморы так же называли и ледяные торосы). Термин «кукер» (иногда говорят — «кикур») до недавнего времени считался вполне научным. Вот как описывал такие кукары, встречающиеся на восточносибирском побережье Ледо-

витого океана, будущий адмирал российского флота Гавриил Андреевич Сарычев (1763—1831), в молодости, еще будучи лейтенантом, совершивший плавание по Восточно-Сибирскому морю недалеко от устья впадающей в него реки Колымы:

[Мыс Баранов Камень] «состоит из смежных нескольких гор, выдавшихся в море мысом, образующим полукружие. На них есть кекуры, или столбы каменные, из коих иные представляют обвалившуюся крепость, другие башни и людеи. На одной невысокой горе, близ коей стояли на якоре 28 июня [1787 г.], видели мы один кекур, похожий видом на двух разговаривающих женщин, держащих в середине ребенка».

Между прочим написано всего через восемь лет после выхода в свет книги Байи об Атлантиде... Похожие природные феномены были отмечены также на открытом несколько позже и совсем другой экспедицией острове Врангеля. Рационалистически мыслящие мореходы не давали волю воображению и не увязывали увиденное с возможным гиперборейским прошлым. Скорее всего, они были правы, говоря не об исторических, а о геологических руинах. Но, тем не менее, вопрос остается открытым, поскольку многие исторические памятники имеют ландшафтное или иное природное происхождение. — *Прим. науч. ред.*

¹⁸² Один из дравидских языков; от санскритского названия юго-западного побережья Индостана *Малая-вара* — «страна Малайя». — *Прим. пер.*

¹⁸³ Ныне штат Гуджарат на северо-западе Индии, у Аравийского моря. — *Прим. пер.*

¹⁸⁴ Искаженное заимствование от санскритского составного слова *Суварна-вина* («Золотой остров»). Данное название Цейлона вошло в обиход английского языка с легкой руки писателя XVIII в., родоначальника жанра «готического романа» Горация Уолпола после знакомства его с персидской сказкой «Три царевича из Серендипа», где героям необыкновенно везло на неожиданные открытия. И Уолпол придумал слово *serendipity*, что означает «везение на счастливые находки; интуитивная прозорливость». — *Прим. пер.*

¹⁸⁵ Согласно мифу, при возведении крепостных стен города Фивы брат Амфиона Зет, обладавший огромной физической силой, носил и складывал камни, а Амфион приводил их в движение и заставлял ложиться в установленное место игрой на лире, подаренной ему Гермесом. — *Прим. пер.*

¹⁸⁶ Территория Лапландии, где издревле проживают истинные аборигены Севера — лопари-саамы, разделена между четырьмя государствами — Россией, Швецией, Финляндией и Норвегией. В XVIII в. Норвегия входила в состав Дании, а Фин-

ляндия — в состав Швеции (с 1809 г. она была присоединена к Российской Империи). — *Прим. науч. ред.*

¹⁸⁷ В данном сочинении Плутарх представляет различные теории относительно этого небесного тела, а в конце обращается к теории, принятой в платоновской Академии (Ксенократ), усматривая в Луне родину демонов (гениев), которые суть человеческие души, не прошедшие полностью пути очищения и поэтому не могущие вернуться в свое солнечное отечество. Ниже дается перевод М. Петровой из книги «Философия природы в античности и в средние века» (М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 122–131) (статья «Природа души и мира в трактате Плутарха «О лике, видимом на диске луны»).

«По Гомеру «остров некий, Огигия, лежит далеко в море», — в пяти днях от Британии, если плыть на запад; а три другие острова, находящиеся от нее и друг от друга на равном расстоянии, лежат дальше, приблизительно в сторону летнего заката солнца. На одном из них, по рассказам местных жителей, Зевс заточил Кроноса, а рядом поставил древнейшего Бриарея, который несет стражу, охраняя те острова и море, именуемое морем Кроноса. Великий материк, кольцом окружающий великое море, недалеко отстоит от прочих островов, а от Огигии на пять тысяч стадий; и плыть по нему надо на веслах, ибо оно проходится медленно и наполнено илом от множества течений, а течения эти высылаются большою землей; от них образуются наносы, и от этого море стало густым и землистым. Отсюда и вышло мнение, будто оно замерзшее. Побережье материка — вокруг залива не меньшего Меотиды, устье которого лежит приблизительно на линии устья Каспийского моря, населяют элины; они называются и считают себя обитателями материка, а жителей сей земли — островитянами, так как ее кругом омывает море. Они думают, что люди, прибывшие с Гераклом и там им оставленные, смешались впоследствии с людьми Кроноса и как бы вновь воспламенили опять вошедшее в силу и распространившееся элинство, уже угасшее там и одолеваемое варварским языком, законами и обычаями. Поэтому двум они оказывают почести — сначала Гераклу, а затем — Кроносу. Итак, когда звезда Кроноса, которую мы называем «Сияющей», а они «Ночным Стражем», раз в тридцать лет вступает в знак Тельца, они, приготовив за долгое время все, что требуется для жертвоприношения и морского путешествия, высылают на соответствующем количестве судов избранных по жребию лиц с многочисленной прислугой и припасами, необходимыми для тех, кому нужно плыть на веслах по столь обширному морю и, высадившись, проживать долгое время на чужбине. После отплытия им, как и следовало ожидать, выпадает разнообразная судьба. Благополучно переплывшие море сначала дос-

тигают далее лежащих островов, населенных элинами, и в течение тридцати дней видят солнце скрывающимся из виду менее, чем на один час; это и есть ночь, хотя едва темно и с запада брезжит рассвет. Проводя там девяносто дней среди изъявлений почета и дружбы, считаясь и называясь священными, путники отбывают дальше с наступлением поры ветров. Там, впрочем, не живет никто, кроме их самих и тех, что были высланы прежде них. Ибо отплывать домой разрешается отслужившим божеству тридцать лет. Однако большинство из них обыкновенно предпочитают поселяться там, одни по привычке, другие потому, что у них там всего в изобилии без труда и хлопот, а они постоянно проводят время за жертвоприношениями или за какими-нибудь рассуждениями и философией. Ведь природа острова и мягкость окружающего воздуха удивительны. Некоторых, задумавших отплыть, задерживает божество, являющееся им, как людям знакомым и близким, не только в сновидениях и знамениях, — многие наяву встречают видения и слышат голоса демонов. Сам Кронос спит, заточенный в глубокой пещере из златовидного камня, ибо Зевс вместо оков послал ему сон. Птицы, перелетающие через вершину скалы, приносят ему амвросию, и остров весь наполнен благоуханием, распространяющимся от камня, как бы от источника. Упомянутые демоны окружают Кроноса и служат ему, став его помощниками, еще когда он царствовал над богами и людьми». — *Прим науч. ред.*

¹⁸⁸ *Косьма Индикоплов* (то есть «плавающий в Индию», греч. *Cosmas Indikopleustes*; VI в. н. э.) — греческий географ. В качестве купца совершил несколько путешествий; посетил среди прочего южную часть Африки, Аравию, предположительно достиг даже Индии, откуда и происходит его прозвище. Бросил торговлю, чтобы стать монахом. Его географическое произведение «Христианская топография» было создано в 535–547 гг. Это сочинение пользовалось большим распространением и на Руси. Главной его целью было изложение географии в соответствии с данными Библии, вопреки географическим взглядам Клавдия Птолемея. Гораздо интереснее зачастую наивных географических представлений его обширные экскурсии в историю и культуру наблюдаемых им в путешествиях народов, например, описание Нила, растений и животных Индии, а также древней торговли, дипломатических отношений империи с Египтом, Индией, Китаем и т.д. — *Прим. пер.*

¹⁸⁹ *Финнс Джон Константин, лорд Малгрейв* (ок. 1740–1792) — прославленный английский мореплаватель. В 1773 г. на двух судах *Racehorse* и *Carcass* ходил в Арктику, пытаясь открыть северо-западный проход, но потерпел неудачу. По возвращении стал членом Тайного совета, а в 1784 г. возведен в звание пэра. В 1774 г. издал «Дневник похода к Северному полюсу».

Кук Джеймс (1728–1779) — знаменитый английский мореплаватель. Родился в бедной семье и был отдан в обучение к торговцу, но, поссорившись с хозяином, ушел на каботажное судно юнгой, и это решило его дальнейшую судьбу. Он вступил в военный флот, попутно занимаясь математикой и морскими науками. Участвовал в исследовательской экспедиции в Северную Америку и сделал гидрографическое описание реки св. Лаврентия. Напечатанные им наблюдения над солнечным затмением произвели впечатление в адмиралтействе и научных кругах, и когда встал вопрос об организации морской кругосветной исследовательской экспедиции в Южные моря, на Кука возложили командование одним из кораблей (1768). Потом на него возложили командование новой экспедицией из двух кораблей, целью которой было выяснить вопрос о существовании антарктического континента (1772–1775). Новый континент не был обнаружен, зато Кук сделал много попутных географических открытий (в том числе был открыт о. Новая Каледония). В Англии он опубликовал дневник и описание экспедиции (в 2 т., 1777). Третья экспедиция имела целью исследовать северные полярные области, и хорошо зарекомендовавший себя Кук вновь был назначен ее командиром (1776). Корабли Кука не ограничились исследованиями в северных широтах, изобразили Тихий океан; были открыты несколько островов около Новой Зеландии и Гавайские (Сандвичевы) острова. На зимовку корабли Кука прибыли на Сандвичевы острова. 13 февраля 1779 г. одна из судовых шлюпок была задержана туземцами. Кук на другой день отправился ее вызволять, но туземцы были на этот раз настроены враждебно, к тому же нечаянный выстрел одного из членов команды убил их вождя. В завязавшейся схватке погибли капитан Кук и четыре матроса (их останки были съедены аборигенами). — *Прим. пер.*

¹⁹⁰ В XVIII в. полагали, что еще не открытый и никем в то время не достигнутый Южный материк (Антарктида) может оказаться обитаемым. — *Прим. науч. ред.*

Двадцать четвертое письмо г-ну Вольтеру

¹⁹¹ От греч. глагола *syn-istami*, «со-ставляю», «у-страиваю». — *Прим. пер.*

¹⁹² *Фридрих Мартенс из Гамбурга* (1635–1699) — сын лоцмана, однако выбрал медицинское поприще и в качестве судового врача участвовал в нескольких морских экспедициях в Северную Америку. В 1671 г. на снаряженном к Шпицбергену китобойном судне совершил шестимесячное путешествие в Арктику. Семь лет спустя отправился в Северную Канаду и, стоически перенося

всяческие невзгоды, исследовал Гудзонов залив. Первым из европейцев дал точное описание северной части Америки. Издал «Spitzbergische und Grönlandische Reisebeschreibung» (Гамбург, 1675; французский перевод 1715) и «Zweijähriger Aufenthalt in den Territorien der Hudson's und Baffin's Bay» (Гамбург, 1687). — *Прим. пер.*

¹⁹³ *Метон* (род. около 460 до н. э.) — древнегреческий астроном и математик. В 433 г. до н. э. предложил так называемый Метонов цикл, положенный в основу греческого календаря. Метон определил, что лунный (где за месяц берется полное обращение Луны вокруг Земли, составляющее 29,5 суток) и солнечный (где за год берется оборот Земли вокруг Солнца, составляющий 365,25 суток) календари совпадают через каждые 19 лет. Католическая церковь до сих пор пользуется данным циклом для вычисления времени наступления Пасхи. Метон построил на городской площади в Афинах гномоны для наблюдений солнцестояний и высеченные из камня оригинальные переставные календари (парапегмы). — *Прим. пер.*

¹⁹⁴ Огамическое письмо было распространено на территории древней Ирландии и Великобритании. Архаичные надписи относятся к III—IV вв. Первоначально огамическое письмо состояло из 20 знаков, позже было добавлено еще 5. Форма письма — короткие и длинные черточки и точки, располагающиеся по обеим сторонам реальной или воображаемой линии. Изобретено древними ирландцами. — *Прим. пер.*

¹⁹⁵ *Гуа* — чередование трех (триграмма) или шести (гексаграмма) горизонтальных черт двух видов: целой, сплошной *ян* и прерывистой, разрывной *инь*. Древние китайцы рассматривали Вселенную, включая населенный нами мир, как управляемую вечными переменами, вовлеченную в извечный круговорот от потенции к проявлению и обратно. Внутри этого всеобщего движения каждый миг все события несут отпечаток двойственности, сочетая в себе неизменное и изменяющееся. Мудрецы называли неизменное *инь*, а изменяющееся *ян*. По преданию, именно Фуси первым обозначил *инь* и *ян* в виде прерывистой и целой черт. Последовательная смена черт *гуа* в расположении Фуси подчинена той же закономерности, что и смена знаков 1 и 0 в обозначении натурального ряда чисел в двоичной арифметике, создатель которой, немецкий философ и математик Лейбниц, истолковал это подобие как свидетельство предустановленной гармонии и единства Божьего промысла для всех времен и народов. — *Прим. пер.*

¹⁹⁶ Вероятно, область Бухарского ханства, где правила в XV—XVIII вв. династия Аштарханидов. — *Прим. пер.*

В. Н. Демин

АТЛАНТИДА—ГИПЕРБОРЕЯ

Сияла людям Мысль, как свет в эфире;
Ее лучи лились через океан —
Из Атлантиды в души разных стран...

Валерий Брюсов

От автора

На протяжении веков и сегодня Атлантида продолжает манить своей тайной. Пожалуй, скоро и на глобусе не останется такой долготы или широты, которую так или иначе не связывали бы с исчезнувшей цивилизацией атлантов. Чуть ли не каждый месяц информационные агентства мира оповещают о каком-либо новом открытии, связанном с Атлантидой. Вот одно из них, переданное по самым различным каналам СМИ 11 апреля 2002 г.:

Найдена еще одна Атлантида. «У побережья Индии водолазы обнаружили остатки мифического затерянного города. По древней легенде, этот город был поглощен морской пучиной около двух тысяч лет назад, а сейчас его снова открыли археологи. Экспедиция Общества научных исследований и Национального индийского института океанографии обнаружила остатки древнего города у побережья Мамаллапурама, штат Тамил Наду. Каменные обломки, обнаруженные водолазами, были, без сомнения, созданы рукой человека, а сейчас они покоятся на дне, под толщей воды. Согласно легенде, в стародавние времена на этом месте был большой город сказочной красоты, в котором было семь богато украшенных храмов. Но красота города, созданная рукой смертного, вызвала у богов зависть, и они наслали на город потоп, поглотивший его. Член экспедиции Грэм Хэнкок, который провел десять лет в

поисках исчезнувших цивилизаций, убежден, что водолазы и археологи обнаружили тот самый сказочный город, который упоминается в легенде. Представитель Общества научных исследований заявил: "На юге Индии очень популярны мифы и легенды о том, что целые города были в древние времена затоплены водой. Трудно сказать, какое именно место упоминается в легенде. По нашим данным, цивилизации найденного города около двух тысяч лет. Развалины включают в себя стены, каменные лестницы и каменные блоки. Все эти структуры сильно повреждены временем, но очевидно, что они были созданы рукой человека. Всех это открытие необычайно воодушевило". В январе этого года ученые заявили о том, что они обнаружили древнюю метрополию, которая лежит на глубине 36 метров в заливе Хамбат на северо-востоке Индии. Это один из самых древних городов, обнаруженных археологами. Глиняные и деревянные предметы датируются аж VII тысячелетием до н. э. Мистер Хэнкок считает, что новое открытие археологов поддержит его теорию о комплексе цивилизаций, существовавших в ледниковый период, но смытых с лица земли, когда лед начал таять, затопив более 27 миллионов квадратных км суши».

А несколькими месяцами ранее этого сообщения СМИ оповестили мир о сенсационной находке близ берегов Кубы, где на глубине 650 м были обнаружены нагромождения камней, которые при желании и достаточно развитом воображении можно было принять за остатки древней крепостной стены.

Карибский бассейн, акватория Багамских и Антильских островов (а также сами эти острова) давно уже привлекают пристальное внимание атлантологов и подводных археологов. Начиная с 60-х годов XX в. здесь было сделано немало замечательных

открытий. Так, на мелководье у берегов Багамских островов были обнаружены фрагменты фундаментов, стен, а также мощеная дорога, геометрически правильные плиты, кольцеобразные и другие упорядоченные структуры. Многие из этих подводных объектов были сначала замечены с низко летящего самолета, а затем и обследованы профессиональными аквалангистами, которые дополнительно нашли подводные пещеры с древними захоронениями и символическими знаками на стенах. Аналогичные пещеры встречаются и на поверхности — в труднодоступных местах острова Куба и примыкающих к нему более мелких островов. Не случайно существует достаточно аргументированная гипотеза, согласно которой остров Куба представляет собой сохранившуюся часть ушедшего под воду древнего материка (архипелага). Автор данной гипотезы, британский атлантолог Эндрю Коллинз, так и именует Кубу — «сверкающая жемчужина Атлантиды»* Он считает, что именно Куба, имевшая в древнюю эпоху перемычку, соединявшую ее с материком, послужила перевалочным пунктом для переселения атлантов на Американский континент.

Мы до обидного мало знаем сегодня о древней истории и культуре индейцев Центральной, Северной и Южной Америки. А между тем на общность гиперборейского и атлантического прошлого указывают некоторые артефакты. Оказывается, сюжет русской народной сказки «Гуси-лебеди» известен в несколько трансформированном виде в джунглях Амазонки; некоторые племена североамериканских индейцев носили лапти, а в исторических музеях Москвы и Серпухова можно увидеть выдолбленные древнеславянские лодки-однодревки, как две капли воды похожие на индейские пироги (рис. 1).

* Коллинз Э. Врата Атлантиды. М., 2002. С. 495, 498–532.

Рис. 1. Лодка-однодревка в Серпуховском краеведческом музее (фото В. Демина)

Следы древних строений на морском или океаническом дне — не такое уж редкое или из ряда вон выходящее событие. За последние 30–40 лет открытия такого рода совершались регулярно, причем в самых различных районах Мирового океана. Так, отечественная океанографическая экспедиция обнаружила с помощью глубоководной аппаратуры остатки метгалитических кладок в самом центре Атлантического океана. Затопленные фундаменты и стены, принадлежащие неизвестной древней культуре, выявлены, промерены, описаны и сфотографированы как около островов Полинезии, так и на перекрестке мировых цивилизаций — в Средиземноморье. Есть немало и других территорий в разных концах Земли, имеющих отношение к легендарной Атлантиде.

Если попытаться мысленно свести воедино различные гипотезы, связанные с местоположением загадочной страны атлантов, то неизбежно приходишь к парадоксальному выводу: *Атлантида — везде и всюду!* Как ни странно, такой тезис может оказаться не таким уж и далеким от действительного положения дел и быть подтвержден воззрениями крупнейших деятелей культуры. Ибо уже всемирно известная русская писательница и основательница Теософического общества в Нью-Йорке (1875) *Елена Петровна Блаватская* (1831—1891) сформулировала и обосновала вывод: Атлантида — это не столько ненайденная точка на карте континентов или океанов, сколько *определенная стадия развития разумной жизни на Земле*. Согласно теософской «пятичленке», разумная жизнь на первых этапах своего развития приняла размытые формы эфирно-светоносных существ: сначала ангелоподобных, затем — призракоподобных. Несмотря на непривычность терминологии Блаватской, следует иметь в виду, что примерно на тех же позициях стоял и другой великий наш соотечественник — *Константин Эдуардович Циолковский* (1857—1935): он не исключал существования ни эфирных, ни ангелоподобных гуманоидов (а про последних говорил, что беседует с ними почти что каждую ночь). Впоследствии о точно таком же общении с ноосферными «ангелами» доверительно рассказывал близким друзьям великий изобретатель в области электро- и радиотехники, пионер высокочастотной техники, серб *Никола Тесла* (1856—1943).

В соответствии с общей теософской схемой развития разумной жизни на планете Земля, на последних трех стадиях эволюции разумные существа (а эта закономерность присуща всей Вселенной) — эволюционирующие гуманоиды приобретали телесные формы и последовательно становились «лемурий-

цами», «атлантами» и «арийцами». «Лемурийцы» представляли собой гигантов до 20 м в высоту. Это были самые могущественные и высокоразвитые представители из тех, кто когда бы то ни было обитал на Земле. Властелины психофизической и гравитационной энергии и обладатели высшей мудрости, они могли практически все — летать в небесах и в космическом пространстве, управлять биотическими факторами среды и генетическими процессами, черпать любые знания непосредственно из информационно-энергетического поля, возводить исполинские сооружения в различных частях Земли и т.д. Предсказав одну из жесточайших космических катастроф, они заранее позаботились о том, чтобы сохранить свой генофонд и знания: часть из «лемурийцев» вошла в анабиоз и скрылась в глубоких пещерах высоких гор, где и пребывает поныне, периодически «просыпаясь» и корректируя в позитивном направлении все, что происходит на поверхности.

«Атланты» явились наследниками «лемурийцев» и преемниками необъятных знаний и технических достижений. Индивидуально и социально они были менее развиты, психически и нравственно оказались менее гармоничными, однако именно с ними связана та самая ранняя пора человеческого существования, которая вошла в историю культуры под названием Золотого века. Впрочем, под конец атлантической цивилизации все больше сотрясали раздоры и войны, получившие отражение и в дожившей до наших дней мифологии древних народов. «Атланты» достигали роста от 3 до 5 м, у них был большой оголенный череп, клапанообразный нос, доставшийся им от «лемурийцев», рудиментарные жабры, перепонки между пальцами рук и ног, что позволяло им долго находиться под водой. Просуществовав хронологически до последнего

Всемирного потопа и предвидя его последствия, многие из «атлантов» вошли в состояние анабиоза и скрылись в тех же пещерах, где уже пребывали «лемурийцы».

Те, кто уцелел после чудовищного катаклизма, постигшего Землю около XII тысячелетия до н. э., составили костяк «арийцев» и всего человечества. Высшими силами была установлена система ограничений, не позволявших большинству обычных людей переступить черту, отделявшую повседневный мир от высших сфер мироздания и хранившегося там «банка информации». Лишь избранным и особо посвященным из числа пророков и духовных лидеров иногда (да и то ненадолго) приоткрывается дверь в эти недоступные для простых смертных миры. Про то знают и некоторые из тех, кому было доверено хранить великую тайну и скрывать ее от чужих (и не дай Бог — враждебных) глаз.

Теософские выводы Блаватской не снимают, однако, проблемы той Атлантиды, о которой поведал Платон. Все остается в силе — и как она называлась на самом деле, и где находилась, и причины гибели, и хронология трагических событий. Понятно, что взор большинства искателей места гибели загадочного материка — специалистов и энтузиастов-любителей — по-прежнему обращен к Атлантическому океану. Хотя, как усиленно подчеркивал уже Байи (это его утверждение приводилось выше), у самого Платона речь идет всего лишь о *морском побережье за Геракловыми столбами*, которые и сами могут быть чем угодно и располагаться где угодно. Упорные изыскания в разных концах Земли за почти что 2500 лет, истекшие со времени платоновской эпохи, остаются по-прежнему актуальны.

Так, в тайных сказаниях Ордена тамплиеров о гибели Атлантиды упоминается гиперборейская раса людей, что пришла с Севера в Эпоху Белого Солн-

ца. Цикл легенд о священном Граале напрямик указывает на волшебную северную страну, где в неприступном замке хранится чудодейственный Грааль, дарующий бессмертие и тайное знание. Оттуда и прибывает в челне, запряженном лебедем, Лоэнгрин — сын хранителя Грааля Парсифаля. В наиболее распространенной версии Грааль представляет собой чашу с напитком бессмертия. Однако в наиболее известном из дошедших источников — монументальной поэме *Вольфрама фон Эшенбаха* (ок. 1170—1220) «Парсифаль» (XIII в.) — Грааль изображается в виде камня, излучающего волшебный свет: достаточно глянуть на него, и человеческая жизнь продлится. Такая трактовка в поэме сближает Грааль со знаменитым камнем Алатырь в русских легендах и заговорах. Что же касается главного назначения Грааля — даровать бессмертие, то данное свойство его близко действию живой и мертвой воды из русских сказок, способной оживлять умерщвленных героев. Кроме того, функционально Грааль сходен со знаменитым Кошечевым яйцом: оно не только находилось за тридевять земель в недосыгаемом месте, но и обладало живительными свойствами. (Так, в одной из сказок, записанных от сибирской сказительницы Н. О. Винокуровой, Орел-царевич после победы над Кошечем оживляет умерщвленного отца с помощью Кошечева яйца.)

Все эти (а также многие другие) сказочные сюжеты и образы, на первый взгляд представляющиеся продуктами чистого вымысла и богатого воображения, на самом деле заключают в себе память о далеком прошлом, донесшую до нас в образно-символической форме сведения об исчезнувшей цивилизации, и уводят нас в глубь тысячелетий, к эпохе Атлантиды и Гипербореи...

Глава 1

АТЛАНТИДА — ПОВСЮДУ

Все относящееся к Платоновым первоисточникам прекрасно известно читателям или оживлено в их памяти благодаря «Письмам об Атлантиде» Байи. Однако стоит прокомментировать отдельные детали и подробности, имеющие непосредственное отношение к гиперборейской проблематике. Например, считаю нужным еще раз привлечь внимание к высказыванию Аристотеля по поводу проблемы в целом, которое обычно представляют в качестве аргумента против реальности Атлантиды как таковой. Доподлинно известно, что Аристотель однажды обронил весьма загадочную и неопределенную фразу: «Кто ее [Атлантиду] создал, тот и разрушил». Страбон приводит еще одну сакраментальную фразу, также приписываемую Аристотелю: «Создатель заставил ее [Атлантиду] исчезнуть, как Гомер стену ахейцев».

И что же — где здесь отрицание Атлантиды? Даже на уличение Платона в вымысле не очень-то уж и походит, а скорее, напоминает попытку уйти от прямого ответа. Обычная софистическая уловка — подмена тезиса. Но почему Аристотель — ревнитель логической ясности — вдруг решил высказаться в такой форме? Сомневаться особенно не приходит-

ся: ведь речь идет о тайном и сакральном знании, которое в античные времена обнародовать во всеуслышанье не то чтобы не рекомендовалось, а строжайшим образом запрещалось. За разглашение информации об Эливсинских таинствах проболтавшемуся участнику грозила смерть. Впрочем, таковых и не нашлось вовсе за всю многовековую историю Элевсинских мистерий, разыгрывавшихся раз в год в глубокой подземной пещере. В окружении Платона наверняка были свидетели из числа таких участников, однако им даже в голову не приходило публично обсуждать увиденное и услышанное в глухих и еле освещенных факелами недрах Земли.

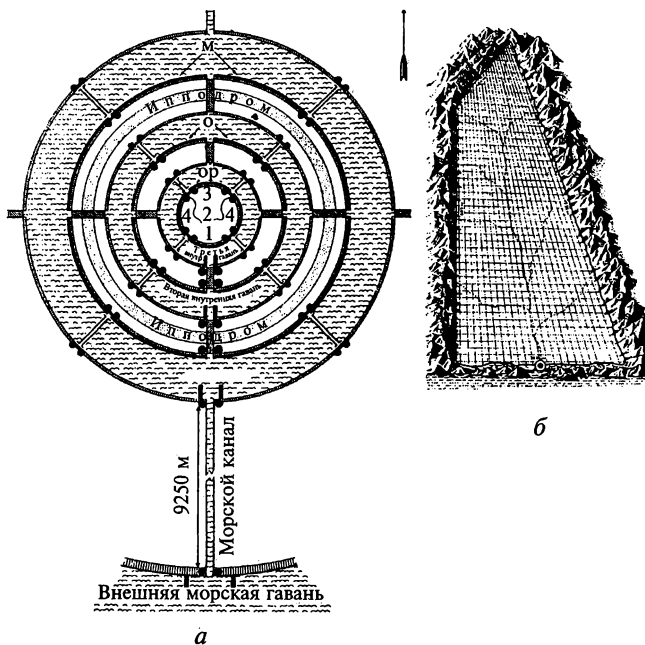
Но ведь исторические сведения, сообщенные египетскими жрецами Солону, также являлись тайными, не предназначенными для широкого распространения даже среди соотечественников великого эллинского законодателя. Иначе с чего бы это им лежать под спудом на протяжении стольких десятилетий? Судя по всему, это были достаточно обширные знания, касающиеся древнейшей истории Эллады и остального мира, включая Атлантиду. Последняя — всего лишь часть более обширной информации, которая, как отмечается у Платона, хранилась в виде *письменного текста* у Крития, отважившегося рассказать о судьбах древнего населения Земли. Естественно, не все: даже рассказ об Атлантиде оказался оборванным, так сказать, на самом интересном месте. Стоит ли после этого задаваться вопросом: почему платоновский диалог «Критий» оказался незавершенным?

Платон, так же как и его собеседники, прекрасно знал, что можно, а что нельзя, и, дойдя до критической черты, попросту оборвал изложение. Секретная информация во все времена оставалась секретной, и ее сохранность всегда накладывала серьезную ответственность на тех, кто таковой владел. Платон — из

тех, кто владел (см. рис. 2). Аристотель — воспитатель и вдохновитель Александра Македонского — тем более. Со всего мира стекалась к Аристотелю информация о реальном и эзотерическом знании, добытом сподвижниками его ученика — покорителя Вселенной. И хоть бы слово проронил о них великий Стагирит. С Атлантидой же иначе: Платон *частично* (по счастью!) о ней уже проговорился. Потому-то и отвечал Аристотель (в остальных случаях образец железной логики, которую он сам, кстати, и разработал) о погибшем материке столь загадочно и расплывчато: дескать, кто ее создал, тот и разрушил. Пусть каждый думает то, что пожелает. И ищет то, что душе угодно, и там, где считает нужным.

Тем не менее проблема вовсе не канула в вечность. Более того, вопрос о далеких и неведомых землях (включавших и Атлантиду, и Гиперборею) продолжали обсуждать на всех уровнях и на протяжении не одного столетия. Так, популярный в первой половине III в. н. э. писатель из Препесте возле Рима *Клавдий Элиан*, писавший по-гречески, приводит свидетельство эллинистического историка *Феопомпа Хиосского*, жившего в IV в. до н. э., то есть более чем на полтысячи лет раньше.

«Феопомп рассказывает о беседе фригийца Мидаса с Силеном. (Силен этот — сын нимфы; по природе своей он ниже божества, но выше человека, так как наделен бессмертием.) Они разговаривали о различных предметах; между прочим, Силен рассказал Мидасу следующее: Европа, Азия и Ливия — острова, омываемые со всех сторон океаном; единственный существующий материк лежит за пределами обитаемого мира. Он, по словам Феопомпа, неизмеримо огромен, населен крупными животными, а люди там тоже великаны, в два обычных роста, и живут они не столько, сколько мы, а вдвое больше.

	Наружная стена внешнего города		Главный обводной канал
	Внешние стены акрополя		Малые каналы
	Внутренние стены акрополя		Реки (расположенные произвольно)
М	Медная стена		Столица
О	Оловянная стена		
ОР	Орихалковая стена		
●	Башни		
	Башни с воротами		
	Причалы верфей и гаваней		
	Мосты с каналами (водоводами) на них		
	Крыши над каналами		
1	Храм Посейдона		
2	Храм Клито		
3	Роща Посейдона		
4	Водные источники		

Рис. 2. Платонова Атлантида:

а) план акрополя Атлантиды (по Н. Жирову); б) схематический план главного царства Атлантиды Платона (по Н. Жирову)

На этом материке много больших городов со своеобразным укладом и законами, противоположными принятым у нас. Два города, ни в чем не сходствующие друг с другом, превосходят все прочие размером. Один зовется Махим [что значит Воинственный. — В. Д.], другой — Евсебес [что значит Благочестивый. — В. Д.]. Жители Евсебеса проводят дни в мире и благополучии, получают плоды земли, не пользуясь плугом и быками, — им нет нужды пахать и сеять, всегда здоровы и бодры и до самой смерти полны веселья. Они столь безупречно праведны, что боги нередко дарят их своими посещениями. Жители же Махима необычайно воинственны, появляются на свет уже в оружии, весь свой век воюют, подчиняют себе соседей и властвуют над многими народами. Население Махима составляет не меньше двухсот мириад. Люди там иногда, впрочем редко, умирают от болезней, обычно же гибнут в битвах, сраженные камнями или дубинами; для железа они неуязвимы. Золота и серебра у них много, так что эти металлы ценятся меньше, чем у нас железо. Они некогда, по словам Силена, сделали попытку переправиться на наши острова и в количестве ста мириад пересекли океан, дошли до гипербореических пределов, но не пожелали идти дальше, ибо, наслышанные о том, что тамошние жители слывут у нас самыми счастливыми, нашли их жизнь жалкой и убогой.

Силен рассказал Мидасу и еще более удивительные вещи: какое-то племя смертных людей населяет много больших городов на материке; границей их земель служит местность, называемая Аностон; она подобна пропасти: там нет ни дня, ни ночи и воздух всегда исполнен красноватым сумраком. Через Аностон текут две реки — Радостная и Печальная, на берегах которых растут деревья величиной с высокий платан; деревья вдоль Печальной приносят плоды, наделенные

таким свойством: кто их поест, тотчас начинает плакать и будет исходить слезами всю остальную жизнь, и так и умрет; те же, что растут у Радостной, дают совсем другие плоды: отведавший их отрешается от прежних желаний, и если любил что-нибудь, забывает об этом, вскоре начинает молодеть и вновь переживает давно ушедшие годы. Сбросив старческий возраст, он входит в пору расцвета, затем становится юношей, превращается в отрока, в ребенка и, наконец, совсем перестает существовать. <...>»

Рассказ Клавдия Элиана наполнен атлантиско-гиперборейскими реалиями, хотя ни та ни другая страна напрямую в нем не называется.

Еще ранее другой позднеантичный историк, на которого часто ссылался Байи, — *Диодор Сицилийский* (ок. 90 — ок. 21 до н. э.) — черпал свои сведения об Атлантиде, где она названа своим именем, из недошедших трудов мифолога и писателя II в. до н. э. *Дионисия Скифобрахиона* (у этого автора, кстати, очень любопытное прозвище, которое намекает на какую-то связь — его самого или его предков — со скифами). Пространный фрагмент из Диодоровой «Исторической библиотеки» воспроизведен в современном переводе в примечаниях к тринадцатому письму Байи настоящего издания. История Атлантиды дается Диодором Сицилийским с гораздо большими подробностями, чем у Платона*.

* Диодор как прилежный компилятор черпал свои сведения из утраченных источников, и нет никаких оснований сомневаться в его честности и добросовестности. Хотя нередко современные историки, не способные совместить факты, приводимые греческим автором, с общей схемой мировой истории, — обвиняют Диодора в фальсификации сообщаемых сведений. Но история на то и история, чтобы расставить все в динамике времени по своим местам. Такова неумолимая логика развития научного знания.

Итак, Диодор Сицилийский совершенно бесстрастно и как само собой разумеющееся сообщает, что свой пантеон богов эллины заимствовали у атлантов (атлантийцев), что *все эти боги первоначально были обыкновенными людьми*, но впоследствии были обожествлены за выдающиеся заслуги перед своим народом и (добавим от себя) в результате жесточайшего диктата со стороны олимпийской идеологии. Впрочем, последнее в наименьшей степени относилось к так называемому первому поколению богов — Урану, Гее и их детям титанам и титанидам, которые были полностью опорочены после победы, одержанной над конкурентами Зевсом и его союзниками. По Диодору следует, что первым атлантийским царем был Уран, а его наследниками — братья Атлант и Крон, разделившие между собой Атлантиду. Рассказанное в диалогах Платона относится уже к последующей эпохе и следующему поколению царей-богов, центральное место среди которых для атлантийцев стал занимать Посейдон, участвовавший вместе с Зевсом в низвержении собственного отца Крона и своего дяди Атланта.

Наиболее предпочтительным местом для локализации (а следовательно, и поисков) Атлантиды на протяжении всего времени существования проблемы оставался Атлантический океан. Аргументация здесь — сколь проста, столь и несостоятельна. «Логика» такова: раз есть Атлантический океан — значит, погибший древний континент со сходным названием — Атлантида — мог находиться там и только там. К тому же и титан Атлант (Атлас), говорят, обитал где-то в обозначенном регионе, ибо в честь него названы Атласские горы в Северной Африке. Но «решающий» аргумент ни на чем, кроме обыкновенной и обыденной интуиции, не основывается. Ибо, как убедительно было показано, еще Байи растолковал, что у Платона: Атлантида —

это далекий остров в неизвестном море. Таких островов в исторической географии видимо-невидимо (а тем более в мировом фольклоре: достаточно вспомнить русский Остров Буян или карело-финскую таинственную северную островную землю, которая поминается на протяжении всей «Калевалы»). От себя еще раз повторю, с учетом сакрального характера знаний об Атлантиде и других аналогичных тайн у Платона вообще были все основания не называть никаких точных координат.

Что касается Атланта, то факт его северного происхождения и полярного местопребывания может считаться твердо установленным. Вслед за античными авторами «отец» церковной истории, православный епископ Евсевий Кессарийский (ок. 260—340) отождествлял Атланта с библейским патриархом Енохом. Для этого у него, судя по всему, были серьезные основания:

«Пятый от Адама, Енох, как полагают вавилоняне, изобрел звездочетство [то есть астрономию. — В. Д.]; он же есть Атлант греков».

О космических «похождениях» праотца Еноха нам хорошо известно из многочисленных апокрифических книг, названных его именем, а также из кумранских текстов. В арамейском тексте, названном «Книгой исполинов», «звездотворческая» и космическая деятельность Еноха совершенно однозначно восходит к эпохе гигантов (или, по-эллинически, — титанов), одним из которых как раз и являлся Атлант. Следовательно, к последнему можно отнести все, что касается путешествия Еноха по космическим просторам и далям. Что именно происходило в те далекие ветхозаветные времена, русскому читателю прекрасно было известно еще много веков тому назад по переводам апокрифа «Книга Еноха Праведного» (или, как она именовалась в одном из

списков XIV в., «От книг Еноха Праведного, прежде потопа и ныне жив есть»), откуда следовало, что библейский праведник, поведавший о космических странствиях и «всем неизреченном и неисследованном мире», здравствует и поныне. В «записках» Еноха, переданных людям, настолько подробно, детально и натуралистично описано вознесение живого человека в небесные сферы, что это дало основание некоторым современным популяризаторам заявить, что библейского патриарха в космос забрали два инопланетянина. Древнейшая коптская рукопись так описывает контакт с посланниками внеземного мира:

«...Явились мне мужа два, весьма великие, каких никогда не видел я на земле: лица их как солнце блистающие, очи их как свечи горящие, из уст их исходил как бы огонь, одежда их как пена бегущая, светлее злата крыла их, белее снега руки их».

Во время своего путешествия Енох посетил семь космических сфер, познакомился с внеземными мирами, их обитателями и механизмом управления Вселенной, узнал законы движения звезд и планет, воочию наблюдая вселенские чудеса — вплоть до сферического «светлостояния» в виде огненных колес. Сказания о межзвездных скитаниях Еноха Праведного пробуждали в душе у читателей и слушателей разных эпох и народов космическое мироощущение, повествование от первого лица только усиливало это чувство:

«Меня окружили облака и туманы; движущиеся светила и молнии гнали меня, ветры ускорили течение мое; они вознесли меня на небо. Я достиг стены, построенной из кристалла; колеблющееся пламя окружало ее; я вошел в это пламя. Я приблизился к обширному жилищу, построенному из кристалла. Стены, как и фун-

дамент этого жилища, были из кристалла, а свод его состоял из движущихся звезд и молний...»

Сквозь образную символику здесь явственно просматриваются и позитивные факты и, в частности, касающиеся Атлантиды—Гипербореи. Ведь именно эта древняя цивилизация владела разнообразной техникой полета. Имеются достаточно технологичные описания летательных аппаратов, и содержатся они, как бы это парадоксально ни показалось на первый взгляд, в преданиях об Атлантиде, которые сохранились в секретных архивах преимущественно религиозно-мистических обществ розенкрейцеров, иллюминатов и масонов. Начиная с наполеоновских времен (то есть приблизительно на стыке XVIII и XIX вв.) сведения эти стали достоянием более широкой публики, и постепенно просочились в печать, затем ими основательно завладели теософы и антропософы. Не следует думать, что упомянутые легенды — сплошь мистическая выдумка и чепуха. Как раз таки наоборот. Если Платон, суммируя все известное к тому времени об Атлантиде, опирался в основном на устную тайную традицию, то в секретных архивах тайных орденов хранились подлинные документы. К таковым относятся, видимо, и карты эпохи Александра Македонского, которыми пользовались Колумб, а также отец и сын Меркаторы.

Именно на масонско-теософские сведения о высокой технической развитости Северной цивилизации ориентировался и *Александр Васильевич Барченко* (1881—1938), задумывая в 1922 г. свою экспедицию на священное саамское Сейдозеро в русской Лапландии — на западе Кольского полуострова и в другие сакральные пункты России в поисках Универсального знания и иных следов, оставленных древней цивилизацией. Не лишено вероятнос-

ти, что на те же сведения, помимо эзотерических шаманских преданий, опирались до Барченко и участники финской экспедиции 1887 г., искавшие на болотах, окружавших Сейдозеро, остатки затонувшего атлантийско-гиперборейского города.

Информация о высоких технических достижениях в области освоения воздушного и космического пространства нашими далекими пращурами дошла до нынешних дней и со стороны древнеиндийских наследников гиперборейской традиции. К важнейшим источникам таких сведений относятся великие эпические сказания «Рамаяна» и «Махабхарата», а также специальный трактат «Виманика-шастра», содержащий перечень древнейших летательных устройств и руководство по их эксплуатации.

Согласно представлениям индоариев, которые сформировали ядро своей идеологии на Полярной прародине, владыкой Севера и хранителем традиций Золотого века считался бог богатства *Кубера*. Одновременно он являлся и властелином подземного царства. Первоначально Кубера никаким богом даже и не был. К сонму бессмертных небожителей его причислили за подвижническую жизнь и благочестие. С тех пор Кубера и стал стражем Севера. На отрогах вселенской горы Меру Кубера владел райским садом, но предпочитал жить под землей, где скопил несметные богатства. Среди множества волшебных диковинок, которыми обладал Кубера, была и летающая колесница. Впоследствии ее похитил злой демон (ракшас) *Равана* — главный соперник и враг всех ведийских богов: на ней он сражался с Рамой — героем великого индийского эпоса «Рамаяна». О мощной летательной технике, использованной во время смертельной битвы между Пандавами и Кауравами, говорится также во второй величайшей индийской поэме древности — «Махабхарате».

Аналогичные факты, касающиеся летательных способностей древних ариев, приводит в своем труде «Арктическая родина в Ведах» Балгангадхар Тилак. Например, подробности, касающиеся передвижения по небу *Ашвинов* — божественных братьев-близнецов, которым только в Ригведе посвящено 54 гимна. Среди множества подвигов и благих деяний этих любимцев и покровителей древних ариев — спасение Бхуджьи, покинутого в гуще облаков. В ответ на призыв Бхуджьи о помощи Ашвины спасли его с помощью небесного стовесельного корабля, свободно передвигавшегося по воздушному пространству (напомню еще раз, что воздушная ладья Лоухи, описанная в «Калевале», тоже стовесельная). Но перед тем Ашвины пытались использовать и другие имевшиеся в их распоряжении летательные аппараты: четыре воздушных корабля с водонепроницаемой обшивкой, одушевленную (?) крылатую лодку, три летающие колесницы, имеющие сто ног (?) и шесть упряжных лошадей. К этому надо прибавить, что и сами Ашвины, наподобие солнцегогов, разъезжали по небу на летающих колесницах.

Описания летательной техники у различных народов мира, существовавшей в разное время, заинтересовали ученых. Один из видных специалистов и пионеров в области воздухоплавания, авиации и космонавтики профессор *Николай Алексеевич Рынин* (1877—1942) издал в 1928—1932 гг. уникальный девятитомник «Межпланетные сообщения», где собрал все доступные к тому времени сведения по истории и предыстории вопроса, включая древние и средневековые легенды и гипотезы писателей-фантастов. Он-то и попытался дать беспристрастную оценку техническим достижениям древних гиперборейских и атлантйских воздухоплателей.

По теософским данным, летательные аппараты строились либо из легкого металла, либо из специ-

ально обработанного дерева (последнее в наибольшей степени подходит для летающего корабля Лоухи). Древние «летучие корабли» были разных типов и вместимости. Они могли перевозить по воздуху от 5 до 100 человек (последняя цифра в точности соответствует данным «Калевалы», где описывается летающее судно владычицы Северной страны Похьелы, в которое помещалось сто воинов). Кстати сказать, Рынин свое исследование мифологических и научно-фантастических полетов над Землей и за ее пределами начинает с «Калевалы», с подъема Лоухи к Солнцу и Месяцу и их похищения.

Древние воздушные корабли летали днем и ночью и при этом в темноте светились. В качестве движущей силы в них использовалась субатомная энергия громадной мощности. Такой корабль состоял из центрального корпуса, боковых крыльев, килей и рулей, сзади имелось два подвижных сопла, через которые вырывались потоки огненной субстанции. Короче, принцип движения этого летательного аппарата был *ракетным*. Кроме того, под дном корабля находилось еще восемь сопел, с их помощью обеспечивался вертикальный взлет корабля. Такой реактивный летательный аппарат управлялся в полете автоматически, навигация осуществлялась при помощи визир-компасов. Скорость полета достигала 200 км/час (вообще-то, это не так уж и много. — *В. Д.*). Летали аппараты на высоте 300—400 м (тоже, прямо скажем, не слишком высоко, но зато напоминает современную крылатую ракету. — *В. Д.*), поэтому горы старались облетать. После гибели Атлантиды (по утверждениям теософов, это произошло в 9564 г. до н. э.) часть ее уцелевших жителей перелетела на таких кораблях в разные страны и на различные континенты.

Что еще можно добавить о научных достижениях исчезнувшей цивилизации атлантйцев и гипер-

борейцев? По свидетельству Клавдия Элиана (а сам он ссылается на авторитет Аристотеля), один из столпов и основоположников европейской да и всей мировой науки — Пифагор — был гиперборейцем и носил соответствующее прозвище. То же самое сообщает и греческий философ *Ямвлих* из Халкиды (Сирия) (ок. 280 — ок. 330 до н. э.) в «Жизни Пифагора». Значит, и уровень гиперборейской науки был никак не ниже пифагоровых знаний.

Дополнительным доводом в пользу вышесказанного о летательной технике далекого прошлого может послужить и такой факт. Археологов не перестает удивлять обилие так называемых «крылатых предметов», постоянно находимых в эскимосских могильниках и относимых к самым отдаленным временам истории Арктики. Между прочим, по эскимосским преданиям, прародители этого народа когда-то прилетели на Север на железных птицах. Именно такая «железная птица» описана в бурятской версии великого эпоса тибетцев Гэсэр (Гесер), сделана она «на родине вечного холода», «где лежит во тьме ледяной простор, / где трещит во мгле косяной мороз» и «где, как горы, ледяные торчат торосы».

Безусловно, обладая совершенными летательными аппаратами, атлантийцы-гиперборейцы могли свободно и достаточно быстро перемещаться по всему земному шару. Независимо от локализации исходной (первичной, так сказать) Атлантиды ее посланцы еще до наступления трагических времен воистину могли побывать везде и всюду. Вот почему по всему миру оставлены их следы, и понятно отсюда, что каждый из них не есть указание на истинное (а потому якобы единственно возможное) местопребывание перво-Атлантиды, жители которой рассеялись по всему миру — как говорится, от полюса до полюса. И всякая попытка абсолютизи-

ровать любую из таких локальных точек, на мой взгляд, заведомо обречена на провал. Если теперь с обозначенных позиций взглянуть на карту обоих полушарий и задать вопрос: «Так где же искать Атлантиду?» — неизбежен и неотвратим ответ: «Искать следует повсюду: на любом континенте и в любом океане можно отыскать ее следы» (тем более что она неотделима от Гипербореи). И такие поиски (с переменным успехом или совсем без оно́го) ведутся.

Последняя по времени готовящаяся экспедиция была связана с атлантическими изысканиями в Северной Атлантике в районе Кельтского шельфа. Ее организатор Вячеслав Кудрявцев, начиная с 1995 г., активно пропагандирует идею поиска Атлантиды в этом районе всеми доступными способами, включая Интернет. В конце XX в. ему почти что удалось убедить некоторые коммерческие структуры в необходимости финансирования изысканий в избранном направлении. О широкомасштабной морской экспедиции с привлечением самой совершенной подводной техники было заявлено в прессе и электронных СМИ. Однако, как это нередко случается в наше время, в самый последний момент не сработало одно звено с таким трудом выстроенной цепочки по организации экспедиции и, естественно, экспедиция к берегам Британии не состоялась.

Главные аргументы Вячеслава Кудрявцева в пользу Кельтского шельфа, хранящего тайну Атлантиды, почерпнуты из арсенала геологии, океанологии и гляциологии. Ученые-специалисты рассчитали, что во время последнего оледенения уровень Мирового океана был ниже современного на 121 ± 5 м, а 11–12 тысяч лет назад такой уровень достигал отметки 90–95 м ниже сегодняшнего. Такие выводы были получены путем радиоуглеродной датировки донных проб известняковых остатков кораллов определенного вида, развивавшихся исклю-

чительно в верхних пяти метрах толщи воды. Из сказанного следует: в указанную историческую эпоху на месте нынешнего Северного моря и Кельтского шельфа к югу от Британских островов существовала *обширная суша*. И все же гипотеза Кудрявцева остается одной из многих в ряду самых невероятных подчас предположений о месте нахождения Атлантиды.

Более полувека вопрос о возможном прошлом существования Платонова фантома в антарктических широтах обсуждается в печати. Итальянец Барбиери Флавио посвятил этой теме книгу «Цивилизация подо льдом». Во многом его выводы базируются на засекреченных до сих пор сведениях о деятельности нацистской Германии на Южном континенте. Те скудные сведения, которые просочились в открытую печать, подтверждают факты существования фашистских подводных лодок на побережье Антарктиды, куда ежегодно отправлялись и грузовые транспортные суда; наличие баз, способных укрыть тысячи людей, и секретных лабораторий, успешно создававших абсолютное оружие; а также попытки проникновения американцев в «святыя святых» Третьего рейха сразу же по окончании Второй мировой войны с неясным исходом предпринятой акции.

Высказывалось предположение о том, что нацисты создавали полярные базы на основе информации и древних карт, позволявших им использовать секретное знание, дошедшее еще от эпохи Атлантиды и Гипербореи. Откуда взялось это знание? Якобы из захваченных масонских архивов, основу которых, в свою очередь, составляли документы уничтоженного еще в начале XIV в. ордена тамплиеров. Фашисты воспользовались также древними географическими сведениями, чтобы создать базы для подводных лодок в местах убежищ представителей

древних цивилизаций в Арктике (где-то в устье Лены) и в Антарктике. Но, судя по всему, речь шла не только о географических знаниях. История сохранила одно из загадочных высказываний гросс-адмирала Карла Деница (1891—1981), командовавшего сначала подводным, а затем и всем военноморским флотом фашистской Германии и ставшего после самоубийства Гитлера его преемником на посту рейхсканцлера. Рассказывая об Антарктиде, он как-то заметил: «Мои подводники обнаружили там настоящий земной рай...»

* * *

С моей точки зрения, геологическая аргументация далеко не лучшим образом способна прояснить вопрос о местонахождении Атлантиды—Гипербореи и причинах ее гибели, которые имеют, по-видимому, «космопланетарный характер». И смещение земной оси — лишь одно из возможных следствий глобальных катаклизмов. Известный американский ученый *Иммануил Великовский* (1895—1979) написал на эту тему шесть книг, объединенных в серию «Века в хаосе» (первый том — «Миры в столкновении»). Он скрупулезно исследовал множество источников — исторических, мифологических, геологических, палеонтологических — и пришел к выводу, что планета Венера в Солнечной системе — самая младшая. В преданиях многих народов разных континентов сохранилась память о стародавних временах, когда на небе не было ни Утренней, ни Вечерней звезды. И следовательно, не было никакой Венеры. Она появилась сравнительно недавно (о конкретных датах можно дискутировать) и возникла при столкновении Марса с пролетающей мимо кометой. Последовавший космический взрыв при этом сравним с мощностью ты-

сячи термоядерных бомб. Но для Земли большие катастрофические последствия имел факт перемещения новорожденной планеты на нынешнюю орбиту: будущая Венера прошла вблизи Земли, что привело к смещению ее оси. Следствием же явились грандиозные приливно-отливные океанические волны (не сравнимые ни с какими цунами), которые носились по поверхностям материков, сметая все живое и неживое (нетронутыми остались лишь вершины мощных горных систем). Более того, на значительную часть Земли (примерно на треть суши и акваторий рек, озер и морей) обрушились огненные смерчи, в результате которых горели леса, плавилась порода, а рыбы всплывали кверху брюхом в кипящей воде морей и океанов.

Именно это событие, по мнению Великовского, описано в обобщенно-символической форме в новозаветном Апокалипсисе:

«И упала с неба большая звезда, горящая, подобно светильнику, и пала на третью часть рек и источники вод. Имя сей звезде Полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. <...> И поражена была третья часть Солнца и третья часть Луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была — так, как и ночи» (Отк. 8, 10–12).

В дополнение к многочисленным свидетельствам в пользу небывалой космической катастрофы (в частности, почерпнутым в преданиях центрально-, северо- и южноамериканских индейцев), собранным И. Великовским и приведенным в его книгах, уместно сослаться и на некоторые не доступные ему источники. По преданиям сахалинских гиляков, во время вышеупомянутого светопреставления сначала «...смоляной дождь обильно лил на землю. Потом небо прояснилось. Тогда три солнца и три луны роди-

лись. Три солнца все сожгли. Было так жарко, что рыба, выскакивавшая из воды, снаружи запекалась на Солнце. Эта Земля вся сгорела, поломалась. Вода только была. Море кипело, рыба вся, морские звери все умерли...». Примерно в том же духе описывают вселенскую катастрофу амурские гольды (нанайцы): «Вместо одного небесного светила возшло их три, от света стали люди слепнуть, от жажды гибнуть. Солнце жгло так сильно, что земля горела, в реках вода кипела. Когда рыба, играя, выскакивала из воды, то у нее сползала чешуя. Ночью, когда три солнца закатились, появились три луны, и ночь сделалась так светла, что людям не было возможности уснуть»*.

Некоторые ученые склонны считать главной виновницей космических бед, постигших когда-то Землю, не кометы, а ее спутницу (спутник) — Луну. Известно, как она влияет на Землю, вызывая приливы. Приливы, в свою очередь, действуют на Луну так, что ее орбита изменяется. Многие астрономы утверждают, что в результате подобного взаимодействия Луна медленно отдаляется от Земли. Из этого следует, что когда-то в древние времена Луна была гораздо ближе к Земле. Высказываются предположения о том, что Луна первоначально являлась частью Земли и была выброшена из нее очень много лет назад. Более того, указывается область земного шара, где находилась масса, ставшая впоследствии лунной. Это — тихоокеанская впадина. Правда, большинство ученых не принимает данную гипотезу всерьез.

* * *

Существует еще одна, достаточно большая группа атлантологов, которые убеждены в том, что полно-

* *Крайнович Е. А.* Очерк космогонических представлений гилак[ов] острова Сахалин // *Этнография.* 1929. № 1. С. 83–85.

стью Атлантида не погибла, очаги цивилизации в той или иной степени сохранились, и по сей день наследники атлантйцев продолжают свою деятельность либо где-нибудь в недостижимых глубинах океана (в беллетристической форме эта гипотеза освещена в «Маракотовой бездне» Артура Конан Дойла)*, либо в недрах Земли, либо в труднодоступных местах планеты. Последнюю версию отстаивал и пытался проверить английский исследователь *Перси Фосетт*, который в 20-е годы XX в. отправился в девственные джунгли Амазонии в поисках «затерянного мира» — последнего, как считал отважный путешественник, оплота атлантов.

Последняя экспедиция Фосетта, как известно, не вернулась назад, и о судьбе ее до сих пор ничего не известно. Но попытки отыскать в Южной Америке следы древней цивилизации (или хотя бы сохранившиеся от нее знания) на этом не прекратились. В последней трети XX в. их поисками занялся известный швейцарский исследователь палеоконтактов и цивилизаций далекого прошлого *Эрих фон Деникен*. Результаты его работы получают весьма неоднозначную оценку. Однако что касается фактографии, то она поражает своей доскональностью. При этом все памятники он пунктуально и скрупулезно фиксирует на кино- и видеопленку за исключением, к сожалению, одного — именно того, о котором речь пойдет ниже.

Итак, по порядку. Летом 1969 г. аргентинец Хуан Мориц открыл в непроходимых джунглях Эквадора

* Или (если приблизить проработку сюжета к нашим дням) можно вспомнить и американский полнометражный мультфильм «Атлантида: Затерянный мир», созданный Кирком Уайзом и Гэри Трусдэйлом на прославленной киностудии «Уолт Дисней», хотя, если быть уж совсем точным, уцелевший осколок древнего материка находится, по версии авторов фильма, не на самом океаническом дне, а в поддонных недрах.

разветвленную систему подземных убежищ и лабиринтов. Он не только оформил открытие нотариально, но и немедленно принялся атаковать правительство Эквадора на предмет организации и проведения официальных археологических изысканий с участием государственных структур. По данному вопросу Хуан Мориц добился аудиенции у президента республики. Однако поддержку получил только на словах в виде ничем не подкрепленных обещаний. Политическая ситуация в Эквадоре в то время была хронически нестабильной, не говоря уж о том, что экваториальная республика традиционно входит в число беднейших стран мира. Государственные деньги на какие-то там археологические исследования всегда отпускались мизерными дозами и весьма неохотно.

Сказанным, однако, дело не ограничивалось. Место, где были открыты подземные пещеры и туннели, считается табуированным и находится под защитой очень недружелюбного к чужакам индейского племени. Индейцы знают о существовании лабиринтов, считают их священными и, хотя сами боятся туда спускаться, никого к ним и близко не подпускают — под страхом смерти. Хуану Морицу удалось наладить нормальные отношения с аборигенами через священника, которому краснокожие прихожане, кстати, неоднократно приносили дары и пожертвования в виде загадочных древних предметов (в том числе золотых). Но была еще одна опасность. Так как информация об открытии стала достоянием широкой общественности, то возникла реальная возможность проникновения в тайные убежища разного рода авантюристов, искателей сокровищ и бандитских шаяк. Потому-то Хуан Мориц предпринял ряд упреждающих шагов, дабы засекретить местонахождение древних подземелий.

Естественно, возникшая ситуация лишила покой Эриха фон Деникена. Через адвокатскую контору в Эквадоре он отыскал археолога-любителя, договорился о контакте и вылетел в Гуаякиль. Мориц согласился показать Деникену подземные галереи при одном условии — без какой бы то ни было фото- или киносъемки. Обидно, но что поделаешь! Сутки на вездеходе по полупроезжей дороге — и вот перед изумленным взором открылся огромный проем, пробитый в скальной породе, о которой фон Деникен поведал в книге «Золото Богов».

«Мы вошли в его [проема. — В. Д.] тень. С каждым шагом отблеск дневного света мерцал все дальше и дальше, и, наконец, мы погрузились в полную тьму. Над головой хаотично носились птицы. Мы зажгли фонари. Перед нами разверзлось отверстие, уходящее вертикально вниз. По этому узкому колодцу при помощи простой веревки спускаемся на ровную площадку на глубине 80 м. Затем следуют еще два спуска по 80 м каждый. Отсюда начинается наше знакомство с миром, тысячелетия тому назад созданным ныне забытой расой. Бесспорно, речь идет не о природных образованиях: подземные коридоры сворачивают строго под прямым углом, они — то широкие, то узкие, но стены всюду гладкие, словно отшлифованные. Потолки идеально ровные и будто покрыты лаком. Все это напоминало бы бомбоубежище, если бы не находилось на глубине 240 м!»

Описанное далее изумляет еще больше. Под сводами гигантского подземного зала с высотой потолка до 150 м находилось целое хранилище древних предметов, всевозможных изображений — целая библиотека на металлических пластинах. Что это — сон? Фальсификация? Не верить Эриху фон Деникену в данном конкретном случае нет оснований. (Вспоминается аналогичная ситуация, когда Де-

никена обвинили во лжи, касавшейся не известного научной общественности древнего города в горных джунглях Колумбии. Упрямый швейцарец нанял вертолет, добрался до нужного места, произвел киносъемку и предъявил заснятое всему миру. Впоследствии кинорепортаж составил целую серию знаменитого сериала «По следам всемогущих».)

Однако с описанным фантастическим спуском на 240-метровую глубину не все оказалось так просто. Вскоре дотошным журналистам удалось выяснить, что Деникен несколько преувеличил степень своего личного участия в исследовании подземных туннелей. Ему действительно удалось проникнуть на некоторую глубину, но все потрясающие подробности (включая и сведения о библиотеке) он описал со слов Хуана Морица, который вскоре рассорился со всем миром и перестал идти на контакты с кем бы то ни было, особенно с прессой (по причинам, указанным выше). Эриха фон Деникена в очередной раз обвинили в фальсификации; причем на этот раз ему не удалось представить убедительных контраргументов. Так и остался без ответа вопрос: нашел ли неутомный швейцарец в труднодоступных недрах Земли сохранившееся сакральное знание, оставленное атлантами?..

По существу, Эрих фон Деникен пытался отыскать материальное и фактическое подтверждение заявлениям ряда авторитетных авторов о существовании глубоко под землей остатков древнейшей цивилизации. Рене Генон однозначно связывал ее с Атлантидой и посвятил этому вопросу одну из самых своих известных и читаемых книг «Царь Мира». При этом Генон опирался на более ранние публикации, такие, к примеру, как трактат Сент-Ива д'Альвейдры «Миссия Индии» (1910) и записки русского путешественника и общественного деятеля *Фердинанда Оссендовского* (1878–1945). Горный

инженер и геолог по образованию, он во время гражданской войны в России оказался на самой высоте бюрократической иерархии — стал министром финансов в Омском правительстве адмирала Колчака. После провала колчаковской авантюры и восстановления Советской власти в Сибири Оссендовский бежал в Монголию, долго скитался по Центральной Азии, побывал на Тибете и, наконец, очутился в Лондоне, где в 1922 г. опубликовал на английском языке книгу с несколько нетрадиционным названием — «И звери, и люди, и Боги». По жанру это, скорее всего, — путевой дневник. Но тем он и ценен, ибо автор ничего не выдумывал, а лишь добросовестно фиксировал то, что видел и слышал.

Именно в Монголии по крайней мере не боятся говорить вслух о величайшей Тайне тайн, каковой считается предание об Агарте (с этим понятием, правда, в несколько иной огласовке — Агатха — познакомил европейских читателей еще Сент-Ивад'Альвейдра). В фольклоре по большей части распространены истории наподобие русских легенд о «подземной чуди» или невидимом граде Китеже. Последнее даже более точно, так как увязывает сказания о Подземном царстве с эпохой Чингисхана. Однако подобная актуализация древней истории типична для народного сознания, оторванного от достоверных источников: известно, что даже в начале нынешнего века население степной Украины упорно считало скифские курганы шведскими могилами, а соловецкие монахи (до закрытия монастыря в революционные годы) полагали, что древнейшие каменные кладки-лабиринты на Соловецких островах, восходящие не иначе как к гиперборейской старине, выложены якобы по указанию Петра I.

Так и монгольские араты рассказывали русскому путешественнику Оссендовскому осовремененную легенду о том, как некое монгольское племя,

спасаясь от ига Чингисхана, ушло под землю и навсегда скрылось в Подземной стране. Пастухи даже показывали место, где это произошло. Когда-то давным-давно некий охотник проник через закоптелые ворота в Подземное царство Агарты, а вернувшись, стал рассказывать всем об увиденных чудесах. И тогда ламы отрезали ему язык, чтобы он никому более не смог поведать о Тайне тайн.

Тем не менее посвященным известно, что владельцем Подземного царства является великий Царь Мира, как его величают на Востоке*. А царство его — Агарта, основанное на принципах Золотого века, — существует не менее 60 тысяч лет. Люди там не ведают зла и не совершают преступлений. Невиданного расцвета достигли там науки, поэтому подземный народ, достигший невероятных вершин знания, не ведает болезней и не боится никаких катаклизмов. Царь Мира мудро управляет не только миллионами собственных подземных подданных, но также еще и тайно всем населением поверхностной части Земли. Ему ведомы все скрытые пружины мироздания, он постигает душу каждого человеческого существа и читает великую книгу судеб.

Царство Агарты тянется под землей по всей планете. И под океанами тоже. Существует также мнение, что народы Агарты вынуждены были перейти на подземное жительство после вселенского катаклизма (потопа) и погружения под воду суши — древних материков, существовавших на месте теперешних океанов. Как рассказывают гималайские ламы, в пещерах Агарты существует особое свечение, позволяющее даже выращивать овощи и злаки. Китайские же буддисты знают, что древний народ, укрывшийся после очередного светопреставления под

* См.: *Генон Р.* Царь Мира. М., [б/г.].

землей, живет в пещерах Америки. Возможно, это те самые эквадорские подземелья, о которых пишет Эрих фон Деникен.

В подземных мастерских кипит неустанная работа. Там плавятся любые металлы и куются изделия из них. В неведомых колесницах или иных совершенных приспособлениях носятся подземные жители по туннелям, проложенным глубоко под землей. Уровень технического развития подземных обитателей превосходит самое смелое воображение. Они в состоянии осушить моря, затопить сушу и воздвигнуть горы среди песков пустыни. Они с легкостью могут взорвать земную кору, истребить все живое на Земле и обратить ее поверхность в пустыню. Скорее всего, именно эти сведения, добытые неизвестно какими путями, были известны Барченко, который предпринимал упорные поиски следов деятельности такой технически развитой цивилизации в разных точках России, начиная с Кольского полуострова. И именно перспективой получить легкий доступ к секретам древнего знания, включая владение ядерной и полевой (лучистой) энергией, он сумел заинтересовать всемогущее ведомство Дзержинского и лично железного Феликса.

Точно так же за два с половиной тысячелетия до встречи Барченко с Дзержинским феноменальные достижения Агарты поразили самого Будду. Когда-то благостный царевич Шакьямуни, совершив восхождение в горы, обнаружил там каменные таблицы, испещренные письменами, которые он сумел расшифровать только в старости. Будда понял, кому принадлежат найденные им письмена, и самолично отправился в царство Агарты. Там он встретился с самим Царем Мира — Брахитмой и получил от него, дабы передать людям, священные знания, совсем крохи — все, что сумела удержать его память.

Еще одну попытку проникнуть в древние подземные убежища, где сокрыта Универсальная информация, накопленная древними цивилизациями, предпринял в самом конце XX в. профессор *Эрнст Рифгатович Мулдашев* — крупный российский ученый и всемирно известный хирург-офтальмолог, директор Всероссийского центра глазной и пластической хирургии (г. Уфа), бывший народный депутат РСФСР, трехкратный чемпион СССР по спортивному туризму. Поначалу чисто теоретическим путем — на основании статистического анализа геометрических параметров роговицы человеческого глаза (ее величина представляет из себя константу $10 \pm 0,56$ мм) — он пришел к выводу, что человечество некогда возникло в Тибете (так как тибетский тип глаз совпал со среднестатистическим), а затем распространилось по всему земному шару в четырех направлениях. Данный теоретический вывод требовал подтверждения фактами, которые были собраны в ходе экспедиций в Индию, Непал и Тибет. Э. Р. Мулдашев с помощью индийских и непальских офтальмологов быстро и без особого труда вышел на хранителей древнейшего эзотерического знания, тщательно оберегаемого от непосвященных. Результаты интереснейших продолжительных бесед с ними и составили основу многочисленных его публикаций и книг*.

При полном доверии к информации профессора Мулдашева, дозированно появлявшейся на страницах печати, и ссылок на нее в собственных книгах все же я не был полностью согласен с интерпретаци-

* См.: *Мулдашев Э. Р.* От кого мы произошли? М., 1999; *Он же.* В поисках города богов. Т. I. Трагическое послание древних. М., 2001.

ей приводимых фактов, считая необходимым более всестороннее и углубленное их осмысление. В особенности это относится к вопросу о прародине человечества и направлениях этнических миграций, последовавших после «космопланетарного» катаклизма. Скорее всего, большинство из выявленных Э. Г. Мулдашевым путей расселения людей по земному шару имело место на самом деле, но лишь как один из этапов весьма длительного и противоречивого процесса этногенеза и миграции протоэтносов.

Именно это как раз и относится к Тибету как вероятной прародине человечества. Факты свидетельствуют: тибетцы, как и индоарии, являются пришлым населением того региона, где они обитают по меньшей мере последние 5 тысяч лет. В их священных книгах, устных легендах, архаичных традициях и верованиях много *полярных реалий*, свидетельствующих, что жизнь прапредков этих народов первоначально проходила на Севере. Так, по авторитетному мнению отечественного тибетолога *Бронислава Ивановича Кузнецова* (1931–1985)*, добуддистская религия *Бон* (по существу древнее мировоззрение тибетского народа) возникла под непосредственным влиянием древнеиранской идеологии, и в ней имеются полярные реминисценции, примерно такие же, как в древнеиндийской Ригведе или в древнеиранской Авесте.

В религии *Бон*, как и в современном ламаизме (по аналогии с древними ведийскими верованиями и индуизмом), почитается уже упоминавшаяся священная полярная гора Меру, являвшаяся центром Вселенной и расположенная на Северном полюсе. Она и изображается условно символически в самом центре многих *мандал* — священных графических

* См., в частности: *Кузнецов Б. И.* Древний Иран и Тибет: История религии Бон. М., 1998.

диаграмм, одинаково распространенных и почитаемых в буддизме и индуизме. По тибетским описаниям, гора (Су)Меру имеет форму усеченной пирамиды. Ее северный склон состоит из чистого золота, южный — из сапфиров (по другим версиям, из лазурита или малахита), западный — из рубинов, восточный — из чистого серебра. Океан вокруг (Су)Меру, в свою очередь, ограничен со всех сторон квадратной цепью гор; за ними — еще один океан, вокруг которого новая замкнутая горная цепь. Всего таких океанов и горных цепочек — семь. Вода в океанах — холодная, сладкая, прозрачная и целебная. В последнем, если двигаться от (Су)Меру, океане расположены 12 материков различной формы. Самые благодатные из них — на Севере: здесь люди живут не менее тысячи лет, а также растет мировое древо, по которому каждый из северных обитателей за неделю узнает о грядущей кончине. После смерти душа человека попадает либо в ад (их два — горячий и холодный), либо в рай (их тоже два). И грешные, и праведные души в дальнейшем включаются в череду непрерывных превращений. Постепенно древнейшая географическая картина мира была скорректирована: в результате утраты знаний о былом прошлом местонахождение горы Меру сместилось в Гималаи.

В общем этого и не отрицают и доверительные информаторы профессора Мулдашева. Один из них, имеющий высокий религиозный титул *свами*, — Дарам Радже Бхарти из города Амритсара — так обрисовал предысторию человечества:

«Эта цивилизация была очень развитой. Она утонула в море. Климат в то время был очень теплый и влажный. Земля была в виде островов. Растительность была другая. Много растений росло под водой. Атланты имели подводные плантации, много плавали в воде. Небо было красное. Они могли воздействовать

на гравитацию, имели удивительные летательные аппараты. Они владели направленной психической энергией. К сожалению, эта цивилизация накопила много негативной психической энергии, которая выливалась в конфликты. Это была одна из развитых цивилизаций на Земле. Но и она не убереглась от накопления негативной психической энергии. В итоге произошел космический катаклизм. Земля изменила свою ось, огромная морская волна обошла земной шар, смыл города и потопив человечество. <...> Мы произошли от атлантов. Атланты смогли сохранить свои тела в состоянии сомати на Гималаях — самой высокой части мира, куда не дошла волна во время всемирного потопы. Позже, когда вода отступила и условия на Земле снова стали достаточно благоприятными для жизни, души возвратились в тела атлантов, и они снова начали жить, дав росток современной цивилизации. У них были трудные условия жизни. Внешность их постепенно изменилась согласно изменившимся условиям жизни на Земле и приобрела черты человека нашей цивилизации. <...> Невероятного здесь ничего нет. Когда астронавты были на Луне и взяли пробы лунной почвы, то в ней были обнаружены законсервированные микробы. Если бы на Луне возникла атмосфера, эти микробы могли бы ожить. Так же и человек в состоянии сомати является человеком в законсервированном состоянии. Для религиозных мастеров Востока сомати столь же естественно и понятно, как для вас закон Ньютона. Сомати является единственным спасительным моментом при самоуничтожении цивилизаций. Те люди, которые вошли в состояние сомати и находятся в нем тысячи и миллионы лет, посвящают себя самым высоким целям, главная из которых — выживание человечества в случае самоуничтожения цивилизации. Сомати могут сохраняться в трех местах: в воде, пещерах и ледниках...»

Индийский посвященный Дарам говорит о *сома-ти*. Это одно из ключевых понятий древнего эзотерического знания. Так именуются существа предшествующих цивилизаций, находящиеся в состоянии, близком к *анабиозу*, и укрытые до поры до времени в глубоких и тайных пещерах тибето-гималайского региона. Э. Р. Мулдашеву довелось увидеть воочию спящих посланников прошлого, но еще до того их портрет был воспроизведен средствами компьютерной графики. Хотя в приведенном выше отрывке говорится об атлантах, сами индийские, непальские и тибетские мудрецы предпочитают не пользоваться этим понятием и прибегают к нему лишь при общении с представителями европейской культуры.

Для Тибета и Гималаев, если придерживаться концепции Северной (Полярной) Атлантиды, атланты — пришельцы. Косвенно это подтверждает и рассказ свами Дарама. Тем самым рушится предложенная Э. Р. Мулдашевым схема направления палеомиграций и расселения человечества по земному шару. Но как же в таком случае быть с утверждениями тибетских, непальских и индийских мудрецов, что полярная зона некогда находилась в тибето-гималайском регионе? Как это вообще возможно, что где-то здесь находился географический Северный полюс? Все очень просто: из космологии, геологии и геофизики хорошо известно, что полюса Земли не занимают раз и навсегда заданное место. Они либо очень медленно блуждают и перемещаются по планете в меридиональных направлениях, либо же резко меняются местами. Кроме того, в результате космопланетарных катаклизмов планета Земля вообще могла в прошлом оказаться лежащей «на боку» (наподобие седьмой планеты Солнечной системы — Урана) и быть повернутой нынешними арктическими широтами к Солнцу (вот, кстати, и ответ, почему в атлантическо-гиперборей-

скую эпоху климат в сегодняшних северных областях был жарким).

Интереснейшие расчеты провели российские геологи и планетологи *Г. Г. Кочемасов, С. Г. Сколотнев, В. Л. Сывороткин*. Согласно их выводам, земная ось в далеком прошлом находилась не на линии Арктика — Антарктика, а на линии Памир («Крыша мира») — остров Пасхи («Пуп Земли»). Соответственно располагались и полюса. Дальнейшие расчеты показали, что в иные времена, отстоящие друг от друга на значительные отрезки времени, земная ось могла проходить и по другим линиям: остров Новая Гвинея — скала Сан-Паулу в Атлантическом океане; регионы — Японский — Южно-Атлантический, Калифорнийский — Южно-Индийский, Азорский — Новозеландский. Мне также приходилось неоднократно (начиная с первых же публикаций) писать о том же самом — и в общем виде, и непосредственно называя Тибет как одну из возможных в далеком прошлом полярных точек.

Таким образом, расчеты российских ученых конкретизировали давнюю концепцию «блуждания» географических полюсов в дополнение к хорошо просчитанной теории регулярной перемены местами магнитных полюсов. Согласно новейшим данным подобная геомагнитная инверсия за всю историю Земли происходила не менее 171 раза; последняя — 10–12 тысяч лет до н. э. Естественно, что в каждом таком отдельно взятом случае на планете происходило подлинное светопреставление, многократно описанное в древних священных книгах и преданиях и получившее обобщенное наименование «потопа». Безусловно, картина любого из «потопов» была апокалипсически впечатляющей, а последствия — необратимо-ужасающими.

Примерно о том же говорят и тибетские хранители древнего знания. Но они же и называют со-

вершенно конкретную дату: катастрофа на Земле случилась 850 тысяч лет тому назад. Именно тогда земная ось сместилась таким образом, что тибето-гималайский регион перестал быть полярным и очутился там, где он сейчас и находится. *А в северных полярных широтах оказался тот материк, который ранее считался Атлантидой, а впоследствии получил наименование Гипербореи!* Именно эта самая Атлантида—Гиперборея на основании древних начертаний изображена на знаменитой карте Меркатора 1569 г. Тем самым автоматически снимаются все недоразумения, связанные с нестыковкой или, напротив, явных совпадений атлантйских и гиперборейских феноменов.

Но история человечества и постигшие его беды на том не заканчиваются. Космические и геофизические катаклизмы на протяжении дальнейшей истории повторялись с роковой неизбежностью. Последнее из таких светопреставлений пришлось ориентировочно на XII тыс. до н. э. Именно о нем и поведали когда-то египетские жрецы элинам. Древнее предание, которое стало в конце концов известно Платону, он скрупулезно воспроизвел в диалогах «Тимей» и «Критий», повествуя о гибели Атлантиды. При этом Платон ничего не говорит о том, сколько вообще было потопов (древние греки насчитывали их до четырех), или о том, как сопрягалась последняя по счету Атлантида с теми, что предшествовали ей во времени. По существу, платоновская Атлантида стала собирательным образом и своеобразным символом для всех обитаемых земель, которые постигла ужасная участь — погибнуть и погрузиться на дно морское.

* * *

Согласно концепции Е. П. Блаватской, Атлантида (в ее расширительном понимании) гибла четыре

раза. Выше говорилось о том, что те, кто уцелел после чудовищного катаклизма, постигшего Землю около XII тыс. до н. э., составили костяк «арийцев» и всего человечества, они и стали хранителями древней информации, скрытой от простых смертных, но доверенной лишь Высшим Посвященным.

Именно с такими хранителями и довелось встретиться профессору Мулдашеву во время специально организованных экспедиций в Индию, Непал и Тибет. Более того, при содействии разделявших его идеи ученых, врачей, *свами* и *риши* ему удалось не только найти одну из древних тайных пещер, но и проникнуть в нее. Этому предшествовала долгая и скрупулезная аналитическая работа, многочисленные встречи и обсуждения с людьми разной степени посвященности, владеющими данной информацией, и выезды на места непосредственно в гималайско-тибетский регион (благо, что у офтальмолога с мировым именем такая возможность имелась). Э. Р. Мулдашев знал, что следует искать, к тому же у него были приблизительные рисунки тех представителей утонувшей некогда цивилизации, которые сохранили свои тела в состоянии *сомати* под сводами труднодоступных и хорошо замаскированных гималайских и тибетских пещер, упрятанных глубоко под землю.

Находясь в состоянии телесного оцепенения и физиологической заторможенности, хранители древних знаний тем не менее сохраняли контакт с ноосферой и обладали высокой энергоинформационной активностью, включая управление биополем и психологическую защиту. Подтверждением этого для профессора Мулдашева был рассказ одного ламы, свидетеля геноцида тибетского населения во времена всенародного восстания против китайских оккупационных войск, а затем и погрома тибетских святынь в годы «культурной революции». Поис-

ками местонахождения древних пещер занимались китайские спецподразделения. Одному из карательных отрядов удалось напасть на след и приблизиться к расщелине, ведущей под землю. Но ни одному человеку не довелось спуститься в священный лаз. Весь отряд карателей был найден мертвым, а лицо каждого из погибших было искажено застывшим ужасом.

И все же Мулдашеву удалось войти в доверие к непосредственным охранителям священных пещер, которые показали расщелину в скалах и разрешили туда войти в одиночку, но предупредили, что это смертельно опасно без длительной медитационной подготовки. Уже при входе в лаз Мулдашев ощутил сначала чувство непонятного страха, затем — необъяснимого негодования и, наконец, нестерпимой головной боли, которая не оставляла пытливого ученого на протяжении всего эксперимента. Тусклый фонарик (таково было условие допуска в святая святых) не позволял увидеть многие детали. Но все же в огромном сводчатом зале он смог разглядеть застывшие фигуры сидевших повсюду людей разной внешности. Внутренний голос непреклонно требовал не приближаться к ним и немедленно вернуться назад. Мулдашев так и поступил... О некоторых таинственных и тайных вещах после посещения пещеры он теперь говорит словами своих наставников: «Я не скажу этого даже Богу», хотя и не собирается оставлять дальнейших поисков.

Мне думается, что есть все основания полагать, что глубокие пещеры-хранилища, подобные тибетским и гималайским, рассредоточены по всей Земле. Есть они, вне всякого сомнения, и в урало-сибирском регионе. Быть может, в отписке енисейского воеводы князя Щербатого о необычных людях *чюлюгдях*, что в XVII в. неожиданно появились из глубокой расщелины перед крещеным тунгусом Богдашкой Чекотеевым, как раз и описывалась встреча с подоб-

ными представителями иных миров и цивилизаций. А разве не похож священный саамский лаз под землю в горах близ Сейдозера, где в 1922 г. удалось сфотографироваться экспедиции А. В. Барченко, на тот, что описывает профессор Мулдашев? И разве не то же самое ощущение страха и внутреннего дискомфорта ощущали те, кто приближался к таинственному спуску под землю? Я полагаю — и даже уверен на 100%, что после общей фотосъемки Барченко вернулся к лазу, спустился под землю и с ним произошло примерно то же самое, что и с Мулдашевым. Не предпринять такой попытки Барченко просто не мог: разве не за тем он, преодолевая невероятные трудности и опасности, два месяца добирался в заповедную кольскую глухомань. Он ведь точно знал, что где-то здесь (быть может, именно в глубинах священного лаза) скрывается тайна Универсального знания, поискам которого он посвятил свою жизнь. Точка в самом центре Кольского полуострова у священного саамского озера, окруженного горами, куда Барченко привел свой отряд, была вычислена давно на основании тайных масонских документов, основанных на древнейших сведениях, но обо всем этом он предпочитал не распространяться. Спуститься в подземное отверстие на виду у всех Барченко тоже не мог: с точки зрения саамов-лопарей, это явилось бы величайшим святотатством. Что произошло дальше — можно только догадываться. Если лаз был взорван (а веские основания для такого предположения имеются), то становится понятной и реакция невидимых сил, охраняющих тайну священных мест: немедленно налетел ураган, лодку с участниками экспедиции на обратном пути перевернуло, люди едва спаслись, выбравшись на небольшой островок.

Предполагая, что главные секреты далекого прошлого сокрыты не только высоко в горах, глубоко

под землей, но и под водой, научно-поисковая экспедиция «Гиперборея» работала на Сейдозере (начиная с 1997 г., с 2002 г. поиски переместились на Ямал, Таймыр и дальше). Само Сейдозеро — символ и олицетворение Великой тайны. Легенды говорят, что у него есть второе дно: вне всякого сомнения, речь идет о подводном убежище. Исходя из того, что гиперборейско-атлантическая цивилизация была тесно связана с водной стихией, можно считать, что древние обитатели сих мест многое спрятали под водой. Речь может идти и о подводных гуманоидах, наподобие тех, с которыми столкнулись военные аквалангисты в ходе проведения спецучений на Байкале.

Не менее загадочны мелкие озера, повсюду разбросанные в районе Сейдозера: во-первых, они имеют правильную овальную форму; во-вторых, расположены в самых неожиданных местах (например, посередине обширной болотной трясины); в-третьих, имеют повышенную радиоактивность и очень большую глубину. Создается впечатление, что они представляют собой проходы под землю или древние шахты, затопленные водой. А мелководный залив лагуна, отделенный от Сейдозера узкой и длинной косой? Когда смотришь на нее с прилегающих гор, невозможно отделаться от впечатления, что перед тобой древняя искусственная дамба — тем более что она прямоком ведет от перешейка между Ловозером и Сейдозером к святилищу Великой Богини и обсерватории, расположенных на горе Нинчурт («Женские груди»). О наземных тайнах этой местности подробно рассказано в моих предыдущих книгах и статьях. Здесь же укажу несколько направлений и мест, где изыскания планируется продолжить.

Исследователи предыстории (по наводке индийских *гуру*) обратили свой взор к аномальной гималайской горе Кайлас. Находясь рядом с ней, чело-

век испытывает необычные ощущения; а люди, побывавшие здесь, случается, гибнут от неизвестной болезни; сюда же специально приходят умирать верующие (от обилия костей паломников прилегающее к горе ущелье прозвано Долиной скелетов). Но самое интересное, что гора Кайлас имеет форму пирамиды. Мулдашев высказал предположение о ее искусственном происхождении и непосредственной связи с пещерными хранителями тайн древних цивилизаций.

Однако не меньшее впечатление производят пирамидальные вершины на Шпицбергене. Собственно и название северного архипелага образовано от двух слов: *spitz* — «острый конец», *bergen* — «горы» (поморы называли эту в прошлом русскую землю в Ледовитом океане *Груманти*). Одна из самых известных гор на Шпицбергене так и называется — пирамида. Не стоит ли и ее рассмотреть с точки зрения атлантической-гиперборейской истории? Пирамидальные холмы, сопки, горы имеются повсюду. В России их можно обнаружить и на Чукотке, и на Ямале (в районе реки Юрибей), и на Урале, и в Сибири. В отношении по крайней мере некоторых из них можно высказать достаточно смелую гипотезу: конусообразные холмы и сопки (о горах мы пока не говорим) являются следами древних подземных выработок, прокладки туннелей или создания убежищ (наподобие хорошо известных современных терриконов — отвалов пустой породы на поверхности земли близ шахт и рудников, где ведется добыча угля и руды).

Глава 2

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

Тема Русской Атлантиды не нова. Она обсуждается на страницах книг, газет и журналов как в реальном историческом, географическом, так и мистическом аспектах. Словосочетание «Русская Атлантида» также давно превратилось в привычное широкоупотребительное выражение. В разное время и исходя из различных потребностей так именовали и затопленные земли Прикаспийской низменности (*Л. Н. Гумилев*), и черноморское дно близ Тамани и Геленджика (*А. И. Асов*), и Китеж-град (*Э. М. Мурзаев*), и затопленные земли на месте Рыбинского водохранилища (в Ярославской области даже создана турфирма «Русская Атлантида», организующая экскурсии по заповедным местам). К этому стоит присоединить названия мест, связанных с попыткой отыскать следы собственно Платоновой Атлантиды в разных точках на карте Российской Федерации (о чем речь пойдет ниже).

На рубеже XX и XXI вв. некоторые российские ученые вообще ухитрились довести проблему Атлантиды до абсурда. Так, представители так называемой «новой хронологии», естественно, не могли пройти мимо Платоновой Атлантиды и пришли к выводу, что не только не существовало никакой

Атлантиды, но и не было никакого Платона: труды его — продукт позднейшей (не ранее XIV в.) фальсификации. (Одним словом, почти по Высоцкому: «Это все придумал Черчилль в восемнадцатом году...») «Новая хронология» высветила и имя фальсификатора. Им оказался византийский философ Георгий Гемист Плетон (ок. 1355 — 1450), который якобы и сотворил миф о Платоне и явился автором всех его известных творений (включая диалоги «Тимей» и «Критий»). С их точки зрения, легенда об Атлантиде потребовалась хитроумному византийцу для того, чтобы в иносказательной форме ввести в научный и политический оборот мифологему так называемой Монгольской Руси, которая и доминировала в ту эпоху на исторической арене. Этот исторический фантом, родившийся в воспаленном мозгу основоположников «новой хронологии», помимо всего прочего, означает, что не было в действительности ни Чингисхана, ни Батыя, а под этими именами скрываются, соответственно, великий князь Московский Георгий Данилович и его младший брат Иван Данилович, прозванный Калитой. Но и это еще не все. Приводится, к примеру, следующее утверждение: русский Чингисхан (то есть Георгий Данилович) на самом деле и есть тот Посейдон, что основал Атлантиду, у него был и сын Атлант, а Батый-Калита, хотя и считался вассалом старших родичей, впоследствии сам был обожествлен под именем Зевса*.

Вот такая «Русская Атлантида» получилась. А что же на самом деле? Российско-монгольский аспект обрисованной схемы затрагивать не станем: его абсурдность понятна сама собой. А вот что касается византийских происков, некоторую ясность хоте-

* Подробнее см.: Кузьмин И. Открытая Атлантида? М., 2002.

лось бы внести. Действительно, существовал такой мыслитель Георгий Гемист Плетон. В условиях расширяющейся османской экспансии он сумел вывезти из Константинополя в Италию множество древних манускриптов, включая и творения Платона. На их основе и с привлечением лучших умов своего времени Козимо Медичи основал во Флоренции в 1459 г. новую Платоновскую академию. Спасение античного наследия — одно из достойнейших деяний подвижников духовной культуры той достославной эпохи. Известно, что часть бесценных рукописей и книг попала в XV в. и в Россию в качестве приданого византийской принцессы Софьи Палеолог — невесты государя всея Руси Ивана III. Они и составили основу собрания, именуемого ныне библиотекой Ивана Грозного, следы которой оказались утерянными уже полтысячи лет тому назад.

Всякого рода исторические «выверты», доведенные до полнейшего абсурда, — характерная черта постсоветской России. Никто уже ничему не удивляется. Романтика сделалась чуть ли не ругательным словом. Не то было каких-нибудь сто лет назад, когда поэты Серебряного века писали стихи на тему Атлантиды и она вдохновляла серьезных ученых и мыслителей. Выражая общее мнение, *Николай Константинович Рерих* (1874–1947) писал:

«Атлантида — зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, в золототканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые. Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славили. Преклонялись перед владыкой страны. Но

Рис. 3. Н. Рерих. Атлант. 1921

случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое вещее слово: «Встанут волны горою. Море покроет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомстит» <... >.

Кстати, Н. К. Рерих серьезно интересовался проблемой погибшего материка на протяжении всей своей жизни. На рубеже 20–30-х годов XX столетия он даже написал на данную тему две картины — «Атлант» (рис. 3) и «Гибель Атлантиды» (рис. 4) (обе находятся в США). Атлантида — вообще устойчивый образ русской литературы и эссеистики. Возвышенные поэтические строфы посвятили ей Вячеслав Иванов и Константин Бальмонт. В 1910 г. на Всемирной художественной выставке в Брюсселе золотой медали было удостоено панно российского

Рис. 4. Н. Рерих. Гибель Атлантиды. 1929–1930

Рис. 5. Л. С. Бакст. Древний ужас. Гибель Атлантиды. 1908

символиста Л. С. Бакста «Древний ужас», посвященное гибели Атлантиды (рис. 5). В картине, изображающей стихию и гибель людей, современники уловили предчувствие грядущих апокалипсических испытаний. Заглавное стихотворение В. Я. Брюсова из венка сонетов «Светоч мысли», написанного в годы революции, задает тон следующими строками:

Впервые светоч из священных слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.

Он заблистал для будущих веков,
И с той поры все пламенной, все шире
Сияла людям Мысль. Как свет в эфире.

В те же революционные годы Брюсов работает над обширным и серьезным трактатом «Учители учителей: Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение». Работа посвящена Атлантиде как истоку человеческой культуры. В самый разгар революционных событий в Петрограде (с мая по декабрь 1917 г.) ее публикует М. Горький в своем журнале «Летописи»; в дальнейшем она была апробирована в виде публичных лекций, прочитанных в Народном университете им. Шанявского. Чуть позже находящийся в Париже символист Д. С. Мережковский обнародует в ряде русских эмигрантских изданий отдельные главы обширного исследования «Тайна Запада: Атлантида — Европа», вышедшего отдельной книгой в Белграде в 1930 г. Хотя для Мережковского самым актуальным оставался урок Атлантиды, которую *сгубила война*, он, тем не менее, сумел сделать несколько нестандартных выводов. Среди них идея об истинном характере древнекаменного века, с коим теснейшим образом была сопряжена атлантическая культура. Небезынтересно в плане полярных корней европейского мировоззрения и предположение Мережковского о происхож-

лении античного образа Европы: ее он сближал с Деметрой и, исходя из устойчивых эпитетов — Сумеречная и Темная, — этой очередной возлюбленной Зевса, увязывал ее с полярными гиперборейскими реалиями и называл Ледниковой Исидой.

Значительно пополнили сведения о Русской Атлантиде отечественные эзотерики, а также их зарубежные коллеги. Как известно, получаемое ими знание ноосферного происхождения, которое не поддается опытной или источниковедческой проверке. Именно такого рода атлантологической информацией обладали Е. П. Блаватская, Н. К. и Е. И. Рерихи, а также знаменитый американский экстрасенс и медиум *Эдгар Кейси* (1877–1945), который всю свою прорицательскую и целительскую деятельность строил на материале Атлантиды и в своих трансовых видениях описывал существенные подробности хозяйственной, военной, научной, религиозной и обыденной жизни исчезнувшей древней цивилизации.

Аналогичным путем озарения, судя по всему, были получены и самые свежие сведения, касающиеся российских корней Атлантиды. Так, атлантолог *Иван Евсеевич Кольцов* в ряде публикаций, начиная с 1993 г., утверждает, что империя атлантов имела мощные форпосты на севере Евразии, включая устья Печоры, Оби, Енисея, Лены, Индигирки и Колымы, полуострова Ямал и Таймыр, северную Якутию, Чукотку и ряд других регионов. Одна из административных столиц Атлантиды располагалась на Таймыре (на озере Лама близ современного Норильска). Более того, на Таймыре, в указанном месте, находится и подземная гробница одного из атлантских императоров по имени Тацлав, а также обширное и тщательно спрятанное хранилище атлантских документов и книг. Вот как развивается далее эта мысль в ряде публикаций в отечественной прессе.

Предполагается, что в шельфовой части моря Лаптевых под слоем ила покоятся в неразрушенном состоянии корабли атлантов, трюмы которых наполнены диковинными товарами древней цивилизации. Некоторые виды кораблей, согласно преданиям, были больших размеров (до 100 м длиной и 50 м шириной), по форме напоминая черепахи, и могли плавать, глиссируя и огибая преграды. Именно в подобного рода точках Ледовитого океана почему-то нередко происходят кораблекрушения; недаром одно из таких мест прозвали «кладбищем кораблей». В районе Таймыра сокровища также ждут своих исследователей (на суше и на шельфе моря), где, быть может, находятся ценнейшие материальные и иные свидетельства прошлых цивилизаций. На шельфовой части существовал и город-порт, подтверждением чего служат следы каменных сооружений (в том числе и подземных). Через эти места пролегли торговые пути из Китая и Индии в Европу вплоть до XVI в. Многие сооружения атлантйцев могут находиться под слоем ила или же культурного слоя почвы, в холмах и сопках. Пирамиды и курганы атлантов были выполнены из многослойного прочного камня. Некоторые из них засыпаны лишь частично, и их можно видеть на юге Канады у озера Виннипег, в Карелии, на Шпицбергене, Земле Франца-Иосифа и других северных островах*.

Проблема Северной (Полярной) Атлантиды и нахождение ее на российской территории постоянно витает в воздухе и пробивается на страницы книг, газет и журналов. В 2000 г. в ежемесячнике «Тайны XX века» (№ 7) была опубликована статья Г. Черненко «Северная Атлантида» об открытиях возглав-

* См.: *Кольцов И.* Следы Атлантиды в России // Необъявленный визит. 1996. № 6 (20).

ляемой мной научно-поисковой экспедиции «Гиперборея». Хотя в ней и не упоминалось имя автора «Писем об Атлантиде» Ж. С. Байи, Г. Черненко как пытливый изыскатель уловил неотделимость проблемы Гипербореи от проблемы Атлантиды, решение которых лежит на Севере.

Много внимания вопросу о связи Атлантиды с Россией, как уже говорилось, уделяет известный исследователь метаистории А. И. Асов, посвятивший данной теме множество публикаций, среди которых особо выделяются две книги — «Атланты, арии, славяне» (М., 1999) и «Атлантида и Древняя Русь» (М., 2001). Его концепция хорошо известна и неоднократно озвучивалась в различных вариантах. Саму Атлантиду Асов помещает в Малой Азии, а ее периферию — на побережье Черного моря, включая российский берег от Анапы и Геленджика до Туапсе и Сочи. Эллинского Атланта-небодержателя он сближает с русским Святогором, а к атлантыцам относит и греческого Крона, и ветхозаветного Каина, и других богов, полубогов и героев древнего мира.

* * *

Естествен вопрос: если Атлантида—Гиперборея так тесно была связана с территорией России, то не отыщутся ли на сей счет хотя бы какие-то доказательства в ее культуре. Семантический и лингвистический анализы с помощью метода *археологии языка и смысла* показывают, что подобное допущение небезосновательно. Рассмотрим всего лишь два имени — *Посейдон* и *Атлант*. Оба они, подчеркивают мифологи, неэллинского происхождения. Между тем в обоих нетрудно усмотреть индоевропейские и даже русские корни. Так, имя *Посейдон* распадается на две вполне внятные и понятные лексемы — *(но)сей* + *дон*.

«Дон → дан → дун» — одна из древнейших доиндоевропейских корневых основ, означающих «воду». Данная корневая морфема входит в названия других европейских рек — *Днепр, Дон, Донец, Д(а)нестр, Дунай, Родан, Эридан* и др. Если же первую часть теонима Посейдон читать в точном соответствии с ее звучанием и к ней подставить найденное значение второй морфемы, то расшифровка напрашивается сама собой — «посей воду». Следовательно, Посейдон — это *Сеятель воды*.

Несколько сложнее дело обстоит с именем *Атлант*. Исходная корневая основа «атл» достаточно редка и непривычна. В русском языке, например, есть слово «атлас», имеющее несколько значений и различное происхождение. Первое, означающее сборник географических карт, как и во многих других европейских языках, напрямую образовано от имени Атланта, которое по-гречески звучит как Атлас. Другое, означающее «гладкую ткань», попало в русский обиход, скорее всего, через восточных купцов, а те переняли его от арабов, у которых слово «атлас» как раз и значит «гладкий». Производными от них выступают популярная русская фамилия Атласов (так звали, скажем, одного из выдающихся русских первопроходцев, «камчатского Ермака», как назвал его Пушкин, — казака Владимира Атласова), а также еще одно имя с аналогичным корнем: *Атли (Этли)* (так скандинавы и немцы переименовали имя грозного завоевателя Аттилы).

Однако рассматриваемое слово может указать и на иные следы поиска Атлантиды на русской земле. Мне представляется, что морфема «*атла*» легко распадается на две составные части: *а* + *тла*. Первая часть его «*а*» — приставка, в системе индоевропейских языков традиционно означает отрицание — «не». Например, в санскрите *адити* — «несвязанность,

бесконечность» (откуда ведийская богиня-праматерь *Адити*); из древнегреческого в современные языки попало множество понятий с отрицательным смыслом: *амнезия* — «отсутствие памяти», *асимметрия*, *анаэробы* и др. Вторая часть морфемы «тла» также не чужда для русского языка. Хотя название всем известного листососущего насекомого звучит чуть-чуть по-иному — *тля*, но можно найти и абсолютно идентичную огласовку — в составе устаревших слов «тло, тла» и сохранившуюся в современном языке в слове «дотла» (сгореть).

Но морфема «тло» входит в одно и то же лексическое гнездо со словами «туловище» — тело без учета головы, рук и ног; «туло» — колчан в виде трубки, где хранятся стрелы (отсюда — «втулка»). Производными от той же корневой основы в русском языке являются слова: «тыл» — затылок и вообще — задняя часть чего-либо, «тло» — основание, дно (в современном языке сохранилось слово «дотла»); «тлеть» — гнить или чуть заметно гореть и т. д. Согласно Словарю В. Даля, понятие «тула» — это «скрытое, недоступное место» — «затулье», «притулье» («тулить» — укрывать, скрывать, прятать и т. п.)*. Отсюда же и название города Тула (дословно — «потаенное место»). Но точно таким же было, как уже говорилось в самом начале книги, и самоназвание легендарной Гипербореи, и столицы древнего Центральноамериканского государства тольтеков. Конечно, российская Тула вряд ли имеет прямое отношение (по принадлежности) к древнему матерiku Тулэ. Однако налицо самоочевидное свидетельство: прапредки русского (так же, как и саамского) народа вполне могли знать о существовании легендарной страны, название которой означало нечто скрытое и завет-

* В санскрите лексема *tulā* имеет иной смысл: «весы», «чаша весов», «вес», «равновесие», «равенство», «сходство».

ное — оно-то и перенесено, возможно, или подсказало наименование тому месту, где впоследствии возник «загадочный» город Тула.

Русская Тула — действительно сакрально-потенный центр, что связано с его географическим расположением, геологическими и геофизическими особенностями, ферроэнергетикой железорудных месторождений. В стародавние времена они, как магнитом, притягивали сюда людей, быстро ставшихся благодаря уникальному биосферному и ноосферному влиянию рудознатцами, плавильщиками железа, кузнецами, мастерами и хитроумными умельцами, слава о коих шла во все края.

Примечательно, что из истории известна еще одна Тула* — столица древней Центральноамериканской империи тольтеков (само название народа того же корня). А в Западной Сибири есть небольшая река с тем же названием: Тула — приток Оби. Топонимы и гидронимы с корнем «тул» вообще имеют чрезвычайное распространение: города Туль, Тулон и Тулуза — во Франции, Тулча — в Румынии, Тульчин — на Украине, Тулукан — в Афганистане; Тулымский камень (хребет) — на Северном Урале; реки Тулва, Тулпан и Тулымка — в Пермской области, озеро Тулос — в Карелии. И так далее.

В заключение добавим самоназвание одного из дравидских народов в Индии — *тулу*.

Проведенный краткий этимологический анализ дает основание лексему «атла», образующую имя Атлант, а также вторую ее часть включить в лексическое гнездо со словами «Тула», «тло» и т. д. С учетом же того, что гласные и согласные звуки вообще могут выпадать из первичной лексической основы, можно допустить: морфема «атла» первоначально звучала как *атала* или *атула*. В таком случае мож-

* Другая огласовка — *Толлан* или *Тлапаллан*.

но смело утверждать, что искомый смысл найден: $a + тула = нетула$, то есть *не-тайный* или же *не-Тула**. Последнее значение могло относиться к местности, находящейся вблизи Тулы-Гипербореи, но не идентичной ей. Кроме того, следует иметь в виду, что архаичный корень «ант» является основообразующим элементом в этнониме *анты* — так совокупно византийские историки именовали многочисленные славянские племена, досаждавшие Восточной Римской империи в IV–VII вв. Идентичная корневая основа имеется и в имени *Антея* — сына Посейдона и Геи, которого задушил Геракл, оторвав от Матери-Земли, дававшей великану неисчерпаемую силу. Если кто-то станет возражать, что, дескать, подобное совпадение носит чисто случайный характер, то вынужден разочаровать такого гиперскептика: вероятность случайных совпадений здесь ничтожно мизерна**.

Понимание языка в плане его корреляции с заложенными в ноосфере смысловыми элементами не

* Аналогичного мнения придерживается британский историк профессор Клиффорд Райт. Он также обращает внимание на отрицательное значение морфемы *a-*, но реконструирует с ее помощью понятия с совершенно иным смыслом — «*невыдерживающий*». Он также обращает внимание на то, что слова с корневой основой «*атл*» встречаются в семитских языках, включая аккадский, финикийский и древнееврейский. (См. подробнее: Коллинз Э. Врата Атлантиды. М., 2002. С. 293–295.)

** Этимологический анализ имени *Атлант* и топонима *Атлантида* был бы заведомо неполным без обращения к мифологии и истории Американского континента. В дошедших до нас свидетельствах и легендах различных индейских племен (мешиков, тольтеков, майя) говорится о земле *Ацтлан*, заброшенной где-то далеко в океане, от названия которой к тому же происходит этноним *ацтеки*. Практически все индейцы атлантического побережья Мезоамерики считали, что их прапредки приплыли некогда из этой легендарной страны. Имена *Атлант* и *Ацтлан*, как видим, имеют незначительные отличия в согласных звуках.

делают ничего невероятного из подобного предположения. С точки же зрения космически обусловленных законов сохранения и распространения носферной информации совершенно не важно, каким конкретным путем это происходит, наиболее существенно, чтобы информация была сохранена и от поколения к поколению передавалась живым потребителям. Через некоторые смысловые константы происходит кодировка энергоинформационного поля Земли и Вселенной, откуда устойчивая информация всегда может быть извлечена различными способами и в самой разнообразной форме, включая алфавитные знаки (буквенные, слоговые, иероглифические, лигатурные, пиктографические) и письменные тексты, созданные любым образом — на бумаге, на дереве, на камне, на глине, на воске, на металле и т. д.

Попробуем господствующие научные представления представить в упрощенной модели. Тогда материально-вещественный мир предстает в бесчисленном множестве изолированных друг от друга тел, частиц и создаваемых ими полей. Они точно «мячики» в воздушной, безвоздушной и иной среде, между которыми происходит обмен разного рода информацией. В действительности все обстоит иначе, можно даже сказать — наоборот. В основе Мироздания заложена бесконечная и неисчерпаемая среда, названная очень неудачно *физическим вакуумом* (но других, более удачных, терминов пока не предложено). Изолированные же тела (все — от элементарных частиц до галактик, включая, разумеется, и живых существ) являются всего лишь проявлениями этой объективно-природной среды. Они не плавают в ней, как в море корабли, а являются как бы ступками ее самой. Потому-то и информация поступает в виде энергетических импульсов, прежде всего, в самую эту первичную среду, выступающую

Рис. 6. Атлант. Прорисовка античной статуи

как своего рода информационный банк Вселенной, откуда индивид может черпать смысловую ноосферную информацию и тем же путем передавать ее дальше.

Но вернемся к Атланту (рис. 6). Образ его в древнегреческой мифологии, поэзии и эллинском мировоззрении в целом достаточно противоречив. Сказанное недвусмысленно подтверждает характеристика, данная титану-небодержателю двумя зачинателями античной поэзии — Гомером и Гесиодом. Гесиоду принадлежат хрестоматийные строки, цитируемые бесчисленное число раз (*Теогония*, 517–519):

Держит Атлант, принужденный к тому
 неизбежностью мощной,
 На голове и руках неустанных широкое небо
 Там, где граница земли, где певичы живут
 Геспериды.

Аполлодор, как мы помним, уточняет, что границы эти, сам Атлант, сад Гесперид с золотыми яблоками находятся «там, где обитают гиперборей-

цы» (II: 5,11), то есть на Крайнем Севере. Среди утраченных творений Гесиода была поэма, которая называлась «Потомки Атланта». В комментариях античных грамматиков и схоластов от нее сохранилось несколько фрагментов. В одном из них Атлант назван «блистательным». Казалось бы, что еще можно добавить? Оказывается, очень и очень много! Ибо приведенная характеристика и эпитет, данные Гесиодом, абсолютно не совпадают с тем, что говорится в Гомеровой «Одиссее», где Атлант именуется «кознодеем» (то есть «злокозненным»), а про его основное занятие, связанное с поддержанием на своих плечах и голове небесного свода, утверждается нечто совершенно другое и весьма любопытное именно для темы настоящей книги.

Интересующий нас фрагмент из I главы «Одиссеи» начинается с рассказа о семилетнем пребывании героя в волшебном гроте нимфы Калипсо на далеком острове Огигия (который, как мы помним из Байи, многие отождествляли с Атлантидой). Предположение вполне закономерное, ибо прекрасная нимфа была дочерью *титана Атланта*. Вот что говорит про нее Гомер (7: 51–53):

<...> Дочь кознодея Атланта, которому ведомы
моря
 Все глубины и который один **подпирает громаду**
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо
и землю.

Я намеренно выделил интригующие слова (иначе не назовешь) в классическом переводе В. А. Жуковского, чтобы сравнить их с переводом В. В. Вересаева:

<...> Дочь кознодея Атланта, которому ведомы
бездны
 Моря всего и который **надзор за столбами имеет:**
 Между землею и небом стоят они, их раздвигая.

Где же тут небо, лежащее на плечах или голове? Оно покоится на *столбах*, а вовсе не на корпусе или руках Атланта* Титан в одном случае подпирает эти *столбы*, а в другом — просто выступает их *смотрителем и сторожем*.

Однако в приведенных трех строчках из Гомерово́й «Одиссеи» содержится гораздо более ценная и интересная информация о загадочных *столбах*, которые, собственно, и поддерживают небо, дабы оно случайно не упало бы на землю. Мне представляется (и уверен, что не ошибаюсь): у Гомера в поэтически-искаженной форме речь идет о действительных каменных столбах, что во множестве и по сей день встречаются в разных регионах мира и в особенности — на Крайнем Севере. Как хорошо известно, в «Одиссее» содержится описание полярной ночи, наверняка принадлежавшее очевидцу.

Интересующий нас пассаж в поэме следующий (XI, 12–19):

«Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле,

* Атлант (его Гомер почему-то недолюбливал — имелись на то, должно быть, веские причины), хотя было сие полубожество (титан) дедом настоящего олимпийского бога — *Гермеса*), — хранитель всего тайного и сакрального знания древности (а родила его мать-атлантида *Майя* от любвеобильного Зевса во все той же Гиперборее). Между прочим, известный эпизод, связанный с одиннадцатым подвигом Геракла — встреча с Атлантом на краю земли, где растет сад Гесперид с золотыми яблоками, и *передача* самому знаменитому герою Эллады небесного свода можно трактовать и аллегорически. Атлант, считавшийся первым астрономом древнего мира, мог *передать* Гераклу всего лишь знания о небесной сфере, тайнами которой он обладал.

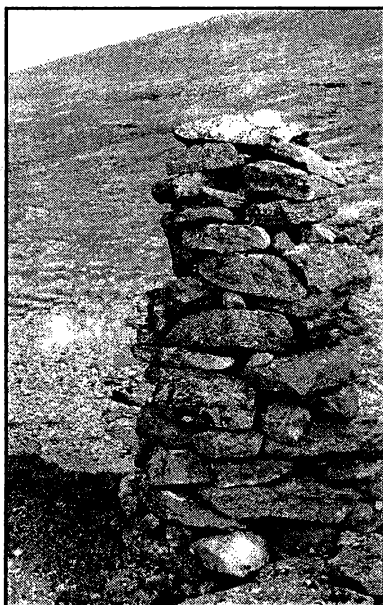

Рис. 7. Гурия на Кольском полуострове

но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (подстрочный перевод В. В. Латышева).

Из данного контекста становится ясно, почему Одиссей скитался в неведомых морях и землях около десяти лет. Он попросту попал в полярные широты, во владения атлантийцев. Отсюда же недвусмысленно вытекает: остров Огигия, где муж Пенелопы прижил от нимфы Калипсо троих сыновей, также относился к атлантийской территории, ибо все потомки титана Атланта в первом и последующих поколениях считались **атлантийцами**.

Как уже отмечалось в предисловии, северное побережье полярных морей — от Кольского полуострова до Чукотки — изобилует сложенными из камней высокими пирамидальными столбами, именуемыми *гуриями* (рис. 7). Их ставили на видных местах в качестве «слепых маяков» для ориентации во

время плавания или сухопутного продвижения вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Судя по разным источникам, столбы-гурии использовали не только русские поморы, но и скандинавские викинги, мореплаватели, первопроходцы, промышленники и т. д. Точно так же английские мореплаватели, исследователи арктических широт Северной Америки, при высадке на берег сооружали гурии и оставляли под ними донесения и информацию для последующих изыскателей. На могиле английского исследователя Антарктиды Роберта Скотта (1868–1912), трагически погибшего на Южном континенте, его оставшиеся в живых спутники также воздвигли гурий.

Похоже античный мир (и не только он один) знал о существовании на Полярном Севере рукотворных и нерукотворных столбов. Безусловно, подавляющее большинство гуриев, которые и сегодня можно увидеть на всей территории Крайнего Севера, недавнего происхождения. Однако необходимо принять во внимание следующий бесспорный факт: воздвигнутые однажды в наиболее примечательных местах, гурии постоянно обновлялись (а в случаях полного разрушения — восстанавливались). Так что вполне логично предположить, что некоторые из современных гуриев стоят на том же самом месте, где они были воздвигнуты много веков (если не тысячелетий) назад.

Гурии по внешнему виду своему мало чем отличаются от некоторых искусственно сложенных лапландских *сейдов* (рис. 8), мегалитических культовых сооружений, которым испокон веков поклонялись саамы-лопари. Правда, лапландский сейд может быть и естественного происхождения, представляя собой огромный камень причудливой формы, как правило, стоящий на трех или четырех небольших камнях (образование такого природного феномена до сих пор не получило удовлетворительного объяснения). По

Рис. 8. Саамские сейды

всему миру встречаются самые разнообразные формы мегалитов (от греч. *megas* — «большой» + *lithos* — «камень») — огромных камней культового предназначения или сооружений из таких камней. Многие из них сохранились со времен матриархата и патриархата и несут смысловую нагрузку, напрямую связанную с той далекой эпохой и представлениями наших пращуров. Так, в античную эпоху, согласно Гийарху, первоначально устанавливались на дорогах из Афин «гермы» (переводится как «груда камней», «каменный столб») для указания расстояний с постоянными сентенциями, которые повсеместно почитались. Один из типов таких герм представлял собой закругленный столбовидный стержень с тщательно обработанной головой и подчеркнуто выраженным мужским половым органом — фаллосом в возбужденном или спокойном состоянии (рис. 9).

Небольшие менгиры по сей день сохраняются и оберегаются на крестьянских полях, где им приписывается все тот же магический смысл, что и в глубокой древности. Такое почитание менгира, торчащего посреди поля, зафиксировал один французский

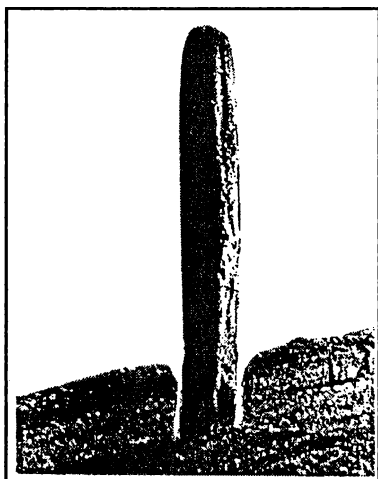

Рис. 9. Древний менгир около Нижней Ермоловки

этнограф в Марокко. Встретившийся ему феллах объяснил, что священное изваяние мужского детородного органа, посланное ему самим Богом, обеспечивает оплодотворение поля и гарантию урожая: «Когда Аллах призвал воду с небес [имеется в виду роса. — В. Д.], именно камни сохраняли ее, без них это поле было бы таким же бесплодным, как дорога...» Известен также стоячий камень во Франции, которому и по сей день поклоняются бесплодные женщины, мечтающие обзавестись ребенком. При этом сам менгир именуется так, как в таких случаях и полагается, а магический ритуал выражается в откровенно натуралистической форме: женщина должна потереться гениталиями о камень, и за многие тысячелетия бесчисленные паломницы отполировали его до блеска.

Культ камней и фаллических стел играл главенствующую роль и в верованиях древних семитов, а также других народов, живших в Месопотамии, Финикии, Палестине и т. д., в том числе — у древних евреев и арабов. Библия наполнена упоминаниями о

каменных фетишах, впоследствии вытесненных и искорененных иудаизмом, христианством и исламом (хотя намек на «каменное происхождение» сохранился в одном из главных эпитетов древнееврейского Бога — Скала Израиля). Быть может, именно данное обстоятельство дало основание еще в XVIII в., во времена Байи, выдвинуть гипотезу о едином происхождении лопарей (саамов) и евреев, поскольку те и другие поклонялись камням (последние — в далеком доиудаистическом прошлом), а также имели сравнительно невысокий рост и черные волосы*.

Точно так же и у арабов до возникновения ислама камни были одним из главных объектов поклонения. Один из них — так называемый «черный камень» (предположительно метеоритного происхождения) до сих пор остается одной из важнейших мусульманских святынь, хранящихся в кубическом храме Кааба в Мекке. Но и сохранившиеся древние столбы, именуемые «массеба», продолжают служить у арабов объектом суеверного почитания**. Арабский историк VIII в. *Ибн аль-Кальби* в свое время написал трактат «Книга об идолах», где подробно описал древние камни-фетиши, которым поклонялись арабы. Впоследствии множество таких камней было обнаружено при археологических раскопках — особенно в Палестине. Аль-Кальби сообщает предание о возникновении каменных идолов. Первым, кого создал Бог, был Адам. Когда он умер, сыны Шета (Сифа) похоронили его в пещере на горе Нод. Но один из сынов — Кабиль (Каин) — вырезал изображение Бога из камня для жертвоприношений. А затем сделал еще 5 изваяний

* См.: Новые и достоверные известия о лапландцах в Финмархии, об их языке, обрядах, нравах и о прежде бывшем языке их законе. М., 1792.

** См.: *Ранович А. Б.* Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937. С. 109.

своих сородичей, положив тем самым начало поклонения каменным идолам*.

Поклонение природным камням, а также искусственно сложенным столбам и пирамидам зафиксировано в разных концах земли. Так, в Китае в святилище (храме) бога земли — покровителя одной из общин — находился древний каменный столб, его ритуальные функции были сходны с теми, что известны из древнеегипетской и древнееврейской религий. Чрезвычайно развит культ *обо* — каменных пирамидок и курганов — у монголоязычных народов (в России — у бурят). В других областях земного шара — от Кавказа, Тибета и Памира до Океании и обеих Америк также сохранились каменные менгиры, что само по себе свидетельствует о значительной древности культа: общие в далеком прошлом верования были разнесены по всему свету по мере распространения миграционных волн некогда единого пранарода.

Целые комплексы менгиров были открыты во время экспедиции Рерихов в Гималаи, Тибет и другие регионы Центральной Азии. Так, в До-Ринге, возле соленого озера Пангонг, Рерих и его сын обнаружили значительный по размерам комплекс: восемнадцать параллельных рядов менгиров и каменных плит, ориентированных с запада на восток и ведущих к двум полукружиям менгиров. В центре высились еще три каменные колонны и алтарный стол. По словам Рериха, этот грандиозный комплекс в самом центре Тибета имел точно такую же структуру, как и знаменитая аллея каменных столбов в Карнаке (Бретань) во Франции. Существует несколько других подобных комплексов и множество менгиров, разбросанных по всему Тибету. Многие древние менгиры превращены в объекты буддийского поклонения.

* См.: *Никольский Н. М.* Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов. Минск, 1947. С. 168–169.

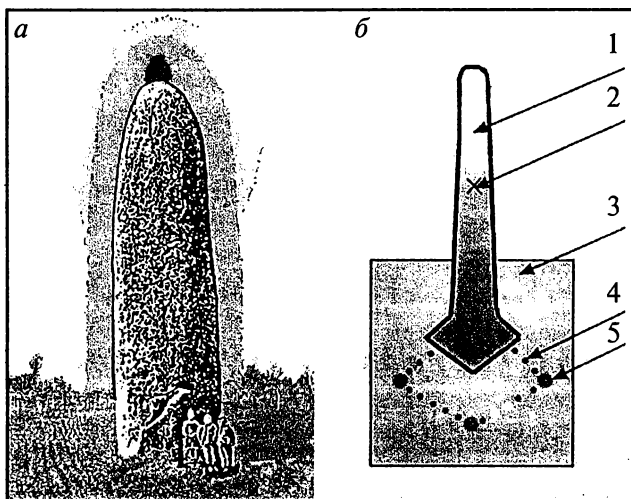

Рис. 10. Геркулесов столб:

а) Геркулесов столб (менгир в Бретани, Франция) и его энергетическое поле; б) устройство геркулесова столба. 1— вид Геркулесова столба; 2— энергоизлучатель внутри столба; 3— фундаментальная подушка; 4— энергоизлучатели минеральные (кремний, янтарь, редкоземельные элементы и т. д.); 5— потоки энергии. Сайт в Интернете по материалам статьи И. Кольцова «Тайна Геркулесовых столбов»

Космопланетарная и геофизическая сущность столбов-менгиров давно привлекает пристальное внимание специалистов из разных областей знания. В результате проведенных исследований ученые обнаружили, что вокруг менгира, как правило, имеется слоистая энергетическая оболочка до полуметра толщиной, а сам столб по существу представляет собой особое энергетическое устройство (рис. 10). Вот и сомкнулись вновь Геракловы (Геркулесовы) столбы из Платоновых диалогов с реальными каменными столбами Крайнего Севера и всего мира. Какие доказательства реальности Атлантиды и Гипербореи и их тождественности следует еще привести?..

Глава 3

«ПОТЕРЯННЫЙ НАРОД»

В письмах к Вольтеру Байи постоянно говорит о «потерянном народе» — выходе из Атлантиды— Гипербореи, следы которого безвозвратно исчезли. Так ли это и в каком смысле? Я закончил предыдущую главу констатацией совершенно бесспорного факта: и по сей день на бескрайних просторах Евразии существуют рукотворные памятники в виде выложенных из камней столбов, культура которых восходит к незапамятным временам гиперборейской истории, и данные артефакты вполне могут быть идентифицированы как столбы, связанные в античной традиции с именем Геракла. Но на этом аргументы, подтверждающие гиперборейское происхождение современных евразийских народов (и не их одних), не исчерпываются. Древняя миграция северных атлантйцев растянулась на многие века. Постепенно преодолевая гигантские расстояния и осваивая новые территории от Ледовитого океана до Индийского и Атлантического, древние арии повсюду оставляли следы своего пребывания в виде названия мест (топонимов), рек и озер (гидронимов).

Приведем несколько примеров. Территория Крайнего Севера в районе низовий великой реки Оби

издревле зовется *Югра*, а пролив между островом Вайгач и материком именуется *Югорский Шар*. Происхождение самого топонима *Югра* уходит своими корнями в глубочайшую гиперборейскую историю. Нет сомнения в том, что на индоарийском этапе ее развития исходная протолексема представляла собой санскритское слово *yuga*, имеющее по меньшей мере восемь важнейших значений: 1) «ярмо»; 2) «пара запряженных быков»; 3) «двойная строфа, образующая стих»; 4) «поколение, род»; 5) «период жизни»; 6) «воздушное пространство»; 7) «отрезок времени в 5–6 лет»; 8) «мировой период в 3000 космических лет» (каждый небесный год равен 3600 земным годам)*.

Последнее (восьмое) значение санскритского понятия «юга» превратилось во впечатляющую и детально продуманную индуистскую космическую модель временных циклов, в основу которой была положена концепция древнейшей космографии. Согласно ей, Мироздание, включающее и Землю, и человечество, подчинено раз и навсегда определенным циклам. Каждый такой цикл, именуемый *махаяугой* («большой век»), продолжается 4 320 000 лет и распадается на четыре эпохи — *юги*. В течение четырех *юг* (критаюги, третаюги, двапараюги и калиюги) цивилизация постепенно деградирует от Золотого века — эпохи всеобщего благоденствия — к торжеству «царства зла» — эпохи всеобщего упадка, процветания порока, низменных страстей, лжи, алчности и т. п. Сейчас как раз идет шестое тысячелетие калиюги, но до конца ее еще 426 000 лет. Так что все худшее еще впереди. Лишь по прошествии указанного времени мир вернется в

* См.: *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1987. С. 531.

начальную точку и на Земле вновь наступят согласие и процветание. Но этим космическая цикличность не ограничивается. Землян еще подстерегают вселенские катаклизмы. Правда, очередной ожидается не скоро. 1000 махаюг образуют еще один временной цикл — *кальпу* (или 1 день Брахмы). [Трехглавый Брахма — верховное индийское (а еще ранее — индоарийское) Божество — Творец мира.] Когда кальпа заканчивается, на небе появляются, по разным версиям, от 7 до 12 солнц и дотла сжигают все живое и неживое. После чего все начинается сначала. Но на упомянутых вселенских светопреставлениях космические циклы не завершаются. Помимо вселенского «дня Брахмы» — кальпы, есть еще «век Брахмы», который продолжается всего-навсего 311 040 000 000 000 лет. Он тоже имеет начало, конец, повторение и свой вселенский смысл. По окончании «века Брахмы» происходит новый акт творения, и Вселенная обновляется*.

Добавим к этому, русское понятие части света — «юг» — также происходит от древнеарийского лексического гнезда *уига*, однако первоначально оно означало «засуху» и «духоту» (а также, что особенно интересно, «мглу»). В других славянских языках «юг» — еще и «теплый ветер», дующий со стороны, противоположной Северу. Этот же смысл, указывающий южное направление, наверняка отобразился и в названиях многочисленных рек и населенных пунктов на территории Европейской России, с одним и тем же названием *Юг*: в Ярославской области есть поселок городского типа; реки в Костромской (правый приток Немды) и Вологодской (исток Северной Двины), а также по нескольку речек во Владимирской, Ленинградской, Кировской и Пер-

* См.: *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. М., 1977. С. 347.

мской областях. В какой-то мере эти названия могут быть связаны и с финно-угорской лексикой, но лишь в той мере, в какой она сама происходит из общего ностратического (то есть гиперборейского) источника. Кроме того, нельзя не обратить внимания на то, что в названии *Югра* присутствует древнейшая общезыковая лексема «ра», имеющая ярко выраженный солярный аспект (например, в древнеегипетской мифологии *Ра* — одно из главных солнечных божеств). В таком случае *Югра* в своем первоначальном смысле, возможно, означала «южное солнце».

Российское побережье Северного Ледовитого океана (как, впрочем, Канадское Заполярье или бывшая Русская Америка — Аляска) — все это уцелевшие осколки Гипербореи, ее бывшая периферия, хранящая следы былых времен, в том числе и топонимические. Север Евразии просто изобилует гиперборейскими топонимическими реминисценциями. В апокрифическом эссе «Размышления в час заката», приписываемом Льву Гумилеву, приводится примечательная расшифровка названия города *Нижневартовска* — одного из нефтяных сибирских центров. Сам город был основан в начале XX в. напротив старинного села *Вартовского*, расположенного на другом берегу Оби (откуда и появилась приставка *Нижне-*). Типично русское село, вне всякого сомнения, возникло на месте более раннего становища, отразившего в имени своем еще более древнюю эпоху арийских миграций.

Дело в том, что из Авесты и древнеперсидской мифологии хорошо известно понятие *арьяварта*, где *варта* — «страна», а *арья* — «арии» (*варта* + *арья* = «страна ариев»), указывающее на полярную прародину. Вот эта древнеиранская *варта*, по мнению, приписываемому Гумилеву, и сохранилась до на-

ших дней в названии города Нижне**варт**овска* И действительно — в архаичных сказаниях обских угров (в настоящее время это — ханты и манси) есть много точек соприкосновения с мировоззрением индоарийцев, включая имена верховных божеств (например, первотворец *Мир-суснэ-хум* лингвистически и функционально коррелирует с арийским солнцегомом *Митрой*). Немало и других совпадений**.

После космопланетарного катаклизма оставшиеся в живых северные атланты-гипербореицы, спасаясь от резкого похолодания, вынуждены были мигрировать с Севера на Юг по наиболее подходящим в географическом отношении путям. К такому можно отнести в первую очередь реки, по которым можно передвигаться как летом по воде на самых разнообразных плавсредствах, так и зимой по льду. Последний способ можно считать даже более предпочтительным для передвижения больших масс населения, обремененных детьми, стариками

* См.: *Гумилев Л. Н. Размышления в час заката // Золотой лев. 1998. № 3—4.* Принадлежность данной статьи именно Л. Н. Гумилеву (где он, кстати, солидаризируется с полярной концепцией происхождения человека и положительно отзываясь об основополагающих трудах У. Уоррена и Б. Тилака) неоднократно оспаривалась, хотя текст встречается на многих сайтах Интернета. Однако для темы нашего исследования в данном конкретном случае совершенно неважно, кто именно является автором вывода о тождественности корневых основ в словах *арьяварта* и *(Нижне)варт*овск. Как говорится, важен сам факт, даже если его обнаружение принадлежит псевдо-Гумилеву (ссылаются ведь в науке как на авторитеты на псевдо-Аристотеля, псевдо-Плутарха и псевдо-Дионисия Ареопагита).

** См., напр.: *Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в Древности и Средневековье. М., 1981; Демин В. Н. Загадки Урала и Сибири. М., 2000; Зинченко Н. Н. И возвестила земля... Екатеринбург, 2000.*

и имущественным скарбом. Из истории хорошо известно, как впоследствии подобным же образом форсировали большие реки многочисленные орды кочевников, наводнявшие степные и лесостепные области европейской части (теперешней территории России). У народов имелся большой опыт передвижения на ладьях, стругах, плотах, больших и малых кораблях. Однако традиционным средством, запечатленным в разного рода устных и письменных памятниках, следует считать возы, запряженные быками или волами (выхолощенными быками). Коровы использовались главным образом для получения молока, лошадь была одомашнена гораздо позже, чем крупный и мелкий рогатый скот.

В эпоху первобытного переселения протоэтносов колесо как средство передвижения соперничало с полозьями. В условиях северных и средних широт Евразии такое соперничество сменилось устойчивым балансом: летом использовался воз (телега) с колесами, зимой — сани с полозьями. (В раннюю историческую эпоху сани применяли и зимой, и летом, а приоритет саней перед колесными средствами передвижения зафиксирован в некоторых древних похоронных обрядах.) Что касается миграции индоариев по степным просторам, то своими успехами она обязана в равной степени саням и колесу. Мобильные орды их с нагруженными возами и запряженными быками представляли несокрушимую силу для слабо защищенного коренного населения. Возы выстраивались в линию, быки опивались возбуждающим напитком (предположительно из мухоморов), и эта лавина, сметая все на своем пути, устремлялась вперед. По крайней мере так был завоеван Индостан. Случалось, что в критические минуты к бычьим хвостам привязывали паклю, поджигали и выпускали обезумевших и разъяренных животных на врага. Эта древняя тактика,

основанная на использовании быков в наступлении и обороне (когда защитная линия по окружности составлялась из возов), практиковалась впоследствии очень долгое время: ее использовали табориты во время Гуситских войн, запорожские и другие казаки.

Естественно, что всюду, где проходили и тем более задерживались индоарийские мигранты, они оставляли топонимические следы в виде названий рек, озер, гор, местностей, где приходилось разбивать станы или воздвигать земляные или иные укрепления. Оттого в сотнях и тысячах современных названий водных и сухопутных объектов зафиксированы древнейшие арийские лексемы. Расселившиеся позже на тех же территориях поселенцы застают уже имеющиеся топонимы и гидронимы, воспринимая их как сами собой разумеющиеся. Безусловно, случаи переименований тоже не такая уж и редкость, но они меньше всего касались рек, озер, гор, урочищ и других наиболее заметных частей рельефа и ландшафта. В данной связи, конечно же, первый вопрос, который может возникнуть: сохранилось ли в современной топонимике России само понятие «арий»? Оказывается сохранилось! В Нижегородской области есть река *Арья* (правый приток Усты, впадающей в Ветлугу) с расположенным на ее берегу одноименным поселком*.

* Сторонники антиарийской интерпретации пытаются вывести название этой реки из финно-угорского корня *ар*, означающего «лужу», или пастушеского крика «*аря!*», которым мордва погоняла скот. Другая этимология гидронима *Арья* — от тюркского слова *ара*, означающего «промежуток»: якобы по течению этой реки проходила некогда граница между русскими и татарскими территориями. Некоторые же топонимисты склонны выводить название сакральной реки не из санскритского слова *арья*, а, скажем, из марийского мужского языческого имени Арий, хотя, как известно, в библейском (и, соответственно, в православном) именовании также имеется имя Арий, образованное, как полагают, от древнееврейского слова, означающе-

Известная вологодская исследовательница, кандидат исторических наук *Светлана Васильевна Жарникова* выявила санскритские субстраты в топонимах и гидронимах Русского Севера. Например, здесь во множестве встречаются прямые свидетельства пребывания в далеком прошлом древних индоариев — архаичные названия с корнями «*инд*» (наиболее известна река Индигирка) и «*ганг*», которые сродни именам великих рек Юго-Восточной Азии — Инду и Гангу.

В дальнейшем С. В. Жарникова (при содействии специалиста-индолога профессора *Натальи Романовны Гусевой*) провела фронтальную ревизию гидронимов четырех северных губерний (областей) России — Архангельской, Олонецкой (нынешняя Карелия), Вологодской и Новгородской. Цель — выявить санскритский субстрат в исконно русских, а также финно-угорских названиях рек, озер и ручьев в указанном регионе. Результаты говорят сами за себя*.

Дабы убедиться в этом, достаточно открыть «Географический словарь Мурманской области»: *Индварь* (возвышенность), *Индель* (озеро, река, населенный пункт), *Индера* (река), *Индерка* (ручей), *Индерские озера*, *Индичйок* (река), *Ганга* (остров), *Гангас* (залив, возвышенность), *Гангасиха* (залив),

го «лев». Мне же представляется, что корни всех этих лексем следует искать в общем праязыке, а гидроним *Арья* в первую очередь связан все же с индоевропейской традицией и арийскими миграциями, ономастические реминисценции которых содержатся в Ведах.

* См. подробнее: *Жарникова С. В.* К вопросу о возможной локализации священных гор Меру и Хары индоиранской (арийской) мифологии // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1988. № 11; *Она же.* Славяне и арьи в Вологодской, Олонецкой (Карелия), Архангельской и Новгородской губерниях // Развитие (Научная газета). 2000. № 1–3.

Гангос (гора, озеро) — вот лишь некоторые из топонимов и гидронимов, на которых лежит явная печать далекого индоевропейского прошлого и которые поддаются результативному анализу посредством метода археологии языка и реконструкции смысла* При этом необходимо принять во внимание, что после обособления этносов и возникновения самостоятельных языков (или же отдельных языковых групп) первоначальные значения слов могут менять свое конкретное содержание.

Тем более такая трансформация присуща звуковой (фонетической) огласовке протолексем. Хорошо известно, к примеру, что гидроним *Инд* сохранил данную вокализацию только на языке *хинди* (а также в заимствованиях других языков). В Пакистане на языке *урду* (очень близком к *хинди*) *Инд* уже звучит как *Синд* — это название закрепилось не только за священной рекой, но и за одноименной провинцией, где проживает десятиmillionный народ *синдхов*. Судя по всему, в древнейшую эпоху использовались обе фонетические формы, так как лексема «синд» встречается на просторах Евразии не менее часто, чем лексема «инд»: например, *Синд-джар* — в Иране, *Синди* — в Эстонии, *Синдзё* — в

* Мои наблюдения и изыскания позволяют расширить список С. В. Жарниковой. Например, в Кировской области (бывшей Вятской губернии) сохранились топонимы и гидронимы: *Инда*, *Индыгойка*, *Индик* (река). Кроме того, архаичная лексема «инд» фигурирует и в неиндоевропейских языках, что лишний раз свидетельствует об их общем происхождении. Например, на Ямале есть река *Индикьяха*. Или: в кабардинском языке, относящемся к абхазско-адыгской группе иберийско-кавказской языковой семьи, название Волги — *Индыл*, а реки Зеленчук — *Инджиж*. Случайно ли совпадение? Ничуть! В кабардинском языке, как и во множестве других, запечатлелась память о далеком полярном прошлом и той первоначальной стадии этнолингвистического развития, когда для единого пранарода существовал единый праязык.

Японии, ряд гидронимов на Вологодчине — озеро *Синдор*, реки *Синдош* и *Синдошка*; в Окском регионе — *Синделей*, *Синдровиц* и др.

Слова и топонимы с корневой основой «инд» однозначно связывают с именем древнейшего ведийского божества — громовержца *Индры*, чей культ после определенной и неизбежной трансформации перешел в религиозный индуизм и дожил до наших дней. Есть все основания предполагать, что он имел прямое отношение и к Северной Атлантиде — Гиперборее. Русский народ также сохранил память об индоарийском периоде в мифологическом образе *Индрик-зверя*, который в некоторых вариантах Голубиной книги зовется просто *Индрой* и по схеме известных гимнов Ригведы отворяет воды, спасая землю от лютой засухи:

У нас Индра-зверь всем зверям отец:
Была на сем свете засушейца,
Не было добрым людям воспитайница [питья. —
В. Д.],
Воспитайница, обмывайница [мытья. — *В. Д.*];
И он [Индра. — *В. Д.*] копал рогом сыру
мать-землю,
Выкопал ключи все глыбокии,
Доставал воды кипучии.
И он пускался по быстрым рекам
И по маленьким ручьевиночкам,
По глубоким, по большим озерам.
И он давал людям воспитайница,
Воспитайница, обмывайница. <...>

Имя *Индры* было впоследствии присвоено мамонту, который прозывался *Индриком* и считался зверем, принадлежащим *Иindre*. Это позволяет предположить, что мамонты не только были широко распространены в гиперборейскую эпоху, но и, скорее всего, были одомашнены атлантйцами-ги-

*Рис. 11. В. И. Иванов. Отступление гипербореев.
(Конец XX в.)*

перборейцами* (рис. 11). Приручить мамонтенка, отбив его от стада, гораздо проще и безопаснее, чем устраивать трудоемкую и опасную охоту на гигантского зверя, которую так любят изображать иллюстраторы книг по первобытной истории. Одомашненные мамонты представляли собой одновременно и тягловую силу, и практически неиссякаемый запас

* Записанные еще в позапрошлом веке легенды о «подземной (подводной) чуди», содержащие явные гиперборейские реминисценции, говорят также о том, что древнее население северных полярных широт одомашнивало также тюленей и дельфинов. (См.: *Немирович-Данченко В. И. У океана: Жизнь на Крайнем Севере*. СПб., 1875. С. 135.)

пищи, который мог перемещаться вместе с мигрантами. Кроме того, как показывают многочисленные археологические раскопки, кости мамонта использовались в качестве остовов древних жилищ типа юрт, а шкура — в качестве теплого и непромокаемого покрытия. Недаром, обладая богатым опытом по одомашниванию мамонтов, атлантско-гиперборейские мигранты, достигнув Индостана, обратили внимание прежде всего на слонов, которые и были вскоре одомашнены.

Индоарийское имя *Ганга* вначале относилось к женскому божеству, представляющему собой *Небесную Реку*, которая лишь впоследствии пролилась на землю. В санскрите сопряженным с именем богини Ганги выступает слово *gagana*, означающее «воздушное пространство», или «небо». Дальнейшая трансформация древнейших лексем пошла по совершенно непредсказуемому пути. В древнеиндийском языке известно также слово *gaṇá*, что значит «толпа», «группа» и т. п. От него, в конечном счете, произошло современное английское понятие *gang*, также означающее «группу», но в смысле «бригады» или «банды». Ну, а уж *gang* в последнем значении породил интернациональное слово «гангстер», которое ни в переводе, ни в объяснении не нуждается. В немецком языке (как и английском, относящемся к германской языковой ветви) слово *Gang* означает «ходьбу», «хождение», «шаг», «ход» и образовано от глагола *gehen* — «ходить». (Не стану анализировать древнегреческие корни, от коих произошли современные медицинские термины «гангрена» и «ганглий».)

В русском языке (это имеет непосредственное отношение к теме настоящего исследования) нет слов с корнем «ганг», зато есть слова с корнем «ган»: «ганка» — «балахана, точеный брусок», «ганить» — «хаять, позорить» (откуда более известное по украинскому митинговому слогану «ганьба!» — «позор!»).

С учетом фонетических, лексических и семантических изменений и трансформаций вполне возможна былая связь между соответствующими древнеиндийскими и славянскими корневыми основами.

Известный географ и топонимист *Эдуард Макарович Мурзаев* (1908–1998) указывает на связь индоевропейского слова «ганг» с тождественными словами из других языковых семей: по-корейски «река» — *ган*, в тунгусо-маньчжурских языках — *кан*, по-вьетнамски — *конг* (откуда самая известная река Юго-Восточной Азии — Меконг). По-бурятски и по-монгольски «ганг» — это «обрыв, утес, высокий берег реки», по-японски — «скала». В знаменитом калмыцком эпосе «Джангар» (а калмыцкий язык относится к монгольской группе) действие разворачивается не в прикаспийских степях, как можно было бы того ожидать, а в далекой и чудесной стране Бумба, где царит Золотой век, живут бессмертные герои, люди не ведают забот и печали. Волшебная страна расположена не где-нибудь, а на берегу северного (ледяного) океана, который калмыки именуют *Ганга*, что лишний раз свидетельствует об общем полярном происхождении культур и традиций разных народов Земли.

Индоарийские (или, лучше сказать, — гипербореикие) следы отобразились в хрестоматийном 108-м гимне Ригведы, включенном в 10-ю мандалу, где верховный древнеиндийский бог — владыка молнии и грома Индра — посылает для переговоров с похитителями стада его коров (а может быть, и с разведывательными целями) свою верную спутницу собаку *Сараму*. У злодеев, покусившихся на собственность Индры, тоже есть имя: их зовут *пани* — собирательное название (во множественном числе) для демонизированных противников индоариев, скорее всего, какого-нибудь соседствующего народа или племени.

При этом все события разворачиваются на берегах реки *Раса*, точнее — за самой этой рекой, если смотреть с позиций индоариев, добравшихся к тому времени после долгого и утомительного путешествия, скажем, до южноуральских степей. Что за река окажется у них к западу от основного направления миграции? Ну, конечно — Волга, через которую необходимо перебраться, чтобы оказаться на ее европейском берегу! А как она прозывалась в те незапамятные времена? Правильно, древнее название Волги — *Ра!* Практически то же самое, какое упомянуто в Ригведе:

Пани:

В поисках чего пожаловала сюда Сарам?
Ведь изнурителен путь так далеко на чужбину.
С каким поручением к нам? Что явилось поводом?
Как перебралась ты через воды Расы?

Сарама:

Я рыщу, посланная как вестница Индры,
В поисках ваших несметных сокровищ, о Пани.
Из страха, что перепрыгну, помогла она нам
в этом.

Так перебралась я через воды Расы. <... >

(Перевод Т. Я. Елизаренковой)*

Название реки *Расы* не только созвучно с древним именем Волги — Ра, но и имеет тот же самый корень, что и наименование нашей родины — *Рос-сия!* Санскритская лексема *ras* присутствует также и в этнониме *ангирасы* — так в Ригведе зовутся небесные певцы, помогающие Индре вызволить у *Вала* и *пани*, обитающих на берегах *Расы* (*Волги*), похищенных коров. В трудно запоминаемом и кажущемся совершенно чуждым понятии *ангирасы* родной и

* Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. С. 264.

русской оказывается не только вторая половина слова, но и первая. Именно она породила такую фундаментальную мифологию, как *ангел*, которая попала в большинство современных языков через греческий, где *angelos* означает «вестник».

Архаичный корень *анг* послужил также основой для самоназвания индоевропейского (германского) племени *англов*, давших после переселения с Европейского континента на Британские острова название целой страны — *Англия*. На российских просторах также сохранился гидроним с архаичным корнем *анг*: это название всем известной сибирской реки Ангары. И вовсе необязательно искать корни ее происхождения в современных языках проживающих в округе народов. Они-то как раз могут внести путаницу, ибо слово *анг* есть во многих из них, но в каждом имеется смысл, отличный от других: в монгольском — «щель, расщелина, трещина»; в бурятском — «рот, ущелье, открывать»; в якутском — «проем, ворота, ущелье»; в эвенкийском — «пасть». Между тем река с названием *Ангара* есть не только в Сибири, но и в Крыму; в Европе протекает *Ангер* — приток Рейна, в Узбекистане — *Ангрэн* (последний гидроним и одноименный современный город на реке, по мнению многих топонимистов, имеет иранское происхождение). В Камбодже известен древний дворцово-храмовый комплекс *Анкор* (это название, кстати, происходит не из кхмерского языка, а из санскрита); а столица Турции Анкара до 20-х годов XX столетия именовалась *Ангора* (откуда *ангорские* породы кошек, коз и кроликов).

Есть ли основания утверждать, опираясь на приведенные лингвистические и топонимические факты, что название Ангары восходит к гиперборейским временам? Вполне! Сибирская река *Ангара*, берущая начало в озере Байкал, впадает в Енисей и является его правым притоком (правда, уже под

названием Верхняя Тунгуска). Енисей же был одним из естественных каналов древних миграций, определявших направление потоков переселенцев из Гипербореи в Восточную Сибирь и далее — в Монголию и Китай. В русском языке слово «анга» до недавнего времени сохранялось в народных говорах, где означало «протоку» или же «тупик в течении реки»* Во многих европейских языках архаичный корень *ang* трансформировался в *ank* (*anc*) и составил основу понятия «якорь»: *ancora* (лат.); *ankyra* (греч.). Кстати, древнейшую лексическую основу *ang* вполне допустимо рассматривать как осколок протолексемы и смысловой единицы *(g)ang*, и тогда все вообще становится на свои места.

Аналогичный фонологический и смысловой анализ можно применить и к другим рекам Восточной Сибири. От Таймыра до Чукотки это — Оленек, Лена, Яна, Индигирка и Колыма. И во всех гидронимах налицо индоевропейские корни «олен(ь)», «(е)лен», «ян», «инд», «кол». По всем упомянутым рекам имеются этимологические объяснения, основывающиеся на лексике местных аборигенов. Однако так называемые коренные народы Севера сами являются пришлыми на данных конкретных территориях. Они появились здесь в основном в I тыс. н. э. и вполне могли переосмыслить и приспособить к своим языкам ранее имевшиеся (гиперборейские) названия.

На знаменитой карте Герарда Меркатора, изданной его сыном Рудольфом в 1595 г. (первичные наброски восходят к 1569 г.), помимо легендарной Гипербореи и пролива между Азией и Америкой, изображены также и три великие сибирские реки — Обь, Енисей и Лена. По крайней мере, две последние (как и Берингов пролив) во всех подробностях

* См.: Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1999. Т. I. С. 57.

предстают здесь гораздо раньше своего официального «открытия». Как сообщал сам Меркатор-отец в одном из своих писем английским мореходам, он опирался на какие-то древние карты, восходящие по меньшей мере ко временам Александра Македонского, когда Ледовитый океан, по-видимому, был еще судоходным. Почему бы не предположить, что и названия великих сибирских рек восходят к той же самой гиперборейской эпохе?

В особом пояснении нуждается, пожалуй, только имя реки *Яны* (от ее названия образованы топонимы — Верхоянский хребет и город Верхоянск), которое легко сопрягается с санскритской лексикой. В санскрите слово *jána* многозначно и означает: 1) «человек», «лицо»; 2) «род», «поколение»; 3) «племя»; 4) «люди», «народ». Оно образовано от глагола *jan* — «родиться, рождаться» и само стало основанием для многих смыслозначимых понятий: *janaká* — 1) «родитель, отец»; 2) «творец, создатель»; *janáfa* — «человечество», «люди», «общество»; *janana* — 1) «рождение»; 2) «происхождение, возникновение»; 3) «воспроизводство, размножение»; 4) «жизнь»; *janani* — «родительница, мать»; *jáni* — «женщина, жена, супруга» <...> и др. Кроме того, из древнеиндийских источников известны такие понятия, связанные с полярными реалиями, как *дэваяна* — «путь богов» и *уттараяна* — «северный путь». С их помощью индоарии — потомки гиперборейцев — описывали полярный день и полярную ночь, длящиеся по полгода и разделяющие год надвое. Так, в древнейшем санскритском памятнике индоарийской культуры, именуемом «Законы Ману», читаем:

«У богов день и ночь — [человеческий] год, <...> разделенные надвое: день — период движения Солнца к северу, ночь — период движения к югу»*.

* Законы Ману. М., 1960. С. 26.

Как видим, герои и образы Ригведы (а равно и Авесты) не так уж и далеки от российской и русской действительности. Убедиться в этом нетрудно при внимательном прочтении и углубленном осмыслении наиболее архаичных гимнов древнеиндийского эпоса. Так, среди противников Индры в борьбе за господство над миром постоянно упоминается целое сонмище демонов *даса* во главе с их предводителем *Дасью*, поверженным в конце концов великим древнеиндийским громовержцем. У комментаторов нет сомнения в том, что за туманной мифологемой *даса* скрываются некие древние племена, с которыми пришлось сталкиваться и воевать индоариям при их героическом продвижении с Севера на Юг. При этом непременно добавляется: речь идет о каких-то *неарийских* народах. Так ли это?

Демонизация этнических конкурентов происходила непрерывно, регулярно и в массовом масштабе. Ибо таковы психологические законы людских отношений и человеческого общежития. В былой индоарийской общности это особенно хорошо видно на примере дифференциации индийских и иранских этносов. Первоначально у них была общая идеология, общая религия и общие верования, что зафиксировано в исторических свидетельствах, языковом материале и культурном наследии, в частности, в священных книгах обоих этносов — Ригведе и Авесте. Однако вскоре возникло неприятие, переросшее в лютую ненависть. Неподеленные боги стали демонизироваться. Так, иранские светлые божеества — *ахуры* — стали в представлении индийцев темной демонической силой — *асурами*, напротив, благостные индийские боги и богини — *деви* — превратились в иранской мифологии в злобных и кровожадных демонов — *дэвов*. (Не затронула демонизация только одного солнцезбога Митру.)

Сказанное в значительной мере относится и к возникновению понятия *дьявола*. Слово это проникло в русский из греческого, где оно звучит совершенно идентично — *diabolos*. Однако этимологически данное понятие восходит к санскритскому слову *dyaus* — «небо» (при склонении появляется и совсем подходящая форма — *dyava*). Судя по всему, при обособлении протоэллинического этноса и возникновении будущих самостоятельных древнегреческих диалектов (из которых лишь на очень поздней стадии родился общий язык) произошло то же самое, что и при распаде индоиранской общности, а именно — лингвистическая и смысловая демонизация некогда общего теонима: божественное «небо» превратилось в злокозненного «дьявола».

В русской традиционной культуре и мифологии можно отметить еще одно — не менее поразительное — несомненно сознательное обращение «белого в черное» по той же схеме. Это — знаменитая Баба Яга, в древнеарийском (гиперборейском) прошлом выполнявшая функции благостной Великой Богини, но постепенно превратившаяся в злокозненное существо, которым по сей день пугают детей. Сказанное видно и на примере лингвистических и семантических метаморфоз. В санскрите слово *jaga* носит исключительно положительную смысловую нагрузку и означает: 1) «живой, подвижный, деятельный, полный жизни»; 2) «люди»; 3) «люди и животные»; 4) «земля, мир, Вселенная, небо и подземное царство». Из последнего смысла, судя по всему, и родилось представление о том, что Баба Яга живет под землей (а не только в избушке на курьих ножках, как это рисуется в адаптированных русских сказках или изображается большинством художников-иллюстраторов).

Применительно к обособившимся народам происходило то же самое. По мере распада этнолинг-

вистической общности и расселения быстро формирующихся протоэтносов потомки арийцев все больше и больше не терпели друг друга. Этнические конкуренты превращались во врагов, которые представлялись виновниками всех бед и зол. К таковым относились и уже упомянутые выше *пани*, и многочисленные *даса*, с которыми пришлось сражаться Индре. В Ригведе названы их имена, за которыми скрываются целые народы: *Анаршана*, *Варчин*, *Дрибхика*, *Дхуни*, *Криви*, *Намучи*, *Пипру*, *Рудхикра*, *Срибинда*, *Шамбара*, *Шушна*. Даже при беглом прочтении бросается в глаза множество славянских и русских корней.

В самом деле, кто такой (или что такое) *Криви*, которого Индра «поверг долу» своей всесокрушающей *ваджрой* (Ригведа. II: 17.6; II: 22.2)? Это — один из прашуров русского народа: согласно «Повести временных лет», племя *кривичей*, обитавшее на территории современной Смоленщины, было одним из тех, что положило начало древнерусской нации (в летописных источниках называется и имя праотца *Крива*). Как известно, в латышском языке слово *krievs* и по сей день означает «русский», а *Krievija* — Россия, хотя эта лексема уже встречается в Ригведе. Правда, здесь *кривичи* в лице *Криви* выступают в качестве противников индоариев, пробивавшихся к своей нынешней родине через европейскую территорию, принадлежащую ныне современной России.

Память о ведийских *даса* сохранилась и в современной топонимике России. Это и *Вал* — предводитель *пани*, давший имя и Валааму и Валдаю. Это и *Шушна*, достойный противник Индры, как следует из многих гимнов Ригведы (см., напр., I: 51.6; 11; I: 54.5 и др.). Имя последнего запечатлелось хотя бы в названии урочища *Шушмор* на границе Московской и Владимирской областей, названного «Бермудским треугольником Подмосковья», где испо-

кон веков исчезали люди, скот, подводы с лошадьми и поклажей, а уже в наше время — техника (в том числе и военная). Не исключено, что тот же самый корень послужил основой и для других топонимов: к примеру, *Шуша* в Нагорном Карабахе и *Шушенское* в Красноярском крае. Что касается подмосковного *Шушмора*, то здесь, помимо аномальной зоны, было известно также сложенное из каменной плавильной формы сферическое полушарие — 6 м в диаметре и 3 м в высоту. Вокруг располагались остатки каменных столбов с заросшими мхом таинственными знаками* Мегалитическое святилище вполне могло быть в свое время оставлено индоариями.

Взаимная неприязнь и демонизация внутри древнеарийского социума распространялась не только на отпочковавшиеся протоэтноты, но также и на недавних ближайших сподвижников и покровителей. Так произошло, к примеру, с ведийским первотворцом *Тваштаром*. В Ригведе не отрицается, что именно он был божеством—создателем Вселенной, наставником Индры (некоторые комментаторы считали его отцом ведийского громовержца), выковавшим ему всесокрушающую *ваджру*. Но одновременно в ряде ведийских гимнов *Тваштар* выступает как соперник и противник Индры и уж совсем не как верховное божество. Точно так же Индра оттеснил на задний план и своего брата *Бхагу*, который в ведийских текстах и последующем индуистском мировоззрении вовсе не играет той выдающейся роли, которая оказалась характерной для славянских народов, где слово «бог» произошло от общего слова в санскрите *bhága*, а в авестийском языке — как

* См.: *Низовский А. Ю.* Легенды и были русской старины. М., 1998. С. 392–393.

*baya**. Отсюда, между прочим, видно, что древнеперсидское слово фонетически более близко к русскому (и славянскому), чем древнеиндийское. Это, помимо всего прочего, означает, что славяне находились в тесном этнолингвистическом контакте с протоиранскими племенами дольше, чем с протоиндийскими. Исследователи обращали также внимание на тот, несомненно, поразительный факт, что русское восклицание (или житейское заклинание) «*Бога ради!*» в древнеперсидском языке звучало как «*baga radii*». В конце концов ведийский Бхага-Бог сделался для наших пращуров высшим вселенским первоначалом, что получило отображение как в славянском мирозерцании, так и в славянском ономастиконе, где хорошо известны имена и топонимы с данным корнем: *Богдан, Богдана (Божена), Боголен, Южный и Западный Буг, Богучарово* и т. п.

Выявление древнеарийских субстратов в топонимике России можно продолжить на примере ведийского пантеона богов и героев индийского эпоса, священного индийского имени *Рама*. Так звали благородного царевича из Солнечной династии Икшваку, ставшего героем величайшего эпоса «Ра-

* Кроме того, именно у древних персов понятие *baga* выступает в своем нынешнем значении — «господь, бог», в то время как в древнеиндийском языке слово *bhāga* многозначно и означает и «счастье», и «красоту», и «любовь». Кроме того, специалисты по древнеиндийской истории, языку и культуре отмечают: в основе понятия *bhāga* лежит другое, первичное по отношению к нему, — *bha*, означающее «звезду», «созвездие», «светило» и «солнце». Мало того, само древнеиндийское слово *bhāga*, от которого ведет родословную русское слово «бог», означает еще «женские гениталии», а образованное от него словосочетание «бхагаяджня» — соответствующий обряд и ритуальные церемонии, что является несомненным отголоском матриархальных отношений, древнейших верований и поклонения Великой Матери (см.: *Чаттопадхья Д.* Локаята даршана: История индийского материализма. М., 1961. С. 327).

маяна», принадлежащего легендарному мудрецу Вальмики. В центре сюжета «Рамаяны» — грандиозная битва. Рама, его сподвижники и помогающий им сверхсовершенный обезьяний народ сражаются с сонмищем *ракшасов* (кровожадных демонов) и их предводителем десятиглавым Раваной, похитителем Ситы — блистательной жены Рамы.

Символом Северной (Полярной) прародины выступала золотая гора Меру, которая располагалась на Северном полюсе и являлась центром Вселенной. Она упоминается во всех древнеиндийских сказаниях. В окрестностях Полярной горы обитали не одни только могущественные боги, но и другие удивительные существа. Среди них целый «обезьяний народ», мудростью своей и могуществом не уступавший самим Небожителям. К нему и принадлежал Сугрива — тот самый Царь обезьян, который помог великому Раме одержать победу над демоном Раваной, дав в помощники царевичу своего главного советника — мудрейшую из мудрейших обезьян — Ханумана.

Действие «Рамаяны», как известно, разворачивается на сугубо индийской почве. Но в ней отчетливо прослеживаются многочисленные северные реминисценции, восходящие к доарийскому и индоарийскому периодам истории. Сказанное как раз и относится ко всей «обезьяньей линии» древнеиндийской мифологии. Лишним подтверждением тому может служить и известный эпизод «Рамаяны». Первоначально «обезьяний» царь Сугрива отправляет свое многочисленное войско на поиски похищенной Ситы — жены Рамы — не куда-нибудь, а на Север (!), красочно и довольно-таки точно описывая предстоящий маршрут. Сначала спасителям Ситы предстоит преодолеть область ужасного мрака (читай: область полярной ночи). За ней посреди Вечно-го Океана лежит Счастливая обитель света с Золо-

той горой Меру, где повсюду растут чудесные плоды, реки текут в золотых руслах и царит Золотой век. Любопытно, что здесь временное описание заменяется пространственным. Причем эту пространственную последовательность (сначала Царство тьмы — затем Царство света) следует и понимать во временном плане (сначала полярная ночь — затем полярный день). Таким образом, индоарийских сверхсовершенных «обезьянолюдей» приходится признать уроженцами Севера. Того же Ханумана (дословно «Имеющий (разбитую) челюсть» — из-за увечья, нанесенного ему богом Индрой).

Нет также никаких сомнений, что в основе эпоса о подвигах Рамы лежат архаичные представления древних ариев, некогда мигрировавших с севера на юг. Александр Васильевич Барченко, разработавший стройную историософскую концепцию, считал, что арийская миграция под руководством вождя Рамы (будущего героя эпической поэмы «Рамаяна») началась примерно 9 тысяч лет назад с Кольского полуострова. Именно здесь, в самом его сердце, сохранилось священное *Рамозеро* и пирамидальная *гора Рамы*. На территории Европы и Азии встречаются также многочисленные топонимы и гидронимы с корнем «рам», сохранившиеся со времен этой эпохи. Есть они и на Крайнем Севере.

Нетрудно отыскать на карте названия городов, рек и озер с корневой основой «рам»: например, города: *Рамбуйе* — во Франции, *Рамсгит* — в Англии, *Рамсдорф* — в Германии, *Рамигала* — в Литве, *Рамади* — в Ираке, *Рамла* — в Марокко и Израиле, *Рамаллах* — на территории Палестинской автономии, *Рамо* — в Кении, а также остров *Рам* близ побережья Шотландии и др. С учетом чередования гласных «а»—«о»—«и» можно и имя города *Рима* (*Roma*) интерпретировать как производное от общеиндоевропейской лексемы «рам». А значит —

и большую группу слов в романских языках с той же корневой основой (взять хотя бы франкоязычные или испаноязычные имена и фамилии — *Рамо, Раме, Рамбо, Рамадье, Рамон, Рамос, Рамирес* и т. д.)*.

На территории России и конкретно — в традиционных областях расселения русского народа довольно многочисленны топонимы и гидронимы с корнем «рам». Это обусловлено тем, что в русском языке в прошлом слово «рама» (а также другие производные от него понятия) было чрезвычайно распространено благодаря своей многозначности «каркас для окон».

Согласно словарю Владимира Даля, который составлял его в первой половине XIX в., «рама» (помимо «оконной обвязки») означает: «межу, границу, обвод, обход участка владения»; «край, предел, конец пашни, которая примыкает к лесу или расчищена среди леса». Отсюда «рамень» (или «рамень») — «лес, примыкающий к пашне» или же

* Занимаясь в первую очередь историей и географией России и их арийского фундамента, я не ставлю перед собой задачу — проследить распространение лексемы «рам» по всему миру. Тем не менее нельзя не упомянуть о ее чрезвычайной распространенности в Библии. Прежде всего это относится к различным горам, холмам и высотам, ибо по-древнееврейски *рама* означает «высота». В данной связи в разных книгах Ветхого и Нового Заветов упоминается множество различных возвышенностей, а также города *Рама, Рамафем, Рамафаим-Цефим, Рамат-Лехи, Рамат-Мицфа*. Значение «высокий» сохранилось и в ряде библейских имен: например, *Рам* и *Рамаи*. На традиционных библейских территориях и поныне сохранились топонимы с той же сакральной основой: например, *Рамон* — гора и одновременно русло высохшей реки. И последнее — достаточно вспомнить наиболее распространенное имя *Рамсес* среди египетских фараонов. Что касается арабского языка, то и здесь довольно часто можно обнаружить многочисленные топонимы с основой «рам», содержит ее и название священного для мусульман месяца *рамадан*, и арабское наименование созвездия Стрельца. — *Рами*.

«густой, дремучий лес, чернолесье». Соответственно «раменка» означала «лесной клин или остров», а «раменный» — «лесной, боровой»*. Есть еще два любопытных значения: «рамо» («рамена») — «плечо — от шеи до локтя» и «рамен» («ромен») — одно из народных наименований цветка ромашки. Смысловой диапазон слов с лексемой «рам» (он к началу XIX в. уменьшился) еще более широкий: «рамяно» («рамено») — «сильно», «решительно», «громко», «быстро, стремительно», «строго, сурово», «чрезвычайно, очень»; «рамянство» — «сила, крепость»; «рамянный» — «сильный», «жестокий, тяжкий», «скорый, быстрый», «стремительный, неукротимый», «решительный, настойчивый», «великий, выдающийся, ревностный»**.

Одним словом, у русского слова «рама» ярко выраженный «лесной смысл», и, судя по всему, именно в этом архаичном значении оно должно быть сопряжено с санскритом. Не знаю как кому, а мне видятся в этом следы движения индоариев через лесные массивы Евразии. Отсюда неудивительно, что топонимы с такой основой чрезвычайно распространены — особенно в лесных и лесостепных областях России. По Тверской области протекает речка *Рам* (в 12 км от города Кашина). В Брянской области есть поселок *Рамасуха*, в Смоленской — *Рамоны*, в Воронежской — райцентр *Рамонь*. На карте Вологодской области одноименных топонимов *Раменье* — двенадцать, а есть еще *Раменниково*, *Рамешка* и *Рамешки* (дважды). Еще больше аналогичных топонимов в Кировской области (бывшая Вятская губерния) — не

* Диалектные словари и словарь народных говоров дают примерно такую же картину: «рамень, раменье» в большинстве областей означают «большой дремучий лес», «заболоченный лес», «опушку леса» и т. п.

** См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 21. С. 268–270.

менее двадцати. (Не могу также не упомянуть город *Ромодан* на Полтавщине.) И т. д. и т. п.

Марина Борисенко, ответственный секретарь научно-поисковой экспедиции «Гиперборея», давно интересуется этим вопросом и насчитала только в близлежащих к Москве областях более десяти топонимов с корневой основой «рам», включая *Раменки* — городской район в самой столице.

Безусловно, двенадцать вологодских «рамений», а также их близнецы-братья (или сестры) в других областях России (включая Московский регион) — это не прямое следствие прохождения именно здесь в далеком прошлом индоарийских племен во главе с Рамой (или почитавших его в качестве первопредка), а по большей части результат позднейших наименований. В народе, дававшем подобные названия, конечно же, имели в виду месторасположение новопоселений по отношению к лесу или каким-то связанным с лесом особенностям. Никто даже и не подозревал об индоарийском субстрате в словах с корнем «рам» (практически никто не задумывается об этом и сегодня). Но, как говорится, из песни слова не выкинешь: раз русский язык древнейшего индоевропейского происхождения, значит, в нем неизбежно имеется основа, восходящая к санскриту.

Небезынтересно поэтому задаться вопросом: какие еще следы оставили герои «Рамаяны» на древней российской земле? Для примера возьмем имя возлюбленной и жены царевича Рамы — Сита. В санскрите *sitá* означает «белый, светлый» или же «освещенную (светлую) половину лунного месяца». В русском языке слова с корнем «сит» имеют совершенно иное значение (ср.: «сито», «сит» — камыш, осока). Тем не менее многие российские топонимы и гидронимы хранят гиперборейский след. Таковы название реки *Сить*, протекающей по территории современных Тверской и Ярославской об-

ластей, или реки *Ситню* на Псковщине, *Ситные озера* на Новгородчине и др.

Имя другого персонажа «Рамаяны» — демона Раваны можно без труда усмотреть в названии реки *Равань*, что протекает по нынешним Ленинградской и Новгородской областям (на Новгородчине есть еще поселок *Рав(а)на*). А разве не обнаруживается первая часть имени божественного мудреца Вишвамитры в гидрониме *Вишера*? (Рек с таким названием на территории России целых три: все они притоки — в одном случае Волхова, в другом — Камы, в третьем — Вычегды.) Отца царевича Рамы звали Дашаратхи, его имя легко распадается на две составные части — лексемы «даш» и «рат». В русском языке немало слов с этими корнями: Даша (Дарья) (имя) (ср. также: «дача»), ратай («пахарь»), ратник («воин»), рать («войско»), ратовать («ходатайствовать»). Неудивительно, что в топонимике России множество названий, от них образованных. Нетрудно подобрать подходящие топонимические эквиваленты и к имени царя обезьян Сугривы: достаточно вспомнить *Кологрив* в Костромской или *Гривы* в Псковской областях (в последней, кстати, несколько деревень с таким названием).

Небезынтересно также проследить сопряженность имен некоторых ведийских богов с реальной российской топонимикой. Первое место в ведийском пантеоне принадлежит громовержцу Индре. Как уже было проиллюстрировано на примере материалов С. В. Жарниковой и Н. Р. Гусевой (с привлечением других географических источников), лексема «инд» одна из самых архаичных и устойчивых в топонимике северных регионов России. Южнее ее распространенность заметно снижается, но не полностью. Наиболее показателен гидроним *Индрус* — река с таким названием, образованным при помощи двух древнейших лексем «инд» + «рус», протекает в се-

ро-восточной части Владимирской области (ближайший город — Вязники)*.

Кроме того, есть все основания предположить, что по мере дифференциации языков и обособления в рамках первичной индоевропейской этнолингвистической общности отдельных языков лексема «инд» могла утратить последнюю фонему, превратившись в «ин». Топонимов и гидронимов с такой корневой основой на российских территориях более чем достаточно: например, реки: *Инидорка*, *Иньва*, *Инья* — в Пермской области, *Ингорь* — в Новгородской, *Инбожка* — в Ярославской, *Инюха* — в Тверской, *Ингирь* — в Костромской (здесь же деревни — *Инешка*, *Ингерь*), *Иночь* — в Московской (здесь же — поселки *Иневка*, *Иншаково*, *Иншино*, *Инюшинская*), озеро *Инемское* — в Ленинградской, *Инница* (река) — в Псковской, поселки: *Иньково* — в Смоленской, *Иньшино* — в Тульской и др. (Сказанное в полной мере можно отнести и к протолексема «ганг»: по прошествии многих тысячелетий вполне также могла превратиться в «ган».)

Аналогичная фонетическая трансформация и инверсия могли произойти и в первичной индоарийской основе *civa* — «благодать, приносящий счастье», от которого в дальнейшем было образовано имя бога Шивы. Верховное божество индуистского пантеона, входящее вместе с Брахмой и Вишну в

* Любопытно, что в древнерусском обиходе зафиксированы индоевропейские имена с аналогичными корнями. Так, из летописных источников известно, что в 1383 г. в Москву приехал литовец по имени *Индрос* (его правнук получил от Великого князя московского прозвище Толстого, от которого и произошел весь именитый род Толстых, включая трех русских писателей). В лексиконах и сборниках древнерусских имен и фамилий можно отыскать имя *Индрис*, принадлежащее уже не знатному сановнику, а простому холопу (см., напр.: *Веселовский С. Б.* Онамастикон. М., 1974. С. 128).

так называемую божественную триаду *тримурти*, Шива отсутствует среди богов Ригведы, где его функции выполняет Рудра (ставший позднее в индуизме эпитетом Шивы). Но лексема «шива» («сива») существовала во времена как нерасчлененной индоевропейской этнолингвистической общности, так и после ее дифференциации и распада на отдельные самостоятельные языки и этносы. Санскритское слово *civa* имеет следующие смысловые значения: «дружественный», «добрый», «благосклонный», «целебный», а также означает «благо» и «счастье». Из данного лексического и семантического источника возникло, в конечном итоге, и имя одного из главных индуистских богов — *Шивы*, и имена славянских языческих божеств — *Сивы* и *Живы*. Однако смысловые корни данной мифологемы (и лексемы) уходят еще глубже: древние вавилоняне поклонялись лунному богу, которого звали *Син*. Общеиндоевропейский корень «син» восходит к древнеиндийскому эквиваленту, означающему «сияние», и в современном русском языке разделилось на два понятия — «синий» и «сивый». Нелишне также вспомнить, что священная гора всех христиан, иудаистов и мусульман на Синайском полуострове именуется *Синай* (примечательно, что русский народ именовал ее в соответствии с истинным и глубинным смыслом, восходящим, несомненно, к истокам единого общечеловеческого языка, — *Сиянная гора*).

Точно так же и образ самого Шивы, его истоки уходят в доарийские времена, в том числе и в верования коренных народов Индостана, создавших цивилизацию задолго до вторжения индоариев, которые поглотили культуру своих предшественников и заимствовали из нее множество образов и идей. Впрочем, если исходить из теории общего происхождения языков и культуры народов мира, соприкосновение мифологий и идеологий существовало

задолго до того, как протоиндоевропейские народы пришли в движение и распространились по всей Евразии. Так что вопрос о том, что первично и что вторично в мифологии, остается открытым. Косвенным подтверждением сказанного являются имена верховных божеств у других народов: урартский бог Солнца *šiwini*, хеттский бог *šiu-šnūl* и др.

Пути топонимии в данном этимологическом процессе воистину неисповедимы. Одной из колоритных достопримечательностей российской Москвы всегда являлась так называемая Вшивая горка, расположенная над геоактивной излучиной Москвы-реки при впадении в нее Яузы. Даже уменьшительное «горка» — слишком громко сказано. Холм, носивший такое гордое название, срыт и спрофилирован, на его месте давно уже отстроены современные здания, включая и знаменитую «высотку». Да и про «вшивость» вспоминают больше как про этимологический курьез, причем не сообщая самого главного. Дело в том, что «Вшивая» в названии горки — результат позднейшего переименования, народного словотворчества, так сказать. В стародавние дохристианские времена горка звалась *Швивая*. Археологи зафиксировали здесь древнее языческое святилище, связанное с каким-то древним культом.

Что это был за культ? Вполне возможно (и даже — более чем вероятно!), что он был связан с интересующими нас баснословно далекими временами миграций ариев. В таком случае ороним *Швивая* мог тогда звучать как *Шивая*. Сказанное вполне логично и обоснованно: только таким образом можно рационально объяснить, почему *Швивая-Шивая* в конце концов превратились во *Вшивую*: не зная (точнее — намертво позабыв через десятки и сотни поколений), что такое *Шивая*, народ добавил к вычурному слову букву «в», и Шива «овшивел». Но тот Шива, имя которого поддается семантической реконструкции в

московском топониме, не имеет ничего общего с многоруким Шивой. Он связан с ним, скорее всего, по смыслу и принадлежит женскому корреляту индуистского божества, известному как древнеславянская богиня *Сива*. Вот что сообщает о ней один из первых русских мифографов *Андрей Сергеевич Кайсаров* (1782—1813), досконально изучивший все доступные ему сведения:

«Сива была богиня плодов [славян], которые почитали ее божеством плодородия и жизни. Изображали ее в виде нагой девицы, у которой голова была украшена венком. Волосы ее висели до колен; в правой руке она держала яблоко, а в левой — виноградную кисть...»*

(*В*)шивой горкой следы времен миграций ариев в московской топонимике не исчерпываются. Знаменитый арбатский переулочек *Сивцев Вражек* в обозримом прошлом также был «вшивым» и прозывался *Вшивцевым (о)вражком*, но все потому, что давно исчезла с лица земли речушка *Сивка* (вот она исходная корневая основа!), вдоль которого он до XIV в. располагался. Речка, зафиксированная в древнейших московских документах, исчезла, а название (переименованное) переулка (первоначально — улицы) сохранило ее имя. Нельзя не отметить, что древнюю основу *siva* можно различить в имени волшебного коня русских народных сказок — *Сивка-Бурка*. В русском языке эта основа приобрела значение «светлый» и в этом смысле рассеялось в многочисленных топонимах, образованных от слова «сивый».

Выше, в связи с упоминанием имени мудреца Вишвамитры, уже приводились названия рек в одной и той же огласовке — Вишера. Но та же самая корневая основа «виш» просматривается и в имени

* Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 63.

древнеиндийского божества Вишну. Для понимания глубинной этимологии с выявлением индоарийской основы достаточно более внимательно приглядеться к некоторым словам русского языка. Вот, к примеру, знакомое и всеми любимое слово «весна» — казалось бы, совершенно русское. Однако оно имеет общее основание с другими индоевропейскими языками. Достаточно взглянуть на производное от слова «весна» прилагательное «вешний», чтобы увидеть в нем индийского бога Вишну и более общее русское понятие (Все)вышний, обозначающее высшее безначальное божество, олицетворяющее главного властелина Вселенной (на что указывает его местоположение — в «вышине»). По-болгарски и по-сербохорватски «высокий» звучит как «више» (ср. русскую сравнительную степень «выше»). Не случайно также в эпических песнях Эдды верховный бог древнескандинавского пантеона Один именуется Высоким.

Одним из первых, кто указал на взаимосвязь слов «вышний», «вечный», «вещий» и «вешний» с именем индоарийского бога Вишну, был русский писатель и историк-любитель *Александр Фомич Вельтман* (1800—1870). Он обратил на это внимание в первой же своей исторической монографии «Индо-Германе, или Сайване» (1856)*.

* Помимо этого издания, он опубликовал еще три книги: «Аттила и Русь IV—V вв.» (1858), «Маги и Мидийские Каганы XIII столетия» (1860), «Первобытное верование и буддизм» (1864), где содержится немало более чем смелых и полужантасических предположений по истории Руси. Интересно также, что и того же происхождения наименование дерева и его плодов вишня. Другими словами, вишня — это дерево Вишну. Не случайно на юге России и на Украине вишня издавна была почитаемым деревом — в одном ряду с дубом, березой, ясенем, липой. Существовал обычай вырезать посошки и палочки из вишневого дерева. Считалось, что вишневая палка наделена особой волшебной силой, которая к тому же передается от деда к отцу и от отца к сыну.

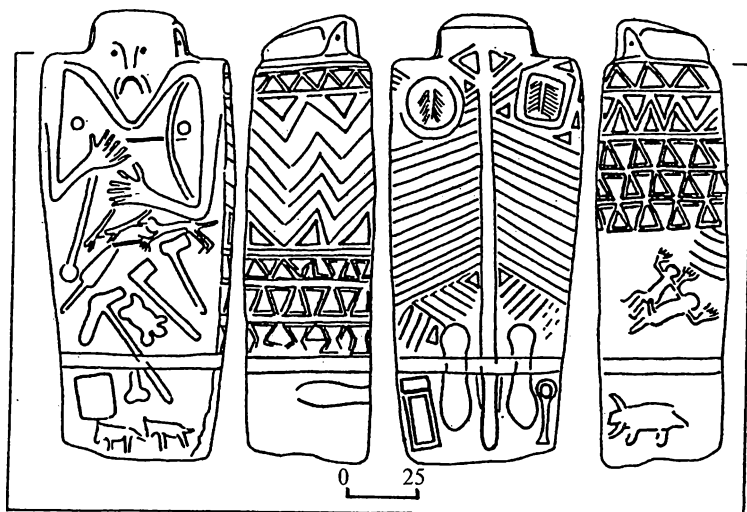

Рис. 12. Керносовский идол. Прорисовка рельефа

Тожественность Вишну и Всевышнего однозначно проявляется и в смысловом (семантическом) плане. В переводе с древнеиндийского (ведийского) Вишну означает «проникающий во все», «всеобъемлющий». По индуистским воззрениям, он символизирует энергию, упорядочивающую Космос, и считается «владыкой существования и творения Вселенной»: «Мир возник от Вишну и пребывает в нем. (Вишну) — творец существования и предбытия мира, он — мир»*. Именно таким образом Держателя Вселенной, возникший еще в пору индоевропейской общности, рисовался и протославянам. Каменное изваяние прото-Вишну было обнаружено археологами при раскопках курганов в Днепропетровской области и получило название Керносовского идола (рис. 12). Оно представляет собой низкорослого лысого и бородатого мужчину

* Вишну-Пурана. СПб., 1995. С. 12.

(одно из первоначальных воплощений классического Вишну — «лысый карлик»), испещренного со всех сторон петроглифами в виде следов (след — традиционный знак, божественное клеймо Вишну), фигурами людей в сексуальных позах, животных, смыслообразующими орнаментами и информационно насыщенными «чертами и резами». В своей совокупности все это вместе взятое и олицетворяет Вселенную*.

Между тем у Керносовского идола имеются также хвост и звериные уши (или рога?), что напоминает древнегреческое божество стад, лесов и полей — Пана, имеющее доэллиническое, скорее всего, общеиндоевропейское происхождение. Кстати, и имя Пан родственно имени Вишну, означая «все», а согласно Ригведе, как было рассмотрено выше, существовал даже целый протоэтнос *пани*. Прото-Вишну в какой-то мере тождествен прото-Пану. Другое дело, что общеиндоевропейское божество, олицетворяющее Вселенную, постепенно видоизменяло свои первоначальные функции — по мере расщепления первичной этнической общности и миграций праэтносов по всей территории Евразии. Если в индуизме бог Вишну сохранил и преумножил верховные и властные функции в составе великой триады Тримурти: Брахма — Вишну — Шива, то в условиях других исторических условий и иной идеологической доминанты — Олимпийской религии, пришедшей на смену старым доэллиническим верованиям, — бог Пан, ранее олицетворявший «все», превратился во второстепенное божество древнегреческой мифологии, хотя никто не отрицал его глубоких корней, уходящих в первозданную природу.

* См.: Крылова Л. П. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976; Шилов Ю. А. Прародина ариев: История, обряды, мифы. Киев, 1995.

Естественно, исторически менялись и изображения или изваяния божеств. Художественное воплощение не тождественно заложенному в него смыслу.

В дополнение к сказанному ранее об основе *arya* добавим. Уже в ведийские времена слово *arya* претерпело заметную фонетическую трансформацию. В Ригведе наряду с этой (ставшей со временем «классической») вокализацией употребляется сокращенная форма *Аю* (*ayu*) — буквально «живой» (так именуют одного из предводителей арийцев, а по нему — и их самих). В одном из гимнов Ригvedы говорится: «Древние Аю [арии. — В. Д.] / Проследовали по новому пути <...>» (XI: 23. 2). Вот почему комментаторы не без оснований считают *аю* одним из архаичных самоназваний арийских племен. Не исключено также, что в результате сложных фонетических и смысловых метаморфоз первичная ведийская лексема *ау* превратилась в русском языке в окончание — *ай*.

Также и лексическая и смысловая единица «*ар*» более чем распространена в различных языках, включая индоевропейские (и соответственно — славянские и русский). При этом совершенно неважно — является ли она составной частью корневой основы или какой-либо другой служебной морфемы (минимальной части слова). Ибо языки имеют свойство приспосабливаться к более древним лексическим субстратам и, как бы осваивая их, вбирать и превращать в элементы собственного словарного запаса. Особенно это наглядно просматривается на примере топонимов и гидронимов. Например, русские первопроходцы переименовали эвенкийское слово *окат* — «река» в *Охоту*, и отсюда уже пошли и город (первоначально — острог) *Охотск*, и *Охотское море*. Или: финские племена, издревле обитавшие по берегам *Ладожского озера*, приспособили к своему языку славянскую лексему «лад», образующую имя языческого божества-космостроителя

Лада, в более понятные для них названия, например *Алоде-йоки* (приток Волхова) или *Лахденпохья* (селение на берегу Ладоги). В указанном смысле название легендарного муромского села *Карачарово*, где по преданию родился богатырь Илья Муромец, могло соединить в себе двойную архаичную лексему «ар», переваренную в горниле славянских («чар») и тюркских («кар») языков.

В русском языке более чем достаточно слов, составным компонентом которых выступает обозначенная лексема «ар», о чем также уже говорилось. Хотя во многих случаях это вряд ли имеет отношение к начальному этапу этногенеза индоевропейских языков и их вычленения из единой этнолингвистической общности, — тем не менее налицо мощный пласт русских слов, в начале и особенно в конце которых закреплена лексема «ар» («арь»), несомненно сопряженная в далеком историческом прошлом с понятием «арий, арья». Вот лишь некоторые из таких слов с искомыми концовками: *амбар, вар, кашевар, загар, дар, жар, базар, мар, комар, кенар, гусар, нектар, сахар, овчар, гончар, боцар, кошар, грабарь, кубарь, рыбарь, букварь, словарь, январь, гарь, календарь, бондарь, господарь, государь, лекарь, пекарь, дикарь, пескарь, пушкарь, ларь, пономарь, свинарь, звонарь, лопарь, кесарь, слесарь, писарь, псарь, вратарь, алтарь, кустарь, мытарь, пахарь, бахарь, рыцарь, ключарь, царь* и др.

В связи с вышеизложенным совсем по-другому выглядят и многие индоевропейские или неиндоевропейские топонимы и гидронимы, имеющие в своем составе лексему «ар» в начале слова: *Арабатская стрелка* (коса, отделяющая Сиваш от Азовского моря), *Аравия, Арбат, Арагац (Армения), Арагви, Арагон, Ардон, Аркадия, Аракс, Арал, Арарат, Аргун, Аргунь, Арбатов, Арденны, Ардон, Аре* (приток Рейна),

Арзамас, Арзрум (Эрзрум), Ариха (Иерихон), Аркадак, Аркалык, Аркатаг, Арктика, Арль, Армавир, Армения, Арск, Арташат, Арысь и др. Но лексема «ар» встречается также в конце некоторых топонимов: например, *Самара, Дубоссары, Богучарово* и т. п.

* * *

Атлантический-гиперборейский след можно обнаружить и в ряде подмосковных топонимов. Вот хорошо всем знакомая река *Истра* со всем своим топонимическим гнездом. Понятно, что *Е. М. Поспелов* выводит ее название из латышского слова *strauja* — «поток, течение» (опираясь, впрочем, на филологические «изыскания» предшественников). Но возможно и другое объяснение. Например, известный даже из школьных учебников факт: в античные времена река *Дунай* имела второе название — *Петр* (именно под таким именем знавали ее и Геродот, и Страбон). Если же следовать логике некоторых топонимистов*, то пальма первенства в наименовании *Истра* должна принадлежать латышам. Для подкрепления такой более чем сомнительной гипотезы привлекается еще одно латышское слово — *strava* — «большая река, поток». На мой взгляд, авторам выдвинутой гипотезы как будто невдомек, что слово «страва» давным-давно существует в русском языке, где означает «тризну, погребальную трапезу» (в свое время, где-то еще в IV в., это слово было заимствовано у славян гуннами и сохранилось в латинских средневековых хрониках).

Приведу еще один подобный пример. «Некоторые исследователи сопоставляют название *Клязьма* с встречающимися на Севере названиями типа *Не-*

* См., напр.: *Поспелов Е. М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000. С. 108.

резьма, Колозьма, Колежма и т. п. В этих названиях выделяются довольно близкие по звучанию элементы — *-язьма, -озьма, -ежма* [Седов, 1974, 21], которые *гипотетически могут представлять собой варианты термина «река» на каком-то вымершем финно-угорском языке* [Выделено мной. — В. Д.]. Однако остающаяся после отсечения [в несуществующем языке! — В. Д.] элемента-язьма основа *кл* совершенно непонятна и пока не поддается расшифровке*. Приведу свою версию.

Совершенно непонятна основа «кл» только для тех, кто в русских топонимах не видит ничего, кроме финно-угорских или балтийских корней (хотя и здесь нетрудно обнаружить соответствующие лексемы). Корневая основа «кл» вполне может оказаться «сокращенным» вариантом архаичного индоевропейского и доиндоевропейского солярного корня «кол». В таком случае первоначально название реки *Клязьма* звучало как *Колязьма*, что почти полностью соответствует северному гидрониму *Колозьма*, а выпадение гласной произошло по известной схеме: *Плесков (Песков) > Псков, Меценск (=Меченск) → Мценск*. Кстати, в Подмосковье имеется еще одна река, сохранившая древнюю солярную основу — *Колоча* плюс не менее 20 топонимов с той же самой основой. Всего же в Окском регионе выявлен 231 (!!!) гидроним, образованный на основе архаичной лексемы «кол»—«кал»**.

Можно было бы и дальше продолжить комментирование топонимического словаря Пospelова, где даже чисто русские имена (например, река *Искона*

* *Пospelов Е. М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000. С. 119.

** См.: *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки: Список рек и озер. М., 1976. С. 333–335.

от глагола «искать») пытаются трансформировать в латышские и литовские слова. Подобным образом пытаются интерпретировать происхождение названия известной московской и подмосковной реки *Яузы*. В некоторых летописях она именуется *Аузой* или *Аузей*. Это-то и дало основание провести параллель между русской речкой и некоторыми водными объектами в Латвии — *Auzes, Auzas, Auziruvns, Auziuplava, Auzini, Auzene* и др., которые, в свою очередь, связывают с латышским же словом *auzējs*, означающим — ни больше ни меньше — как «стебель овса, солома»*.

Но издавна существует простое и внятное объяснение происхождения названия реки *Яузы* — из славянского понятия «узы»**. (Та же лексема просматривается и в названии реки *Вазузы*.) По смыслу тоже неплохо получается — «связующая река» и вовсе никакая не «соломенная». Аналогичным образом подаются названия подмосковных рек и населенных пунктов, возникших на их берегах: *Шатура* (в основе — корень «шат»), *Гжелка* (река) и *Гжель* (город) (в основе — корень «жел», который лежит в основе множества русских слов: «желтый», «желать», «желвак», «желудок», «желчь», «железо», «желна» («дытел»), «желя» («плач»), «желоб», «желудь» и др.).

Что касается древней индоарийской корневой основы, то и она характерна для подмосковной топонимики и гидронимики. Так, в названиях реки и одноименного города *Яхрома* прочитывается сакрально-мистическое ведийское возгласие *ом*

* См., напр.: *Топоров В. Н.* Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 36.

** См.: *Смолицкая Г. П.* Занимательная топонимика: Рассказы о географических названиях. М., 2001. С. 251.

(аум)* (впрочем, так же как и в названиях ряда северных и сибирских рек — *Онь, Тулома, Кулома, Кондома*). Или: кто не знает, к примеру, подмосковной реки *Протвы* — левого притока Оки, что берет свое начало из болотца в Московской области, но протекает в основном по территории Калужской губернии. На реке расположен и старинный город Боровск со знаменитым Пафнутьевским монастырем, и современный город Протвино с Институтом физики высоких энергий Российской Академии наук и крупнейшим ускорителем элементарных частиц. В Ипатьевской летописи древнее название реки зафиксировано как Протова. В данной связи высказывалось предположение, что название реки восходит к имени древнеримского бога гаваней и ворот *Портуна (Portunus)*, откуда происходит и современное интернациональное слово «порт» в ряде индоевропейских языков.

Однако, скорее всего, происхождение гидронима восходит к индоевропейской основе и ведическим верованиям. Санскритское слово *pethivoi* озна-

* Последователи многих религий — древнейшего ведизма, индуизма, шиваизма, буддизма, различных крупных и мелких сект — считают священное слово больше, чем словом, ибо оно, по их мнению, выражает самую сокровенную сущность Вселенной, человека видимого и невидимого миров. Топонимы и гидронимы на основе сакральной лексемы распространены повсюду: в Тульской области есть, к примеру, деревня *Оматы*, на Новгородчине имеется озеро и река с одним и тем же названием — *Омша* и еще одна река — *Омаш*, кроме того, есть еще и поселок — *Омошье*. Высказывалось также продуктивное мнение (Д. М. Дудко), что древнеарийское «ом — аум» в процессе эволюции и дифференциации индоевропейских языков превратилось в русском в «ум». Высказывалось и другое, не менее конструктивное предположение (Ю. М. Миролюбов): распространенное русское позывное кликанье «ау!» — не что иное, как в трансформированном виде доживший до наших дней осколок древнего священного восклицания «ом — аум». Об этом уже говорилось выше.

чает «земля», а каноническая молитвенная формула *Mata pethivoi iyam* переводится как «Моя Мать — Земля». Поклонение Матери Земле прошло через всю историю индоевропейцев (а также других, неиндоевропейских, народов), зародившись в незапамятные времена. Следовательно, в имени подмосковно-калужской реки Протвы запечатлена эпоха этнолингвистической нерасчлененной индоевропейской общности, когда прапредки современных народов мигрировали и проживали на территории, относящейся ныне к Центральной России.

То же самое можно сказать о реке и одноименном городе *Кашира*. В конечном счете данный топоним и гидроним восходит к санскритскому корню *kaṣ* (читается «каш» или «кащ»), который образует имя одного из божественных первотворцов ведийского и индуистского пантеона *Кашьяны* (от санскр. *kaṣuara*; в некоторых изданиях значит *kaṣuara* — что означает «черепаша» и «чернозубый») — таково прозвище известного и прославленного героя ведийской мифологии.

* * *

Искомые лексические первоосновы индоарийского и атлантско-гиперборейского происхождения обнаруживаются также и во многих других российских топонимах и гидронимах. Вот *Калуга* — сакральный центр пересечения не только геологических (тектонических), гидрологических (речное русло Оки), энергетических токов, но также мощных потоков космической энергии и целенаправленного ноосферного воздействия. Именно поэтому Калуга стала духовной родиной великих русских мыслителей-космистов — К. Э. Циолковского и А. Л. Чижевского. В Калуге же до революции активно действовало широко разветвленное теософское движение.

Происхождение названия Калуги, а по нему — и всего края, принято связывать с одноименным (но устаревшим) словом, означающим «болото, топь», хотя впечатляющих болот, таких, к примеру, каковыми славится хотя бы соседняя Брянщина, в окрестностях города не отмечено*. Поэтому быстро были найдены созвучные лексические эквиваленты. Так, в тюркских языках можно встретить слово *калынга* — «выступ, возвышение» (очень, дескать, подходит к высокому берегу Оки, где, согласно документам, с XIV в. красуется Калуга). В финно-угорских языках есть *кулига* (*кулижки*) — «глухое место в лесу» (данное слово было быстро усвоено в северо-западных областях России, обогатив словарный запас русского языка). Крупнейший топонимист *В. А. Никонов* выводил имя Калуги из древнерусского слова *калыга* — «забор, ограда» или же «улица». В калужском народном диалекте выявлено еще одно значение слова «калуга» — «полуостров». В украинском языке тоже имеется *калюга*, означающая «лужу, грязь». Как видим, выбор для объяснения предостаточный.

Однако ни один специалист-филолог из предлагавших свою этимологическую версию не учитывал

* Объяснение происхождения русских топонимов и гидронимов на основе иноязычных слов (финно-угорских, тюркских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и т. п.), означающих «болото», встречается довольно часто. Между тем если возраст топонимов может насчитывать многие сотни и даже тысячи лет, то заболоченные места, которые якобы дали эти названия, зачастую появились совсем недавно (и следовательно, никак не могли повлиять на название водных или же сухопутных объектов). Болота (даже очень большие и топкие) не вечны. Зачастую они возникают там, где человек прекращает свою хозяйственную деятельность. Даже брошенные пашни заболачиваются. На месте оживленного почтового тракта Владимир — Коломна, где еще сто лет назад жизнь была ключом, сейчас — безлюдье и непроезжее болото.

возможности влияния на калужскую топонимику индоарийских миграций. Между тем представляется, что именно они могли дать импульс для топонимического процесса (крепость XIV в. наверняка была построена на месте более древнего поселения). Какие же древние корни просматриваются в русском топониме? Обнаружить их совсем нетрудно. При первом упоминании (кстати, не в русской летописи, а в грамоте 1371 г. литовского князя Ольгерда) город назван *Колугой*. Следовательно, в основе топонима лежит архаичная индоевропейская и доиндоевропейская лексема «кол-кал». Во многих языках слово «кол» означает «круг» и «солнечный круг» (или просто «солнце»); в санскрите лексема «кал» соответствует понятию «время».

Специалисты подчеркивают, что санскритское слово «кала» произошло от более архаичного (и, как мы знаем, *доиндоевропейского*) «коло»* (пример того анализ названия реки Клязьма, приведенный выше). В санскрите и современных индийских языках имеется еще одно слово для выражения понятия «колесо»; это — *чакра*** . Соответственно знаменитое философское и религиозное понятие (и одновременно — учение) *калачакра* означает «колесо времени». От того же корня образовано имя ужасающей богини смерти *Кали* и, естественно, обобщенное понятие смерти тоже. По преданию, учение Калачакры было передано царю Шамбалы самим

* См.: Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М., 1996. С. 221.

** Между прочим в русском языке по сей день сохранились слова с древним корнем «чакр», значение которых, однако, можно отыскать либо в Словаре Владимира Даля, либо в словарях областных народных говоров (что свидетельствует о постепенном выпадении их из словарного запаса): *чекрыжить* — «обрезать» и *чакрыжник* — «мелкий лес вперемежку с кустарником». Сохранились и русские фамилии, образованные от этих слов.

Буддой. Но мало кто сомневается, что главные элементы самой философии сформировались задолго до возникновения буддизма и берут свое начало на Севере. В соответствии с философской доктриной Калачакры, все в мире — от Вселенной до человека — развивается циклично. Все рано или поздно повторяется, и если когда-то на смену матриархату пришел патриархат, то нынче они, похоже, вновь сменяют друг друга. И действуют тут не какие-то абстрактные социологические схемы, а глубинные космические закономерности: мужское и женское Начала коренятся в самой структуре Природы и Социума, обуславливая циклические процессы и смену одних явлений другими.

Вот, оказывается, какой скрытый смысл может таиться в наименовании древнего града. Но и поклонение Коло-Солнцу могло найти отображение в названии Калуга. В частности, это касается верований древних кельтов, из мифологии которых известно солярное божество света *Луг** (русское слово «луг», судя по всему, общего с ним происхождения). Так вот, Коло + Луг = Колуга (именно так первоначально и именовался будущий город). В Калужском крае, кстати, множество и других топонимов, образованных на основе корневой основы «кол»: река *Колдобина*, деревни и села *Кольское*, *Колодясы*, *Кольшево*, *Колесниково*, *Кольхманово*, *Колюпаново*, *Колодези* (встречается 6 раз). Как уже говорилось, кельты (по-древнегречески — *киммерийцы*, по-древнерусски — *кимры* или *копты*) проделали длительный миграционный путь от пределов погибшей Гипербореи, прежде чем оказаться в местах нынешнего расселения на северо-западе Европы, оставляя повсюду топонимические следы своего пребывания.

* У *Луга* было еще одно имя: по-ирландски его звали *Ллеу* — данный теоним вполне созвучен с древнелавянским *Лелем*.

О происхождении имени города *Тула* и его сопряженности с самоназванием Гипербореи-Туле уже подробно говорилось выше. Но в округе сакрального центра края также немало топонимов и гидронимов индоарийского и атлантско-гиперборейского происхождения. Под Тулой протекает речушка *Волоть*, напоминающая о древнерусских исполинах («волот» = «великан»). Деревня *Карники* в Веневском районе наводит на мысль о загадочной языческой богине *Карне* из «Слова о полку Игореве» или о *Карне* — предводителе войска Кауравов в великой древнеиндийской поэме «Махабхарата». Архаичный корень «кар» сплошь и рядом встречается также и в неиндоевропейских языках: достаточно вспомнить Карское море, названное так по гиперборейской реке *Каре*; в тюркских языках, как уже говорилось, слово *кара* означает «черный» и входит с этим смыслом в качестве составного элемента во многие евразийские топонимы — *Кара-Бугаз* (Каспийский залив), *Караганда*, *Карадаг*, *Каракалпакия*, *Каракорум* (столица Чингисхана), *Каракуль*, *Каракумы* (пустыня), *Карасу* (превеликое множество речек с таким названием) и др.*.

Упомянутый только что Веневский район и его центр — город *Венев*, что на реке *Веневке*, свидетельствуют о присутствии здесь славянского племени, известного из истории под названием *венеды* (*венеты*, *венды*). Корень «вен» сохранился во многих словах русского языка: *вено* (выкуп за невесту, приданое), *вена* (кровеносный сосуд), *венец*, *венок*, *веник* и др. Данная корневая основа содержится и в персидском названии вступительной и наиболее

* Примечательно также исконное имя города Пржевальска в Киргизии на берегу озера Иссык-Куль, который первоначально назывался *Каракол*: в данном топониме соединены сразу две архаичные лексемы — «кар» и «кол».

архаичной части священной книги древних иранцев *Авесты* — *Вендидате*. В местах бывшего расселения венедов остались названия городов и рек, образованные от родового имени исчезнувшего народа. Среди них — достославные *Вена* и *Венеция*, а также города в Латвии в местах, где раньше жили древние славяне, — *Вентспилс* на реке *Вента* и *Венден* (первоначальное название Цесиса). Среди древних богов, коим поклонялись венеды, — знаменитая богиня любви *Венера* (по-латински *Venus*): ее культ восходит к самым глубинным корням индоевропейской и доиндоевропейской этнокультурной общности, но соответствующее имя было воспринято лишь той частью отпочковавшихся народов, которые, мигрируя с севера и минуя Альпы, оказались, в конечном счете, на Апеннинском полуострове на территории Древнего Рима и современной Италии.

Вверх по течению Оки в нее впадает мало кому известная речушка *Вашана*, ее имя также вполне сопрягается с сакральным ведийским возгласом «Вашат!»: такое заклинание произносит жрец в «Ригведе» во время ритуального жертвоприношения (например, при обязательном выплескивании в огонь нескольких капель священного напитка сомы). Исходное корневое слово «ваш» в ведийском языке означало «звучать», а «ваша» — «шум воды» (вполне подходящее для речных реалий). В санскрите имеется целое лексическое гнездо с корнем *vas* (в процессе длительной эволюции и расщепления языков согласный звук «с» вполне мог трансформироваться в «ш»). В санскрите *vasu* имеет многозначный смысл: 1) «добрый», «благосклонный»; 2) «добро», «богатство», «клад»; 3) восемь полубогов из «Ригведы», подвластных Индре, которые так и переводятся на русский несклоняемым теснимом «васу».

Созвучным названием окского притока (с учетом, разумеется, превращения «с» в «ш») может служить санскритское слово *vasana* — «одежда», «покрывало». Несомненный интерес представляет также *vasanta* — «весна», из которого образовалось и соответствующее русское понятие, означающее время года, — «весна». В последние годы, однако, приокские места в пойме реки Вашаны получили достаточную известность, связанную с находками здесь удивительных артефактов, имеющих непосредственное отношение к сакральной истории России.

Помимо этимологического анализа, на движение индоариев указывают и удивительные предметы их материальной культуры, найденные в различных районах российской территории. Еще летом 1999 г. краевед из города Алексина *Сергей Васильевич Зверев* случайно нашел в нижней надпойменной террасе протекающей под Лысой горой реки Вашаны несколько предметов из кремния. На первый взгляд обычные каменные рубила, ножи и наконечники, каких полно в палеолитических разделах любого краеведческого музея. Однако наметанный взгляд первооткрывателя неожиданно выявил на искусственно обработанных краях изделий *лики людей и животных!* Такого не встречалось до сих пор ни на одном «орудии труда», выставленном в музейных витринах!* По заключению геологов, сотрудников Тульского политехнического института, некоторые из найденных кремниевых изделий могли быть созданы под воздействием температур, равных 2500–3000 °С. Лабораторные исследования красящих веществ на

* Справедливости ради стоит заметить, что ранее на человекообразные и зооморфные рельефы на сколах древнекаменных орудий обращал внимание известный сибирский археолог *Виталий Епифанович Ларичев*, но данный факт не получил в его трудах дальнейшего развития.

кремниевых сколах определили удивительно высокий уровень технического оснащения древних мастеров. Судя по всему, краску наносили с помощью какого-то распылителя, но даже с современной техникой получить аналогичный эффект крайне затруднительно. Стойкость же некоторых красителей оказалась такова, что их разложение стало возможным только под воздействием плавиковой кислоты — одного из самых агрессивных химических соединений.

В находку Зверева входила также мелкая пластика: головы пантеры и обезьяны, обнаженный женский торс. А на черных и желтых сколах кремниевых линз обнаружили миниатюрные рисунки, сделанные минеральными и эмалевыми красками. На них — изображения людей, известных и неизвестных животных, дискообразных летательных аппаратов, именуемых в просторечии «летающими тарелками». Последнее обстоятельство дало основание уфологам заявить, что удивительные находки Сергея Зверева вообще внеземного происхождения. Но, быть может, перед нами действительно следы высокоразвитой цивилизации, каковой, по мнению многих исследователей, являлась в далеком прошлом арктическая гиперборейская цивилизация? Как уже неоднократно подчеркивалось, предки и прапредки индоевропейцев, медленно продвигаясь с Севера на Юг после гибели Атлантиды—Гипербореи, оседали (временно или постоянно) в ходе этого беспрецедентного переселения народов в разных местах — от Беломорья до Средиземноморья, Индийского и Атлантического океанов. Одна из волн древних ариев-переселенцев прокатилась через Волжско-Окский регион в III—II тыс. до н. э. Тогда они не утратили еще технологических навыков прежней высокоразвитой цивилизации. Отсюда возможное происхождение рисунков и рельефов на кремниевых сколах, найденных близ алексинской Лысой горы.

Большинство рисунков и рельефов настолько реалистичны, что назвать их петроглифами язык не поворачивается. Весь вопрос в том: кто и когда их сделал, с какой целью и какова была техника столь филигранной работы древних мастеров? Да и сами эти люди — какого рода и племени? Какой эпохи и времени? Ясно одно: художественное мировидение и способы сохранения информации древними насельниками Окского региона и их потомками совершенно не совпадают.

Открытие Зверева требовало научной экспертизы и культурологической оценки. Уже осенью 1999 г. в Соломасово из Петербурга прибыл доктор исторических наук *Н. К. Анисюткин* и дал заключение о перспективности археологических раскопок. На следующий год археологи заложили разведывательный шурф и обнаружили на глубине 3,5 м культурный слой с многочисленными предметами искусственного происхождения. Их предполагаемый возраст — 150–200 тысяч лет назад. Но главное, что озадачивало: стоянка древних людей найдена вопреки всему имеющемуся археологическому опыту, то есть там, где ее заведомо не должно быть.

В 2001–2002 годах *Н. К. Анисюткин* продолжил изыскания на террасе близ одной из пещер на склоне Лысой горы. В известняковых пещерах, по-видимому, и скрывается главная тайна, но две из них до недавнего времени были полузасыпаны, хотя проходы имелись, но такие узкие, что кошка едва пролезет, а у входа в одну из пещер появляется чувство животного страха. Из отверстий, как из трубы, веяло сквозняком: значит, в глубине обширная полость, куда пытались проникнуть не только серьезные исследователи, но и многочисленные искатели приключений. Да не тут-то было: стены, сложенные из слоистой породы, немедленно обрушивались. Так случилось и у питерских археологов, и у Зверева,

который специально нанимал землекопов, и у тех «диких кладоискателей», что регулярно стали навешиваться к загадочной горе.

Одним словом, к августу 2001 г. все проходы под землю оказались недоступными. Здесь требуется серьезная профессиональная работа проходческой бригады и установка надежного крепежа из бревен (что, в общем-то, и предполагается сделать; весь вопрос в том, когда найдутся средства для реализации плана). Неподалеку от Лысой горы, на крутом берегу Оки есть еще две пещеры. Одна из них — это заброшенная каменоломня, где в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века добывали камень для облицовки московских набережных и сплавляли его баржами напрямик до столицы. Вторую тоже пытались приспособить для тех же целей, но своды и стены обрушились враз, да так, что разгрести завал и пробиться дальше до сих пор не представилось никакой возможности. Мало кто сомневается, что обе прибрежные пещеры наидревнейшего происхождения: на их известняковых пластах также имеются загадочные рисунки и архаичные символы, нанесенные несмываемой минеральной краской.

Тульские геологи произвели биолокационную съемку местности и зафиксировали в пойме реки Вашаны не менее тридцати подземных пещер. Некоторые из них имеют правильные геометрические формы. С ними еще предстоит разобраться. В мае 2002 г. на место исследований в очередной раз прибыли участники научно-поисковой экспедиции «Гиперборея». Произведенное глубинное «просвечивание» недр с помощью мощного георадара подтвердило наличие повсюду, где проводились изыскания, множества обширных подземных пещер.

Тульский профессор *Владимир Николаевич Назаров* свободно реконструирует тульскую топонимику, исходя из словарного запаса санскрита — но не

в прямом, а, если только так можно выразиться, в косвенном смысле. Например, тульские реки *Упа* + *Шат* заставляют вспомнить о знаменитых *упанишадах* (дословно — «сокровенное знание») — завершающей части Ведийского канона* Общеиндоевропейское *ира* совершенно неожиданным образом обнаруживается в древнегреческом и древнеегипетском языках. Известно, что в античное время существовало множество версий происхождения того или иного бога. Знаменитейший древнеримский оратор и писатель Цицерон, которого трудно заподозрить в фальсификации или незнании, в своем философском трактате «О природе богов» приводит сводные данные по этому вопросу. Здесь даются три несопадающие генеалогии происхождения Зевса (Юпитера), пять — Солнца, четыре — Аида (Вулкана), пять — Гермеса (Меркурия), три — Артемиды (Дианы), пять — Диониса (Вакха), четыре — Афродиты (Венеры), четыре — Минервы (Афины).

Четыре версии сообщает Цицерон и относительно рождения солнцезебога Аполлона, и во всех четырех называются разные родители. Так вот, по одному из четырех теогонических вариантов отцом Аполлона был некто *Унус* (*Онус*) (если исходить также из факта, что Аполлон и Артемида были близнецами)** . Значение имени сего неожиданного отца

* В санскрите великое множество слов с приставкой *ира-*, означающей либо «прибытие», либо «содействие, помощь».

** См.: Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 174–176. То, что гиперборейский солнцезебог Аполлон не был сыном Зевса, доказывает также свидетельство Аполлодора. В своей «Мифологической библиотеке» (1: III, 4) он сообщает, что от соития Аполлона с Талией произошли *корибанты* — мифические спутники Реи-Кибелы и защитники младенца Зевса. Другими словами, и Аполлон с его детьми корибантами существовал еще до рождения Зевса, а потому никак не мог быть сыном последнего.

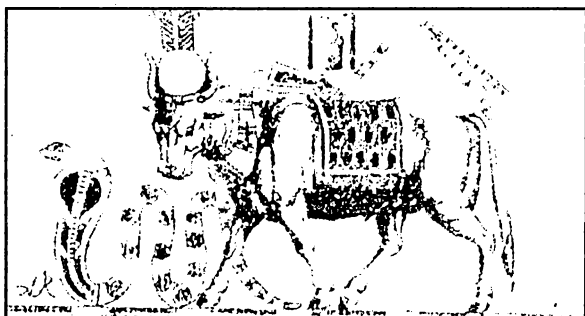

Рис. 13. *Anus*

Аполлона также известно: это — *око (глаз)*, что семантически совпадает с распространенным толкованием гидронима *Оки* как производного от славянского слова «око», восходящего к санскритскому *akṣi* — «глаз». Что касается загадочного *Унуса (Onusa)*, то это эллинское имя легко сопрягается с египетским теонимом — богом плодородия *Anusom*, изображаемым в образе быка с солнцем между рогами (рис. 13). Наконец, круг замыкается, если мы вспомним, что *Anas (Āpas)* — это персонифицированные космические воды в ведийской мифологии. В Ригведе им посвящено четыре гимна. Через иранский язык это имя попало к скифам, превратившись в великую богиню *Ani* — властительницу водной стихии и суши.

На основе санскрита может трактоваться и происхождение других топонимов Тульского края. Так, деревня *Оматы* вновь возвращает нас к древнему арийскому возгласению «*ом!*», уже упоминавшемуся в связи с сибирской рекой *Омь* (хотя в санскрите есть и слово *ота*, означающее «товарищ, друг»). Село *Ситово* вполне вписывается в общий перечень топонимов с корнем «сит», возможно, восходящих к имени *Ситы* — жены *Рамы*. Речки же *Апрань* и *Пранка* заставляют вспомнить древнеарийское учение о

пране — «жизненном дыхании» (от санскритского слова *prana* — «дыхание, жизненный ток, ветер»).

Владимирская область также хранит следы индоариев. Неудивительно, что именно здесь находится река *Индрус*, могущая служить эталоном индоевропейской гидронимики. Поддаются искомой идентификации и другие топонимы: например, река *Има* заставляет вспомнить авестийского первопредка *Йиму* — создателя мировой цивилизации, спасшего человечество от потопа, обрушившегося на Землю после жесточайшей зимы (явная общая корневая основа видится в современных русских словах, как «имя», «иметь»). Точно так же река и озеро с одинаковым названием *Виша* наводят на мысль о ведийском божестве *Вишну*. Во множестве во владимирской топонимике встречаются и славянские отголоски языческого прошлого. Это — и тотемные названия рек *Гусь*, *Ястреб*, и река *Вольга*, заставляющая вспомнить знаменитого былинного героя, а также многочисленные упоминания солнцезбога Коло: реки *Колокша*, *Коль*, *Колонка*, которому созвучны имена ряда деревень и поселков.

Рядом с Владимиром расположен старинный русский город *Суздаль*. Откуда взялось такое название? На сей счет существуют различные точки зрения. Официально считается, что город возник в 1024 г. Однако в качестве даты рождения в данном случае принято первое упоминание в летописи, где одновременно намекается, что город уже существовал в IX в., когда мимо него проследовала орда угров (древних венгров, мигрировавших с Обского Севера к местам своего нынешнего расселения на берегах Дуная). Археологические исследования подтверждают, что люди жили на территории современного Суздаля задолго до II тыс. Надо полагать, тогда же появилось и его наименование. О смысле

же его выдвигались различные домыслы — от русского «*сух дол*» до эстонского *suzi* — «*волк*».

Мой собственный подход, который в методологическом плане может быть экстраполирован и на другие аналогичные топонимы, заключается в следующем. Первоначальное название дали (и оставили последующим этносам) древние арии. Естественно, в те далекие времена (возможная хронология колеблется от X до I тыс. до н. э.) это был никакой не город. Но достаточно было однажды поименовать место прохождения, стоянки, поселения, как оно могло закрепиться навсегда и в трансформированном виде дожить до наших дней.

Попробуем теперь с обозначенных позиций произвести мысленную реконструкцию избранного топонима. Его древнерусская огласовка — *Суждаль*. Здесь явственно просматривается взаимопереход согласных звуков *з*↔*ж*, что, в свою очередь, позволяет выявить первоначальную корневую основу. Это — «суд» (ср.: «судить — сужу») и образованное от нее понятие «судьба». В санскрите фонетическое звучание сходного по смыслу слова сильно отличается от его дальнейших трансформаций: *samdhis*, *samdhā* (*договор, связь*) в индоевропейских языках, включая русский. Тем не менее, именно это та лексическая точка отсчета, с которой начинается этимологическая история топонима *Суздаль*, глубинный (древний) смысл которого *Судьбоносный*. (Гораздо ближе по звучанию название одной из резиденций царей древнеперсидской державы — города *Сузы*, название которого и семантика также, по-видимому, происходят из того же самого индоиранского источника.)

***Рязань* и *Рязанская область*.** Проследим за движением индоариев по карте Рязанщины, хотя оно просматривается не так явственно, как в других

регионах. Наиболее распространенное этимологическое объяснение имени города Рязани — оно происходит от названия водного растения «ряски» или мокрого места вообще, которое по-русски именуется «ряса». В Окском регионе зафиксировано несколько гидронимов, образованных от этих слов, — Ряса, Рясенка, Рясловка, Рясна, Ряснин, Рясы, Рязма и др., а также город Рязск, который в прошлом, согласно летописным и писцовым данным, именовался Рясск (или Рязск). Вряд ли стоит сомневаться, что все это — фонетические варианты одной и той же наидревнейшей индоевропейской протолексемы.

Сказанное косвенно подтверждается и широким распространением топонимов типа Рязань, Рязанка и т. д. по всей территории Европейской России. В сравнительно недавно освоенных областях такая повальная приверженность к «рязаням» (как говаривал Сергей Есенин) еще как-то (да и то с трудом) может быть объяснена ностальгией переселенцев по своей былой (рязанской) отчизне. Однако на поверку оказывается, что таких «рязаней» гораздо больше в близлежащих областях, чем в самой Рязани. Например, только на Смоленщине таких топонимов не менее восьми — Рязань, Рязаново (встречается 5 раз), Рясина (2); на Вологодчине, где тоже есть своя Рязань (не менее 5). И т. д.

Или взять хотя бы реку на крайнем северо-западе области с любопытным названием *Пра*. Этимологи отказываются дать хоть какое-нибудь вразумительное объяснение данному гидрониму. А жаль — в нем явно слышатся отголоски древней лексемы, ибо в древнеиндийском языке эта лексема-приставка имеет то же значение, что и в современном русском языке. Индоарийскими временами веет и от таких гидронимов, как реки *Солотча*, *Вожя*, *Проня*, *Верда*, *Истья*, *Раноба*, *Хупта*, *Коль*, *Пара*,

Тырница, Унжа, Шача, Цна и др. Топонимы с «солнечной лексемой» «кол» на Рязанщине столь же распространены, как и в близлежащих областях: *Колдымашево, Коленцы, Колесниково, Колесницкий, Колесня, Колетино, Колобовка, Колобово, Коловерти, Колубердеево, Колчево, Колычеве, Кольдюки* и др.

Пропустив большинство областей России (не менее интересных в топонимическом отношении), обратимся напоследок еще к одному региону — низовьям Волги. Современная топонимика Астраханской области практически не содержит названий, свидетельствующих о древних ариях (почти все они позднейшего тюркского или русского происхождения). Однако нижнее течение Волги издревле служило местом обитания различных этносов, которых привлекала разветвленная дельта Волги, изобилующая ценными породами осетровых рыб. Да и сама Волга от верховий до устья служила постоянным каналом миграционных волн, начиная с первого великого переселения индоариев с Севера на Юг. Поэтому и гиперборейский след на карте Астраханской области вполне мог дожить до наших дней в сильно искаженном и трудно узнаваемом виде. Конкретно сказанное можно отнести к самому топониму *Астрахань* и самому крупному рукаву в дельте Волги — *Ахтубе*.

Считается, что русские, завоевавшие Астраханское ханство во времена Ивана Грозного и присоединившие прикаспийские земли к России, усвоили бытовавшие там тюркские (татарские) названия, несколько переиначив их на свой лад. Но ведь татары в низовьях Волги сами были пришлым населением. Золотая Орда (со столицами Старый Сарай и Новый Сарай на берегах Волги) просуществовала менее двух веков, а возникшее на развалинах Золотой Орды Астраханское ханство — еще около ста лет. Безусловно, татары давали наименования ста-

новицам и местам (в том числе многочисленным рекам в пойме Ахтубы и Волги), где им приходилось проживать. Но там, где такие названия уже существовали, они просто приспособливались к ним, ища фонетическое и смысловое сходство в собственном языке.

Вот почему наименование Астрахани, несмотря на кажущуюся простоту, не поддается приемлемой и всех устраивающей расшифровке. Татары именовали город *Хаджи-Тархан*. Это — явный неологизм, связанный с *хаджем* — паломничеством в Мекку, но только по первой половине топонима. «Тархан» слово тоже известное: из татарского, где оно означало «человека, свободного от податей (налогов)», оно перекочевало в русский язык (достаточно вспомнить русскую фамилию Тарханов). Однако в старинных документах в названии Астрахани полнейший разнобой *Аштракань, Адьяж-Тархань, Хазитархань, Зитрыхань, Цытрыкань* и др. (а в Каталонском атласе 1375 г. — еще и *Agitarcam*). Уже это одно заставляло этимологов с большой долей сомнения относиться к тюркским корням топонима, и многие склонны были настаивать на иранских корнях. Ну а древнеиранское — это уже арийское, если только спроецировать иранские лексические субстраты на более древнюю эпоху.

Я же исхожу из предположения, что название древнего поселения на месте средневековой и современной Астрахани появилось еще во времена гиперборейских миграций, а корни топонима вполне можно отыскать в первичной лексике индоевропейских и доиндоевропейских языков. Что в данной связи сразу же приходит на ум? Вдумайтесь в первую часть топонима. Что он напоминает? Ну, конечно — знакомое слово «астра» («астро-»)! Во все современные языки слово проникло из древнегреческого, где *astron* означает «звезду» (и не только в

современные — в латинский, к примеру, тоже). Отсюда же пошли такие термины, как *астрономия*, *астрология*, *астронавтика*, *астролябия*, *астероид* и др. Хотя в древнегреческой мифологии известны теонимы с таким же корнем (титан *Астрей*, богиня справедливости *Астрея*), сама корневая основа «*астр*» более древнего, доиндоевропейского, происхождения. Так, в древнеаравийской мифологии известно верховное божество *Астар*, которое повлияло на возникновение древнесемитского культа *Астара*, бога планеты Венера и мужской ипостаси богини любви *Астарты* (*Иштар*), также олицетворявшей Утреннюю звезду.

В санскрите также есть понятие *astra*, но означает оно здесь «оружие» (хорошо, к примеру, известно чудо-оружие из индийского эпоса «Махабхарата» и других древних источников — астравидья). Могла ли в данной связи архаичная лексема «*астр*» послужить основой для наименования какого-либо святилища, астрономического комплекса или арсенала с оружием в районе современной Астрахани (что впоследствии запечатлелось в названии местности и города)? А почему бы и нет? Гиперборейские мигранты владели обширными астрономическими знаниями. За их плечами был богатейший опыт астрономических наблюдений и космических контактов. О значении *астра*-оружия в жизни арийских первопроходцев-завоевателей тоже говорить не приходится. Так что нет ничего удивительного в том, что древние гиперборейские мигранты оставили свой астрономический след на *астраханской* земле.

Гидроним *Ахтуба* также приводит к не менее фантастическим предположениям и выводам. Но, как говорится, факты — упрямая вещь. Этимологи, исходя из тюркского влияния в Нижнем Поволжье, пытаются вывести название Ахтубы из соединения

слов: *к* («белый») + *туба* («омут») или же *ак* («белый») + *тюбе* («холмы»), хотя ни омутов, ни холмов на Ахтубе нет. Между тем понятие *ахт* (*ах*) существует в сибирских народных говорах, где оно означает «протоку между двумя озерами или реками». Считается, что пришлое русское население Западной Сибири заимствовало это слово у хантов и манси*. Однако гидронимы и топонимы с аналогичным корнем обнаруживаются на территории Европы и значительно западнее: например, хорошо известный приток Невы *Охта* или же города — *Ахтырка* на Украине и *Ахтопол* на Черноморском побережье Болгарии. В индоевропейских и неиндоевропейских языках нетрудно отыскать немало слов с похожей вокализацией: например, цифра «восемь» по-немецки звучит как *acht*, а прозвище одного из героев карело-финского эпоса Лемминкяйнена — *Ахти*.

Что все это может означать? Только одно — наиболее древнейшее происхождение лексемы «ах(т)». Сомневаться в общем-то в этом особенно не приходится. Нас, конечно, интересуют в первую очередь индоиранские корни. Проведем анализ. Древнеперсидские благостные божества, как известно, именуются *ахурами*, и самый главный среди них — *Ахурамазда*. Но в иранской мифологии есть персонажи с противоположными функциями. Например, злой маг *Ахт* (*Ахтиа*): он знал 99 запутанных вопросов и сгубил девять тысяч жрецов, которые не сумели дать правильного ответа даже на один из них. Похоже, древнеиранцы как наследники гиперборейского прототипа действительно оставили свой след в низовьях Волги — в Астрахани и на Ахтубе.

* См., напр.: *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствование из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 2000. С. 103.

Понятно, что конкретные пути миграций атлангско-гиперборейских протоэтносов с Севера на Юг складывались во многом стихийно и обуславливались природным ландшафтом, лежавшим на пути вынужденных переселенцев тогдашних времен. Они двигались там, где можно было пройти, по берегам рек и самим рекам, межгорьям, степным просторам, обходя труднопроходимые леса, болота, горы, другие препятствия и ориентируясь по солнцу, луне, звездам.

Но существовали ориентиры иного рода. Это естественные энергетические «маяки», имеющие самую разнообразную природу: космопланетарную, геофизическую, химическую, биотическую. Причем последняя могла носить как животворный, так и патогенный (болезнетворный) или угрожающе-аномальный характер и в данном случае предупреждала об опасности. Не все это чувствовали в одинаковой степени. Во все времена существовали ведуны-экстрасенсы, получившие сей дар от рождения и закрепившие его в процессе длительных тренировок. Они легко воспринимали скрытые силы, а также «позывные» энергоинформационного поля планеты, околопланетного пространства, дальних или ближних звезд и светил, Вселенной в целом.

Однако наиболее важная информация поступала от Матери-земли, ее рельефа и недр. Она могла восприниматься сознательно и бессознательно, индивидуально и коллективно. Хорошо известно, что существуют естественные аккумуляторы накапливаемой энергии электромагнитного и других полей, а также проводники, по которым она, концентрируясь в достаточных количествах, прорывается на поверхность в некоторых геологически предпочтительных зонах, где возникает — временный или же

относительно постоянный — очаг пассионарности. Наиболее подходящими в данном плане на земной поверхности являются горные образования, речные русла и долины, контуры морских побережий и озер, где существуют наиболее благоприятные в геологическом и геофизическом плане условия для направленного выхода выработанной в недрах Земли физической энергии и воздействия ее на биотические, психические и этносоциальные процессы. В самих же недрах Земли такими естественными генераторами энергии служат тектонические разломы (и особенно их пересечения), месторождения и залежи металлосодержащих руд, раскаленное магматическое ядро планеты, выходы на поверхность застывшей магмы и т. п.

Повсюду, где появлялись индоевропейские скитальцы (безразлично при этом — просто ли проходили мимо, или задерживались на определенное время), они навсегда оставляли о себе топонимическую память (о чем подробно говорилось выше). А поскольку пути индоевропейских миграций с фатальной предопределенностью оказывались взаимосвязанными с космопланетарными энергетическими потоками, электромагнитными и информационно-полевыми явлениями, разного рода геофизическими и гидрологическими феноменами, постольку представляется уместным и обоснованным рассмотреть наиболее существенные научные концепции, позволяющие глубже понять *ход, ритмику, направленность исторических и этносоциальных процессов*.

Существует множество философских и конкретно-научных подходов, позволяющих с разных сторон и в различных аспектах понять механизм взаимодействия природы и наших древнеарийских пращуров. И хотя авторы этих концепций и пропагандисты находятся, на первый взгляд, на диаметрально про-

тивоположных позициях (а нередко и в ситуации затяжной дискуссии), представляется, что несовместимость существующих точек зрения и их абсолютизация носят в значительной степени искусственный характер. Ибо в большинстве своем (разумеется, если речь не идет о заведомо надуманных гипотезах) *все они, скорее, взаимодополняют, а вовсе не взаимоисключают друг друга.*

В европейской части, относящейся к территории современной России, «Великое гиперборейское переселение народов» начиналось на Мурмане, лишь в незначительной степени затрагивая современную Архангельскую область. Через Карелию мигранты выходили к великим северо-западным озерам — Ладожскому и Онежскому и уже оттуда половодьем растекались по всему Центральному региону, тектонически совпадающему с северной частью геологического щита Русской равнины (платформы).

Далее миграционные потоки, судя по всему, разделились. Значительная часть протоэтносов устремилась в Западную Европу и по Днепру — к Дунаю и далее — на Балканы. Другая часть, вероятно, двигалась через Верхневолжье, Прикамье и Уральские горы к свободному выходу в Прикаспийские степи, откуда открывался путь в Центральную Азию, к Гиндукушу, Памиру и, в конечном счете, — к Иранскому нагорью. Можно предположить, что был освоен и дополнительный выход к Каспию — через современные Курскую, Воронежскую и Саратовскую области (возможно, на какое-то время данный канал становился основным). Не следует забывать также, что существовал и другой генеральный миграционный путь, по которому одновременно двигались индоарии: через Северное Приобье и Западно-Сибирскую низменность во все том же южном направлении. Однако этот канал древних миграций в настоящей работе (как уже говорилось выше) не

рассматривается. Не подлежит сомнению, что оба направления сопрягались и соприкасались, а мигрировавшие протоэтносы переходили из европейской части в азиатскую, и наоборот. Точно так же не подлежит сомнению и тот факт, что многочисленные археологические памятники древности, найденные, скажем, на территории современных Казахстана или Туркмении (удобных для продвижения с Севера на Юг), относятся именно к эпохе великого арийско-гиперборейского переселения народов и не имеют никакого отношения к тюркским кочевникам, появившимся, а затем и осевшим здесь значительно позже.

Судя по всему, древние мигранты достаточно быстро превратились из тех, кто спасается от катастрофически неблагоприятных условий жизни, в обычных кочевников (номадов) и землепроходцев. Воспоминание о глобальном космопланетарном катаклизме хотя и постепенно, но зато вполне закономерно изглаживалось из памяти людей по мере появления все новых и новых поколений. Направление общего движения на Юг сохранялось, так сказать, по инерции. Но одновременно, практически на генетическом уровне, неуничтожимой оставалась бессознательная память о Северной (Полярной) прародине. Север, точно магнит, продолжал притягивать многотысячные и миллионные массы выходцев из Гипербореи. А потому и сами миграции не могли носить линейно-перпендикулярный характер — только на Юг. Напротив, в их направленности постоянно возникали тормозные или возвратные импульсы (этакая миграционная турбулентность), а движение становилось зигзагообразным или даже круговым.

Имеется еще один важнейший аспект древней истории и предыстории, на который может в определенной мере пролить свет топонимика, а точнее —

гидронимика. Речь идет о степени, так сказать, матриархальности и патриархальности арийских протоэтносов в эпоху их вынужденных миграций по просторам Евразии. Известно, что движение с Севера на Юг они начали на стадии перехода от матриархата к патриархату, а завершили в условиях абсолютного господства патриархата. Статистический анализ да и просто внимательный взгляд на гидронимию Европейской России дает примерно такую же картину. Но обнаруживаются и некоторые особенности, позволяющие говорить об определенной тенденции в наименовании водных объектов. Большинство северных рек имеют названия женского рода: Кола, Тулома, Двина (Северная), Онега, Печора, Мезень, Пинега, Сухона, Вычегда, Ижма, Ухта, Колва — и так до Оби. Напротив, южные реки имеют преимущественно мужские имена — Дон, Донец (Северский), Оскол, Днепр, Днестр, Дунай, Буг (Южный и Западный) и др.

Промежуточные территории опять-таки показывают преобладание гидронимов женского рода. Достаточно взглянуть на карту бассейна реки Оки: здесь из 60 обозначенных гидронимов 53 — женского рода и только 7 — мужского (фактически $\frac{1}{7}$ часть). О чем это свидетельствует? Об очень многом! Судя по закрепившимся названиям в период массовых миграций индоевропейцев с Севера на Юг, матриархальные отношения играли гораздо более значительную роль, чем принято считать. В том числе сказанное относится и к Центральному региону современной России. Конечно, найдутся критики, которые начнут говорить: дескать, наименование любых объектов (не обязательно водных) носит стихийный и случайный характер, никаких закономерностей тут нет и в помине. Как бы не так! Если бы не было никаких закономерностей и тенденций, то наименования женского и мужского рода, согласно со-

вершенно бесспорным законам статистики, должны были бы распределяться равномерно.

Древние арии, мировоззрение которых было по своим истокам *матриархально*, во все времена почитали Великую Богиню Мать, образ которой сливался с Матерью-землей (у русских — Мать-сыра земля). Поклонение не носило абстрактного характера, а всегда привязывалось к конкретной местности, связанной с проживанием, возделыванием пашни, пастбищами для выпаса скота, окружающими полями, лесами, горами, реками, озерами, болотами и т. п. Наши древние пращуры владели сакральными знаниями об энергетических токах, биоактивных и геопатогенных зонах Земли. Первые в прямом смысле подпитывали древних людей, вселяя в них силу и целеустремленность; последние учили избегать опасности.

Тем не менее гиперборейская топонимика России не обязательно связана с ландшафтными или подземными особенностями конкретных территорий, так сказать, локально-точечно. Природные особенности, как правило, задают лишь общий пласт сакральности, имеющей в этих случаях вполне естественное происхождение. В конечном счете вся округа, так сказать, становится заряженной космопланетарной энергетикой, оказывающей активное воздействие на все живое, включая людей, находящихся (в прошлом, настоящем и будущем) в зоне воздействия жизнетворных (или, напротив — геопатогенных) токов Земли. Сказанное прекрасно подтверждается на примере железорудных месторождений, мощная ферроэнергетика которых создает обширный геоактивный очаг, и, как магнит (а всякое железорудное месторождение и есть само по себе гигантский магнит), притягивает к себе людей и создает благоприятные предпосылки для создания здесь очагов культуры и творческого развития сменяющих друг друга поколений.

Наиболее показательные геоактивные зоны возникают на месте пересечения тектонических разломов. Именно на таком энергетически проявленном геологическом и геофизическом «перекрестке» был построен в свое время Дельфийский храм в Древней Элладе.

Дельфийский храм, как хорошо известно, был посвящен солнцезогу Аполлону Гиперборейскому, бывшему родом из Заполярья. Построили его пришедшие (мигрировавшие?!) с Севера гиперборейцы. В их числе был и будущий первый дельфийский жрец, у которого, по «странному совпадению», было славяно-русское имя *Олен[ь]*. Кстати, имя родоначальника всех древнегреческих племен и единого народа — Эллина также представляет собой грецизированную форму общеиндоевропейского слова «олень» и близкого ему по смыслу и происхождению слова «лань». Олен[ь]-гипербореец и его спутники были направлены в Дельфы Аполлоном. Видимо, сам (будущий) бог в тот момент находился, скорее всего, в Гиперборее, откуда выехало посольство. Согласно древнегреческим мифам, Аполлон каждые 19 лет (лунный цикл) отправлялся на летательном аппарате на свою родину — в Гиперборею. Его служитель, пророк и прорицатель — Олен[ь] — воздвиг в Дельфах первый храм: сначала деревянный, похожий на лачугу (его модель, сделанную из воска и перьев, Аполлон впоследствии пошлет в подарок в Гиперборею), и лишь спустя длительное время, после многих пожаров и разрушений, отстроили тот каменный храм, остатки которого сохранились по сей день. Эта история, пересказанная Павсанием, сохранилась и в виде канонических дельфийских текстов:

Так многославное тут основали святилище Богу
Дети гипербореев, Пегас со святым Агийеем.
Также Олен[ь]: он первым пророком был вещего
Феба,
Первый, песни который составил из древних
напевов*.

Как видно, тут прямо указано, что культовый и обрядовый канон Аполлона Дельфийского был составлен на основе гиперборейских преданий. Интересен и эпитет Аполлона — «вещий», что ставит Олимпийца в один поэтический ряд со знаменитыми героями: вещим Бояном и вещим Олегом. В дальнейшем Олен[ь]-песнопевец передаст искусство стихосложения священных пророчеств в гекзаметрах пифиям — жрицам Аполлона: сидя на треножнике в подземелье под Дельфийским храмом, они предсказывали судьбу в окружении ползающих змей, вдохновленные пьянящими испарениями или воскурениями.

Ученым-натуралистам давно не давал покоя вопрос, какое химическое соединение приводило древнегреческих прорицательниц-пифий в состояние транса и экстаза. Недавно комплексные геохимические исследования местных пород позволили раскрыть тысячелетнюю загадку. Оказывается, в древние времена из расщелин в подземной Дельфийской пещере сочился один из легких углеводородных газов — *этилен*, который еще в начале XX в. использовался в качестве анестезирующего и болеутоляющих средства при хирургических операциях. Многочисленные и частые землетрясения, случающиеся в данной местности, привели к подвижке подземных горных пород, в результате чего этилен перестал поступать в подземную пещеру, а пифия, в свою очередь, публично объявила в 361 г. до н. э.,

* *Павсаний*. Описание Эллады. М., 1994. Т. 2. С. 411.

что более вещать божественными устами от имени Аполлона она не может. Налицо однозначная и не подлежащая иному толкованию взаимосвязь между природным геохимическим явлением и активизируемыми (или, напротив, заторможенными) с его помощью глубинными потенциями сознания.

Неожиданное подтверждение вышесказанного пришло совершенно из другого источника. Финская журналистка Кристина Лехмус рассказала мне, как в 1985 г. она в качестве переводчицы-практикантки сопровождала делегацию финских промышленников и предпринимателей на газовое месторождение в Новом Уренгое в Ямало-Ненецком автономном округе. Освоение его тогда было в полном разгаре, и финны поставляли российским газовикам насосное оборудование. Однако в данном случае речь пойдет не о технических деталях, а совершенно о другом. После суточного пребывания на буровых и тому подобных установках Кристина так «наглоталась» газа (все того же этилена), что к вечеру почувствовала: с ней происходит нечто необычное и из ряда вон выходящее. Молодая девушка неожиданно начала испытывать видения, относящиеся к далекому прошлому и связанные, главным образом, с сюжетами и персонажами карело-финского эпоса «Калевала». Видения были столь яркими и впечатляющими, что и сегодня, спустя чуть менее четверти века, Кристина помнит их до деталей и может подробно описать. И еще она говорит, что одновременно с галлюцинациями почувствовала неодолимое желание немедленно поделиться увиденным со всеми присутствующими. Однако на невозмутимых финнов ее рассказ не произвел никакого впечатления. (Вполне возможно, что этилен оказывает галлюциногенное воздействие избирательно — исключительно на женщин, но этот вопрос требует дополнительного изучения.)

Но и это еще не все геофизические тайны, связанные с Дельфийским храмом. Ученым-геологам удалось установить, что святилище Аполлона, воздвигнутое гиперборейцами, располагалось точно на месте пересечения двух мощных подземных разломов — давно известной рифтовой зоны, как бы раскалывающей пополам с запада на восток всю Центральную Грецию, и недавно открытого Кернского разлома, тянущегося с севера на юг. Не приходится сомневаться, древние строители храма совершенно четко были сориентированы гиперборейскими жрецами на сию сакральную точку, связывающую пространства, близкие к поверхности Земли, с ее энергетически неисчерпаемыми недрами. Это значит, что жрецы и мудрецы, хранители древнего знания, в совершенстве владели искусством выявления подобных геоактивных зон.

* * *

Итак, кто же он — этот «потерянный народ» Атлантиды—Гипербореи, о котором в XVIII в. писал Жан Сильвен Байи? И почему считается, что он, собственно, потерялся? Очевидно, что он жив-здоров и благополучно процветает на бескрайних просторах Евразии и других континентов. Ибо это — все мы, живущие на Земле, — современные поколения разных народов, индоевропейцы и неиндоевропейцы. Мы и есть потомки древнего пранарода, говорившего некогда на едином для всех наречии. Мы и есть наследники атлантов и гипербореев, вынужденных покинуть свою историческую Северную (Полярную) прародину и постепенно расселиться в разных уголках Земли в результате глобального геофизического и климатического катаклизма, постигшего планету Земля много тысячелетий тому назад.

Вместо эпилога

И ВСЕ-ТАКИ ГИПЕРБОРЕЯ!

Еще работая над книгами «Загадки Русского Севера» и «Загадки Урала и Сибири» (так сказать, с конца прошлого XX в.), я осознал чрезвычайную актуальность идей Байи для нашего времени и гиперборейских изысканий. Уже тогда была поставлена цель — во что бы то ни стало побывать в тех местах Арктики, которые французский астроном XVIII в. считал осколками древней Атлантиды—Гипербореи. Однако задержка с завершением исследований, в течение пяти лет проводимых на Кольском полуострове, позволила осуществить жгучее намерение только летом 2002 г. Первым пунктом была избрана нынешняя территория Ямало-Ненецкого автономного округа, полуостровную оконечность которого Байи некоторым образом и чисто интуитивно отождествлял с северными Геракловыми столбами — преддверием Атлантиды—Гипербореи. Что именно навело на такую мысль Байи — предстояло разобраться на месте.

И вот я на Ямале (рис. 14). До этого научно-поисковая экспедиция «Гиперборея» исследовала многие регионы Крайнего Севера и Евразии в целом. Ибо пути миграций гиперборейцев с Севера на Юг (после гибели их Полярной прародины и измене-

Рис. 14. Руководитель научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» в предгорьях Полярного Урала (Ямало-Немецкий автономный округ)

ния климата в сторону резкого похолодания) пролегали по разным маршрутам. Среди стартовых регионов было и Приобье, которое по тогдашним своим природным характеристикам, конфигурации русла рельефа и морских берегов могло выглядеть совершенно по-другому. С полным основанием сказанное можно отнести и к полуострову Ямал, площадью 122 тысячи квадратных километров, что сравнимо со многими другими крупными полуостровами Земли (территория же Ямало-Ненецкого автономного округа, включающего все Северное Приобье, чуть ли не вдвое больше Японии).

История Ямала органически вписывается в гиперборейскую эпоху и закономерно сопрягается с полярной концепцией происхождения человечества и земной цивилизации. Как правило, топоним Ямал переводится очень просто: от ненецких слов *я* — «земля» и *мал* — «конец»; *я + мал = ямал* («конец земли»). Все, казалось бы, ясно, все прозрачно — о чем тут

еще спорить. Однако спорить о чем как раз таки и есть! Ненцы (по-старому — самоеды) появились на Крайнем Севере в первые века новой эры. По наиболее распространенной гипотезе, пришли они из Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье), хотя есть и другие версии. То, что современные ненцы не слишком похожи на южносибирских аборигенов, не столь уж и важно: эскимосы совсем не похожи на полинезийцев, хотя доказано, что приплыли (точнее, прилетели, согласно эскимосским преданиям, на «железных птицах») в места своего нынешнего обитания именно из Океании где-то в середине I тыс.

Однако что было на Ямале до появления здесь ненцев? Не пустовали же эти обширнейшие земли! По всему побережью Ямала археологи, вскрывая культурный слой, находят следы пребывания человека, датируемые по нижней хронологической планке III тыс. до н. э. Летом 2001 г. на реке Полуй, в 40 км от Салехарда, археологи обнаружили татуированную мумию девочки, которую не смогли отнести ни к какой антропологической расе*, а о времени ее происхождения вообще не могли сказать ничего внятного. Следовательно, ямальские ненцы пришли не на пустое место. Сами они говорят о том, что арктическое побережье было заселено низкорослым народом *сиртья* (*сиртя*), который переселился под землю (ненецкий вариант широко распространенной легенды о «подземной чуди»).

Но нас интересует совсем другое. Не приходится сомневаться, что, появившись на Ямале, ненцы застали здесь уже до них и без них существовавшие

* См.: Санин Г., Панкратова К. Четвертая раса: Ученые из Екатеринбурга нашли под Салехардом захоронения, способные пролить свет на историю европейских этносов // Итоги. 2001. 9 октября.

названия. Это относится и к реке Обь, устье которой образует обширнейшее Обское море, омывающее полуостров Ямал с востока, и к территории в целом. Название реки вполне могло быть гиперборейским, с учетом того, что Обская губа испокон веков выступала западносибирским связующим звеном между Гипербореей и остальным миром. Именно данный регион, как нам теперь хорошо известно, интуитивно привлекал особое внимание Жана Сильвена Байи.

В названии *Ямала* вполне могут быть отображены древнейшие индоевропейские (гиперборейско-атлантические) реалии. Прослеживаются ли они в топониме *Ямал*? Более чем бесспорно! Общеизвестно, что имя одного из древнейших ведийских богов — *Яма*. Так поименован владыка царства мертвых и одновременно — божество неотвратимого наказания. Санскритское слово *yāma* означает «близнец», и все потому, что у *Ямы* была сестра-близняшка *Ями* (*Ямуна*), которая, согласно Ригведе (X: 14, 1–2), соблазнила собственного брата, заставив его вступить в инцестуальный (кровосмесительный) брак. По позднейшей индуистской традиции *Ями* считается Царицей ночи, поэтому вполне логично предположить, что именно отсюда происходит малоупотребительное слово *ямеря*, означающее «сумерки» и известное из олонецкого северного говора.

Не вдаваясь в дальнейшие мифологические подробности, а также родословную самих ведийских богов, отмечу только, что их имена вполне могли стать основой палеотопонима, который спустя века и тысячелетия новые мигранты — ненцы — осмыслили с точки зрения семантики собственного языка. От общеарийского теонима *Яма*, в конечном счете, произошло и русское слово «яма», по смыслу вполне сопрягающееся с функциональными особенностями владыки подземного царства. В русском языке имеется еще одно понятие с аналогичным кор-

нем *ям*, означающее «почтовую станцию» и ставшее неотъемлемой частью русской жизни во времена татаро-монгольского ига. Отсюда произошли и другие слова — *ямщик*, *ямской* и др. Их происхождение из тюркских языков сомнения не вызывает. Но, во-первых, почтовые *ямы* семантически не имеют ничего общего с *ямами* — вырытыми углублениями в земле. А во-вторых, тюркское слово *jam* само могло произойти в рамках ностратической семьи от некоторой общей для тюркских и индоевропейских языков протолексемы. Есть же в тюркских языках слово «*яман*», означающее «плохо», которое кое-где даже перешло в русский язык (см. Словарь Владимира Даля). *Яман*, то есть «плохо» как оценочное понятие, вполне сопрягается с именем бога смерти — *Яма* (смерть — это всегда плохо). Предложенная выше этимологическая реконструкция — никакая не натяжка, а логически обоснованный вывод, опирающийся на конкретные исторические и этногенетические реалии.

Однако при выезде моем на Ямал в июле 2002 г. была поставлена совершенно конкретная цель — сопоставить гипотетические выводы Ж. С. Байи с теми реалиями, которые через два века после его переписки с Вольтером и спустя много тысячелетий после атлантийско-гиперборейского исхода с Севера на Юг удастся обнаружить в приполярном и заполярном регионе, бывшем столь заманчивым и недостижимым для французского академика в XVIII в. И на первом месте, безусловно, стояли загадочные Геракловы столбы, которые Байи отождествлял с рукотворными артефактами, относящимися к начальному периоду мировой истории.

Сидя за компьютером в Москве, априори можно было выдвинуть гипотетический тезис: раз Русский Север испокон веков, как шахматная доска фигурами, был уставлен «слепыми маяками» — гу-

риями, то уж более всего их должно быть в устье Оби, превратившемся в течение тысячелетий в широченный залив — Обскую губу. Для мореплавателей-первопроходцев, заново нанесших на карту эти моря и земли во времена Великих географических открытий, Обская губа, считавшаяся ими настоящим морем, была центром притяжения их нередко титанических усилий. В XVI в. английские военные и торговые парусники, искавшие северо-восточный проход в Китай и Индию, просто осаждали Полярное Приобье. Хотя, судя по всему, англичане (а также голландцы в лице Баренца) располагали древними сведениями и картами, восходящими еще к атлантско-гиперборейской эпохе, на коих Северный Ледовитый океан изображался еще судоходным (по существу он таковым и был), а по Оби и Иртышу явственно обозначался проход в Китай (по крайней мере, если вести указкой или пальцем по карте).

Поездка на Ямал лишний раз подтвердила простую истину: любая теория чего-нибудь да стоит только после того, как подтверждена практикой. Вопреки ожиданиям, гуриев в этой части Российского Севера (и в частности на Обской губе) оказалось до обидного мало. Они, конечно, есть и зафиксированы краеведами — и на западном побережье полуострова, куда еще в XVII в. доходили голландские корабли, и по берегам Тазовской губы, традиционного пути проникновения русских землепроходцев к Енисею и далее, в Восточную Сибирь. Должно быть, раньше гуриев в Приобье было значительно больше. Хотя берега Оби в ее низовьях в основном песчаные, все же подходящий камень имеется в достаточном количестве. Видимо, когда отпала необходимость воздвигать «слепые маяки» в обжитом районе, исходный материал был использован для строительных нужд. Но ключ к разгадке каменных столбов, как оказалось, заключался совсем в другом.

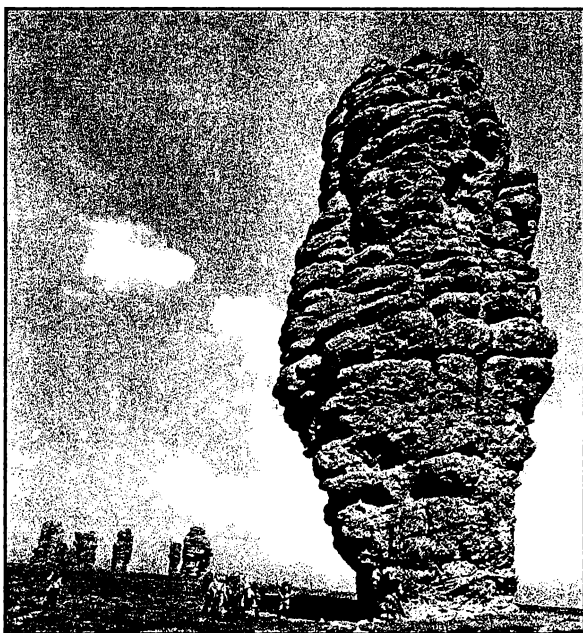

Рис. 15. Каменные столбы на Урале. Фото из журнала «Уральский следопыт»

Байи рассуждал правильно, однако ошибся в двух вещах: в координатах и происхождении полярных столбов. Огромных одиночных камней колоннообразной формы в регионе предостаточно (рис. 15), но основная их масса имеет *естественное* происхождение и находится к юго-западу от полуострова, на Урале, отроги которого вплотную подступают к устью Оби, как бы ныряя у побережья под воды Ледовитого океана, с тем чтобы вынырнуть опять на островах Новой Земли. В Салехарде — столице Ямальского края — испещренные снежниками отроги Полярного Урала видны из любого окна, обращенного к западу. Уральский хребет, протянувшийся на тысячи километров от Полярного круга до знойных и безводных степей, — своего рода не-

Рис. 16. Ледниковое озеро у подножия хребта Сабля. Ледник Гофмана. Фото из журнала «Уральский следопыт»

рукотворный сварочный шов, соединяющий Европу и Азию. Близ Салехарда это чувствуешь воочию.

Быстроходные паромы в обоих направлениях непрерывно доставляют людей и грузы через Обь — красавицу-реку, раздольную, как душа народов, обживших ее берега. От Лабытнанги, расположенного на другом берегу Оби напротив Салехарда, прямо через Уральские горы проложена однопутная железная дорога, связывающая Приобье с европейской частью России. Подобие автомобильной трассы обрывается у самых гор, точнее — прямо на ближайшей из них. Это обычная сопка высотой метров шестьсот, с которой открывается незабываемая панорама Полярного Урала, растянувшегося на тысячи километров к югу и постепенно переходящего в Приполярный и Северный Урал (рис. 16). Но

главное было в другом: на противоположащей сопке такой же примерно высоты явственно проступали контуры высоких *каменных столбов*.

«Так вот оно в чем дело! — возликовало все внутри меня. — Вот же они — приобские “геракловы столбы”, про которые писал Байи! Однако таковыми следует признать не только рукотворные каменные сооружения, но и естественные *останцы-кукеры*, распространенные во многих частях земного шара, и Урал здесь не исключение». По информации местных краеведов (а они, в свою очередь, опираются на сведения, полученные от геологов), каменных столбов-останцов в округе очень много, но добраться до них не так уж и просто. В одном месте были замечены даже развалины какой-то стены, но данный факт требует уточнения. Чтобы дойти до тех столбов, которые красовались прямо перед моими глазами на близлежащей сопке, требовалось несколько часов пути туда и обратно. Таким временем ни я, ни сопровождавшие меня проводники не располагали. Поэтому было решено, что в скором времени сюда специально вернется киногруппа и в спокойной обстановке отснимет все, до чего удастся добраться и что послужит материалом для будущего видеофильма, который задумала создать при моем участии телекомпания «Ямал-регион».

В концептуальном же плане все встало на свои места. Ибо, как хорошо известно, издавна объектами поклонения служили не только камни-останцы, но и отдельные валуны (в России такой обычай сохранился по сию пору). Но что же в таком случае первично — поклонение останцам или же поклонение рукотворным менгирам, искусственным столбам и т. п.? Думается, поклонение выдающимся нерукотворным камням и столбам, по времени более древнее, чем впоследствии воздвигавшимся по их подобию сеидам, гуриям, колоннам, обелискам и каменным алтарям.

На Севере (и в частности — на Ямале у ненцев и на Кольском полуострове у саамов) святилища соорудили еще и из рогов и костей животных. Такие во множестве существуют и в наше время. Аналогии напрашиваются сами собой: святилища из рогов и костей известны с глубокой древности и существовали по всему миру. Так, из эллинской истории хорошо известен алтарь *Кератон*, сделанный из скрепленных бычьих и козьих рогов.

Останцы на вершинах и высоких склонах гор обладают поразительной устойчивостью. За тысячелетия ничто не смогло поколебать их незыблемость. Такое впечатление, что их вообще установили намеренно. Кто, зачем, какими силами? Кто? — Понятно и без объяснений: конечно же, гиперборейцы. Зачем? — Возможно, для ориентира мигрантов, спасавшихся от геофизического и климатического катаклизма. Какими силами? — Так ведь в Атлантиде—Гиперборее существовала высокоразвитая цивилизация, которой было знакомо явление антигравитации. Такое объяснение ничуть не хуже и даже более вразумительно, чем уж совсем неправдоподобное (но странным образом исключительно живучее), что многотонные исполинские останцы на вершины гор забросило силой ледника или в результате его таяния.

Вполне возможно (соответствующие строфы из Гомеровой «Одиссеи» были приведены выше), что именно столбы-останцы сторожил титан Атлант, олицетворявший множество зрителей-атлантов. Как сопрягалось все это с поклонением Гераклу, в честь которого, по Байи, и были названы каменные столбы-останцы? Очень даже сопрягалось: Геракл — непосредственный участник всех перечисленных событий, и память о его деяниях в Гиперборее естественным образом запечатлелась в памяти его далеких потомков. Таким образом, Геракловы и Атлантовы столбы — это в принципе одно и то же.

А напоследок я скажу...

При общем благожелательном отношении к работе научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» и к моим публикациям на эту тему в печати или в Интернете изредка все же появляются критические высказывания и сомнения по поводу того, что же конкретно найдено энтузиастами-«гиперборейцами» на Русском Севере и причислять ли это к естественным или искусственным созданиям. Важно помнить, что очень трудно что-либо найти там, где после гибели цивилизации еще «поработали» и волны потопа, и глыбы ледника, когда, кроме камня, вообще ничего не могло уцелеть или сохраниться. Но разве можно игнорировать фундаменты, каменные кладки или изгороди, пирамидки и пирамиды (рис. 16), сооружения (похожие на оборонительные) из геометрически правильных блоков, желоба с визирами, поверженные колонны, 5-метрового каменного истукана (рис. 18), таинственную полиметаллическую фигурку (рис. 19), по облику схожую с типичными изображениями матриархальной Великой Богини, найденными в разных регионах Евразии (рис. 20). Может ли все это быть записано в активы ушедшей цивилизации Атлантиды—Гипербореи! А почему бы и нет?

Среди других артефактов — останки святилищ, пусть даже ландшафтного типа. Ведь, согласно Геродоту, древние арии (а значит — и гипербореи) вообще не строили храмов, не возводили алтарей, а отправляли культ (речь идет об огнепоклонниках-зороастрийцах) прямо на вершинах гор. Что касается человеческих останков, то в соответствии с традицией индоариев умерших сжигали на погребальном костре или в ладье, пущенной в открытое море. А разве мало свидетельств хранит народная память о древних городах, затопленных в озерах или боло-

*Рис. 17. Пирамида на горе Нинчурт (Кольский полуостров).
Фото И. Георгиевского*

*Рис. 18. Пятиметровый каменный истукан посреди
лапландской тундры. Фото В. Кузнецова*

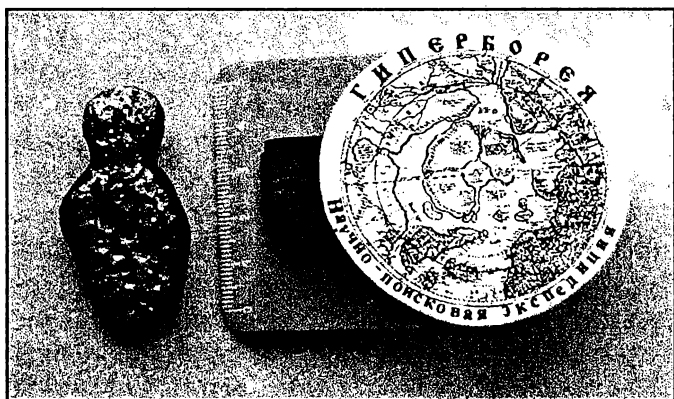

Рис. 19. Таинственная полиметаллическая фигурка, найденная в ущелье Чивруай в районе священного Сейдозера (Кольский плуостров)

Рис. 20. Сравнение гиперборейской полиметаллической фигурки с аналогичными костяными изделиями, найденными в Евразии. Фото В. Демина

тах, о подземных убежищах, где сокрылись древние коренные жители?

С каждым годом научно-поисковая экспедиция «Гиперборея», стартовавшая в 1997 г. на Кольском полуострове, расширяет географию своих изысканий. Ее участники, количество которых в начальный период достигало ста человек, побывали в наиболее перспективных для метаисторических исследований регионах Урала и Сибири, на Ямале и Таймыре. Впереди — высокоширотный поход в Арктику на атомном ледоколе. Однако сакральный район Ловозерских тундр и священного Сейдозера по-прежнему остается в центре внимания разнообразных групп поисковиков.

В июле 2001 г. нам удалось доставить в район исследований мощный георадар, с помощью которого была проведена радиолокация дна Сейдозера и нескольких заповедных участков побережья. Полученные результаты превзошли все наши ожидания. Под поляной, в районе традиционной дислокации базы экспедиции (где в 1922 г. располагались лопарские вежи и останавливался со своим отрядом А. В. Барченко), была обнаружена обширная — до 9 м в высоту — полость пещерного вида, заполненная водой. Отсюда под дном озера к горе Нинчурт («Женские Груды») ведет тоннель, также заполненный водой и илом. Кроме того, аквалангисты отыскивали на дне лагуны отверстия сифонного типа, уводящие внутрь горы, как бы состоящей из двух половинок (древняя саамская легенда гласит, что они способны двигаться — раскрываться и закрываться). Георадар показал еще один поразительный факт: оказывается, знаменитая мощеная дорога (при этом все добавляются слова «как бы») имеет продолжение вглубь, представляя собой либо утопленную в болотистом грунте каменную стену, либо укрепленную с помощью булыжников саму дорогу.

Летом 2002 г. в районе Сейдозера, с недавних пор закрытом для свободного посещения (как особо охраняемая территория, принадлежащая коренной малочисленной народности — *саами*), побывала киногруппа Центрального телевидения, отснявшая фильм «Северная Атлантида», посвященный древней Гиперборее. Он был показан по каналу ОРТ 22 ноября того же года и повторен 5 февраля 2003 г. И хотя в сценарий фильма изначально была заложена изрядная доля скептицизма и непрофессионализма (выразившегося в преднамеренном искажении фактов и примитивном политиканстве), результат оказался диаметрально противоположным первоначальному плану. Как и их предшественники, участники киноэкспедиции неожиданно для самих себя натолкнулись на одной из гор в окрестностях священного саамского озера на множество каменных блоков идеальной геометрической формы и явно неестественного происхождения (их размер колебался от 2 до 5 м и более).

Несколько образцов, отколотых от артефактов, были доставлены в Москву и сданы на лабораторный анализ. После нескольких тщательно проведенных экспертиз было представлено следующее заключение, озвученное в смонтированном телефильме самими учеными. Обнаруженные каменные блоки, вне всякого сомнения, ***имеют техногенную природу, а время их искусственной обработки колеблется от VIII до IX тыс. до н. э.*** Авторы фильма «Северная Атлантида» попытались с помощью компьютерной графики представить, как могли выглядеть древние сооружения, возвышавшиеся свыше 10 тысяч лет тому назад на горах вокруг Сейдозера. И перед глазами изумленных зрителей (кому довелось увидеть телефильм) предстали величественная колоннада языческого храма и купол древней об-

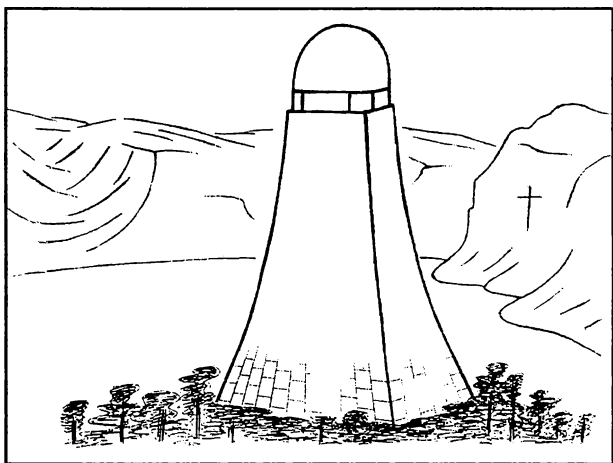

Рис. 21. Купол древней обсерватории (реконструкция Евгения Лазарева по материалам телефильма «Северная Атлантида»)

серватории (рис. 21), то есть именно то, что члены научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» утверждали на протяжении нескольких последних лет...

Не меньшее впечатление производит гигантский скол в западной части Сейдозера, у скалы Куйвы и слева от 100-метровой человекоподобной фигуры с крестообразно раскинутыми руками (которая сама по себе остается неразгаданной тайной). Практически ровный срез скальной породы вертикально идет от самой вершины вниз на глубину нескольких десятков метров. Невольно на ум приходит мысль об искусственном происхождении скола, аналогичном искусственным блокам. Но какие существа и какими силами могли это сделать? Ответ можно найти, если согласиться с гипотезой о существовании в далеком прошлом здесь, на Крайнем Севере, технически высокоразвитой цивилизации. Доктор физико-технических наук, петербургский профессор *Анатолий Павлович Смирнов*, успешно разработа-

тывающий проблему древнейших высоких технологий, высказал предположение, что подобный эффект при обработке больших площадей скальной породы или при «обтесывании» мегалитических блоков достигается с помощью высокотемпературного излучения, возникающего в процессе создания урановых сплавов. (От себя замечу, что в районе Ловозерских тундр найдены урановые и редкоземельные руды.)

Копилка все новых и новых фактов, подтверждающих существование в далеком прошлом на Крайнем Севере развитой гиперборейской цивилизации, продолжает пополняться. Начиная с 2000 г. на Русский Север было направлено несколько экспедиций Русского географического общества (руководитель — Сергей Вадимович Голубев). В Хибинах и на островах Беломорья ими был обнаружен ряд артефактов, аналогичных тем, которые зафиксированы в Ловозерах.

Летом 2002 г. на Соловецких островах этой экспедицией были проведены комплексные изыскания, позволившие идентифицировать ряд традиционных ландшафтных объектов данного беломорского архипелага как искусственные сооружения и насыпные сопочные курганы или пирамиды (рис. 22). О результатах изысканий сообщалось в прессе, а также докладывалось на конференции «Гиперборея—Арктида—Арьяварта. Истоки цивилизаций?», ежегодно проводимой в Санкт-Петербурге Международным клубом ученых. Этот форум, на который съезжаются исследователи проблемы со всей страны и из-за рубежа, стал заметным событием в жизни тех, кто отдает все силы для установления исторической истины.

И последнее. Ранее мне неоднократно доводилось ссылаться на информацию, относящуюся к концу 60-х годов XX столетия, согласно которой во

*Рис. 22. Насыпная пирамида Беломорья.
Фото С. Голубева*

время съемок арктической природы для советско-итальянского фильма «Красная палатка» рабочая киногруппа обнаружила на острове Чамп (одного из 191 островов самой северной территории — Земли Франца-Иосифа) были обнаружены большие каменные шары различной величины, имеющие явно искусственное происхождение (в природе подобные геологические формы не встречаются). В мае 2003 года в Мурманском морском пароходстве мне были переданы фотографии этих таинственных феноменов, сделанные командой одного из ледоколов, специально для этого высадившейся на острове Чамп. С разрешения владельцев и с искренней признательностью в их адрес публикую здесь два фотоснимка. На одном из них (рис. 23) видно четыре каменных шара: один — на переднем плане, три других — на заднем. Второй снимок (рис. 24) позволяет судить о действительных размерах «артефактов». Не сомневаюсь, что дальнейшее комплексное изучение данной загадки прольет свет и на проблему Северной Атлантиды — Гипербореи.

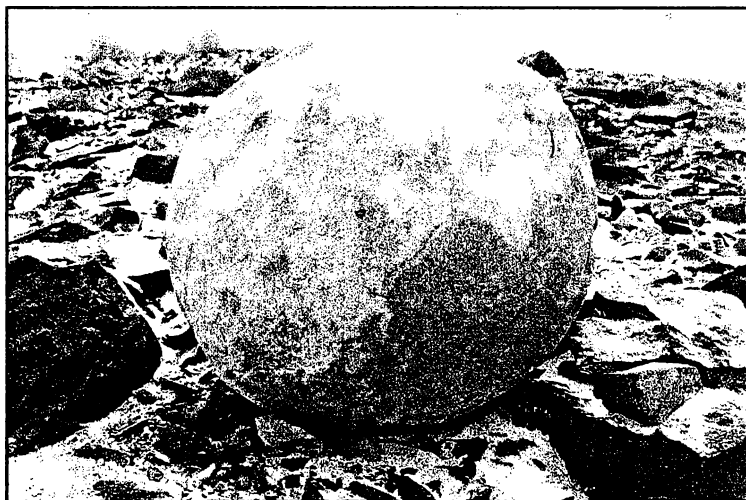

Рис. 23. Каменные шары

Рис. 24. Размер «артефакта»

Так что же сказать тем, кто сомневается в существовании Атлантиды—Гипербореи? Мне искренне хочется пригласить их к размышлению над гипотезами и фактами, представленными как Байи, так и участниками научно-поисковой экспедиции «Гиперборея», с тем, чтобы можно было осознать, как глубоко проникают корни прошлого в современную историю и культуру, а также пригласить их к разговору, чтобы не уподобиться посредственностям, о которых Максим Горький писал:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют...

Василий Капнист

КРАТКОЕ ИЗЫСКАНИЕ О ГИПЕРБО- РЕЯНАХ. О КОРЕННОМ РОССИЙСКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ*

Может быть, ослепляет меня сродное отчизнолюбиею пристрастие; но я твердо уверен об отличном пред прочими народами преимуществе русского языка, музыки и стихосложения и смею заключить после рачительного исследования, что оно оставлено нам в наследство от народа, в отдаленнейших временах знаменитого, просвещением своим озарившего пределы Древней Греции, гордившейся знаниями своими. Пусть, ежели угодно, предположение сие и изыскания мои считают мечтами, но думаю, что каждому любящему отечество свое человеку и самые мечты, ко славе оного клонящиеся, должны быть приятны. В сем лестном уповании представляю соотечественникам труд мой, к оправданию дерзостной попытки возвратит слову нашему столь дорого ценимую мною принадлежность.

Для исследования оной в самом ее источнике принужден я воспросить развалины древнейшего северного соотечественного нам народа. Едкость времени пощадила некоторые драгоценные обломки памятника, доказывающего величие, славу и мудрость соорудивших оный. Я постараюсь истолковать немое их свидетельство: согласить с темным преданием отдаленнейших веков и открыть следы именитого народа сего, процветавшего в младенчестве вселенная и первыми познаниями просветившего оную.

Народ сей, известный под именем гипербореан¹, по преданию Диодора Сицилийского и многих других, уважа-

* Печатается с незначительными сокращениями по публикации в альманахе «Атлантида». М., 2001. Сб. 1. (Гл. редактор Александр Воронин.)

ем и славен был в древности. Соседами почитался он свя-
щенным². Сие наименование заслужил он набожностью
и благонаравием своим. Ибо повествуют³, что под небом,
где созревала ежегодно двукратная жатва⁴, проводил он
весьма долговременную жизнь в ревностном богослуже-
нии, в мире, в простосердечном исполнении добродете-
лей, в ежедневных празднествах, пении и плясках. Пре-
дание полагало у него колыбель Латоны, уверяя, что и
сам Аполлон, по изгнании с неба за укоризны Юпитеру,
сына его Эскулапия громом поразившему, уклонился к
народу сему и на берегах моря оплакивал смерть сына
слезами, обратившимися в янтарь⁵. Во время пребывания
в стране сей наставлял он жителей в разных науках и в
музыке; а потом чрез каждые 19 лет посещая их, пребы-
вал с ними от весеннего равноденствия до восхождения
Плеяд⁶, а и всякую ночь услаждал их своею лирою; поче-
му и имя Гиперборейского греками присвоено ему было.

Благоговение к Аполлону в жителях страны сея так
сильно вкоренено было, что они ежегодно посылали в
дар начатки жатв и плодов своих на остров Делос⁷, в ко-
тором бог лиры рожден был соотечественною им Лато-
ною. Для жертвоприношения сего избираемы были девы
и к сопровождению их юноши испытанного целомудрия,
добродетели и храбрости. Они предпринимали почти не-
имоверно дальний путь посреди свирепых и разноплемен-
ных народов, единым благоговением к светоносному богу
музыки и стихотворства предводимые. Сильнейшим же до-
казательством уважения к нему гипербореан служит пове-
ствование Павзания о некоем соотечественном им Апол-
лоне⁸, приходившем на помощь осажденному галлами
Дельфийскому храму, славившемуся проречениями оно-
го знаменитого божества.

Из сего рождения и прихода Аполлонова можно зак-
лючить с Геродотом, почитающим таковые странствова-
ния богов за введение их богослужения, что в Дельфы
перенесено было оно от гипербореан, еще до переселе-
ния туда египетских и финикийских племен⁹. Ибо мнение
о пребывании Аполлона между гипербореанами и о пре-
имуществе знаний их так сильно в Греции впечатлено
было, что, по свидетельству Аристотеля, Элианом нам

преданному, Кротонияты¹⁰, мудростью Пифагора удивленные, приняли его за гиперборейского Аполлона. Сие не вынужденное самохвальных греков признание заставляет предполагать, что науки, стихотворство и музыка, коими Европа почитает себя им одолженною, принесены туда были от сего священного для них народа.

Но где же было отечество его, сие любезное Аполлону виталище? Славнейшие греческие писатели укажут нам к оному путь.

Страбон удостоверяет, что древнейшие повествователи разделяли скифов, выше Черного моря обитающих, на гипербореан¹¹, аримаспов и сармат. Первых одни полагали у Рифейских гор, близ северные оси земли, где воздух всегда наполнялся перьями¹², а солнце токмо шесть месяцев в году сияло, и думаю, что поелику ветр Борей исходил из хребтов Рифейских, то и проименовали народ сей гипербореанами¹³, то есть заборейскими. Другие определяли жилище их к северу Европы над вершинами реки Дона¹⁴, и против Кельтического некоего мыса, в тех местах, где Рифейские горы низятся и совсем исчезают.

Итак, для отыскания жилища гипербореан, во-первых, нужно нам узнать настоящее положение Рифейских гор, по древним землеописателям Европу от Азии разделяющих. Российский Пиндар покажет нам оные перстом, сопровождающим на струнах громогласные лиры бессмертную песнь¹⁵.

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще в груди твоей;
И гордость при Днепре погранну,
И многий плен твоих людей,
За обские брега вселенный,
Хребтом Рифейским заключенный,
За коим сильна росска власть
Велику держит востока часть:
Где орды ей собирают дани,
По ней всегда готовы к брани...

По следам исполина сего с пути совратиться невозможно: мы достигли с ним Рифейских гор, отыскание коих столь много озабочивает европейский ученый свет. Уральские вершины¹⁶ суть истинные Рифейские хребты.

Они называются у нас великим поясом, что и самое слово Урал значит¹⁷, по свидетельству одного из достойнейших наших историков.

Сие присвоение Уральским хребтам имени Рифейских гор оправдывает Плиний¹⁸, когда, разграничив оными от Азии Европу и продолжая описывать пределы последней вдоль Северного моря и левой западной стороны сих гор, полагает он гиппоподов¹⁹, так сказать, конноногих и всеухих панагиенов²⁰, а за ними — германский народ ингевонов, живущих у подошвы горы Сево, простирающийся даже до Цимбрического мыса и до обширного Каданского, сиречь Балтийского залива. Таким образом, в описании пространства между кряжами Рифейских и Севских в Норвегии лежащих гор²¹, не показав никаких других, заставляет непременно признать Уральский кряж за именитые Рифейские хребты.

Отыскав теперь начальное недвижимое урочище отечества гипербореан и по руководству Плиния²² распространив даже до вершины Дона, останавливаемся опять затруднением назначить крайний предел оною; но Аполлон сам рассеет мрак древности, покрывший границы любезного ему народа. Слезы его, пролитые на берегах моря, обратившиеся в янтарь²³, свидетельствуют нам, что страна, в которую уклонился он по изгнании с небес оплакивать смерть сына своего, простиралась до восточных берегов Балтийского моря, сие драгоценное произведение природы извергающего.

Иным покажется невероятно, чтобы толикое расстояние могло покрыто быть одним народом: но нынешнее пространство нашего отечества, во времена стеснивших селение народов, уничтожает невероятность сию и настоящим событием увольняет меня от доказательства, на преданиях основанного.

Но сходно ли с здравым рассудком, возразят мне иные, полагать в холодной северной стране отечество гипербореан, в котором, как выше сказано, ежегодно две жатвы созревали? На сие отвечаю, что свойственная далеко странствующим склонность соплетать ложь, по видимому, породила баснь сию. Греки, слыша от путешественников своих, не проживавших в стороне гипер-

бореан целого года, что в одной засеивалась нивы в мае, а в августе оканчивалась жатва, заключали по обыкновенному своему легковерию, что там, где в три месяца засеивались и созревали жатвы, земля приносила в год по крайней мере два раза плоды свои. Нетрудно было придумать баснь сию людям, которые преобразили падающий с неба снег в перья, а русские шапки ушатки в длинные уши панагиенов, обвивающих оными все тело свое.

Определяя таким образом настоящее местоположение Гипербореи, сей любезной Аполлону страны, остается доказать, что греки заимствовали от жителей ее науки свои, музыку и стихотворство.

Касательно первых, девятнадцатилетний срок, определяемый Аполлоновым стране сей посещением, составляя важный астрономический период, известный под названием золотого числа, или круга Метона, предполагает уже у гипербореан высокие звездочетные сведения, которые, по-видимому, сообщались от них Греции; ибо предок Платона, посланный в Делос для защищения острова сего от нападения полководцев Ксеркса, царя персидского, нашел там медные скрижали, принесенные из гиперборейския страны, на коих начертано было понятие о мздовоздающем и мстительном боге и о бессмертии души²⁴.

Сами греческие повествователи признаются, что знания переселились к ним от севера: первейшие из числа великих мужей, во мраке невежества Грецию просветивших, были северные уроженцы.

Сатурн, отец богов, царствовавший в течение золотого века, назидавший мудрыми законами свободу и блаженство смертных, обитал, по преданию Дионисия Географа²⁵, на берегах Ледовитого моря, по имени его Сатурновым прозванного²⁶. Древнейшие звездочеты, по-видимому, удостоверенные в сей истине, сообразуясь хладу Сатурнова отечества, присвоили имя его хладнейшей планете и мягчайшему из всех металлу, почти как лед на огне растаевающему.

Атлас, племянник его, сын Япетов²⁷, изобретатель небесных сфер, царствовал на горе, прославившейся его именем, которую Гезиод полагает²⁸ в жилище ночи,

в стране, вечным мраком покрытой. Соответственно ему Гесперидские сады, в которых дочери или племянницы его сберегали золотые яблоки, похищенные Геркулесом, по свидетельству Аполлодора²⁹, не в Африке, но в Гиперборейской Атлантиде находились. Итак, гора Алтай, соседняя Рифейским вершинам, золотые рудники в себе заключающая, может быть, есть оная гора Атлас, название свое через перемещение одной буквы³⁰ переменявшая, и южный кряж ее, поныне под названием Яблочного известный, может напомнить нам о яблоках Гесперидских.

Обитание Атласа на северных горах подтверждается тем, что Прометей, брат его, даровавший огонь смертным, в наказание за похищение оногo с небес прикован Юпитером на горе Кавказе³¹, соседственной Рифейскому хребту. Некоторые принимают его за Магога, сына Яфетова, праотца северных народов³². Как бы то ни было, сквозь запутанную многими баснословными вымыслами Прометееву повесть видно по крайней мере, что знакомое гиперборейцам понятие о душе, сем огне небесном, оживляющем тело человеческое, принес он грекам от северной страны.

Девкалион, сын его, по свидетельству Лукиана³³, принес из Скифии в Финикию с повестью Адониса богослужение солнцу.

Наконец, древний Геркулес, если, противу мнения некоторых писателей³⁴, и не был полунощный уроженец, по крайней мере странствовал на севере и был предок скифского племени³⁵: сожитие его с сиреною, породившею Агафирса, Гелона и Скифа, и разбившие лигуров³⁶ в полунощной стране, покрытой мраком и снежными облаками, довольно сие подтверждают. Если же примем еще за истину обитание на севере Атласа и Гесперид, то исчезнет затруднение чрезвычайно дальних и невероятных от западной Африки на край севера путешествий его для свидания с Атласом, похищения Гесперидских яблок, освобождения Прометея и других, около полунощных пределов Азии подвигов и странствований его. Не одни в письменах свидетельства древних руководствуют нас к заключению о жительстве Атласа близ Ледовитого

моря, в небесах оставили они предание свое. Начертание звездной сферы, представляя Геркулеса в полночном отделении, явственно свидетельствует о подвигах его в странах, к северной оси земного шара прилежащих; где помогал он сыну Япета поддерживать свод небесный, на оной обращающийся.

Здесь почитаю пристойным изложить причины, заставившие древних перенести от севера на запад все достопамятнейшие в их преданиях упоминаемые урочища. Не подвержено никакому сомнению, что в древности имели все к Гомеру беспредельное уважение: он был первый историк, первый землеописатель; его свидетельство так уважаемо было, что часто один стих его решал тяжбу между городами и народами, спорящими о границах своих³⁷. По истечении многих веков ученые того времени люди, читая в Одиссее, что Гомер заставляет путешествовать Улисса в стране, всегдашним мраком покрытой и никогда солнцем не освещаемой, хотя видели, что черт сии какую-то полнощную страну означали; но поелику от севера с Грециею граничило Черное море, по причине варварских народов, на берегах оною обитающих, негостеприимным названное³⁸, то заключили они, что Улиссу там проходить было невозможно и что Гомер страну, вечною тьмою покрытую, определял на западе: ибо думали, что там должна царствовать вечная ночь, где солнце на закате своем перестает освещать вселенную³⁹. Сия неосновательная мысль час от часу более утверждалась, а, наконец, по примеру вкоренения всех суеверных преданий сделалась общепринятою, неоспоримою истинною. В последствии времени любопытные люди старались отыскать на западе места, описанные Гомером. Никакое затруднение не удерживало догадок там, где еще наука соображения не озаряла светильником своим страны, населенной неисчетным множеством наглых вымыслов и малым числом скромных истин. Пролив между Италиею и Сицилиею получил название Скиллы и Харибды⁴⁰; самая Сицилия почтена была странюю циклопов⁴¹ и Фриналию⁴². Остров Липари превратился в жилище Эола, бога ветров⁴³; Кампанийские поля в пустыню Киммерийан⁴⁴; в Италии мыс Цирцелло — в низкий и пологистый

остров волшебницы Цирцеи⁴⁵. Греки часто переменяемым поселениям своим старались давать известные по песням Гомеровым названия мест. Таким образом, вся землеописательная система изменилась; а с прочими урочищами и гора Атлас перенеслась из севера, вечным мраком покрытого, на край западной Африки, и живущий в ней сын Япета, сего предка скифов, преобращенный в арапа, принужден был на весьма низких горах поддерживать небо под знойным поясом, в стране, ежедневно солнцем посещаемой!

Итак, когда, отвергнув сии ложные понятия, видим, что отец богов, образователь небесной сферы, изобретатель огня, установитель в Финикии богослужения солнцу — все сии знаменитые мужи суть северного скифского происхождения, то можно ли не положить в общем отечестве их источника всех познаний, пролившегося в полуденные страны? Особливо же когда, по свидетельству греков, и сам Аполлон, сей бог вещественного и умственного света, родился от северянки, обитал в полунощном крае и был наставником жителей оного, посвятивших себя служению его; а наконец, когда знаем, что даже высокомерные индейцы признавали, что брамы их пришли от севера, что они изъявляют к оному и поныне почтение свое многотрудными богомольными туда путешествиями⁴⁶ и тем подтверждают ясно, что не токмо Греция, но и все южные пределы земли северным сиянием озарились.

Я доказал сие историческими, неприметно под перо мое скопившимися свидетельствами; равномерно доказывают сие иносказательные древние басни: и известное о Фениксе⁴⁷, чрез триста лет из пепела своего возрождающемся, предание заимствовано южными народами от северного края. Ибо в Эдде⁴⁸, богословской книге готфов, о такой точно птице упоминается. Сия басня, неполно изображающая возобновление года, пополняется там повестью о Фрейе⁴⁹, позволяющей супругу своему оставлять ее 65 дней с тем, чтобы последние 300 дней пребывал он ей верным. Удивительное сходство сего дней число — разделения с изображением Януса⁵⁰, державшего в одной руке трехсотное, а в другой шестьдесят пятое

число, доказывает, что как басня о Фениксе, 300 лет живущем, так сие Януса изображение, и вообще счисление дней года заимствовано от северной страны, имеющей почти неудобопостижимое южным народам сведение о крайнем пределе земли, лежащем под 71°, где солнце скрывается 65 дней в году.

Скажут иные, что в соседстве страны сея за чрезмерною стужею не можно было обитать древнему в науках столь много сведущему народу. На сие, с Плинием минувшего века⁵¹, возражаю, что причине первобытного знойного состояния земли, повсеместных волканов и пожаров, оставивших на ней неизгладимые следы⁵², первое сродное человеку обиталище долженствовало быть почти около самой северной оси; что долговременная ночь была тогда отраднa и нынешние полуночные морозы весьма умеренно прохладжали воздух. Неоспоримым сему доказательством служат отыскиваемые в Сибири слоновые кости⁵³ и находямые в окаменелостях виды растений, ныне в самой только горячей стране прозябающих.

По истечении множества веков прохладение северного края, склонением эклиптики⁵⁴ или уменьшением внутреннего огня земли причиненное, заставило полуночных жителей неприятно ощущать прежде отрадное отсутствие солнца, замечать времена отлучки его, оплакивать оное в баснословной временной смерти Адониса, столь сходственной с Озирисовою смертию⁵⁵, и оставить о сем свои замечания в баснях о Фениксе и Фрейе; замечания с продолжения веков, родившие между ими звездочетную, древнейшую умозрительную науку. С большим прохладением земли усилившиеся на севере непогоды породили тамо все необходимые человечеству открытия, как-то: изобретение огня, хранение оногo в храмах Весты, богини света, хлебопашество и прочие знания, нуждами порожденные. А наконец, нестерпимые морозы и умножение народа⁵⁶ принудили северных жителей, убегая отечественного края, разнестъ в южные, умеренно прохладившиеся пределы с знаниями своими предание о золотом Сатурновом веке и обожании солнца или огня.

Все сии природы и преданий свидетельства, обнаруживающие столь естественное от севера к югу народов и

наук переселение⁵⁷, достаточны для доказательства, что в позднейшие времена Греция заимствовала знания свои от полуночных народов, между которыми одни только гипербореане, предки наши, столь преимущественными знаниями отличались. Собственное самолюбивой Греции признание подтверждает истину сию: Пифагора⁵⁸ за превосходство его мудрости сочла она, как выше сказано, Аполлоном Гиперборейским; и божеству сему единоплеменного Абариса, принесшего из Скифии в Лакедомон богослужение Прозерпины, порожденной богинею хлебопашества, приобщила к числу семи мудрецов своих.

Во оправдание сих, знаниями своими гордящейся Греции, столь уничижительных мнений скажу, что прежде меня, учением знаменитые в Европе люди, как-то: Олаус Рюдбек, Бальи и многие другие, доказывали, что науки и просвещение воссияли от северных стран, где они полагали славный в древности остров Атлантический.

Такое чужеземными беспристрастными писателями древней отечественной стране нашей присвоение колыбели оных знаменитых Атлантов, первых просветителей вселенная, подкрепит, я чаю, мнение мое о происхождении знаний от полуночного природного нам края; оно, может быть, остановит презрительную улыбку, с которою иной греческой мудрости почитатель взирал на старание мое произвесть древнее наше родоначалие от славных оных гипербореан, ближайших потомков Атлантиды⁵⁹.

Примечания

¹ *Diod. de Sicile. Liv. IV.*

² *Apollonius de Rodas Argon. Liv. IV.*

³ *Pomponius Mela. Liv. III. Chap. V. Pline. Hist. Nat. Liv. IV. Chap. XII.*

⁴ *Diod. de Sicile. Liv. II.*

⁵ *Apollonius de Rodas Argon. Liv. IV.*

⁶ *Diod. de Sicile. Liv. II, ***28.*

⁷ *Herodote. Liv. IV. Chap. VI. Pline. Hist. Nat. Liv. IV. Chap. XII.*

⁸ *Pavsanius Phoc. V. Ciceron de la nais, des dieux. Liv. II. Chap. 23.*

⁹ *Bannier Expl. Des fables. T. III. P. 230.*

¹⁰ Variations historiques. Liv. II. Chap. XXIII.

¹¹ *Strabon*. Liv. XI.

¹² *** *Solin*. Cap. XXXII. *Pline*. Liv. IV.

¹³ *Apollonius*. Liv. IV.

¹⁴ *Pomponius Mela*. Liv. III. Chap. V. *Pline. Hist. Nat.* Liv. IV. Chap. XII; Liv. V. Chap. XIII.

¹⁵ *Ломоносов*. Ода II. Строфа XIV.

¹⁶ *Татищев*. История. Гл. 12. Прим. 26.

¹⁷ Там же. Гл. 11. Параграф X.

¹⁸ *Pline*. Liv. IV. Chap. XIII. Et Liv. VI. Chap. XIII.

¹⁹ Может быть, на коньках или на лыжах ездящих.

²⁰ Всеуких, так что завертывались ушами, то есть длинноухие шапки носящих.

²¹ *Clavier antiquites Germ.*

²² *Pline*. Liv. IV. Chap. XII.

²³ *Apollonius de Rodes Argon*. Liv. IV. — Другое предание приписывает произведение янтаря слезам Геллаид, сестре Фаетонта, сына Аполлонова, громом Юпитера пораженного (*D'Ovide. Methamor.* Liv. II). Это, по всем вероподобностям, та же самая басня, одетая другим иносказанием. Г-н аббат Банниер относит происшествие сие к берегам же Балтийского моря.

²⁴ *Platon dans Axioch*.

²⁵ *Denis*. Vers. 35. *Rudbek*. T. I.

²⁶ *Orphee*. Vers 1077. *Pluve* IV. Chap. XVI.

²⁷ *Apollodore*. Liv. I.

²⁸ *Hesiode*. Theog. Vers. 274—517.

²⁹ *Apollodore*. Mithologie. Liv. II.

³⁰ В оправдание мнения моего о перемещении в сем имени буквы я приведу пример Дона Пезарона (см.: *Antiquit. De la langue des Celtes*), производящую название Атласа от слова *Altus* перемещением той же самой буквы *l*. *Atlas*, *Altus*, *Алтай*, имя сие, на племеноскифском, татарском языке означая златый, могло породить басню о золотых яблоках, растущих на горах, Атласом обитаемых.

³¹ *Pline*. Liv. XIII. *Hesiode*. Liv. I. Chap. I.

³² *Bochart. Phaleg*. Liv. I. Chap. II. *Le Cler. hesper.*

³³ *Lucian de dea Syr. Loc. Cit.* *Rudbek de Atlant.* T. II. *Bailly letters sur l'Atlantide*, lettr. XV.

³⁴ *Rudbek*. T. I.

³⁵ *Herodote*. Liv. IV. Chap. X.

³⁶ *Strabon*. Geogr. Liv. IV.

³⁷ *Voyage d'Anacharsis*. T. I. P. 85.

³⁸ *Pline*. Liv. IV. Chap. XII.

³⁹ *Bannier*. T. V. P. 17.

⁴⁰ Страбон удостоверяет, что Гомер выдумал их по поводу предания о Сианейских скалах, у Константинопольского пролива находящихся! *Odyssee Trad.* Т. II. P. 230. *Bannier.* Т. V. P. 17.

⁴¹ *Odyssee Trad.* Т. II. P. 50.

⁴² Все вообще ученые признают Тринакрию, то есть треугольную, за Сицилию, несмотря на то, что Гомер называет остров сей не Тринакриею, но Фринакином и островом Солнца (*Odyssee.* Песнь XII, ст. *Trad.* Т. II. P. 213). Никто не хотел исследовать разницы между Фринакином и Тринакриею. Сомнение, что Гомер под сим названием не Сицилию, но какое-нибудь другое место разумеет, оправдывается тем, что он Сицилию под собственным ее именем знал и упомянул оное два раза в Одиссее (Одиссея. Песнь XX, ст. . . *Trad.* Т. III. P. 185. Песнь XXIV. ст. . . *Trad.* Т. III. P. 334—528).

⁴³ *Odyssee Trad.* Т. II. P. 102. *Lettres sur l'Atlantide.* P. 251. — Греки, говорит г. Бальи, присваивающие их отечеству все предания, перенесли остров Эола в Липару.

⁴⁴ Г. Бальи в письмах своих об Атлантиде говорит: «Итак, были киммериане в Азии; когда они оттуда вышли, то был народ сего имени близ Меотического залива; а когда сии варвары перешли в Италию, то равномерно сыскиваем киммериан близ Бейи и Пузолы». См.: *Lett. Sur l'Atlantide.* P. 344. Я, напротив того, думаю, что киммериан в Италии никогда не бывало; что имя их перенесли туда те, которые хотели определить в Аверне врата адские, и для того мысленно переселили туда народ сей, чтоб не поразноречить с Гомером. См.: *Bannier.* Т. V. P. 19.

⁴⁵ Почтенный переводчик Гомера г. Битобе в примечании своем об острове Эейском говорит: «Цирцея, гора неподалеку от Формни. Гомер называет его островом для того, что окружающие болота и море делают ее полуостровом. Он придает оному название Эеи затем, что относит к нему все то, что известно было об Эеи Колхидской». Г. Битобе, кажется мне, придает тут Гомеру собственное свое мнение. Он продолжает: «Страбон думает, что Гомер, зная все, что повествовалось о Колхиде, как-то: плавание туда Язона и все басни о Медее и Цирцее и об их волхованиях, произвел их от одного рода, хотя одна обитала на краю Черного моря, а другая на берегах Италии. Цирцея есть баснословная богиня: стихотворцы имеют право присваивать одному лицу повествуемое о другом» (см.: *Odyssee Trad.* Т. II. P. 108). Вот заключения о Гомере грамотных людей! Несправедливость оных по сему предмету подробнее доказана в бредах моих на досуге, которые скоро суждению ученого света представлены мною будут.

⁴⁶ *Gentil, Memoires de l'Academie pour l'an 1713. Hist. gener. Des Voyages.* Т. XXV.

- ⁴⁷ Herodote dans Euterpe.
- ⁴⁸ Olaus Rudbek, de Atlant. T. II.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Macrobe sat. Liv. I. Chap. IX.
- ⁵¹ Buffon volum des epoques de la nature.
- ⁵² Spielman chimie fournoy chimie. T. III et Bergman, manuel mineral параграф XXII.
- ⁵³ Pallas hist. Des decouvertes. T. I. P. 63, 309—317; T. II.
- ⁵⁴ Phisique du monde. T. I et T. II. Partie II.
- ⁵⁵ Bailly letters sur l'Atlantide. Lettr. XV.
- ⁵⁶ Journandis, hist. Des Goth.
- ⁵⁷ *Bailly*, Astronom. Am. Liv. IV. Параграф X.
- ⁵⁸ *Diod. de Sicile. Pausan.* Liv. III.
- ⁵⁹ *Bailly*. Letters sur l'Atlantide. Lettr. XXIV.

Рене Генон

АТЛАНТИДА И ГИПЕРБОРЕЯ

В журнале «Атлантис» (июнь 1929) господин Поль Ле Кур упоминает о нашей статье, опубликованной в мае (журнал «Покрывало Изиды», май 1929 г., название статьи «Камни Молнии»), где мы указали на различие между Гипербореей и Атлантидой, вопреки мнению тех, кто их смешивает и говорит о «гиперборейской Атлантиде». На самом деле, несмотря на то, что такое выражение действительно принадлежит лично господину Ле Куру, мы, написав эту статью, имели в виду отнюдь не только его, так как далеко не он один склонен совершать эту ошибку. Ее можно также найти у господина Германа Вирта, автора важнейшего труда о происхождении человечества («Der Aufgang der Menschheit»), недавно опубликованного в Германии, в котором он постоянно использует термин «североатлантический» для обозначения региона, бывшего изначальным местонахождением Примордиальной Традиции. С другой стороны, именно господин Ле Кур действительно является единственным автором, который нам самим приписывает утверждение о существовании «гиперборейской Атлантиды». Если мы не упомянули его имени в нашей предыдущей статье, так только по причине нашей полной незаинтересованности во всем том, что связано с личностями, а также потому, что мы ставили своей основной целью предупредить наших читателей об опасности этой ложной интерпретации данной темы, от кого бы такая интерпретация ни исходила. Мы хотим здесь задать один вопрос: каким образом господин Ле Кур в своей последней статье снова приписывает нам утверждение, которого мы никогда, естественно, не делали, — якобы Северный полюс в изначальную эпоху «был не там, где он сегодня находится, а, по-видимому, в регионах, близких к Исландии и Гренландии»? Откуда он это взял? Мы совершенно уверены, что ни

слова не писали на эту тему и ни намеком не обмолвились о довольно, на наш взгляд, второстепенной проблеме возможного смещения полюса после начала нашей Манвантары. По еще более веским причинам мы никогда не уточняли его изначального положения, которое, впрочем, по целому ряду соображений было бы очень трудно определить относительно актуальных земель.

Господин Ле Кур говорит также, что, «несмотря на наш индуизм, мы признаем, что исток Традиции лежал на Западе». На самом деле мы этого никак не признаем, так как, напротив, убеждены, что исток Традиции следует искать только на полюсе, а полюс, как известно, не является ни восточным, ни западным. Как и в предыдущей статье, мы настаиваем на том, что Север и Запад являются совершенно различными ориентациями. Лишь в эпоху, весьма далекую от Первоначала, местопребывание Примордиальной Традиции могло перемещаться и в другие регионы — как на Восток, так и на Запад, причем в одни периоды это были западные регионы, в другие — восточные. И, во всяком случае, верно то, что в последний раз таким местопребыванием стал Восток и уже задолго до времен, называемых «историческими» (поскольку только они и доступны для исследований «профанических» историков). Впрочем, следует заметить, что совсем не «вопреки нашему индуизму» (используя это выражение, господин Ле Кур и сам, видимо, не понимал, насколько оно точно соответствует истине), но как раз благодаря ему мы считаем, что исток всех традиций является северным, нордическим, а еще точнее — полярным, поскольку именно это утверждают Веды, равно как и другие сакральные тексты. Земля, где солнце вращается над горизонтом, не заходя за него, действительно должна располагаться либо рядом с полюсом, либо непосредственно на нем самом. Известно, что позднее представители Традиции переместились в регион, где самый длинный день был в два раза длиннее самого короткого, но это следует отнести уже к последующей фазе, прямого отношения к Гиперборее не имеющей.

Возможно, на самом деле следует различать Северную Атлантиду и Южную Атлантиду, как это делает господин Ле Кур, хотя изначально они и не были разделены.

Но и в этом случае Северная Атлантида не имеет в себе ничего гиперборейского. Мы охотно признаем, что этот вопрос значительно усложняется тем, что часто одни и те же названия в разные эпохи прикладываются к различным регионам, и это верно не только относительно последовательных локализаций примордиального традиционного центра, но и относительно вторичных центров, прямо или косвенно из него проистекающих. Мы упомянули об этой трудности в нашей книге о Короле Мира, где на той же самой странице, на которую ссылается господин Ле Кур, мы писали следующее: «Следует отличать атлантическую Тулу (изначальное местонахождение центра традиции Тольтеков, расположенное, скорее всего, в Северной Атлантиде) от гиперборейского Туле. И только это гиперборейское Туле на самом деле является изначальным и Высшим сакральным Центром в рамках всей нашей Манвантары. Именно гиперборейское Туле было “Сакральным Островом” по преимуществу, и его расположение изначальное было полярным в самом буквальном смысле.

Все остальные “Сакральные острова”, которые подчас носили идентичные названия, были лишь его образами. Это относится и к духовному центру атлантической традиции, который был основным центром духовной власти на протяжении одного из вторичных циклических периодов внутри Манвантары». И мы добавили в сноске: «Значительная трудность в определении точки соприкосновения атлантической традиции с традицией гиперборейской заключается в переносе одних и тех же названий на различные географические и сакральные понятия, что может дать повод для путаницы. Но, несмотря ни на что, этот вопрос все же не является принципиально неразрешимым».

Говоря об этой «точке соприкосновения», мы имели в виду в первую очередь Друидизм. И как раз в отношении Друидизма мы снова встречаемся в «Атлантисе» (июль—август 1929) с другой заметкой, которая показывает, до какой степени бывает трудно ожидать от людей адекватного понимания написанного нами. По поводу нашей статьи в июне 1929 в журнале «Покрывало Изи-

ды» под названием «Тройная друидическая ограда» господин Ле Кур пишет следующее: «Делать из этого символа (“тройная ограда”) исключительную принадлежность друидов значит неправомочно сужать все значение этой эмблемы. На самом деле, данный символ гораздо старше, и его сияние распространяется далеко за пределы друидического мира». Однако мы и не собирались приписывать его исключительно друидам. Заметив в этой статье — ссылаясь при этом, кстати, на самого господина Ле Кура, — что этот символ можно встретить в Италии и Греции, мы сказали буквально следующее: «Тот факт, что такая же фигура встречается не только у кельтов, но и у других народов, подтверждает, что и в других традиционных сакральных формах существовали инициатические иерархии, организованные по той же самой модели (что и друидическая иерархия), и это совершенно нормально и естественно». Что же касается вопроса о первичной принадлежности данного символа, нужно вначале выяснить, к какой эпохе восходит сам Друидизм. Вполне вероятно, что он восходит к гораздо более древним эпохам, нежели обычно принято полагать, и это подтверждается, кроме всего прочего, еще и тем, что Друиды были обладателями традиции, значительная часть которой является бесспорно гиперборейской по происхождению.

Мы воспользуемся этим случаем и сделаем другое важное замечание: мы пользуемся термином «Гиперборея» в соответствии с обычаем, принятым у греков. Но сам факт употребления именно такой формы уже свидетельствует, что греки, по меньшей мере, в эпоху «классицизма» утратили понимание изначального смысла данного названия. На самом деле достаточно было бы использовать просто слово «Борея», тем паче что это слово имеет эквивалент в санскритском «Вараха» или точнее, когда речь идет о земле, о континенте, об острове, в женском роде данного термина — «Вархи». Дословно это переводится как «Земля Кабана», которая позднее, в период доминанции касты кшатриев, закончившейся приходом Парашу-Рамы, стала «Землей Медведя».

Чтобы завершить все эти пояснения, нам остается еще сказать несколько слов относительно трех или четырех

вопросов, которые господин Ле Кур затрагивает в своих статьях. Во-первых, это касается свастики, из которой, по его утверждению, «мы сделали символ полюса». Не испытывая ни малейшей неприязни к господину Ле Куру, мы хотели бы попросить его все же раз и навсегда прекратить смешивать его собственное положение с нашим. Пора наконец назвать вещи своими именами: мы считаем его простым «искателем» (что, однако, отнюдь не умаляет его достоинств), предлагающим различные объяснения тех или иных явлений и символов и основывающимся исключительно на своих собственных, персональных (подчас несколько легкомысленных) взглядах. Это остается его полным правом, так как он не принадлежит ни к одной из ныне существующих живых традиций и не обладает никакими данными, полученными путем непосредственной, прямой, устной передачи. Иными словами, он занимается археологией, в то время как мы практикуем инициатическую науку. Два этих подхода, даже в случае обращения к одним и тем же предметам, никогда и никоим образом не могут совпадать. Не мы «сделали» из свастики знак полюса: мы утверждаем, что свастика есть и всегда была символом полюса и что именно это является ее основным традиционным значением. Утверждение истины, почерпнутой из Традиции, — нечто иное, нежели искусственная и чисто теоретическая конструкция. И в таком положении дел ни господин Ле Кур, ни мы сами — никто не может ничего изменить. Сам же господин Ле Кур, который способен только на интерпретации более или менее гипотетического характера, пытается доказать, что свастика — «это лишь символ, обозначающий идеал без возвышения». Что ж, если он так считает, это — его дело, его личное мнение, но не более того, и мы тем более не склонны обсуждать это, так как здесь речь идет о чисто эмоциональной оценке. «Возвышенный» он или нет «идеал» — для нас это нечто совершенно пустое. На самом деле мы бы сказали, что в случае свастики речь идет о несравнимо более «позитивных» вещах (хотя слово *позитивный* сегодня так затаскано и извращено, что почти потеряло свой изначальный смысл).

Господин Ле Кур, с другой стороны, кажется, остался неудовлетворенным заметкой, которую мы посвятили статье одного из его сотрудников, во что бы то ни стало стремившегося увидеть оппозицию между Востоком и Западом и проявлявшего в отношении Востока эксклюзивизм, достойный сожаления. Ле Кур написал по этому поводу следующее: «Господин Рене Генон, будучи чистым логиком, видит и на Востоке, и на Западе лишь сугубо интеллектуальный аспект вещей, что доказывают все его писания. Он еще раз подтверждает это, заявляя, что Агни достаточен сам по себе (см. журнал “Regnabit”, апрель 1926), и игнорируя дуальность Аор-Агни, к которой мы часто обращаемся, так как она есть краеугольный камень проявленного мира». Несмотря на наше обычное безразличие по отношению к тому, что о нас пишут, мы не можем молчать после того, как нас назвали «чистым логиком», в то время как на самом деле мы рассматриваем логику, как, впрочем, и диалектику, лишь в качестве простых вспомогательных инструментов для демонстрации определенных доктрин. И хотя эти инструменты иногда действительно весьма полезны, они всегда остаются чисто внешними по отношению к сущности этих доктрин и поэтому совершенно неинтересными сами по себе. Мы стоим, повторим еще раз, на чисто инициаторской точке зрения, и все остальное чисто «профаническое» знание полностью лишено в наших глазах какой бы то ни было ценности. Действительно, мы иногда говорим о «чистой интеллектуальности», но это выражение имеет для нас совершенно иной смысл, нежели для господина Ле Кура, который, видимо, путает «интеллект» и «рассудок» и который, со своей стороны, любит рассуждать о «эстетической интуиции», тогда как на самом деле не существует никакой подлинной интуиции, кроме «интеллектуальной интуиции» сверх-рассудочного (супра-рационального) уровня. Кроме того, существует такая серьезнейшая и значительнейшая вещь, как «метафизическая реализация», о которой люди, подобные господину Ле Куру, не имеют, естественно, ни малейшего представления, полагая, что мы представляем собой лишь одну из разновидностей чистых теоретиков. Все это еще раз

доказывает, как невнимательно и невдумчиво господин Ле Кур читал наши труды, которые, однако, никак не дают ему покоя.

Что же касается истории с термином Аор-Агни, — а эту дуальность мы отнюдь, вопреки господину Ле Куру, не игнорируем — то, видимо, следует разобраться раз и навсегда со всеми этими фантазиями, за которые, впрочем, ответствен не только господин Ле Кур. «Агни достаточен уже сам по себе, потому что на санскрите этот термин означает огонь во всех его аспектах без исключения, и те, кто утверждает обратное, доказывают тем самым лишь свое полнейшее невежество в отношении индуистской традиции». Вот что дословно мы и сказали в сноске к другой нашей статье, опубликованной в журнале «Regnabit». Приведем здесь эту сноску полностью: «Зная, что среди читателей “Regnabit” есть люди, которые интересуются теориями определенной школы, чьи труды — весьма интересные и достойные уважения в одних аспектах — в других аспектах содержат серьезные погрешности, мы хотим сделать несколько критических замечаний. Так, мы должны сказать, что совершенно неприемлемо использовать термины Аор и Агни для обозначения двух взаимодополняющих аспектов огня (света и жара). Первое из этих слов — еврейское, второе — санскритское, и поэтому нельзя смешивать между собой термины, заимствованные из различных традиций, даже если между ними есть действительная связь или даже полное тождество, скрытое под различием форм. Нельзя путать “синкретизм” и подлинный синтез. Кроме того, если Аор означает исключительно Свет, Агни — это огненный принцип, взятый в целом (латинское ignis было, впрочем, его точным эквивалентом), т.е. и как свет, и как жар. Сведение этого термина лишь к его второму значению, к жару, является абсолютно спорным и неоправданным». Вряд ли следует уточнять, что, писав эти строки, мы вообще никак не имели в виду господина Ле Кура. Мы думали только о Иероме де Парай-ле-Маньяле, который и изобрел это странное вербальное сочетание. Мы также совершенно не имели в виду и фантазии, порожденные чрезмерно буйным воображением госпо-

дина де Сарачага, который в наших глазах не имеет ни малейшего авторитета и с точки зрения Традиции лишен какой бы то ни было ценности, а лишь эта точка зрения, точка зрения Традиции, всегда является для нас основополагающей.

Наконец, господин Ле Кур пользуется случаем, чтобы заново провозгласить антиметафизическую и антиинициатическую теорию западного «индивидуализма», что, впрочем, является его чисто личным делом. И он добавляет с гордостью, показывающей, насколько сильно он еще ограничен чисто индивидуальными рамками: «Мы утверждаем нашу точку зрения, поскольку мы являемся предшественниками во всей сфере знаний». Эта претензия действительно является несколько странной. Неужели господин Ле Кур считает себя таким старым? Современные люди Запада не только не являются ничьими предшественниками, они даже не законные потомки народов, населявших Запад ранее, так как они потеряли ключ от своей собственной Традиции. Отнюдь не на Востоке произошло извращение традиционных знаний, что бы ни говорили те, кто не имеют ни малейшего представления об истинно восточных доктринах. Настоящими предшественниками во всех отношениях — если использовать выражение господина Ле Кура — являются верные хранители Примордиальной Традиции. Никаких других быть просто не может, и в настоящую эпоху они пребывают отнюдь не на Западе*.

Краткая библиография

Абрамов А. Тайны древних цивилизаций. М., 2000.

Андреева Е. В. В поисках затерянного мира (Атлантида). Л., 1961.

Асов А. Атланты, арии, славяне. М., 1999.

Асов А. Атлантида и Древняя Русь. М., 2001.

Асов А. Гибель Атлантиды // Наука и религия. 1991. № 9–12. Атлантида: Сб. № 1. М., 2001.

* Перевод с французского — А. Дугин.

Беляев А. Последний человек из Атлантиды // Избранные произведения. М., 1989.

Берг Л. С. Атлантида и Эгеида // Природа. 1928. № 4.

Бореев Г. А. Инопланетные цивилизации Атлантиды.

Брюсов В. Я. Учителя учителей // Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 7.

Великовский И. Миры в столкновении. М., 2002.

Великовский И. Народы моря. Ростов-на-Дону, 1997.

Войцеховский А. И. Тайны Атлантиды. М., 2000.

Волкова Л. А. Мир до потопа.

Генон Р. Атлантида и Гиперборея // Милый ангел. 1991. Т. 1.

Глазкова Н. Н., Ланда В. Е. Тайны пирамид и Атлантиды. М., 2001.

Горбовский А. А. Загадки древнейшей истории. М., 1971.

Городничев В. С. Русская Атлантида // Свет. 2001. № 7.

Грудинкин А. Может быть, Атлантида — это Европа? // Знание — сила. 2002. № 5.

Демин В. Н. Гиперборея: Исторические корни русского народа. М., 2000.

Демин В. Н. Загадки Русского Севера. М., 1999.

Демин В. Н. Русь Гиперборейская. М., 2002.

Демин В. Н. Тайны русского народа: В поисках истоков Руси. М., 1997.

Джеймс П., Торп Н. Тайны древних цивилизаций: Последние достижения в исследовании самых интригующих тайн прошлого. М., 2001.

Дроздова Т. Н. Атлантида в Атлантическом океане. М., 1992.

Дроздова Т. Н., Юркина Э. Т. В поисках образа Атлантиды. М., 1992.

Доннели И. Атлантида: Мир до потопа. Самара, 1998.

Древний континент Му: Прародина человечества. Киев, 2001.

Дубровская О. Н. Тайны древних рас. М., 2002.

Жиров Н. Ф. Атлантида: Основные проблемы атлантологии. М., 1964.

Жуков В., Житомирский С. Будь проклята, Атлантида! М., 1992.

Зайдлер Л. Атлантида. М., 1966.

Зинченко Н. Н. И возвестила земля... Екатеринбург, 2000.

Каримуллин А. Прототюрки и индейцы Америки: По следам одной гипотезы. М., 1995.

Кернбах В. Лодка над Атлантидой. М., 1971.

Коллинз Э. Врата Атлантиды: Сенсационные открытия британских ученых. М., 2002.

Кольцов И. Е. Следы Атлантиды в России // Ветеран. 1993. № 31.

Кольцов И. Е. Тайна Геркулесовых столбов // Необъявленный визит. 1996. № 5.

- Кондратов А. М.* Атлантиды пяти океанов. Л., 1987.
- Кондратов А. М.* Адрес — Лемурия. Л., 1978.
- Кондратов А. М.* Великий потоп: Мифы и реальность. Л., 1984.
- Кочемасов Г. Г., Каленикин С. И.* Как найти Атлантиду? // Наука и религия. 1997. № 7.
- Кудрявцев В.* Адрес Атлантиды — Кельтский шельф // Вокруг света. 1996. № 5.
- Кузьмин И.* Открытая Атлантида? СПб.; М., 2002.
- Кукал З.* Великие загадки Земли. [Атлантида в свете современных знаний...]. 1989.
- Кусто Ж.-И., Паккале И.* В поисках Атлантиды. М., 1986.
- Магия Атлантиды: Альманах. М., 1999.
- Максименко Г.* Тайну Атлантиды хранит Каспий // Свет. 2001. № 1.
- Мережковский Д. С.* Атлантида — Европа: Тайна Запада. М., 1992.
- Можейко И. В.* 7 и 37 чудес. М., 1980.
- Норов А. С.* Исследования об Атлантиде // Ученые записки 2-го отделения Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1854.
- Пинченко Д. В.* Платон и Атлантида. Л., 1990.
- Платон.* Тимей. Критий // Соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1.
- Повель П., Бержье Ж.* Утро магов. Киев, 1994.
- Полицяев П. Н.* Атлантида уже найдена. М., 1998.
- Резанов И. А.* Атлантида: Фантазия или реальность. М., 1975.
- Романов С.* Атлантида! (Факты. Свидетельства. Комментарии). М., 2001.
- Рыбин А. И.* Атлантида как реальность: Исследование легенды. Солнечногорск, 1993.
- Санин Г.* Сухумская Атлантида // Итоги. 2002. № 24.
- Скотт-Элиот.* История Атлантиды. Киев, 2001.
- Тантлевский И. Р.* Книги Еноха. М.; Иерусалим, 2000.
- Тилак Б. Г.* Арктическая родина в Ведах. М., 2001.
- Телицын В. Л.* Проект «Аненербе»: Наследие предков и Третий рейх. М., 2001.
- Уокон Р.* Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. М., 1966.
- Уоррен У.* Найденный рай на Северном полюсе. М., 2002.
- Хейердал Т.* Аку-Аку: Тайна острова Пасхи. М., 1959.
- Хейердал Т.* Приключения одной теории. Л., 1969.
- Хейердал Т.* Экспедиция «Кон-тики». Ра. М., 1972.
- Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961—1963. Т. 1—4.
- Хоуп М.* Древняя мудрость Атлантиды: Легенды и факты об исчезнувшей колыбели цивилизации. Киев, 2000.
- Хэнкок Г.* Следы Богов: В поисках истоков древних цивилизаций. М., 1997.

- Черненко Г.* Северная Атлантида // Тайны XX века. 2000. № 7.
- Шилик К.* Атлантида: Двадцать три столетия поисков // Природа и человек. 1985. № 1, 2.
- Щербаков В. И.* Все об Атлантиде. М., 1990.
- Щербаков В. И.* Где искать Атлантиду? М., 1990.
- Элфорд А. Ф.* Боги нового тысячелетия. М., 1998.
- Эндрюз Ш.* Атлантида: По следам исчезнувшей цивилизации. М., 1998.

Содержание

Предисловие

5

ЖАН СИЛЬВЕН БАЙИ Письма об Атлантиде Платона и о древней истории Азии

Предуведомление	23
Письма об Атлантиде и о древней истории Азии	
Четвертое письмо г-на Вольтера г-ну Байи	25
Одиннадцатое письмо г-на Байи г-ну Вольтеру. <i>Изложение предмета сих новых Писем, и первый пример пропавшего народа</i>	31
Двенадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>Упоминание об Атлантиде: она не есть миф</i>	40
Тринадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>Подтверждение существования народа Атлантиды; древность и величие сего народа</i>	52
Четырнадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>Первые розыски пропавшего народа</i>	69
Пятнадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>Продолжение розысков Атлантиды</i>	81
Шестнадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>О древних персах и старейшей истории оных</i>	97
Семнадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>О феях и пери</i>	111
Восемнадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>Истоки персов вне оплотов азиатских</i>	125
Девятнадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>Суждения о местонахождении Татарию и жителей оной</i>	145
Двадцатое письмо г-ну Вольтеру. <i>Открытие пропавшего народа</i>	157
Двадцать первое письмо г-ну Вольтеру. <i>О наречиях северных и саде Гесперид</i>	173
Двадцать второе письмо г-ну Вольтеру. <i>Путешествие в Аид</i>	194
Двадцать третье письмо г-ну Вольтеру. <i>Обнаружение родины атлантов</i>	219
Двадцать четвертое письмо г-ну Вольтеру. <i>О давнишнем народе и итог сих Писем</i>	244
Литература, использованная переводчиком и научным редактором	266
Примечания	268
	507

В. Н. ДЕМИН
Атлантида—Гиперборея

От автора	323
Глава 1. <i>Атлантида— повсюду</i>	331
Глава 2. <i>Русская Атлантида</i>	369
Глава 3. <i>«Потерянный народ»</i>	393
Вместо эпилога. И все-таки Гиперборея	463
Приложение 1. <i>Василий Капнист. Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном русском стихосложении</i>	483
Приложение 2. <i>Рене Генон. Атлантида и Гиперборея</i>	496
Краткая библиография	503

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ГРАНД-ФАИР»
предлагает вниманию читателей книги**

Формат 84×108/32, переплет

Демин В. Н. Заветными тропами славянских племен. — 2002. — 400 с.: ил.

Книга доктора философских наук В. Н. Демина посвящена предьстории и истории славянских народов, вычленению их из первичной индоевропейской этнолингвистической общности и возникновению уникальной славянской культуры и славянского менталитета в русле общечеловеческих ценностей.

Гусева Н. Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. — 2002. — 336 с.: ил.

Книга написана Н. Р. Гусевой, известным индологом и этнографом, доктором исторических наук, лауреатом Международной премии им. Джавахарлала Неру, автором свыше 150 научных трудов по культуре и древним формам религии индийцев и славян. Работа в Индии помогла ей глубоко ознакомиться с индуизмом и выявить в разных течениях этого вероисповедания следы языческих представлений индоевропейцев, сохранившиеся со времен глубочайшей древности.

Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. — 2003. — 240 с.: ил.

Вопреки сложившемуся мнению о возникновении русской геральдики не ранее середины XVII в., в книге приводится ряд доказательств ее существования еще в домонгольский период. При Иване Грозном русский геральдический обычай — в чем-то аналогичный западно-европейскому, а в чем-то отличающийся от него — не только охватывал область государственной символики, но и был распространен в символике воинской, дворянской.

Ляшевский Ст. История христианства в Земле Русской с I по XI век. — 2002. — 320 с.: ил.

Давно известно, что христианские храмы существовали в Киеве задолго до князя Владимира, но все же, какие именно события положили начало христианству в Земле Русской? Автор этой книги, выдающийся историк церкви, богослов, протоиерей Стефан (Ляшевский), увлеченный темой появления христианства на территории России до святого Владимира, собрал и систематизировал обширнейший материал об этих важнейших событиях.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ГРАНД-ФАИР»
предлагает вниманию читателей книги

Формат 84×108/32, переплет

Гиперборейская вера русов. — 2002. — 400 с.: ил.

Авторы книги проделали большую работу, собирая доказательства реального существования цивилизации Древних — Гипербореи и Атлантиды. Вы познакомитесь с учением, следуя которому человек обретает способность бесконечно совершенствоваться.

Асов А. И. Атланты, арии, славяне: История и вера. — 2002. — 560 с.: ил.

Эта книга, посвященная языческой истории славян, вносит ценный вклад в изучение древней отечественной культуры и истории. Автор знакомит с обширными пластами праславянской истории, древнейшими, долетописными временами истории славянорусской и убедительно доказывает, что для сохранения преемственности поколений нужно изучать былинный эпос, Веды и прежде всего «Книгу Велеса» и другие источники славянской ведической традиции.

Свято-Русские Веды. Книга Велеса / Перевод, пояснения А. И. Асова. — 2003. — 576 с.: ил.

«Книга Велеса» — священное писание славян. Была начертана на березовых дощечках в IX веке н. э. волхвом Ягдой Ганом. Содержит сказания о пращурах и богах славян, рассказывает об истории славян и многих иных народов Евразии от эпохи прародителей до IX века н. э. Издание сопровождается обширным богословским, источниковедческим и историческим комментарием.

Свято-Русские Веды. Книга Коляды / Воссоздание песен, обработка, переводы с разных славянских языков и диалектов А. И. Асова. — 2003. — 544 с.: ил.

Книга являет собой свод древнейших славянских преданий о Сотворении Мира, о богах и героях белогорской и берендеевской священной традиции. Тексты собраны по славянским устным преданиям, народным книгам. Многие тексты — общие для большинства великих ведических и языческих цивилизаций древности и современного мира.

**Издательской группы
«ГРАНД-ФАИР»
можно приобрести**

В МОСКОВСКИХ МАГАЗИНАХ:

- 1. Московский Дом Книги**
Адрес: г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 8
(м. Арбатская). Справочные тел.: 290-35-80,
290-45-07
- 2. Торговый Дом «Москва»**
Адрес: г. Москва, ул. Тверская, д. 8 (м. Твер-
ская). Справочный тел.: 229-64-83
- 3. «Библио-Глобус»**
Адрес: г. Москва, ул. Мясницкая, д. 6 (м. Лу-
бянка). Справочный тел.: 928-35-67
- 4. «Молодая Гвардия»**
Адрес: г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 28 (м. По-
лянка). Справочный тел.: 238-50-01
- 5. «Книга»**
Адрес: г. Москва, ул. Воронцовская, д. 2/10
(м. Таганская). Справочный тел.: 911-14-03
- 6. «Белые облака»**
Адрес: г. Москва, ул. Покровка, д. 4. Справоч-
ный тел.: 921-61-25
- 7. Дом Педагогической Книги**
Адрес: г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 7/5.
Справочные тел.: 229-50-04, 229-93-42
- 8. Дом Книги в Медведково**
Адрес: г. Москва, Заревый пр-д, д. 12 (м. Мед-
ведково). Справочный тел.: 478-48-97
- 9. Дом Книги ВДНХ на территории ВВЦ**
Адрес: г. Москва, пр-т. Мира, Хованские воро-
та (м. ВДНХ). Справочный тел.: 181-97-26
- 10. Дом Технической Книги**
Адрес: г. Москва, Ленинский пр-т, д. 40. Спра-
вочный тел.: 137-68-88, 137-60-19
- 11. МКП «Новый»**
Адрес: г. Москва, ш. Энтузиастов, д. 24/43
(м. Авиамоторная). Справочный тел.: 362-09-23
- 12. «Путь к себе»**
Адрес: г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 10а
(м. Белорусская). Справочный тел.: 257-39-87

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР»

приглашает к сотрудничеству авторов
и книготорговые организации

Телефоны:

(095) 721 - 38 - 56

(многоканальный)

(095) 170 - 93 - 67

Факс:

(095) 170 - 96 - 45

Почтовый адрес:

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

e-mail: **office@grand-fair.ru**

Интернет: **http://www.grand-fair.ru**

АТЛАНТИДА И ГИПЕРБОРЕЯ

Мифы и факты

Художник обложки С. Даниленко

Дизайн обложки Е. Ярошенко

ЛР 065864 от 30 апреля 1998 г.

Подписано в печать 20.05.2003.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,88. Тираж 5000 экз.

Заказ 2.

Издательство «ФАИР-ПРЕСС»

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

«...еще существовал остров. На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство. Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки... Атлантида исчезла, погрузившись в пучину».

Платон. «Тимей»

ISBN 5-8183-0631-3

9 785818 306315

